

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Евгений ЩЕПЕТНОВ

МОНАХ.
ШАНТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Чужой северный материк, кланы, тихая деревенька в таинственном, волшебном Лесу. А откуда здесь этот странный, едва живой человек, потерявший память? Кого подобрали местный купец и его дочь? Выживет ли незнакомец? Вспомнит ли себя и ту, которая ищет его по всему свету, отказавшись поверить в смерть близкого? Сойдутся ли дороги человека-оборотня и драконицы, ставшей больше человеком, чем драконом?

- [Евгений Щепетнов](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Эпилог](#)
-

Евгений Щепетнов
Монах. Шанти

Глава 1

Крылатая тень скользнула над деревьями. Шумно хлопнув кожистыми крыльями, покрытыми непробиваемой чешуей, дракон приземлился на поляне, спугнув кролика, с высоко задранным толстым задом мчащегося к своей норе. Дракон не обратил на него никакого внимания – ну что за дичь этот жалкий кролик? Вот косулю поймать – это да!

Впрочем, в последнее время Шанти начала за собой замечать некую странность – она разлюбила сырое мясо, даже свежее, теплое, сочное, казавшееся таким вкусным раньше. Хотелось мяса, испорченного огнем, специями, соусами!

Мама ей говорила об опасности очеловечивания. Гараскарания, старая и мудрая драконица, видела всякое и знала многое, но кто верит маме? Ведь каждое разумное существо должно само наступить на свой острый сук и поранить ногу, чтобы потом, когда-нибудь рассказывать своей дочери или своему сыну о том, как нужно правильно поступить, и удостоиться фырканья, кривой рожицы и насмешливой улыбки. Нет ничего нового под солнцем, как говорил Андрей. Вернее, это сказал какой-то там древний человек, которого любил цитировать друг Шанти. Кстати, в тех изречениях было много дельного. Признать это тоже довольно трудно, ведь всем драконам известно: люди суть глупые, безответственные существа, в отличие от драконов – средоточия мудрости и всяческих добродетелей.

После того как исчез Андрей, Шанти долго, очень долго (для нее долго, конечно! Аж несколько недель!) думала о том, где искать пропавшего друга. Тонкая нить, связывающая сознание человека и драконицы, была так тонка, так иллюзорна, что любое другое существо посчитало бы, что Шанти лишь придумала себе то, что Андрей жив. Из упрямства, присущего драконам. Иногда ниточка пропадала, но через какое-то время возникала снова, как и надежда, за которую цеплялась Шанти.

Давно – кажется, целую вечность назад! – Андрей прибыл в этот мир. Бывший военный, бывший наемный убийца, бывший монах – вот кто он был. Его перенесло в Славию, страну, где поклонялись демону Сагану, где Зло торжествовало, а Добро считалось постыдным. Где исчадия убивали одним словом, черное называли белым, а белое – черным.

Андрей долго думал, зачем он оказался в этом страшном мире, и решил: это Бог отправил его освободить страну от скверны, от исчадий, а

в идеале – от Сагана, страшного демона, поглощавшего души убитых исчадиями людей. Увы, все оказалось точно наоборот – именно Саган вызвал Андрея с Земли, для того чтобы тот вверг этот мир в кровавый вихрь войны.

Однако демон просчитался и был уничтожен Андреем. Андрей при этом погиб – так считали все жители Балрона и Славии. Все, кроме Шанти – драконицы, влюбленной в человека. Да, именно влюбленной – она все больше очеловечивалась, общаясь с людьми.

Каждый из драконов, живущих в этом мире, мог приобретать любой облик, какой хотел. Шанти хотела быть женщиной, обычной женщиной, способной любить. И, оставив дела в Балроне, государстве, соседствующем со Славией, драконица отправилась на поиски Андрея – она чувствовала, что тот жив. Возможно, он потерял память, когда уничтожал демона, возможно, был ранен, но то, что Андрей жив, Шанти знала наверняка.

Где он может быть? Как его найти?

Шанти попыталась воспользоваться человеческой логикой и понять, где искать Андрея. И ее рассуждения выглядели так: Андрей некогда появился в Славии, сделал то, что должен был сделать, его миссия завершена – где он должен объявиться? В Славии! Откуда все началось, там и должно было закончиться. Почему? А вот так!

Шанти не любила, когда ей указывали на прорехи в логике... даже если указывала на них она сама. Вот казалось ей, что он должен проявиться в Славии, и все тут! Ведь в Славии не все закончено с наследием Сагана. Да, после его смерти исчадия утратили свои магические свойства и не могут теперь убивать словом. Ну и что? Они остались на прежних местах, так же правят страной, собирают кровавую жатву, отправляя жертвы на плаху или на арену, где специальные убийцы рубят людей на куски, радуя ревущую от удовольствия толпу. На месте остались император, его приближенные, все, кто создал эту человеконенавистническую страну, – где может оказаться Андрей, как не там, в Славии? Ведь его путь, его миссия до конца не завершена!

В общем, Шанти подумала-подумала и решила отправиться в Славию. Собрала узелок в дорогу – тысяча золотых, пара-тройка платьев, пара туфель и башмаков и... короче, все, что нужно благородной даме для нормальной жизни. Все-таки что ни говори, а привыкла Шанти к жизни во дворце, к шелковой одежде, вкусной еде и питью. Даже свежая печенка, которую она когда-то очень любила, теперь не казалась ей такой вкусной и ароматной.

Очеловечивание, да... это ждет всех, кто общается с людьми, это такой

закон, опять же – мама предупредила! Смотришь в зеркало – и твое лицо, человеческое лицо, уже не кажется странным. А вот когда подносишь к глазам драконью лапу, вдруг с удивлением понимаешь – рассматривать свою человеческую руку гораздо приятнее...

Шанти когтистой лапой отодвинула узел с барахлом, подняла морду к небу – до утра было еще далеко, звезды мерцали на темном небосводе, будто подмигивая молодой драконице. Она нашла созвездие Дракона, улыбнулась ему, вздохнула и стала устраиваться на ночлег. Что первое нужно для ночлега? Конечно, костер. Даже если на нем нечего жарить. Впрочем, это поправимо. Вообще-то драконы – существа ночные и в темноте видят не хуже, чем днем. Как и оборотни, к примеру. Андрей прекрасно видел ночью: в человеческом обличье похуже, в образе Зверя – как настоящий дракон.

Подумав с минуту, Шанти решила, что обойдется без ужина. Вечером она крепко закусилась жирной косулей, так что переварить ее еще не успела. Но огня надо – опять очеловечивание! Только люди любят смотреть в огонь. Андрей говорил, что это наследие тех тысячелетий, когда для человека огонь был всем – защитой, источником тепла и горячей пищи. Потому у каждого человека в голове глубоко заложено благоговение перед пляшущими языками пламени, даже если люди это и не признают.

Шанти осмотрелась, нашла здоровенную сухую ель, свалившуюся на землю под натиском ветра и времени, уцепилась за вершину и с громким треском переломила ствол там, где его толщина не превышала толщины ее ноги. Прикинула и бросила обломок на землю. Огляделась, нашла еще одно сухое дерево, пока что не упавшее наземь. Подошла, уперлась бронированным плечом и нажала всей своей полуторатонной тушей, вывернув дерево с корнями. Упавшее подхватила за комель и приволокла к первому бревну. Сложила бревна вместе, закидала их предварительно обломанными ветками, несколько секунд любовалась внушительной кучей дров и, втянув в себя прохладный ночной воздух, выдохнула поток пламени, синий в центре, красный и оранжевый по бокам.

Это пламя было таким горячим, что, если бы на месте бревен были камни, они бы мгновенно раскались докрасна. Бревна же вспыхнули, как если бы это были не бревна, а порох, к которому поднесли фитиль. Через несколько секунд костер весело трещал, разбрасывая вокруг искры, – бревна были не такими сухими, какими казались.

Шанти с неудовольствием проследила за красными угольками, разлетающимися от костра, и подумала: стоит ли перебрасываться в человеческий образ, вдруг угольки прожгут платье? Но скоро костер утих,

стал гореть ровным, жарким пламенем, и она успокоилась.

Оставаться в драконьем облике ей не хотелось: вдруг кто-то случайно увидит дракона, разговоров потом не оберешься. Скрываться за завесой невидимости она еще не умела – слишком молода. Ей всего сто лет, по людским меркам – лет пятнадцать или шестнадцать, а может, и того меньше. Мама, Гараскарания, была в несколько десятков раз больше по размеру, чем Шанти, она же Шантаргон, а еще владела очень полезным умением прятать себя где-то. Где? Этого не знала и Гараскарания. Просто когда она хотела, чтобы ее не было видно, ее не было видно, и все тут. Но драконица видела всех и все.

Закончив с костром, Шанти пошла за мешком с одеждой. Положила его у дерева на сухую подстилку из опавших игл, сосредоточилась и... замерцала, силуэт размылся в воздухе. Через секунду на месте полутонной, сверкающей в свете костра красными, синими, зелеными чешуйками драконицы стояла белокожая, рыжеволосая красotka – мечта мужчин. Длинноногая, высокогрудая, белокожая – статуя, а не человек. Драконица долго изучала, каких женщин люди считают наиболее красивыми. И само собой, выработала самый красивый облик, какой мог существовать. Даже Андрей говорил, что более совершенной женщины он не видел.

Шанти покопалась в мешке, нашла кружевное белье, пахнущее благовониями, шелковое платье, туфли, удобные, из мягкой кожи, медленно оделась, обулась, с удовольствием ощущая, как чистая дорогая одежда прильнула к коже, потом расстелила возле костра одеяла, предусмотрительно положенные в мешок, и, подложив этот мешок под голову, улеглась, накрывшись одним из одеял. Небо было чистым, ни одного облачка, так что дождь путешественнице не грозил, можно было не волноваться.

Впрочем, ей вообще мало что могло грозить – созданное драконицей тело (Андрей называл его аватаром) обладало одновременно свойствами тела человека и дракона. Если бы кто-то попытался ткнуть Шанти ножом, он был бы сильно разочарован – нож не оставлял на чешуе дракона даже царапины. Пробить эту чешую можно только тяжелым копьем или пулей. Даже стрела, выпущенная из лука, или арбалетный болт только царапали чешую, не в силах ее преодолеть.

Однако если ударить под определенным углом, загнать острие под чешую, так сказать «против шерсти», то дракон мог погибнуть так же, как любое иное существо. Вот только какой это дракон будет дожидаться, когда над ним учинят такое безобразие? Испепеляющий огонь, стальные когти,

клыки, способные перекусить человека пополам за долю секунды, – вот что такое дракон.

Шанти лежала, глядя в небо, и думала, думала... Ей так не хватало Андрея – сейчас они бы перебросились несколькими словами, посмеялись, она поворчала бы на друга, он что-нибудь рассказал бы – о мире вообще и о своем мире в частности. И где теперь Андрей?

Драконица снова «коснулась» ниточки, связывающей ее с человеком. Это только название такое, «ниточка». Просто ощущение присутствия – где-то далеко-далеко... а может, близко. А может, вон за той крепостной стеной, видневшейся за лесом, на фоне темного неба.

Шанти приземлилась в трех километрах от Гаранака, столицы Славии. Император любил поохотиться, и под страхом расправы здешний лес сохранялся нетронутым – ни деревенок, ни постоянных дворов, ни вырубок. Запрещалось даже входить в лес, а тем более жечь костры. Впрочем, если бы Шанти знала об этом законе, он не помешал бы ей сладко уснуть, слушая шипение пламени, облизовавшего толстые бревна.

– Глянь – девка! Ничего себе! Красотка! – Высокий худой мужчина в кожаной безрукавке с нашитыми на нее стальными пластинами осторожно подался вперед, непроизвольно облизнув губы. – Шим, ты видал?! Лежит как и положено! Откуда она взялась?

– Тебе какая разница? – угрюмо буркнул второй мужчина, кряжистый, едва ли не квадратный, одетый так же, как и первый, в стандартную форму разведчиков, а еще – городской стражи. В таком снаряжении не так жарко, а в случае чего эта легкая броня вполне способна выдержать удар сабли или ножа.

– Ну как... надо же знать?

– Не надо. Она все расскажет в пыточной мастеру Щозу. Твое дело – найти и по возможности захватить нарушителя. Так что довольно языком трепать, подымай девку.

– Да подожди ты! – Худой состроил страдальческую гримасу. – Отведем в пыточную, они ее и распробуют! А мы как всегда ни при чем! Ты посмотри, какая красивая! Такую не купишь за два серебреника!

– Красивая или нет, все у них одинаковое, – хмыкнул Шим. – Закрыв глаза – и представляй эту красотку, а не шлюху за серебреник. А если мы доставим ее потрепанной, могут быть неприятности. Эй, девка, вставай! Хватит разлеживаться! Пора ответ держать за свое преступление!

– Это какое такое преступление? – Шанти потянулась, отчего одеяло соскочило с груди, обнажив крепкие выпуклости, обтянутые шелковым

платьем.

Худой сглотнул слюну и сделал шаг вперед.

– Запрещено заходить в императорский лес, жечь тут костры, охотиться и всякое такое прочее, – хмуро пояснил Шим и тихо добавил для напарника: – Слишком хорошо одета. Может, из благородных? Не трогай ее, на всякий случай. Отведем в стражу, пусть там разбираются. Чую, дело тухлое.

– Я ее хочу! – дернул щекой худой. – Я никогда и никого так не хотел! Ни одну бабу! Эй ты, рыжая! Если не будешь сопротивляться, сделаешь все, что я скажу, – не пострадаешь! Слышишь меня?!

– Слышу, – кивнула Шанти. Она посмотрела на одеяла и решила бросить их здесь – тащить неохота. Другие купит, если понадобится. Что, денег мало, что ли? Она подняла мешок, монеты звякнули, Шим насторожился:

– Деньги? У тебя есть деньги?

– Есть, – пожала плечами Шанти. – И что?

Драконница оправила платье, осмотрела его со всех сторон и подумала о том, что истанский шелк все-таки великая придумка – всю ночь спала в этом платье, и ни одной морщинки! Он не мнется! И ведь перед тем платье долго лежало в мешке! Не зря такие деньги дерут, совсем даже не зря.

– Давай их сюда! – почти ласково сказал Шим.

Он сразу как-то полюбил эту красотку – это надо же оказаться в безлюдном лесу, да еще и с деньгами! Все-таки прав Зереш, надо ею заняться как следует. Ну кто узнает, что тут была какая-то красотка и что у нее были деньги? Кому какое дело? Ну не нашли тех, кто зажег костер, может, даже сделают вычет из жалованья – все восполнят деньги из ее мешка, вон как тот раздувается!

– Нет, парни, ничего вам не обломится, – вздохнула Шанти, сделала шаг вперед и с силой ударила Шима по голове рукой, как будто прихлопывала муху на пеньке.

Здешний аватар выглядел нехрупким, нет – вполне крепкая женская рука, с ухоженными ногтями, белой кожей, не испорченной мозолями и порезами, присущими крестьянкам, занимавшимся тяжелым сельским трудом. Однако не женская ручка – когтистая тяжелая лапа огнедышащей рептилии, вот что ударило Шима по макушке.

Как так получалось, куда девалась масса дракона, когда он создавал свой аватар, переправляя основную массу тела в другое пространство, как могли одновременно существовать два тела, по желанию их хозяина приобретая те свойства, которые дракону хотелось, как, каким образом

могли существовать такие капризы мироздания, как драконы, – видимо, это известно лишь Богу. Но факт есть факт – дракон мог приобретать те свойства, какие принадлежали его основному телу или же аватару, которого он создал. Удобно: выглядишь как девушка в расцвете сил, а под этим нежным, соблазнительным покровом – закованная в броню смертоносная рептилия. Разве это не мечта всех женщин, – как говаривал со смехом Андрей.

Оглушенный ударом драконьей лапы разведчик упал как подкошенный. Шанти могла бы расплющить голову человека, как переспевший плод, но... пачкать платье? Достаточно, что придурок валяется на земле и молчит как пень. Убить его? Можно, да. Но зачем? Угрозы не представляет, а убивать просто ради убийства – это удел маньяков.

Худой разведчик, надо отдать ему должное, успел выхватить меч и приготовиться к бою. Быстрая реакция. Впрочем, в разведке другие не выживают, отсеиваясь на первых же походах.

– Если ты опустишь меч, то у тебя будет шанс выжить, – мягко заметила Шанти, вскидывая вещмешок на плечо. – Не будь дураком, дай пройти! Что-то я сегодня добрая... видно, утро такое.

Разведчик, не вступая в разговоры, сделал молниеносный выпад, но острие меча, вместо того чтобы пронзить мягкую плоть, наткнулось на что-то твердое, непроницаемое как скала. Зереш был очень, очень удивлен. Особенно удивился, когда девица поджала губы и, удрученно посмотрев на попорченную ткань, сказала:

– Я тебе этого платья не прощу, скотина!

Больше разведчик ничего не увидел. Рука Шанти врезалась в его шею с такой скоростью и силой, что шея переломилась под углом девяносто градусов, а само тело улетело к тлеющему костру, впечатавшись в торец бревна, краснеющий раздутыми утренним ветерком углями. Запахло паленой кожей, волосами, и драконица недовольно сморщила нос – противно.

Поправив мешок на плече, она пошла своей дорогой, но оглянулась, решая, что делать со вторым, оглушенным разведчиком. Возвращаться было лень, и потому она оставила его жить. Впрочем, какую опасность мог представлять этот вояка? Расскажет, что его вырубил девица в шелковом платье, спавшая у костра? Даже не смешно.

Тропа вывела Шанти к тракту, и к городским воротам драконица подошла, когда солнце уже довольно высоко стояло над горизонтом.

Открывать или не открывать ворота в определенный час, то есть, когда

можно было различить пальцы рук в предрассветной серироке, решал командир пропускного пункта, и выглядело это так: если он был не в духе, то ворота могли остаться закрытыми и до первых лучей солнца. И плевать ему на всех торговцев зеленью, овощами и прочей ерундой – если, конечно, среди них не найдется умный человек и не соберет со всех торгашей подарок, который изменит настроение командира к лучшему.

Приступы плохого настроения случались у командира часто, практически каждый раз, как он заступал на службу, потому все торговцы заранее готовились к такому развитию событий. Но иногда не помогало и подношение – должны же торгаши знать, что с ними будет, если стража осердится на самом деле? И тогда ворота оставались закрытыми до тех пор, пока солнце не вставало над горизонтом, – зелень сохла, мясо заветривалось, а торговцы бессильно скрежетали зубами, посылая проклятия в адрес окаянного вояки.

Сегодня толпа уже рассосалась, втянувшись в огромные ворота, из города и в город шли и ехали обычные путники, ничем не выделявшиеся среди себе подобных.

На одинокую девушку, низко надвинувшую на голову капюшон, никто не обратил внимания. Пара медяков, небрежный жест стражника – проходи! – и вот Шанти уже в столице.

Сколько времени прошло с того дня, когда она в образе черной кошки на плече Андрея въехала в этот город? Кажется, целая вечность. Тогда они случайно попали в трактир, принадлежащий Олре, ставшей потом любовницей Андрея и зачавшей от него ребенка.

В этом городе Шанти училась летать после того, как Андрей вправил ей переломанные исчадием крылья.

Ничего не изменилось – булыжная мостовая, запах жареной рыбы и мяса, крики зеленщиков, расхваливающих свой товар, свист извозчиков, разгоняющих зазевавшихся прохожих, а еще – лица людей, хмурые, веселые, подозрительные и доверчивые. Все так, как будто они с Андреем пришли в город только вчера.

Шанти стало грустно, и, задумавшись, она едва не наступила в кучу лошадиного дерьма, испускающего «ароматный» пар прямо посреди мостовой. Выругавшись так, что даже у грузчика свернулись бы в трубочку уши, драконица проследовала дальше, внимательно оглядывая опасную поверхность, на которую собиралась поставить свою изящную ногу.

Путь ее лежал к тому самому трактиру, где они с Андреем некогда весело проводили время. Олра, уезжая из города, оставила его на родственника – угрюмого, туповатого мужика. Что теперь в трактире

творилось, Шанти не знала, но где-то ведь надо остановиться. Нужно обдумать, что делать, как действовать дальше. Нет, так-то план у нее был, и очень даже определенный, но нужно отработать детали, и лучше всего это делать на широкой кровати, переваривая вкусное рагу и пироги с олениной.

Ничего не изменилось. Та же вывеска, дверь – сбоку царапины от когтей Шанти. Через дорогу – мусорные бачки, в один из которых Андрей некогда забросил драконицу. Она потом отомстила ему, запрыгнув на голову, когда тот мылся в мойне.

Шанти хихикнула, вспомнив, какое удовольствие тогда испытала, наказав человека за наглость. Как он посмел извлекать в помоях видную представительницу самого мудрого на свете племени драконов!

Она толкнула дверь, вошла – тот же зал, та же стойка. Только за ней совсем другой человек, не тот, кого она ожидала увидеть. Незнакомый мужчина, чернобородый, пузатый, каким частенько и представляют трактирщика. Ну кто будет есть в этом заведении, если трактирщик и повар худые, как палки? Они или больны какой-нибудь дурной болезнью, или готовят так, что и сами не могут есть свою отвратительную стряпню. Нет, этот трактирщик соответствует предполагаемому облику хозяина трактира.

Драконица кинула взгляд в угол, будто рассчитывала увидеть знакомого вышибалу – уродливого, громадного, как дракон, но обладающего одним из самых добрых сердец среди всех, кого знала Шанти. И тут же усмехнулась: вышибала жил теперь в Балроне, во дворце императора и был правой рукой Федора, регента императора Марка. На месте Никата сидел обычный здоровяк со сломанными ушами и кривым носом – стандартный вышибала, каких пруд пруди по всем трактирам.

Трактирщик заметил гостью, мгновенно оценил ее дорогой наряд (дельный хозяин гостиницы с первого взгляда должен уметь определять стоимость кружев и ткани на платье гостыи!) и с ходу предложил:

– Госпоже обед? Комнату? У нас самые лучшие комнаты в городе! С ванной! Новые кровати! Новое белье! У нас останавливаются только знатные господа!

Через двадцать минут Шанти уже сидела за столом и, игнорируя удивленные взоры персонала гостиницы, с удовольствием поглощала вкусности, горой наваленные перед ней. Немудрено, что персонал так удивлен – молоденькой девушке положено слегка поклевать пирожок, потом отодвинуть его с томным выражением лица, а не запихивать в рот, будто голодала три месяца и только сейчас вышла к людям!

Шанти понимала, что привлекает внимание своим нестандартным

поведением, но... Во-первых, ей было наплевать – ну что они могут ей сделать? Во-вторых... ей было наплевать! Просто из вредности, и все тут. И в-третьих... скоро она исчезнет из гостиницы, из памяти этих людей. Что для нее память подавальщиц и поварих? Пусть себе смотрят, хоть будет о чем поговорить долгими скучными вечерами.

– Госпожа платит балронским золотом? – вскинул брови трактирщик и тут же поскущел. – Извините, госпожа, согласно указу императора балронское золото принимается на десять процентов дешевле, чем славское. Мне очень жаль!

«Ни хрена тебе не жаль! – недовольно подумала Шанти, глядя в толстошее лицо мужчины. – Небось нажиться на мне решил!»

– Уважаемый, берите так, как положено по закону. И вот еще что – не могли бы вы ответить на пару вопросов?

Шанти, обладающая способностями к эмпатии, сразу почувствовала облегчение трактирщика и утвердилась в своем мнении – надувает с деньгами, подлец!

– Конечно, госпожа! – радостно закивал мужчина, отчего его толстые щеки заколыхались, будто тряпки на ветру. – Все, что хотите!

– Здесь были другие хозяева. Как вы оказались на этом месте?

– Купил, госпожа, – слегка потух трактирщик, и в его голосе проскользнул страх.

Что-то нечисто с трактиром, решила Шанти.

– Как купили? А куда делись прежние хозяева?

– Я не знаю, почему вас так интересует этот вопрос, – растерянно ответил мужчина, – но раз вам интересно... В общем, тут открыли гнездо боголюбов, трактир конфисковали, хозяина, родственника некой Олры, сбежавшей в Балрон, казнили на алтаре исчадий. Трактир выставили на торги... вот я и купил – дал большую цену, и все. Не я первый, не я последний. Вы же знаете, частенько продают имущество боголюбов, так что... Или не знаете? Вы откуда к нам прибыли? У вас только балронские деньги...

– Не ваше дело, уважаемый, – надменно поджала губы Шанти и усмехнулась про себя: вот так и прокалываются агенты! На кой демон она начала расспрашивать про Олру?! Ясно же, что в Славии знали, что та – одна из приближенных императора Балрона! Была...

Трактирщику, конечно, этот факт неизвестен – мелковата фигура, но вот специальные службы империи Славии знали все наверняка.

Шанти не питала иллюзий: государство Славия работало вполне эффективно, если сумело продержаться столько лет, – и стража не

бездействовала, и тайные службы. А раз были тайные службы, значит, имелись люди, докладывавшие им всю информацию, которую могли добыть. И среди информаторов не последнее место занимали трактирщики, находившиеся в центре всех событий. И немудрено – через питейные залы и комнаты гостиниц проходит множество людей, от простых купцов до родовитых господ. И все способны после пары кружек вина развязать язык и выложить собеседнику или собеседнице все, что лежит на душе. Шанти сама пользовалась услугами трактирщиков для сбора информации.

– Ну... не мое, значит, не мое, – покладисто согласился трактирщик, потупив глаза, и, выдав сдачу с золотого, заторопился к стойке – помогать разливающему.

К вечеру людей стало больше, зал наполнялся. Когда солнце сядет, людей набьется, как муравьев в муравейник. Шанти не любила этот человеческий муравейник, а потому пошла в свою комнату – принять ванну, полежать, подумать и... поспать. Не секрет, что драконы большую часть своей жизни предпочитают проводить во сне. Может, потому они так долго и живут?

Горячая вода навевала сон, и Шанти едва не уснула прямо в ванне. Драконица любила воду, великолепно плавала – Андрей как-то сказал, что драконы, вероятно, когда-то вышли из моря, поэтому они отлично чувствуют себя в морской воде. Впрочем, в любой воде, особенно если в нее намешали мыльных благовоний, так хорошо действующих на кожу.

Кожу? Или чешую? С некоторых пор Шанти стала замечать за собой, что уже и не знает, какое из тел настоящее – аватар или драконье. Гараскарания говорила, что в худшем случае дракон настолько вживается в роль человека, что отбрасывает свое настоящее тело, навсегда застревая в человеческом. Такие случаи были. Потому драконы и забили тревогу, запретив соплеменникам принимать человеческий образ.

У Шанти иногда возникало подозрение, что род человеческий – это драконы, потерявшие память о том, что они когда-то были драконами...

Выбравшись из ванны, драконица воспользовалась махровым полотенцем, вытерев досуха свою идеальную кожу, надела свежее белье, ночную рубашку, предусмотрительно захваченную с собой, и растянулась на постели, глядя в окно. В щель между неплотно сдвинутыми занавесками виднелась звезда, яркая, будто фонарь. Она подмигивала Шанти, и та вдруг пришла в хорошее настроение – может, все не так плохо и Андрей где-то рядом, недалеко? И не придется заниматься тем, что ей неприятно, – делами людей? Хотелось бы просто сидеть рядом с другом, покачивать

ножкой в красивой туфле и подшучивать над ним, зная, что он не обидится...

Полежав минут десять и помечтав, Шанти начала думать о том, что ей предстоит сделать. Пока что все шло по плану. Да, сложно будет, но кто сказал, что все в мире должно быть легко? Можно было бы начать уже с утра, с этими двумя придурками, если бы они сразу повели ее в тайную стражу. Так нет же, дураки задумали какие-то домогательства, а после того как заметили у нее деньги, тут уже бесполезно разговаривать.

Шанти закрыла глаза и погрузилась в дрему – неизвестно, когда удастся как следует поспать, нужно воспользоваться представившейся возможностью. Через пару минут она уже крепко спала.

За ней пришли глубокой ночью, когда город успокоился, трактир покинули последние гуляки, а жильцы в комнатах крепко спали и не слышали топота множества ног в коридоре гостиницы. А может, и слышали, только кому охота совать нос в чужие проблемы? Если стража арестовывает, так ведь за дело. Заслужили. У нас никого без вины не забирают!

Дверь вздрогнула под ударами, и грубый мужской голос потребовал:

– Открывай! Немедленно открывай – тайная стража!

Шанти тут же проснулась, прислушалась к голосам в коридоре, прощупала визитеров эмпатическим чувством: они были возбуждены, нетерпеливы, а еще – очень злы из-за того, что вместо теплой постели им пришлось торчать под дверью какой-то девки. И Шанти их понимала – она сама сейчас с удовольствием валялась бы в теплой постели, а не встречала «гостей».

– Кто там? – спросила драконица сонным, нарочито хрипловатым голосом. – Чего надо?

– Открывай! Государственное дело! Не заставляй нас ломать дверь!

– Господа, вы обещали! – послышался испуганный голос трактирщика. – Кто будет платить за ремонт двери?

– Заткнись, придурок! – прервал давешний грубый голос. – Надо будет, мы все твое поганое заведение разнесем! Ты обязан содействовать тайной страже, иначе отправишься следом за балронской шпионкой! Лучше свали отсюда, пока зубы целы! Эй, девка, открывай!

Шанти неторопливо оделась, собрала вещи, подошла к двери и, встав возле стены, сбоку от косяка, отодвинула засов. Стражники, похоже, как раз собирались навалиться на дверь со всей своей солдатской дури, так что в комнате образовалась куча-мала из упавших на пол закованных в железо солдафонов, копошащихся, как черви после дождя. Они громко матерились,

мешая друг другу подняться – каждый норовил это сделать быстрее других и валил своих соратников с ног. Стоявшие сзади мужчины в штатской одежде – темной, неприметной – с неудовольствием смотрели на эту возню, а когда драконица явственно хихикнула, один из них поморщился и брезгливо сказал:

– Вот как с такими идиотами делать дела? Скажи, шпионка, ваши солдаты такие же дебилы, как эти?

– Всекие есть, – ухмыльнулась Шанти и язвительно добавила: – Но таких олухов я вижу в первый раз! Настоящие идиоты!

– Так ты признаешь, что являешься балронской шпионкой?! – встрепенулся второй мужчина в штатском.

– Признаю. Ведите меня к вашему главному, у меня для него есть важная информация. Я заслана в Славию правительством Балрона для того, чтобы вести подрывную деятельность, уничтожать исчадий и организовать сеть агентов. Хочу работать для блага Славии. Условия я изложу вашему начальнику.

– О как! – ошеломленно причмокнул первый в штатском и тихо шепнул второму: – Наконец-то нам попалась крупная рыба! Надоело таскать в пыточную лавочников и выдавливать из них признание.

– Тихо! – цыкнул второй. – Вы сами пойдете, не сделаете попытки бежать? Или вас заковать в кандалы?

– Я же сказала – буду сотрудничать, – пожала плечами Шанти. – Утром я собиралась идти в тайную стражу, но вы пришли раньше. Это очень хорошо.

– Не будем платить трактирщику, – шепнул первый, – она и сама собиралась прийти, так что платить не за что.

– Да заткнись ты! – угрюмо буркнул второй. – Не до того сейчас! Потом разберемся. Собирайтесь, госпожа!

Шанти улыбнулась – тон сотрудника тайной стражи сменился на более уважительный, а солдаты старались не подходить близко, как если бы девушка была больна какой-то дурной, очень заразной болезнью. Впрочем, была. И болезнь эта называлась «шпионка Балрона» – лечится только четвертованием, или посадкой на кол, или... в общем, всяческими веселыми казнями, на которые так любит смотреть император Славии.

У крыльца трактира стояла карета без опознавательных знаков – ни гербов, ни эмблемы тайной стражи. Темно-серая, почти черная: занавешенное окно, масляный фонарь – чтобы видно было, кого задавили по дороге в контору. Впрочем, давить сейчас некого, улицы мрачны и пусты. Небо, вечером звездное, затянуло облаками, и накрапывал мелкий

дождик, будто небеса плакали по тем, кого увозят в страшной карете.

Шанти задумалась, усаживаясь в карете на жесткую деревянную скамью в подозрительных темных потеках: сколько людей прошло через эту повозку? Сколько лишились надежды, усаживаясь на окровавленные скамьи? Впрочем, скорее всего, они и сидеть-то не могли после знакомства с дубинками стражей. Эти дубинки – короткие, темного крепкого дерева с кольцами по всей длине – стражники держали в руках, готовые пустить их в ход при первом намеке на неповиновение. Но Шанти не давала никакого повода своим конвоирам воспользоваться оружием. Она уселась в карету, с двух сторон пристроились дюжие стражники, на скамейку напротив уселись два агента в штатском, и, как только дверцы захлопнулись, карета дернулась и понеслась по мостовой, колесами высекая искры из булыжников. Остальные стражники, верхом на лошадях, скакали рядом.

Шанти вдруг вспомнилось, как ездили они с Андреем. Карета, а вокруг нее охрана, вооруженная ружьями и пистолетами, – опасались налета драконов. Она слегка улыбнулась, чем вызвала недоуменные взгляды конвоиров – никто не улыбался в этой карете, пропахшей кровью и нечистотами. Не то место, чтобы веселиться.

Ехать пришлось недолго. Трактир располагался в центральном районе города, вернее, рядом с центральным районом, управление стражи – возле городской площади, как и тюрьма, эшафот-алтарь и Круг, на который выпускали арестованных боголюбов, точнее, всех, кого в них записали. Этими «боголюбам» могли быть и мелкие воришки, и бродяги, и всякая шваль, которую нахватали возле входа в город, на Привратной площади, среди нищих. Где теперь набрать столько настоящих, идейных боголюбов, когда их изводили десятками лет? Те, что не боялись показывать свои убеждения, вымерли, как крысы, которые съели отравленную приманку, остальные научились прятаться и попадались редко, в основном по доносу.

Доносили по большей части родственники – жена, которая хотела освободиться от постылого мужа, муж, который хотел освободиться от жены, благодарные дети, внуки, заждавшиеся смерти своего богатого или не очень родителя. Достаточно написать донос, и через несколько часов несчастный уже хрипит на кресте, рассказывая о своих прегрешениях перед исчадиями, императором и законом. А то, что такие прегрешения найдутся, – это стопроцентно. В пыточной тайной стражи рассказывали все – что было и больше всего чего не было. Работали настоящие мастера своего дела, влюбленные в свое ремесло. Невинowych не обнаруживалось.

Возле входа в управление тайной стражи стояли четверо стражников, внимательно оглядевших Шанти. Они сжимали в руках копыя с

листовидными наконечниками, а когда мимо проходили агенты в штатском, вытянулись, встав «смирно», – эти два человека в гражданском явно имели приличный вес в иерархии стражи.

Длинный темный коридор привел к входу в подвал, возле которого тоже стояли стражники – двое. Один из них взял здоровенную связку ключей, фонарь и повел Шанти вниз, по чисто выметенным ступенькам, к рядам клеток, в которых угадывались силуэты людей, лежащих на полу. Впрочем, присутствие в клетках обитателей можно было определить и по запаху, а еще – по храпу, который несся со всех сторон. На взгляд Шанти, узников было несколько десятков.

Ей отвели отдельную клетку – маленькую, на четверых. В ней никого, кроме нее, не было, стояли деревянные топчаны, что для темниц вообще-то невероятная роскошь. Узникам положено валяться на полу, в полусгнившей соломе, среди кучи копошащихся насекомых. А не попадайся! Темница – это тебе не комната в лучшей гостинице, с начищенной медной ванной и морем горячей воды!

Решетчатая дверь, гроыхнув, закрылась за спиной «балронской шпионки», и тюремщик медленно пошел назад, на пост, унося фонарь, последний лучик света в этом царстве тьмы и отчаяния.

Шанти осмотрела клетку и, заметив копошащихся на полу и стенах насекомых, сморщила нос – она ненавидела насекомых, как и все женщины. Нет, сделать ей они ничего не могли, кроме как забраться в одежду и поселиться там до первой стирки, но чего хорошего в предоставлении приюта мерзким жалящим тварям, питающимся кровью и плотью несчастных заключенных?

Шанти думала секунд пять, потом стала решительно раздеваться догола. Раздевшись, зажала одежду в руках или вернее, лапах. Она успела обратиться в дракона, правда, не полноразмерного – камера тесновата, нужен простор. Потом драконица отошла к решетке, завела за спину лапу с узлом и выдохнула поток пламени, стараясь не попасть в деревянные топчаны – в самом деле, не на полу же сидеть?

Синее пламя выжгло полчища насекомых, лишь краешком опалив вождеденный топчан, прожарило стены, на которые твари успели забраться повыше, чтобы веселее было запрыгивать на обитателя камеры. Раскаленным воздухом уничтожило и тех насекомых, что поджидали добычу на лежанке. Через минуту уничтожение полчищ тараканов, вшей, блох и всякой такой нечисти было закончено.

Шанти вздохнула: если бы так легко было решить все проблемы!

Она выдула из пасти струю воздуха, считая обугленные трупы

нечисти, и стала одеваться-обуваться, с тем чтобы прилечь и немного вздремнуть – пожить-то подольше хочется, а сон продляет жизнь дракона. Раньше чем через час после рассвета ее все равно не поднимут: в самом деле, начальник тайной стражи не дурак же, чтобы дневать и ночевать в этом мерзком здании? Скорее всего, сейчас он сладко спит, лелея мечты о том, как будет искоренять свой народ и наживаться на грабежах и взятках.

В воздухе стоял дым от спаленных тварей, и драконице пришлось привыкать к этой вони. Впрочем, воняло ничуть не хуже, чем вообще в этой темнице, которую проветривали не позднее чем лет пятьдесят назад.

Драконица улеглась на топчан, вытянула ноги, заложила за голову руки и закрыла глаза. Мешок с вещами и деньгами у нее отобрали, но Шанти не беспокоилась – никуда не денутся. Найдут. Если все получится, как она задумала, все будет чики-пуки. Смешное выражение – Андрей так иногда говорил в приступе веселья. Объяснить, что оно означает, он отказывался, но по смыслу и так понятно – все будет хорошо. Все будет хорошо! Ведь хуже быть уже не может – в этом Шанти уверена на сто процентов.

– Паленым воняет! Ты чего, масло пролил, что ли? Закоптилось все, как в печи! Что тут случилось? – Агент стражи недовольно посмотрел на тюремщика, растерянно пожимавшего плечами, и озабоченно заглянул в клетку: – Эй, шпионка, жива? Потом с тобой разберусь, Гирс, узнаю, чего тут творите! Шпионка, на выход!

Шанти потянулась и, встав со своей лежанки, вышла в коридор. Стражники обступили ее – двое спереди, двое сзади, – и процессия двинулась вперед. Тюремщик семенил замыкающим, агент возглавлял шествие.

Драконица усмехнулась – ведут как опасную преступницу! И с чего вдруг? Потом нахмурилась – не результат ли утренней встречи в лесу? Ну, что есть, то есть, теперь не изменить. Да и какая разница? Пока все идет как задумано.

Подняться пришлось на два этажа. Кабинет начальника тайной стражи располагался на третьем этаже, за дверью темного дерева, покрытого лаком. Таблички, указывающей, что за дверью работает один из самых могущественнейших людей империи, не было: чужие тут не ходят, а те, кому положено, и так знают, где сидит этот человек, способный щелчком пальцев отправить на казнь даже родовитого дворянина. Конечно, если тот не принадлежит к некоему кругу тех, кто на самом деле управляет страной, и не находится под покровительством исчадий.

Выше исчадий нет никого. Что такое тайная стража? Подслушать,

подсмотреть, собрать информацию, захватить преступника. А вот судьба его – жить ему или умереть и как умереть – уже в руках исчадий. Однако есть одно обстоятельство – начальник стражи решает, имеется ли в действиях предполагаемого преступника состав преступления или это так, пустой донос.

Если человек сумеет заинтересовать такого важного чиновника – например, крупным пожертвованием в фонд погибших агентов, – может оказаться так, что преступления никакого и не было! И тогда исчадий извещать не нужно. Зачем зря беспокоить таких важных господ? У них и без пустопорожней болтовни дел хватает.

Главный тайный стражник сидел за столом. Ничем не примечательный мужчина лет сорока с небольшим, никакой печати порока на лице, никаких примет, указывающих на то, что он питается младенцами и любит купаться в крови жертв. Не купался он в крови жертв и не ел младенцев, хотя крови, которую пролила тайная стража, хватило бы на хорошее озеро.

Мужчина с интересом посмотрел на вошедшую девушку, молча проводил ее взглядом, когда она шла к тяжелому креслу перед его столом, и так же молча посмотрел в ее зеленые глаза, в которых, как ему показалось, плескались золотые искры. А еще стражника удивило непоколебимое спокойствие девицы, как будто она каждый день оказывается в застенках тайной стражи и совершенно ничего не боится. Более того, ситуация ее немного смешит!

– Вы кто? Шпионка? Зачем вы тут? Мне сказали, что у вас есть предложение. Какое?

– А вы кто? – спокойно осведомилась девица, оглядываясь по сторонам, будто была не в кабинете начальника стражи, а в особняке, куда ее пригласили на бал.

– Я?! – опешил мужчина. – Мое имя Зорген Иснак, дворянин восьмого ранга, начальник тайной стражи. Вы кто?

– Скажите, вы женаты? – внезапно спросила рыжая девица.

– Вы наглеете! – нахмурился Зорген. – Если вы хотите сотрудничать с нами, это дурное начало сотрудничества.

– Извините! – ничуть не смутилась шпионка. – Мне очень нужно знать ответы на некоторые вопросы. После того как вы мне ответите, я отвечу на ваши вопросы – честно и откровенно, клянусь! Я не спрошу ничего такого, что составляет государственную тайну! Только невинные вопросы о личной жизни. Больше ничего. Заключим соглашение? Я служащая тайной стражи Балрона и могу быть очень полезна тайной страже Славии. Так что, поговорим?

– Хм... – Мужчина слегка улыбнулся. – Я умею различать, когда мне врут!..

«Эмпат? – подумала Шанти. – Почему и нет? Андрей же умеет».

– ...И когда почувствую, что врете, вы пострадаете. Шереж, Эрг, оставьте нас одних!

– Господин Иснак, как же так, опасно! – Стражник укоризненно покачал головой. – Я не могу оставить вас наедине с этой девкой!

– Я ценю твою верность, Шереж, – холодно ответил вельможа, – но ты что, считаешь, я не смогу справиться с женщиной, да еще и привязанной к креслу, привинченному к полу? Низко же ты ценишь своего господина!

– Извините, господин! – Стражник низко поклонился и, сделав шаг назад, повернулся и вышел в коридор. За ним второй стражник, и двое собеседников остались наедине.

– Вы первый человек за последнее время, который вызвал у меня интерес, – ухмыльнулся Зорген. – Горю желанием узнать, что за птичка попала в мои сети! Жаль будет, если придется попортить вашу внешность... таких красивых женщин не бывает в природе, вы уникальны!

– Спасибо, – серьезно кивнула Шанти, – я старалась. Итак: вы женаты?

– Нет, – усмехнулся мужчина. – Хотите стать моей женой?

– Нет, – мотнула головой драконица. – Дети есть?

– Нет.

– Любовница есть?

– Предпочитаю не иметь постоянных любовниц, лучше всего служанки. Или платные женщины.

– Живете один?

– С прислугой, конечно. – Вельможа забавлялся, но глаза его внимательно смотрели на Шанти, будто сквозь прицел арбалета.

– Вы часто видите императора?

– Часто, – нахмурился начальник тайной стражи. – Вы же говорили, что не коснетесь государственной тайны...

– А что такого – видите и видите, – пожала плечами Шанти. – У вас есть секретарь, который ведает вашими делами, встречами?

– Секретаря нет – мой заместитель, Хастер Шур, исполняет обязанности секретаря.

– Где он сейчас?

– В соседней комнате. Дерну вот этот шнур, и он придет. Дернуть? – Зорген усмехнулся и глубоко вздохнул. Развлечение стало ему наскучивать.

– Опишите его внешность, этого Хастера.

– Сорок лет, тонкий, ухоженный... небольшие усики. Брюнет, глаза

карие, кожа светлая, почти белая – не бывает на воздухе. Ну что еще... а! Родинка слева, над верхней губой. Слушайте, достаточно. Теперь моя очередь. Мне надоело. Пора переходить к делу. Итак, первый вопрос: как ваше имя?

– Шанти.

– Шанти, Шанти... что-то знакомое... Зачем вы здесь?

– Чтобы занять ваше место. – Драконица вздохнула, дернула руками, и ремни, притягивавшие ее руки к подлокотникам кресла, треснули и порвались, как гнилые нитки. То же самое произошло с двумя ремнями через грудь и живот, а затем – с ножными ремнями.

Зорген вначале онемел, глядя, как драконица освобождается от пут, потом взревел:

– Ко мне! Охрана!

Дверь распахнулась, впуская четырех охранников с обнаженными мечами. Они набросились на Шанти, пытаясь сбить с ног, нанося удары плоской стороной меча – удары сыпались один за другим, но не остановили драконицу. Она сделала два шага и легко, ладошкой ударила начальника тайной стражи в висок. Зорген отлетел к стене, ударился затылком об пол и замер неподвижно. Затем настал черед стражников.

Шанти буквально взорвалась движениями – стражники разлетелись в стороны, как детские игрушки, отброшенные капризничавшей мальчишкой. Двое так и остались лежать со сломанными шеями, еще двое сумели встать и снова пошли в атаку. Шанти отметила их упорство и верность долгу (у одного рука торчала под прямым углом, сломанная могучим ударом драконицы) и короткими точными ударами разбила головы обоим, не обращая внимания на их попытки изрубить шпионку короткими и, вероятно, очень острыми мечами.

Через две минуты с начала поединка все было закончено. Начальник стражи лежал у стены за столом, стражники – справа и слева от стола, в виде трупов.

Шанти подошла к входной двери, заперла ее на задвижку и вернулась к Зоргену. Наклонилась и стала его раздевать, складывая вещи на стол. Раздев догола, внимательно, до мельчайших подробностей изучила тело мужчины. Разделась сама, замерцала, меняя облик, и через несколько секунд на месте красотики стоял Зорген, очень похожий на оригинал – даже мать этого человека не смогла бы распознать подмену.

Зорген-оригинал внезапно очнулся, открыл глаза и с усилием спросил:

– Что такое?! Что со мной?

– Уже ничего, – с некоторым сожалением ответила Шанти и легким

движением свернула ему голову. Шея мужчины треснула, как сухая ветка, он дернулся и застыл – теперь навсегда.

Шанти несколько раз повторила фразу: «Что такое?! Что со мной?» – добиваясь стопроцентного совпадения голосов. Наконец ей это удалось – голос Зоргена был довольно чистым и бесцветным, без каких-то особенностей, акцента или пришепетывания, так что копировать его нетрудно.

Драконница несколько раз перешла из состояния дракона в облик Зоргена, запоминая, как тот выглядел, и добиваясь, чтобы облик стражника впечатался в ее память. После десятого раза она уже легко становилась Зоргеном, за долю секунды, не нужно было вспоминать морщинки и родимые пятна. Драконы запоминают навсегда, если постараются, конечно.

Перейдя в облик дракона, Шанти взяла со стола одежду начальника стражи, спрятала ее за спиной... и вдруг остановилась. Нет, нужно было не так – она стащила в кучу тела телохранителей, сверху положила их начальника и уже тогда принялась уничтожать следы преступления.

Человеческие тела неплохо горят – Шанти видела это, когда армия драконов налетела на завод. Те люди, на которых попадала струя драконьего пламени, горели как свечи, превращаясь в обугленные скелеты. Температура горения драконьего «топлива» была очень высока.

Вот и сейчас язык голубого пламени окутал трупы стражников таким жарким покровом, что они вспыхнули, как дрова, заполнив комнату удушливой вонью и черным дымом.

Шанти жгла трупы, пока они не обуглились до костей, а в комнате нечем стало дышать. Тогда драконница превратилась в Зоргена, быстро натянула на себя его одежду, отодвинула задвижку и выскочила в коридор, упав под ноги изумленным и обеспокоенным стражникам, сбегавшимся на запах и дым, просачивающиеся из кабинета начальника. Стучать они боялись – Зорген не любил, когда кто-то лез не в свое дело.

– Колдовство! Злое колдовство! – прохрипел лже-Зорген, тяжело дыша и прикрывая глаза (Шанти и вправду было не очень хорошо – надышалась дыма). – Шур здесь? Отвези меня домой! Скорее! Мне надо помыться и отлежаться... Шпионка-колдунья покончила с собой, я чудом спасся... но на сегодня мне хватит работать. Она хотела убить меня ценой своей жизни! Загорелась как костер! Саган уберег меня!

– Будет сделано! – с готовностью кивнул заместитель. – Подать карету господина Зоргена! Вы сами дойдете или вас отнести?

– Сам! – кивнула Шанти и медленно, цепляясь за стену, поднялась на ноги. – Отведите меня к карете, глаза слезятся, плохо вижу...

Глава 2

– Он открыл глаза! Открыл! – Девушка, почти девчонка, сорвалась с места, подбежала к женщине лет сорока, с усталым добрым лицом, и, схватив ее за руку, поволокла в комнату к больному.

Женщина возмущенно фыркнула и покачала головой:

– Ну открыл, и что? Стоило меня ради этого отрывать от варки похлебки? Вот сейчас твой отец придет из лавки – голодный, злой, как лесной амрок, и задаст нам всем! И твой высохший деревянный человечек нас не защитит!

– Мам, он не деревянный! Не говори про него так! Он хороший, я знаю!

Девушка наклонилась над лежанкой в углу комнаты и внимательно посмотрела в глаза мужчины:

– Ты меня видишь? Слышишь? Как тебя зовут? Кто ты?

Мужчина не отвечал. Он бессмысленно таращился в потолок зелеными глазами и молчал – худой как скелет, обтянутый кожей. Его глаза ввалились в глазницы и смотрели оттуда, как два волчьих глаза из темной норы. Белая кожа незнакомца была покрыта шрамами – за полтора месяца, что он лежал в доме Гирсе, раны мужчины зажили. Даже страшный пролом на голове – рваный, открывающий кости черепа, треснувшие от удара.

Когда раненого привезли домой, позвали лекарку. Та с сомнением покачала головой и сказала, что этому человеку давно следовало умереть. Почему он жив, непонятно. Чудо. В жизни случается много странного, недоступного разуму людей, посему нужно оставить этого бедолагу на волю богов и дать ему умереть. Или выжить, самому опять же, если будет на то воля богов.

На волю богов полагайся, а нож храни за пазухой – говорил здешний народ. Потому лекарка соорудила снадобья на первое время, дала травок на будущее – научила заваривать траву непоседливую Беату – и удалилась, получив два полновесных серебреника.

Отец был очень недоволен незапланированной тратой. Ворчал – чтобы заработать два серебреника, ему нужно торговать целый день, да еще чтобы односельчане вдруг заимели в своих кошельках деньги, которые отнесут в его лавку.

А денег у людей не было. В основном расплачивались за товар натурой – шкурами. Эти шкуры лавочник Урхард Гирсе потом отвозил в

город и сдавал перекупщику, получая за них деньги. На деньги закупалось все, что нужно селянам, и... круг замыкался. И так почти два десятка лет. Урхард построил свою лавку двадцать лет назад, в небольшой деревеньке под названием Темный Лог. Тогда там был всего десяток домов. Его отговаривали от глупого шага. Ну что можно заработать в этом глухом углу? Но он решился и вложил все свои деньги в постройку дома и в торговлю.

Как ни странно, дело пошло. Селяне сносили ему шкуры – здешние края славились замечательным мехом усков, темным, с серебряной искрой. Купцы сюда побаивались ездить – слишком много нечисти, поэтому охотникам приходилось ездить в город самим, сдавать рухлядь почти за бесценок, рискуя быть обманутыми, опоенными, ограбленными по дороге в город. Теперь они ничем не рисковали, пусть даже за шкуры Урхард давал немного меньше, чем перекупщики в городе. Но это и понятно: ему же тоже надо на что-то жить.

Через два года после того, как новоиспеченный купец обосновался в глуши, он женился на девушке из простой семьи, того же клана, к которому принадлежал и сам. Он внезапно влюбился как мальчишка, и, как ни странно, девушка, красивая, добропорядочная и спокойная, ответила ему взаимностью, переехав из большого селения в маленькую деревню, в дом Урхарда Гирсе.

Впрочем, в Темном Логе за эти годы настроили домов, и маленькой эту деревню можно было назвать только условно: семьдесят дворов, появилась своя лекарка, к которой ходили со всей округи, появился даже свой храм – бога Леса.

Деревенские охотно молились этому богу, рассчитывая на то, что Лес будет к ним благосклонен, – вся их жизнь проходила в лесу, в глухомани. Орехи, мясо, шкуры, мед, древесина – захочет Лес дать их человеку, будет тот сыт, обут, одет и весел, не захочет – в одном из походов в рассерженный Лес упадет на голову нечестивцу сухое дерево, и кончится его долгая или недолгая жизнь.

Все в руках богов, и у всех людей они разные. У моряков – свои боги, у пахарей – свои. Такова жизнь.

Через год после свадьбы Урхарда и Аданы родилась дочка Беата. Маленький, впливый комок плоти, который стал для Урхарда главным сокровищем на свете, не считая жены, конечно. Дочери он позволял все – хулиганить, бить посуду, лазить где угодно, и, когда жена пыталась остановить девочку, запрещал наказывать это маленькое чудовище.

Как ни странно, Беата выросла разумной, хорошей девочкой, несмотря

на полное отсутствие воспитания, то есть порки ремешком. Девочка не отказывала в помощи матери, отцу, работала, как и они, помогала в лавке, училась – отец научил ее грамоте, покупал ей книги, ужасно дорогие, но такие интересные! В них описывались иные миры, путешествия, красивая любовь и низкое предательство.

Когда девушка увидела возле дороги человека в странной одежде, в крови, израненного, у нее екнуло сердце, и Беата решила: это судьба. Это – он!

Родители придерживались совершенно другого мнения, но, так как отказа девочка ни в чем не знала, чужака оставили в доме. Тем более что пока что он не представлял никакой опасности – раненый и бессильный.

Втайне родители Беаты надеялись, что он тихо и спокойно помрет – нет человека, нет проблемы. Кто он такой и зачем тут оказался? Чего от него ожидать? А пока пусть девочка поухаживает за ним, почему и нет? Чего портить ей настроение? Больше детей у семьи Гирсе не было. Не дали боги. Нет, парочка старалась, очень старалась... ходили по лекарям, даже к городским ходили, к знахарям-колдунам. Но... все лекари говорили, что у Аданы все нормально со здоровьем. Вот только словами лекарей ребенка не зачнешь, так что ни брата, ни сестры у Беаты так и не появилось.

Впрочем, Урхард и Адана не теряли надежды и при каждой возможности пытались исправить эту несправедливость. Безуспешно. Скорее Беата обрадует их внуком, чем у них что-то получится, решили Гирсе.

Кстати, это была еще одна причина, по которой родителям девушки не хотелось, чтобы незнакомый мужчина находился в доме. В семнадцать лет рано еще думать о том, чтобы родить, особенно если на горизонте ни одного достойного кандидата в мужья, только деревенские увальни, ловкие в лесу и в бою и совершенно тупые, когда дело касается образованной девушки из хорошей семьи. При Беате парни почему-то впадали в ступор, мямлили, несли какую-то ерунду, создавая впечатление полудиотов. Она над ними подсмеивалась, и скоро оказалось, что рядом с шустрой, острой на язык девушкой нет ни одного претендента на ее любовь. Хорошо это или плохо? Беата считала, что хорошо, родители в выводах дочери сомневались. Но не настаивали. Придет время, и... чего «и» – они не знали, но искренне верили, что боги не пустят дело на самотек и как-то исправят ситуацию. Иначе пошли бы они, эти боги!..

Урхард не отличался набожностью, как и его жена, хотя подношения богу торговли делал. Как, впрочем, и богу путешественников – куда без этого, ведь большая часть жизни Урхарда проходила в дороге. А на ней

множество опасностей и приключений – от раненого медведя-шатуна до слизняка или черного вопера, иногда вылезающего из Леса и пытающегося попить человеческой крови.

В последние годы нечисти становилось все больше и больше. Говорили, что в старые времена нечистой силы в Лесу было совсем мало или даже не было вообще. Но уже много лет леса заполонила пакость, взявшаяся непонятно откуда, – все эти гады, поджидавшие путника и мечтающие лишить его частей тела, крови, а то и самой жизни.

Урхард заметил, что последние пять лет твари сделались очень агрессивными и количество их увеличилось в несколько раз. Он сам уже раз пять дрался с залетным визгуном, перепугавшим лошадей так, что те понесли и чуть не развалили фургон. Хорошо хоть, что твари в этой местности были небольшими. Поговаривали, что ближе к югу они вырастали раза в два крупнее. И в который раз Урхард благодарил судьбу, что живут они на севере, а не на юге, где зимой, говорят, даже не выпадает снег. Урхард там не бывал, но оснований не верить книгам у него не было, как и рассказам купцов, с которыми постоянно встречался в городском трактире.

– Ну почему он не отвечает?! – с ноткой отчаяния в голосе снова спросила Беата, и Адана укоризненно покачала головой:

– Дочка, он может и вообще ничего не ответить! Никогда! Ты видела рану на его голове? Ты видела его сломанные руки и ноги? Он может превратиться в овощ, ведь всем известно – человек думает головой! А раз голова разбита, значит, думать он сейчас не может. Может, вообще никогда не будет думать. Дала б ты ему умереть, чего мучаешь? Тихо, тихо – пусть живет! Я-то чего? Ну что так разволновалась?

– Уыыыааа... – неожиданно явственно сказал мужчина. – Иииииааа!

– Глянь-ка, и вправду оживел! – хмыкнула Адана. – Эй, парень, тебя как звать? Откуда ты?

– Ээээууу... – беспомощно прогудел мужчина и облизнул губы.

Беата схватила ковшик с отваром травы, поднесла к губам больного, и в его рот полилась тонкая струйка. Мужчина стал глотать, захлебнулся, закашлялся, покраснел. Девушка вытерла его губы тряпочкой, утерла ему лоб, покрывшийся испариной, и посмотрела на мать – исподлобья, колоче, как лесной гессрер на свою жертву.

– Выживет он! Ты же видишь – пьет, кашляет, уже и глаза открыл, разговаривать стал. Не говори больше про то, что он должен умереть!

– Да я чего... пусть живет, я же сказала! Дочка, поосторожнее с ним... может, он из разбойников? Может...

– Может, он гессрер-перевертыш, ага! Мамочка, ну что ты все ерунду говоришь? Иди лучше готовь, папку встречай. Я сейчас помогу тебе, только закончу с ним...

Адана недовольно поджала губы, но ничего не сказала. Повернулась и скоро уже гремела кастрюлями на кухне, вымещая на них свое раздражение.

Беата улыбнулась и снова склонилась над больным:

– Надо покушать! Давай-ка я тебе бульончик сделала! Попей! Ага, вот так, так...

Мужчина глотал теплую, пахучую жидкость, полуприкрыв глаза, когда Беата остановилась – бульон закончился, – что-то попытался сказать, прохрипел, приподнял худую руку, но попытка снова закончилась неудачей. У больного из уголка глаза показалась большая, чистая слеза и покатилась по щеке к подушке, испачканной каплями бульона, пролитыми Беатой по неосторожности.

– Ничего-ничего, ты скоро будешь сильным, большим – как и был! Вон у тебя какие крепкие кости, и зарастает на тебе все быстро! А то, что сил сейчас нет... так что же такого? Болезнь есть болезнь! Ты знаешь, мне никогда не нравилось быть лекаркой, а когда я за тобой поухаживала, решила – наверное, все-таки буду лечить людей. Тебя ведь вылечила... ну не совсем пока вылечила, но вылечу! Отвар я хорошо делаю, ухаживать за больным умею. Ты, может, хочешь кое-чего? Ты не стесняйся, я тебе горшочек подам...

– Ыууу... – простонал мужчина и сморщил нос, глядя на Беату. – Аууууыы...

– Стесняешься, глупенький! – поняла девушка. – Да я тебя видела во всех видах! Ты чего?! Да и неинтересны мне твои причиндалы, я твоя лекарка, и все тут! Сейчас я тебе подам горшочек, оботру тебя, а потом снова поговорим, хорошо? Ну, давай-ка!

– Ну вот, видишь, как хорошо? И ты чистенький, и постелька чистая. Ты, если что, говори мне, когда захочешь. Не можешь – старайся говорить! Сегодня лекарка в лавку приходила, так вот, она сказала, что после сильного удара по голове человек может не только сознание потерять, но и разучиться говорить! Но со временем все налаживается... почти всегда. Сегодня я тебе голову помою. Ты такой красивый, такой мужественный, а голова немытая. Так нельзя! У тебя красивые волосы, темные. У наших у всех светлые волосы, а ты темный! Ты из дальних краев? Когда окрепнешь, расскажешь мне, откуда ты пришел и что с тобой случилось. Здесь так

скучно, так нудно – парни все здоровенные и тупые как на подбор. Одно развлечение – посмотреть, как они в последний день седмицы единоборствуют. Хотела бы я быть парнем! Вы сильные, вам все можно. А мы, женщины, только рожать и дома сидеть, ждать своих мужей. Ну не обидно ли? Я бы путешествовала, дралась с другими кланами, убивала нечисть! Ты боишься нечисти? Да нет, такой, как ты, не может бояться нечисти, потому что ты герой! А я боюсь, если честно. Особенно гессрера-перевертыша. Он оборачивается человеком, напускает морок, и ты видишь в нем того, кого любишь, кого хотел бы увидеть. И тогда он к тебе приближается и высасывает жизнь. Вот!

Беата помолчала и посмотрела в лицо мужчины. Тот внимательно слушал, повернув голову и глядя на девушку колдовскими зелеными глазами. Потом моргнул пару раз и, чуть улыбнувшись, сказал:

– Уыыааа! Уууэээ...

– Так. Надо за тебя браться как следует, – хмыкнула Беата. – Сколько можно мычать? Лекарка сказала, что ты мог забыть язык совсем и тебя нужно учить, как ребенка. Буду учить. Прямо сейчас!

Девушка встала, прошла мимо постели, остановилась:

– Я стою! Хм... мое имя Беата. Я – Беата! Беата! Ну-ка, повтори!

– Эууээээ... – послушно промычал мужчина, и Беата хихикнула:

– Не эуэээ, а Беата! Повтори!

– Эуээээ...

– Хи-хи... Беата!

– Буээээа...

– Ну вот! А говорил – не можешь! Молодец!

– Вот, молодец! Сам уже ешь! Мама, смотри, он сам ест!

– Осторожнее. Много не давай. Папа говорит, он может умереть, если сразу дать много.

– Ну что же я, дура, что ли? Я понемножку накладываю. Ну как ты? Как себя чувствуешь?

– Хорошо... – Голос мужчины был хриплым, каким-то деревянным. Но это и понятно – от завываний, с помощью которых он изъяснялся, до членораздельной речи прошло всего две недели.

Мужчина действительно очень быстро восстанавливался. Он уже мог есть сам – полусидя, держал ложку – только как-то смешно, в кулаке, пальцы у него работали плохо, неловко, не желали держать предметы, даже самые легкие.

Беата с жалостью смотрела на худого парня, не способного обслужить

себя, и ощущала что-то вроде материнского чувства. Хотелось погладить мужчину по голове, обнять, защитить от всего мира, так жестоко обошедшегося с ним.

А то, что мир обошелся с ним жестоко, было видно сразу: густые темные волосы наполовину поседели, именно наполовину – левая сторона белая, правая черная. На левой щеке длинный, извилистый шрам, уходящий за ухо, – пришлось натягивать сорванную кожу и зашивать. Сделали все, что могли, но кожа слегка натянулась, и левый уголок рта приподнялся так, что казалось, будто мужчина все время иронически усмехается.

– Теперь давай выберем тебе имя, ладно? Я же должна тебя как-то звать? – предложила Беата, забирая из рук больного чашку из-под съеденной каши. Кашку она сделала сытную – растерла вареное мясо, грибы, истолкла крупу, получилась такая серо-бурая масса, вкусно пахнущая и проскакивающая в желудок совершенно без проблем – вкусная!

– Давай, – так же хрипло подтвердил мужчина и попытался улыбнуться. Улыбка получилась вымученной, и он оставил свою затею, сделавшись снова хмурым и спокойным, как камень с горы Гостра.

– Я буду называть имя, а ты мне говори, подходит ли оно тебе. Может, таким способом мы найдем твое настоящее имя? А что, голова откликнется, вспомнит. Чем боги не шутят? Итак, начинаю! Горс!

– Нет.

– Нурс!

– Нет.

– Эйно́р!

– Н... нет!

– Эво́р!

– Нет.

– А́нри!

– Стой. Что-то щелкнуло. Давай на «а».

– А́ндрус!

– Вот! Я не знаю точно, но чувствую – что-то такое похожее.

– Андрус... Андрус... – Беата будто покатала на языке это имя, и в ее голубых глазах появилась смешинка. – А что, мне нравится! Андрус! Только смешно...

– Что смешно? – Мужчина осторожно сел на лежанке и, обхватив руками правую ногу, спустил ее с края топчана.

– У меня был знакомый, Андрус. Ну такой болван! Как-то позвал меня погулять на берег озера и тут же начал лапать! Ни тебе ухаживаний, ни тебе

подарков, сразу р-р-раз! – и за сиськи! А я ка-а-ак двину ему в глаз! А он в озеро бултых! Грязный весь, в тине, ругается! Потом его папаша приходил к моему, жаловался, что я опозорила сына – когда тот отвернулся, я вроде как толкнула в спину, и придурок свалился в озеро, потерял сапог, новый притом, кошелек потерял и... чего-то там еще, уже не помню сейчас. Требовал, дурак, чтобы мой отец ему возместил ущерб. А я рассказала папке, как все было, он посмеялся и послал этого вымогателя в одно место! Тот грозился, типа мы пожалеем, да пошел он! У меня отец знаешь какой сильный? Он как медведь! Двинет кулаком – башка отлетит! И я сильная в него! Эй-эй, ты куда?! Тебе рано вставать!

Мужчина пошатнулся, глаза закатились, и он грохнулся на пол, со всего размаху приложившись головой об угол топчана. Беата вскочила, бросилась к больному, пощупала жилу на шее – та билась ровно и сильно, как у здорового.

Жив! У девушки от души отлегло. Она нагнулась, подсунула руки под больного, выпрямилась, оторвав его от пола, и с усилием положила на постель, отметив про себя, что тот стал ощутимо тяжелее. Раньше она поднимала его гораздо легче. Выздоровливает!

Глаза Андруса открылись через минуту – он поморгал, сморщился и удрученно спросил:

– Я что, свалился? Голова закружилась.

– Свалился! Скажи спасибо богам, которые тебя охраняют, – только шишку набил! Ну что ты как маленький ребенок?! Хоть бы сказал, что хочешь встать, я бы тебя поддержала! И вообще, нельзя резко вставать, лекарка говорила! У тебя кровь застоялась, потому надо быть очень осторожным!

– Буду, – кивнул мужчина и снова начал садиться, скривив болезненную гримасу. Сел, приложил руку к затылку, где наливалась шишка. – Да, хорошо приложился. В голове звон стоит!

– Посиди вот так, привыкни, – кивнула Беата, – потом я помогу тебе встать. Ты же хочешь кое-куда сходить, да? Так бы и сказал... а то изображаешь из себя...

– Если бы изображал, – усмехнулся Андрус, – а то я и не знаю, кого изображать. Ничего не знаю. Вообще ничего. Где я, откуда я, зачем я... ничего. Без девчонки встать не могу! Скажи, а когда меня нашли, во что я был одет? Что из вещей при мне было?

– Да ничего особенного – рубаха, штаны, сапоги. Оружия не было – ни меча, ни лука, ни даже ножа. Ничего такого, что могло бы указать, к какому клану ты принадлежишь, чем занимаешься. Ты лежал возле дороги, весь в

крови, и было похоже, что тебя будто сбросили с высокой скалы. Рубаха тоже в крови, в грязи. Пришлось выкинуть, все было безнадежно испорчено. Я тебе папино белье дала. Он покрупнее тебя, пошире, но лучше пусть висит, чем лопается, правда же? – Беата радостно засмеялась, став в этот момент еще красивее. Ее голубые глаза лучились светом, золотистые волосы, чисто вымытые и пахнущие травами, обвивали голову, словно облако вершину горы, а полные губы манили приникнуть к ним, как холодный источник влечет путника в жаркий день.

Мужчина встряхнул головой, отгоняя непонятно откуда взявшиеся мысли – ему подумалось о том, что такую красотку мечтал бы взять в жены любой дворянин, а не только простолюдин из глухого угла, и тут же он спросил себя: а что такое дворянин? Что значит это слово? Какое отношение он имеет к дворянину? Слово знакомое и когда-то очень важное... Нет, на ум ничего не приходило.

– Беата... Расскажи мне... – Он умолк, подбирая слова, а девушка радостно засмеялась:

– Как здорово, что ты ожил! Никто не верил! Интересуешься всем! Что тебе рассказать? Я тебе все что захочешь расскажу, даже как я первый раз поцеловалась!

– Давно?

– Что давно? – не поняла Беата.

– Давно поцеловалась?

Девушка расхохоталась и не могла остановиться с минуту, у нее даже выступили слезы на глазах. Мужчина заметил, что Беата вообще хохотушка и смеется иногда совершенно без повода – с его точки зрения. Вот как сейчас!

– Ой, рассмешил! Извини, ты просто напомнил мне. Первый раз я поцеловалась, когда мне было пять лет! Мамина подруга приехала в гости со своим мужем и сыном, ему лет столько, сколько и мне. Они начали шутить по поводу того, что нас поженят, когда мы вырастем, и предложили Синаргу меня поцеловать, как свою невесту. Так вот, он меня чмокнул в губы, а я решила, что меня хотят укусить! Я ка-а-ак... врежу ему куклой! А кукла деревянная, твердая – шишка была с кулак! Реву было! Смеху! Только теперь Синарг обходит меня за сто шагов! Помнит куклу Нюсту!

Мужчина не выдержал и тоже засмеялся. Успокоившись, он спросил:

– Расскажи, как вы тут живете? Вообще, что это за мир? Я ведь ничего не знаю... Когда-нибудь мне придется от вас уйти, я должен буду жить сам, так что хотелось бы знать побольше.

– Ты так ничего и не помнишь? – нахмурилась Беата. – Совсем-совсем

ничего? А как же ты будешь жить? Что ты умеешь? Чем заработаешь на жизнь? Я бы не советовала тебе уходить до тех пор, пока ты не определишься, что будешь делать. Пока можно было бы поработать у папы – он частенько ворчит, что нужно нанять помощника, он один не успевает. Я ему помогаю, но... я женщина, так что толку от меня не очень много. Нет, я хорошо помогаю – и когда он закупает товары, и когда грузит, и... в общем, везде. Но ведь я когда-нибудь выйду замуж, уйду из дома... кто ему поможет? Кроме того, времена смутные – нечисть размножилась, да и разбойники появились, пошаливают. Папку взять трудно, он здоровенный, но... лучше, чтобы не один. Понимаешь?

– Беата... я мало что понимаю. Если ты мне расскажешь, буду понимать больше. Чтобы принять какое-то решение, мне нужно знать больше.

– А ты образованный, да? – прищурилась Беата. – Я вот слушаю тебя и думаю, ты точно учился, читал книги. Ты умеешь говорить. Ты не простой вояка, или кто там еще. Ничего так и не вспомнил? Кто ты был раньше?

– Я уже говорил, – тяжело вздохнул Андрус, – ничего не помню. Что-то всплывает – какие-то образы, какие-то картинки, и тут же гаснут, не успеваю даже запомнить. Давай не будем пока это трогать, хорошо? Расскажи мне о мире...

– Ну что рассказать... мир создал Создатель и другие боги, они...

– Вот это мне пока не нужно, не трать время, – перебил мужчина. – Мне надо знать, что за земля, на которой мы живем, кто ею правит, какие здесь опасности, какая жизнь. Остальное постепенно я и сам узнаю.

– Ну... хорошо, – пожала плечами Беата. – Мы живем на большом материке, окруженном морем. Живем в самом его центре, в Лесу.

Сюда не все ездят – Лес населен чудовищами, тварями, обладающими магией. Говорят, что когда-то на Лес упало магическое заклинание, которое превратило часть зверей и людей в чудовищ, алкающих крови и жизни людей. Раньше их было мало, теперь стало гораздо больше. Большинство нашего народа живет по берегам моря, бороздит его на своих кораблях, торгует с островами, воюет, грабит, а мы вот живем в лесу. Кто-то охотится, отец торгует шкурами – живем.

– Беата, кто правит нашим миром? – терпеливо переспросил Андрус.

– А! Да. У нас есть староста, он решает вопросы по селу. Старосту выбрали на сходе. Хотели папку, но он отказался. Не любит командовать, разбираться в чужих проблемах – кто кому морду набил и что за это будет, чья коза пропала и кто сено попер. Староста еще собирает налоги с каждого дома и везет их в город, в клан. Глава клана принимает налоги, а

взамен защищает нас.

– От кого защищает? Кто вам угрожает?

– Ну... кланы всегда воюют. За хорошие пастбища, за водопои, за лес, в котором можно охотиться, за россыпи золота, за россыпи камней... за все, что можно забрать, отнять. Наш клан не самый сильный, но вполне крепкий. Сколько кланов на свете? Не знаю. Десятки. Они собираются в королевство – король собирает налоги с кланов, правит ими. Он от нас очень далеко, очень. Мы живем в глухомани. Если бы отсюда не выбирались, так и клан бы никогда не видали.

– Так за что тогда им платить? Они вас не защищают, за что деньги?

– А попробуй не дай! Пришлют войско, пожгут дома, все равно заставят платить! Так лучше самим отдать. С дома в год один золотой, с лавки – пять золотых. Не так уж и много, если ты можешь их выплатить.

– Ага... кое-что понятно, – устало вздохнул Андрус. – Помоги мне встать, хочу немного походить. И... сходить кое-куда.

– Ты что делаешь? Ты же упадешь! – Беата бросилась к Андрусу, попыталась его поддержать, но он мягко отстранил девушку.

– Это упражнения для восстановления тела. Не бойся, я уже в порядке. Голова не кружится. Теперь мне нужно усиленное питание – много мяса, овощей, чтобы нарастить мышцы. И вот что, Беата... мне очень неудобно жить нахлебником. Скажи отцу, что я готов помогать ему в лавке – буду таскать мешки, ящики, что смогу, то и сделаю. Матери помогу – воду таскать, дрова колоть. Хорошо?

– Да ты тощий совсем! Куда тебе мешок поднять?! Ты чего? Спятил? – Беата чуть не фырчала, как рассерженная кошка, и Андрус явственно представил на ее месте черную кошку со сверкающими глазами. Та вдруг «улыбнулась», а потом неожиданно превратилась в маленькое крылатое чудовище, прекрасное, сверкающее разными цветами.

Андрус встряхнул головой – наваждение пропало. Перед ним снова стояла девушка – не очень высокая, светловолосая, с голубыми сияющими глазами, пухлыми губами, одетая в свободную белую рубаху с кружевами и юбку-штаны, украшенную серебристой вышивкой. На поясе небольшой, слегка кривой кинжальчик – ходить без ножей здесь считалось не совсем приличным. Да и времена смутные – твари стали выходить к поселениям.

– Смешно! – хихикнула Беата. – Ты как будто дерешься с кем-то невидимым! Ты видишь его, а я нет! Может, ты грибов наелся? Плохих. Вот и видишь чего не надо!

– Не мешай, – невольно усмехнулся Андрус. – Лучше становись рядом,

я тебе покажу, как надо делать. Эти упражнения разминают мышцы, укрепляют тело, дают энергию. Когда-нибудь тебе это все может пригодиться. Есть упражнения и с ножом. Ты же всегда ходишь с ножом. Применяла его когда-нибудь?

– Один раз, – фыркнула девушка. – В городе. Я у фургона стояла, смотрела, чтобы не обворовали, а ко мне пьяный грузчик полез. Я отбивалась, отбивалась, потом достала ножик и ткнула его в зад!

– Помогло? – улыбнулся Андрус.

– Не-а, он только обозлился и чуть меня не прибил. Хорошо, что папка вовремя вернулся и ка-а-ак врезал ему по затылку – парень и вырубился! Но если что, я запросто воспользуюсь ножом. Он не простой – на него наложено заклятие против тварей, если им тварь ткнуть – она умирает быстрее, чем от обычного оружия.

– Правда? – искренне удивился мужчина, не прерывая упражнения. – А кто накладывает такие заклинания? Как они действуют?

– Не знаю, как действуют. Я не колдунья. Вот, глянь! – Девушка достала нож и протянула его Андрусу рукояткой вперед. – Лезвие после заклятия становится серебристым, а когда ткнешь им в тварь, рана у той чернеет и дымится. Тварь может от этой раны умереть, даже если она нанесена в руку или ногу. Потому мы тут еще и держимся, что есть такие заклинания. Твари нас боятся. Хотя... уже и не очень. Папка так говорит. По слухам, начали появляться такие, что не боятся заклинаний и вроде как сами колдуют, вот!

– Все-таки я не понимаю – откуда они взялись? – Мужчина медленно развел руки, глубоко вдохнув воздух и потом резко выдохнув «на крике». Беата от неожиданности слегка вздрогнула и рассмеялась. Спросил: – Что это за существа? Неужели нет никаких сведений?

– Может, и есть, – пожала плечами девушка, – но я об этом ничего не знаю. Книги стоят дорого, пишут их в городе, до нас ничего такого не доходит. Да и неинтересно было – ну есть твари и есть, нам какое дело? На все воля богов. Если они решили, что тварям быть, значит, так тому и быть. Может, и вообще про них никто ничего не знает. В Лесу никто, кроме нескольких лесных кланов, не живет, все на побережье – кому интересно, сколько у нас тварей и почему они ведут себя так, а не иначе. Давай я тоже с тобой позанимаюсь? Красиво ты это делаешь. Как вот это называется, что ты сейчас сделал?

– Хм... «дракон бьет хвостом в солнечный день». А это – «всадник»... это – «шаг». А это – «ложная нога». Становись... вот так. Расстегни верхние пуговицы... стоп! Снимать не надо! Боюсь, твои родители меня

неправильно поймут. Одежда должна быть свободной, ничто не должно сковывать движения. Юбка-штаны как нельзя лучше подходит для упражнений. Итак, становись вот так... представь, что перед тобой противник – медлительный, но тем не менее опасный, и ты его встречаешь... вот так! Не надо торопиться, делай все медленно, плавно, пока не затвердишь упражнения до такого состояния, когда будешь делать их без ошибки уже на большой скорости. На каждый удар есть свой контрудар. И не один.

– Откуда ты все это знаешь?! Ты вспомнил свое прошлое?! Я никогда не видела такой борьбы! Наши парни сильные, драться умеют, но чтобы так – я даже в городе такого не видела!

– Я просто знаю, и все тут, – усмехнулся Андрус. – Знания всплывают у меня в памяти и снова тонут. Откуда я это знаю? Где я этим занимался? Не могу вспомнить. Только знаю, что занимался, когда-то очень любил эти занятия. И еще – я был воином, уверен. Потому что знаю – убивал людей. В том числе и голыми руками. Становись, вместе! Начали!

Мужчина был действительно громадным – русая борода, веселые голубые глаза, схожие с глазами дочери, руки, перевитые венами. Андрус откуда-то знал, что такие руки могут ломать подковы и шею врага, если понадобится. У него самого были такие руки.

Урхард слегка отяжелел с возрастом, но это лишь добавило ему некой основательности. Он походил на глыбу камня – монолитную, крепкую и... веселую. Его глаза лучились смехом, когда он смотрел на чужака, внедрившегося в семью. Урхард все понимал, все ведал в этом мире и относился ко всему с легкой насмешкой, как бы говоря: если будешь принимать все всерьез – с ума сойдешь! Этот безумный мир можно только высмеять, иначе никак. Впрочем, его глаза темнели и делались страшными, когда он шел в атаку. Из добродушного человека Урхард превращался в разъяренного зверя, и тут уже не стой на его пути!

Андрус знал все это от Беаты – та гордилась отцом, восхищалась им и считала его самым лучшим человеком на свете. Возможно, так оно и было, по крайней мере для нее.

– Говоришь, помогать будешь? В силу вошел? Что-то не верится... кости одни. На тебя глянуть-то страшно. Ты ешь? Беа, он ест мясо?

– Ест, пап, еще как ест! – фыркнула девушка. – Куда только девается? По нужде раз в два дня ходит, все переваривает!

– Ф-ф-фу... дочка, сколько раз я тебе говорил – благовоспитанной девушке нельзя говорить о таких делах! Неприлично!

– Да плевала я на приличия, – хихикнула Беата. – Ну что такого-то? Все всё знают, почему не сказать прямо?

– Тебе следовало родиться парнем, – сокрушенно вздохнул Урхард, но губы его сложились в улыбку, и он незаметно подмигнул Андрусу. – Все, не мешай нам, мужчинам, разговаривать! Итак, ты утверждаешь, что можешь переносить мешки, можешь помогать мне в работе?

– Могу, – согласно кивнул Андрус. – Могу переносить, могу считать, могу, если понадобится, драться за вас. Я хочу отработать то, что я задолжал вашей семье. Мою жизнь.

– Ну-ну, похвально, – буркнул Урхард, довольно откашлявшись. – Среди молодежи нечасто встретишь таких ответственных людей. Народ мельчает, все больше становится пустозвонов, которые обещают, да не делают. Не люблю таких. Надеюсь, ты не из них.

– Он не из них, па, не из них! – с места закричала Беата, но Урхард лишь взглянул на нее исподлобья, и та замолчала, будто придавленная тяжелым взглядом. Несмотря на безалаберность, Беата знала, когда можно беспокоить отца, а когда нет. Сейчас был тот самый случай, когда лезть не в свое дело не следовало. А Беата не любила плевать против ветра.

– Надеюсь, что не из них, – пророкотал Урхард. – Ну что же, вон мешок с крупой, в нем семьдесят стонов. Подними его и перенеси на полку под окно. Давай.

Беата до боли сжала руки, так что ногти впились в ладони. Она знала, насколько тяжел такой мешок, – только отец мог его легко поднять. Даже самые здоровенные грузчики кряхтели и вздыхали, забрасывая мешок на плечо, ворча, что за такие мешки надо брать плату отдельно, что они сделаны для обмана грузчиков, а им – надрывайся!

Андрус подошел к мешку, примерился и легко, будто тот ничего не весил, положил на плечо, даже не изменившись в лице. Дойдя до полки, аккуратно снял мешок и уложил на то место, куда велел Урхард. Беата шумно выдохнула и слизнула с губы капельку крови – она сама не заметила, когда прикусила губу. Поморщилась и восторженно уставилась на невозмутимого Андруса.

Урхард же довольно крякнул и кивнул:

– Силен. Говоришь, драться умеешь? А чем докажешь? Сможешь меня свалить?

– Смогу, – спокойно ответил Андрус. – Сейчас?

– Ладно, верю, верю! – улыбнулся лавочник. – Не хватало еще рубаху напачкать! Но худой ты – это просто невозможно! Надо тебя откормить. А то соседи скажут, что я жадная скотина и работника голодом морю!

Серебреник в неделю, стол, комната, и... вот что, работник... Если у моей дочери вдруг живот начнет на нос налезать по твоей милости, я тебе башку откручу. И заверяю – тебя ничего не спасет. Понял?

– Па-а-ап! Ну ты чего?! – обиженно воскликнула Беата, срываясь с места. – Какую ерунду говоришь!

– Молчи! – Урхард рывкнул так, что ошеломленная Беата застыла, не в силах что-то сказать. – Я знаю, что говорю! Я тебя всю жизнь баловал, да, видно, слишком избаловал! Ты меня слышал, Андрус? Ты меня хорошо понял?

– Слышал и понял, – серьезно ответил мужчина, глядя в глаза своему будущему работодателю. – Я не хочу причинить вашей семье ни малейшего вреда, клянусь!

– Надеюсь, – так же серьезно произнес купец, из глаз которого куда-то исчезла вся веселость. – Ты мне нравишься, и не хотелось бы, чтобы ты пропал в Лесу.

– Пап, я на тебя обижена, – резко сказала Беата и выскочила из кладовой.

Урхард проводил ее взглядом, слегка улыбнулся и буркнул:

– Коза балованная! Смотри, отвечаешь за нее! Защищай ее, береги. Я за нее весь мир убью! Она любит тебя, а ты человек непонятный, пришлый, странный и опасный. Потому может наступить момент, когда я решу, что ты опасен, и тогда берегись. Между нами не должно быть недомолвок, потому я говорю все без затей.

– Я ценю это, – кивнул Андрус, – и, повторяюсь, ни в одном уголке моей головы нет мысли причинить вам вред. Я буду стоять за вас, как за свою родню. Клянусь.

– Тебе сколько лет?

– Не знаю, – беспомощно развел руками Андрус. – А на сколько я выгляжу?

– Хм... лет на тридцать... нет, двадцать пять. Если бы тебе убрать шрамы, седину – точно лет на двадцать пять. Будем считать, что так и есть. Речь у тебя правильная, похоже, что ты где-то обучался. Читать умеешь?

– Нет, – усмехнулся Андрус. – Говорить умею, а читать нет.

– Странно... такое может быть, когда кто-то грамотный учил тебя языку, но забыл научить письму... Оп-па! – Урхард хлопнул рукой по колену и ухмыльнулся. – Я догадался! Ты говоришь, как моя дочка, даже с ее выражением, даже ударения кое-где ставишь, как она! Может, ты вообще из другого мира? И наш язык тебе в диковинку? Вот потому ты говорить умеешь, а писать нет! Ведь тебя этому никто не обучал!

– Ну... может быть, – пожал плечами Андрус, – вполне возможно. Но я ничего не могу сказать по этому поводу. Насчет грамоты – я попрошу Беату, пусть научит меня писать. Мне ведь жить надо как-то будет... когда я покину ваш дом. Грамота пригодится.

– Пригодится... – нахмурился Урхард, глядя на возникшую в дверном проеме жену.

Адана смотрела обвиняюще, как богиня возмездия. Постояла секунд десять, потом холодным голосом сказала:

– Андрус, иди к себе. Мне с мужем поговорить нужно.

– Мы еще не договорили! – вскинулся купец, сдвинув пышные густые брови, но женщина лишь кивнула:

– Иди-иди, парень, отдохни.

Андрус, улыбнувшись про себя, поднялся и вышел из комнаты, притворив за собой дверь. Тут же послышался приглушенный голос хозяйки, но он не стал прислушиваться. По большому счету это не его дело. Андрус знал, что долго на этом месте не задержится. Обживется и в путь. Сколько проживет тут – неизвестно. К Беате его тянет, это точно. Но скорее он видит в ней свою сестренку, чем любовницу или жену. И уж точно не будет ломать ей жизнь, даже если она сама этого хочет.

– Ты чего на девчонку насел? Она рыдает у себя в комнате! С ума сошел? Девчонка только оживилась, расцвела, а то совсем затосковала! А ты?! Чего ты ей там наплел?

– Молчи! Ничего не наплел! Все правильно! Она так и норовит запрыгнуть в постель к этому парню! Я его – а больше ее – предупредил!

– Ты большой, сильный и... глупый. Все чего ты добился – расстроил дочь. А если они захотят прыгнуть в постель, так и так прыгнут. Да и к лучшему!

– Чего ты несешь? – Урхард навис над женой как утес. – Ты чего вообще говоришь?! Как язык-то повернулся?!

– Сядь. – Голос Аданы был спокойным и бесцветным, как вода горного ручья, и таким же холодным. Урхарда как из ведра окатили, он как-то сжался, будто сдулся, и сел рядом с женой на скамью, положив здоровенные клешнястые руки на колени. – Урх, наверное, у меня не будет больше детей. Надо это признать, а мы с тобой всегда мечтали о маленьком, о мальчишке. Ты говорил, что будешь учить его стрелять из лука, бороться, точить ножи и драться, а еще – он будет помогать тебе в работе. Я старею. Ты стареешь. Наши потуги ничего не дают. И не дадут. И ты это давно уже знаешь. Наша дочь влюбилась – в незнакомого парня,

который оказался на ее дороге. И это первый раз, когда она кого-то полюбила. Ты знаешь, как Беа относится к деревенским парням. Они и вправду не стоят ее ногтя – грубые, тупые увальни. Этот парень другой, я чувствую в нем силу, но при этом – порядочность, доброту, основательность. Он будет защищать нашу дочь до последней капли крови, я знаю. Сердце мое чует. Ты сам такой, и я тебя выбрала именно поэтому – ты надежный, ты умный, ты самый лучший! Помнишь, ко мне сватался племянник главы клана? Как они угрожали моим родителям, если я не пойду за него замуж? А я выбрала тебя. Несмотря на опасность. И возможно, убила этим своих родителей...

Женщина сразу как-то постарела, ее лоб прочертили глубокие морщины. И если до того она выглядела лет на тридцать пять, сейчас она напоминала старуху, прижатую годами, несчастьями и бедами.

– Ты думаешь, их...

– Да. Отец справился бы с лошадьми, как бы они ни понесли. У них у всех были сломаны шеи – вроде как при падении. Но это вранье. Их убили. В отместку мне.

– Ты никогда мне не говорила! – Голос Урхарда был хриплым, а руки сжались в кулаки. – Не говорила!

– Я не хочу, чтобы ты мстил. Запрещаю это делать. Это мои родители, мой брат, мое несчастье, и только я могу распорядиться своим горем. Я рассказала тебе это только потому, чтобы ты понял, насколько сильно я тебя любила и люблю. А еще – потому что нам нужно принять решение.

– Ты хочешь выдать Беату за этого парня? – устало прикрыл глаза Урхард. – А ты его-то спросила?

– Не спросила. И не спрошу. И ты не спросишь. Наша дочь решит сама, что ей делать. Если она решит зачать от него ребенка, это будет наш ребенок. Наше дитя. Она взрослая женщина, и мы не вправе указывать ей, как поступить, даже если мы и говорим обратное. Мы можем только посоветовать ей, как правильно сделать. И если Беата решит, что будет правильно именно так, мы не будем ей перечить. Что касается Андруса – возможно, он когда-то уйдет. Но мы должны сделать так, чтобы ему не хотелось от нас уходить. Понимаешь? Все сделать!

– Давай-ка мы вначале посмотрим, что он собой представляет. А потом уже...

– Посмотрим, – улыбнулась Адана и сразу стала снова моложавой, красивой. – Но если все-таки...

– Да-да, не убью я его! И уж тем более ее! – ворчливо фыркнул Урхард. – Должен же я был соблюсти дочь?!

– Должен. Ты свое дело сделал, теперь пусть боги решают. – Адана потянулась к мужу, обхватила руками его за голову и, упершись лбом в его лоб, тихо сказала: – Люблю я тебя, буйный бородач! Не знаю, сколько нам осталось на свете, но я тебя всегда буду любить. Даже тогда, когда ты станешь старой развалиной.

– Чего это – развалиной?! – ухмыльнулся Урхард, целуя пухлые губы жены, похожие на губы дочери как две капли воды. – Я никогда не буду развалиной! Всегда буду молодцом!

– Ты всегда молодец... мой герой! – Адана прижалась покрепче, и они замерли – обнявшись, слившись воедино, как две половинки единого целого.

Андрус лежал на кровати, вытянув руки вдоль тела, и смотрел в потолок, сделанный из дубовых досок, покрытых лаком. С тех пор как был построен дом, потолок потемнел, кое-где закоптился – масляные фонари не добавляют свежести. Маленькое окошечко давало немного света, даже летом. Сейчас окно было открыто и затянуто сетчатой тканью. Теплый летний ветерок, сумевший влететь в окно, шевелил волосы мужчины, схваченные в узел, именуемый здесь воинским. Не носили воинский узел лишь рабы – здесь рабов не было, только в городе. Селяне неодобрительно относились к рабству, особенно те, кто жил среди Леса. Никто не знал, почему так, но с древних времен повелось – в Лесу рабов нет.

Мужчина думал. Обо всем. О том, что сегодня сказал ему Урхард, о том, что ему делать и как ему жить. Безродный – без имени, без клана, без всего того, что составляет жизнь человека, – он был будто горошина, выброшенная из стручка. Возможно, из него вырастет новое растение, а может, он исчезнет, унесенный потоком жизни. Что ему делать? Вероятно, лишь одно – жить! Жить и находить, обживать свое место под солнцем. До тех пор пока не вспомнит, кто же он такой. Или не создаст себе новую жизнь.

– Ты спишь? – Дверь тихонько приоткрылась, в нее заглянуло симпатичное личико Беаты.

Мужчина притворился спящим, задышал ровно, засопел носом. Девушка постояла рядом, хотела погладить его лоб и не решилась. Вышла из комнаты, притворив за собой дверь.

Он вздохнул, открыл глаза и только лишь сел на краю кровати, как дверь шумно распахнулась и торжествующая девушка набросилась на Андруса, толкнула его навзничь и запрыгнула сверху, прижав его руки к постели.

– Негодяй! Я так и знала, что ты притворяешься! Ах, подлец! Не хочешь со мной общаться?

– Беа, не нужно. – Мужчина потихоньку освободил руку, потом другую, снял с себя девушку и осторожно усадил ее на стул возле столика у стены. – Давай поговорим?

– О чем? – нахмурилась Беата. – Это о том, что сказал мой отец? Не бойся, он тебя и пальцем не тронет! Тем более что к нему мама ходила, разговаривала, а она всегда за меня! Так что не бойся, тебя никто не обидит!

– Я как-то и не боюсь. Я вообще ничего не боюсь, – усмехнулся Андрус и с удивлением понял, что и действительно – он ничего не боится! Это было ненормально – как это так? Он должен бояться! Живое существо всегда чего-то боится, а вот он нет! Опять это все разбитая голова, последствия ранения, подумалось ему с горечью.

– А что же тогда? Почему ты шарахаешься от меня, как будто я лесная тварь? Я думала, тебя папка напугал... он так-то добрый, он никого зря не обижает.

– Я знаю. Пойми правильно – ты молодая, красивая девушка. А я кто? Непонятный человек, упавший с неба. Может, я убийца? Может, я совсем пропащий человек, откуда ты знаешь? И еще... молчи, не перебивай! И еще – я должен буду когда-нибудь уйти. Совсем уйти. Ты же знаешь, я не принадлежу этой деревне, этой жизни. Куда уйду – не знаю. Кем буду, где я буду – не знаю! И не хочу тебя обманывать... наши жизни соприкоснулись, но вряд ли пойдут рядом.

– Я некрасивая, да? – шмыгнула носом Беата. – Тощая слишком? Говорят, мужчины любят полных женщин, чтобы было за что подержаться! А у меня сисенки маленькие, с кулачок, попа маленькая, бедра как у мальчишки – тебе не нравятся такие, да? Посмотри сюда, я некрасивая?

Прежде чем Андрус успел что-то сказать, Беата сбросила с себя одежду и осталась голышом. Она стояла, чуть выставив вперед левую ногу, прекрасная, как мечта, и ничуть не стеснялась своей наготы. Беата повернулась вокруг оси, демонстрируя свое тело, и у Андруса перехватило горло – он закашлялся, потом встал, стащил с кровати покрывало, подошел к девушке и закутал ее под самый подбородок, как ребенка. Посмотрел в глаза – они были почти на уровне его глаз, Беата, как и все обитатели этого мира, была довольно высокой.

Девушка смотрела ему в глаза не мигая, будто выпила какое-то лекарство, затуманившее разум. Впрочем, откуда-то Андрус знал название этого лекарства – любовь, вот как оно называлось.

Мужчина поцеловал девушку в лоб, прокашлялся и тихо сказал:

– Давай не будем торопиться. Я еще не скоро уйду, так что у нас будет время узнать друг друга поближе. Хорошо?

– Хорошо... – потерянно сказала Беата, подхватила одежду и, отойдя в угол, начала нервно одеваться, повернувшись к Андрусу спиной. Ему все время хотелось смотреть на нее, любоваться крепким задом, гладкой спиной, в меру мускулистыми бедрами, но... Андрус пересилил себя, отвернулся и, пока не хлопнула входная дверь, не повернулся.

Он улегся на кровать и долго лежал так, опустошенный, как после схватки с врагом. Впрочем, что может быть сложнее, чем драться с самим собой? Так легко поддаться и совершить поступок, о котором будешь потом жалеть всю свою жизнь. Вот только нужна ли была эта победа? И не будет ли он все-таки жалеть о ней всю свою жизнь?

– Вот тут у нас крупа, тут мука, тут... да ладно, разберешься. Если что – спросишь. Цены я тебе дал, весы вот – работай, купец! – Урхард хохотнул и, не оглядываясь, покинул лавку через заднюю дверь.

Андрус усмехнулся, вышел из-за прилавка и отпер дверь в лавку. Шагнул на крыльцо и всей грудью вдохнул напоенный лесным ароматом воздух – от нагретого солнцем леса тянул ветерок, забираясь под рубаху горячими щупальцами, солнце сияло, как начищенный медный таз Аданы, и внезапно Андрусу стало хорошо на душе. Может, это его дом? Может, не зря он сюда попал?

Новоявленный приказчик повесил на дверь красную табличку, означающую, что лавка открыта, пошатал перила крыльца – показалось, что они стали хлипкими от времени, и вернулся на свое рабочее место ждать покупателей.

Урхард говорил, что обычно первые покупатели подтягиваются к обеду. Но кто знает, может, и с утра кто-то придет – всякое бывает.

Андрус прошел за прилавок, сел и стал по слогам разбираться в тексте книги, которую ему дала Беата. Надо было учиться грамоте, учиться писать – не все же быть неучем? Стыдно – девчонка грамотная, а он, взрослый мужчина, нет.

Глава 3

- Кто ты? Кто? Не подходи ко мне! Я тебя не помню!
 - Господин, я ваш заместитель... что с вами?
 - Хастер? Хастер... я сильно ударился головой, когда колдунья хотела меня убить. Тошнит, мне надо отлежаться... Извини... не узнал.
 - Давайте я позову лекаря? Сейчас пошлю за ним слугу...
- Мужчина шагнул к двери, но был остановлен криком:
- Нет! Нет! Никаких лекарей! Он меня отравит! Лучше пусть мне сделают холодный компресс и сготовят обед – поставите в спальню. Вина не надо, не хочу. Сока. Хастер, у меня провалы в памяти, придется тебе помочь мне вспомнить все, что нужно. Домой не уезжай, устраивайся в комнате рядом. И пусть наполнят ванну, мне сажу нужно смыть.
 - Господин, а что там произошло? Император может спросить, вызвать – что мне ему сказать?
 - Чего ты ерунду какую-то несешь? Кого он спросит? Тебя? Так ты тут! Как он тебя найдет? И я тут! Когда император позовет доложить, пришлет гонца – сообщишь мне. Если я буду в силах, лично расскажу императору, что случилось.
 - Господин, у вас завтра в полдень аудиенция у императора, не забыли?
 - Конечно, забыл! Проклятая колдунья все мозги отбила. Все, ванну мне, обед и постель. Сразу легче станет.
 - Может, вам прислать пару девушек? Массаж сделают, ну и вообще...
 - Нет, какие сейчас девушки? – Шанти фыркнула про себя – только девушек ей не хватало!
 - Тогда, может быть, юношу? Ну... того, что вам понравился в прошлый раз?
 - Только юноши мне не хватало! Не выдумывай! Я что сказал – обед, ванна, постель, все!
 - «Юношу мне! Совсем спятили! Хм... сожрать его! Тьфу! Какие мысли в голову приходят из-за этих идиотов! Так людоедкой станешь. Интересно, а какие они на вкус, эти люди?.. Тьфу! Тьфу!»

До следующего утра Шанти вела жизнь ленивого пресыщенного дворянина, по крайней мере как ее представляет простой народ. Она валялась в постели, обжиралась яствами, нежилась в золоченой ванне,

подозревая, что та не золоченая, а целиком золотая. Выяснять этот вопрос Шанти по понятной причине не стала, да и какая разница, из какого металла сделано корыто? Главное, чтобы в нем была горячая, ароматная, восхитительная вода!

Утром слуга принес драконице темно-синий костюм с эмблемой тайной стражи на груди – эдакий здоровенный золотой глаз на заклке. Видимо, предполагалось, что тайная стража просматривает каждого гражданина Славии до печенок, выясняя, насколько он лоялен империи, и выявляет инакомыслящих, способных нарушить покой императора и его приближенных.

На взгляд Шанти, тайная стража занималась лишь тем, что выявляла людей, способных заплатить за свое существование в этом мире, и находила повод, чтобы к ним докопаться. Конечно, ее выводы были утрированными, но в общем-то верными: тайная стража обслуживала интересы элиты империи, в том числе и свои, каждая птичка хочет помочить клювик, если сидит на берегу огромной золотой реки. И мочили. И не только клювик, а влезали в нее с головой, в эту денежную реку.

Впрочем, всем хватало. Народу в Славии много, денежных людей, не способных прикрыться высокими покровителями, тоже.

Карета с гербом семейства Иснак служила верой и правдой не один десяток лет. Это монументальное сооружение могло не только с комфортом доставить хозяина, куда он скажет, но и было некой капсулой, крепостью на колесах – она запиралась изнутри, и можно было сидеть в ней несколько дней недоступным для супостатов, посмевших напасть на начальника тайной стражи, носителя государственных секретов. Карету можно было только сжечь, обложив большим количеством дров, но в городе вряд ли такое возможно. Бойницы, запас воды, еды, три охранника в полном боевом вооружении – все как положено. Когда-то это была обычная карета, но Зорген, когда стал подниматься по карьерной лестнице в страже, переделал семейный раритет в этого монстра, тяжело поскрипывающего на булыжниках мостовой. Чтобы тащить «чудовище», нужно было запрячь как минимум четверку крупных, сильных лошадей. Карету сопровождали конные охранники – как и обычно, как и всегда.

Дворец. Да, император Славии точно не доверяет своим подданным, пришло в голову Шанти. Брать приступом такое сооружение было бы очень, очень сложно. Площадь вокруг дворца открыта, простреливается на пятьсот шагов, несколько уровней охраны – лучники, мечники, копейщики, конные и пешие. Проверка при въезде на площадь, проверка, когда начальник тайной стражи со своим секретарем-замом входил во дворец.

Громадные стены, сложенные из отесанного камня, нависали над головой, вдавливая наблюдателя в землю своей монументальностью, тяжестью, дикостью. В Балроне все было гораздо изящнее, хотя императорский дворец и там был хорошо защищен. Здесь же он просто город в городе, государство в государстве – могучий, оставляющий ощущение вечного, незыблемого и как бы говорящий подданным императора: «Мы здесь на века! И не надейтесь, что будут какие-то изменения!»

Пока Шанти шла к входу в императорский корпус, незаметно осматривалась вокруг, прикидывала, как армия могла бы захватить этот дворцовый комплекс, какие силы нужны для этого. И пришла к неутешительному выводу: взять дворец не то что трудно, практически невозможно – теми силами, что были до того, как в нем оказался Андрей. Только теперь, с появлением пушек, пулеметов, ракет и взрывчатки, можно уничтожить засевшие во дворце войска – и это заняло бы много времени, средств и сил.

Усмехнулась про себя: само собой, никто не собирался брать в лоб это сооружение. Пока не собирался. Балрон отстраивался, преобразовывался, вооружался – когда-нибудь дело до войны точно дойдет, но не сейчас.

То, что задумала Шанти, – ее личная инициатива. Никто не знает, что именно она собралась делать. Никто.

Начальника тайной стражи провели через двор за воротами, потом по длинной террасе над прудом, где плавали лебеди и утки. Пруд довольно большой и может обеспечить водой весь дворец на протяжении не то что месяцев – лет, сразу прикинула драконица.

Потом они прошли через сад, ухоженный, с подстриженными газонами и цветущими южными растениями, распространявшими сладкий запах, напоминавший запах сладостей и благовоний.

По дорожкам, выложенным мозаичной плиткой, гуляли дамы, они с любопытством проводили взглядом мужчину в синем костюме, некоторые из них изобразили легкий поклон и сладкую улыбку. Шанти на всякий случай слегка кивнула, чем вызвала недоумение Хастера – видимо, эти дамы не были достойны поклона. Выругавшись про себя, Шанти перестала отвлекаться от цели и, уже не глядя по сторонам, пошла за провожатым, пожилым мужчиной, одетым в расшитую серебряными узорами черную униформу. Двое служителей дворца и двое стражников-телохранителей сопровождали начальника тайной стражи во время прохода по дворцовому комплексу.

Скоро каблуки драконицы и сопровождающих застучали по паркету

главного корпуса, резиденции императора Славии. Длинный коридор, в котором стояло множество украшенных позолотой, серебром и костью столиков, стульев, шкатулок и всякой такой дребедени, был заметно пышнее, чем такой же коридор во дворце императора Балрона. Уж Шанти-то знала это наверняка, ведь ей некогда пришлось править под видом императора Балрона, и довольно длительное время. Именно тогда она натренировалась изображать человека, мужчину. В противном случае сейчас ей было бы гораздо сложнее.

Коридор привел в небольшой зал, где у стен стояли диваны и кушетки, на которых сидели немногочисленные посетители, ожидавшие аудиенции императора. Они держали в руках футляры для бумаг, видимо, собирались испросить для себя какие-то блага, за определенную мзду конечно. В тех случаях, когда обращались напрямую к императору, дело должно было иметь чрезвычайную важность и соответственно стоимость. При этом взятка могла составлять и сотни тысяч золотых, а то и миллионы.

В столице поговаривали, что за право эксклюзивной поставки шелков в Славию дворянин десятого ранга Эдвадс выложил больше миллиона золотых и вернул их за считанные годы – шелка популярны в Славии. Впрочем, особого счастья это ему не принесло: через три года после того, как он получил исключительный патент на поставку тканей, ему из арбалета прострелили голову, и никто так и не дознался, чьих рук это дело. Говорили, что тут мог быть замешан конкурент, дворянин десятого ранга Истро, но прямых доказательств не было, а кто посмеет беспокоить важного господина без неопровержимых доказательств? Убийство осталось нераскрытым, как, впрочем, частенько случалось в славном государстве Славия.

Просители внимательно посмотрели на начальника тайной стражи, те, кто его знал, поклонились, Шанти ответила легким кивком – много чести им, чтобы наклонить голову больше чем в еле заметном кивке. И хихикнула про себя: быстро же она вживается в роль важного господина!

Ожидать пришлось минут десять, и драконица откровенно заскучала. К исходу пятой минуты она прикидывала, как будут гореть эти столы и кушетки, если их полить драконьим пламенем, а еще достаточно ли широки окна, если бы она в своем природном обличье попыталась вылететь в небо.

К десятой минуте ожидания Шанти была достаточно зла, чтобы поубивать массу народу. Ей хотелось пить, но едва она встала, чтобы налить себе отвратительно желтой жидкости из хрустального кувшина, стоящего на столе (забыла, что можно приказать секретарю!), высоченная

дверь в приемную императора распахнулась, и человек в черном мундире пригласил:

– Прошу пройти господина Зоргена Иснака. Его величество император Славии дадут ему аудиенцию.

В углу на диване кто-то вздохнул, и оттуда пошла волна зависти и неприязни. Справа – тоже волны зависти, а еще любопытства. Видимо, гадали, зачем начальник тайной стражи пришел к императору, чем будет с ним делиться, какой информацией. Не зря Иснак стал одним из богатейших людей Славии – он держал в руках множество нитей, финансовых и политических.

Шанти знала о нем многое. И по-другому быть не могло, ведь она сама некоторое время назад занимала то же самое место, что и Иснак, только в Балроне. И глупо было бы, если бы она не знала своего главного врага. Шанти никогда не видела его в лицо, но сведений о нем было достаточно. Как и у него о Шанти. Если бы драконица дала ему время, он бы вспомнил, кто такая Шанти, – не зря он на допросе переспросил, услышав ее имя. Просто он не мог поверить, что сама могущественная глава тайной стражи Балрона явилась к нему вот так – из темницы, под конвоем стражников. Это было просто нереально. Но Шанти не дала ему времени вспомнить.

Комната для приемов похожа на ту комнату, где ожидали дворяне и купцы, отличие было лишь в том, что на возвышении стоял трон, выглядевший как здоровенное позолоченное кресло или скорее стул с подлокотниками. Оно пустовало, и сопровождающий, не глядя на трон, быстро прошел мимо него к незаметной дверце в стене, бесшумно распахнувшейся в тот момент, когда к ней приблизилась процессия.

Шанти с сопровождающими оказалась в не очень большой комнате позади трона.

Уютные диваны, обтянутые толстой бархатной тканью, стулья, больше подходящие для спальни какой-нибудь дамы, чем для императорской комнаты приемов. Император сидел в глубоком кресле, положив ноги на стол.

Это был довольно-таки молодой человек лет тридцати, а может, и помладше, с одутловатым, некогда симпатичным лицом, теперь опухшим от пьянства и наркотиков. Он вступил на трон в четырнадцать лет, когда, обожравшись за пиршественным столом, умер его отец – не выдержало сердце, давно уже с трудом прогонявшее кровь через жирную тушу, больше похожую на борова, чем на человека. О смерти прежнего короля не жалел никто, кроме начальника канцелярии императора, частенько подмахивающего нужные документы, за которые ему давали хороший куш.

Последние годы император мало интересовался государственными делами, их вершила свита.

Шанти огляделась по сторонам – она почему-то ожидала увидеть здесь адептов исчадий, ведь те простерли свои щупальца во все структуры государства, в том числе и во дворец императора. Но вопреки ожиданию красных плащей нигде не было видно. Видимо, обыденный рабочий прием императора был не таким важным делом, чтобы тут присутствовало хотя бы одно исчадие.

Император поднял руку, вяло махнул ладонью, приветствуя начальника тайной стражи, другой рукой сделал знак слуге, и тот наполнил бокал синего фузянского стекла розовым вином. Император с видимым удовольствием отхлебнул и, облегченно вздохнув, сказал:

– Вчера устроил вечеринку. Перебрал. Голова раскаляется! Наши лекари совсем идиоты, не могут лечить. Ну что у тебя, Зорген, я слышал, ты едва не лишился башки? Было бы досадно – кто тогда будет так эффективно добывать мне деньги на милые шалости? Проклятый казначей сегодня опять ныл, что денег в казне осталось мало и нам стоит попридержать коней с развлечениями. А ради чего тогда жить? Вино, девки, порошок – вот ради чего можно жить, не правда ли? Ну да, да – знаю, ты живешь ради власти и ради государства, за что тебе честь и хвала. Но не всем же быть такими праведниками?!

Император рассмеялся, отчего его щеки затряслись. Он отпил из бокала, поперхнулся, изо рта вылетел фонтан вина, и слуга тут же подал кружевной платочек, чтобы его величество мог утереть полные губы, с одной из которых свисала ниточка слюны.

«Мерзкий козел! – подумала Шанти. – Брр! Какое мерзкое тело! Впрочем, мне не привыкать изображать всяких подонков».

На груди императора виднелось засохшее пятно от какого-то желтого соуса, глаза его – белесые, бесцветные – были в сеточке красных прожилок, видно, он сегодня еще не ложился спать и держался лишь благодаря энергии, которую давали наркотики. В том, что он их принял, сомнений не было. Его глаза блуждали, император то кривился, то улыбался, как будто лицо жило отдельной от хозяина жизнью.

– Да, ваше величество, на меня было совершено покушение. Балронская шпионка попыталась убить меня каким-то колдовским заклинанием. Но у нее что-то пошло не так, и девица сгорела до состояния скелета.

– Да-да, я слышал, – нетерпеливо отмахнулся император. – Я вот тебя зачем пригласил... я уже сказал – казна пуста. Мне нужны деньги. Не

секрет, что многие крупные землевладельцы, купцы и даже дворяне плохо платят налоги. Уверен, что у тебя, вероятно, имеются сведения, кто из них в должной мере не исполняет закон. Так вот, найди таких негодяев, отправь их на алтарь исчадий, а деньги пойдут в казну. За вычетом твоей доли, конечно, – усмехнулся император, глядя на неподвижное, как маска, лицо начальника тайной стражи.

– Это хорошо... доля, – деревянно сказал начальник тайной стражи и зачем-то огляделся по сторонам.

«Десять человек вместе с императором. А сколько спрятано? Они в нишах стоят – раз, два, три... десять! Двадцать человек? И что? Я их всех уложу как картонных. Вот только что потом? Задача ведь не в том, чтобы уложить толпу идиотов...»

Император что-то говорил, но Шанти его уже не слушала. Она встала с места, подошла к двери и внимательно ее осмотрела. Нашла мощные запоры-здвижки, заперла, не обращая внимания на недоуменные взгляды окружающих. Решив, что здесь должна быть еще одна дверь, она прошла мимо ошеломленного, замолкшего императора, осмотрела стену за портьерой, нашла эту дверь. Тоже заперла.

Красно-синее витражное окно под потолком было небольшим, и вылететь через него мог только объект размером с кошку. Впрочем, тоже вариант, подумалось Шанти.

Люди что-то говорили, окликали Шанти, но она подошла к столу и начала быстро раздеваться, сбрасывая одежду на столешницу. Оставшись без единой нитки на теле, драконица отошла на свободное место и стала превращаться, мерцая, меняя очертания.

Люди испуганно закричали, из ниш выбежали охранники с мечами наголо, лучники вышли на боевые позиции, готовые ко всему. Вот только что Шанти начала свое превращение, а вышколенные телохранители уже неслись на чудовище, сверкающее чешуей и возвышающееся над полом на высоту человеческого роста. Видно было, что в телохранителях императора трусливых не держали.

Шанти испытала укол сожаления, что им всем придется умереть, – увы, они оказались не в то время не в том месте. Ну что же, все когда-то умрут. И она тоже. Но хочется, чтобы это было попозже.

Набежавшие охранники были встречены облаком желтоватой взвеси. Если бы Шанти выпустила содержимое второй железы, оба секрета, смешавшись на воздухе, дали бы высокотемпературное пламя, сжигающее все на свете. В этом же случае Шанти воспользовалась «охотничьим» вариантом – желтоватый секрет не убивал, а парализовал жертву. Все, кто

вдыхал эту взвесь, застывали, не в силах двинуться, как мраморные статуи. Они лишь вращали глазами, таращили их, способные понимать, но не способные сделать ничего, чтобы спасти свою жизнь. Яд парализовал самое меньшее на два часа, по крайней мере у взрослых драконов. Шанти не была взрослым драконом, но надеялась, что действие яда продержится столько времени, чтобы она успела сделать задуманное.

Замер император, держа в руке бокал с вином, замер заместитель начальника стражи, замерли телохранители – комната наполнилась желтоватой дымкой. На драконов этот яд не действовал, но был настолько сильным, что мог отравить даже оборотней, заставив их замедлить движения.

Шанти быстро оценила обстановку и бросилась к императору – главной ее целью был именно он. Сняла с мужчины одежду – император вытаращил глаза так, что казалось, они выпадут из орбит, похоже, решил, что его сейчас будут есть. Ведь он был в полном сознании.

Драконца несколько раз скопировала его облик, пока он намертво не засел в голове, потом еще раз осмотрела тело, никаких особых отметин не нашла и, взяв одежду начальника тайной стражи, надела ее на императора. Выпрямилась, собралась с духом – как-то не очень приятно убивать безоружных людей, все-таки это не косуля, которую собралась съесть.

Сильнейший удар раздробил череп императора, расплющил его голову. Шанти била по телу, пока оно не превратилось в кровавый кусок мяса. Передохнула и отправилась к стражникам. Расставив их так, чтобы создавалось впечатление, будто они дрались друг с другом и пали в борьбе, она быстро убила всех мечами и кинжалами, взятыми у парализованных охранников. Умерли и служащие дворца, что находились в комнате, – тоже от мечей стражников. Взяла пару мечей и, вернувшись к телу императора, начала рубить его, превращая в «фарш».

После окончания бойни в живых остались лишь двое – заместитель начальника тайной стражи Хастер Шур и сама Шанти, в облике императора. С начала акции прошло около десяти минут, может, даже меньше. В комнате пахло кровью, нечистотами и смертью, как на бойне...

Шанти надела на себя одежду императора, посмотрелась в большое зеркало, висящее на стене у алькова, нашедшегося в дальнем углу комнаты, – копия императора, даже вид такой же слегка изможденный, усталый от возлияний и разврата. Подошла к сидящему в кресле Шуру, присела перед ним на столик и заглянула ему в глаза:

– Страшно? Думаю, да. Вот что, Хастер Шур, у меня к тебе предложение. Ты можешь остаться жить, кроме того, можешь занять очень

высокое положение. Например – пост твоего бывшего начальника. Если понимаешь меня, закрой и открой глаза один раз. Ага, понимаешь. Мне нужна твоя помощь, нужна информация. Ты понимаешь, что теперь я буду императором Славии, и ты понимаешь, что сейчас можешь умереть страшной смертью. Но также ты можешь подняться как никогда раньше. Итак, ты забываешь, что император подменен, а я делаю так, чтобы ты жил, и жил хорошо. Если согласен – закрой глаза. Ага, интересно, смог бы ты сказать, что не согласен, в таком положении? Я сразу хочу тебя предупредить: я чувствую, когда мне лгут, и, если ты попытаешься меня обмануть, найду и уничтожу. Попросту откушу голову. А перед этим откушу руки и ноги. И еще кое-что. Скоро действие яда кончится, и мы с тобой сможем поговорить. Посиди, а я пока подумаю, почему я, император, остался жив, когда все полегли. Вот что... а может, ты меня защитил? Упал на меня и прикрыл своим телом? А почему же они не успели добить? Передрались между собой. А почему передрались? Да какая разница – передрались, и все тут! Причину потом найдем...

Шанти уселась на место, где раньше сидел император, прикрыла глаза, вытянув ноги и положив их на стол. Ее лицо, руки, все тело было залито кровью. Посидев минут сорок, драконица встала, подошла к Шуру и заглянула ему в глаза:

– Попробуй пошевелить руками, ногами! Никак? Ладно, подождем. И вот что – мне придется рассечь тебе спину. Не бойся, не сильно, но... прилично. Ничего, не умрешь – надо же тебе выступить героем? Надо! Залечат. Обещаю, что будет не сильно больно. Шучу! О, да ты в кольчуге?! Это хорошо. Вот почему ты и уцелел – для официальной версии. Сиди, придумывай, как все было. Для тебя же важно. Я-то выкручусь, если что, меня трудно взять, а вот тебя... Надеюсь, что ты не дурак и правильно оценишь ситуацию. Лучше быть живым начальником тайной стражи при благодарном драконе, чем замом настоящего начальника при настоящем чудовище. Интересно, как ты относишься к исчадиям. Любишь их или нет?

– Не люблю, – с усилием сказал Шур, с трудом двигая губами, – не-на-ви-жу!

– А что так? Чего они такого тебе сделали?! – хмыкнула Шанти.

– А кто их любит? Начальник собирался в дальнейшем подвинуть их от власти – хоть они и скрывают, но колдовская сила от них ушла, у нас есть сведения.

– Замечательно! – восторженно хлопнула в ладоши Шанти. – В этом мы с тобой точно найдем взаимопонимание. Только не подвигать их будем, а уничтожать! Всех до одного! Хватит им в Славии воздух портить.

– Хватит, – кивнул Шур и, криво усмехнувшись, добавил: – Ваше величество!

– Как успехи? О-о-о! – Урхард взглянул на внушительную стопу шкур и удивленно поднял брови. – Это что они сегодня, решили все запасы выложить? Вроде не сезон для охоты, это ведь откуда-то из сундуков. Странно...

– Ничего странного, – хихикнула Беата, болтая ногами, свешенными с прилавка, на который она забралась. – Приходили посмотреть на нового человека, а больше всего – кого же выбрала твоя сумасшедшая дочка вместо таких красивых и мужественных парней деревни! Ты бы видел, как они разглядывали Андруса! Хетель с Эгилем просто прожгли взглядом нашего найденыша, Хетель аж зубами заскрипел! Если бы тебя не боялись, задушили бы Андруса!

– И чего они меня боятся? – пожал плечами Урхард. – Я же добрый, правда, дочка?

– Ага. Добрый. Представляешь, Андр, два года назад папаша Хетеля нажрался и пришел в лавку правды добиваться – типа папка обманывает его, покупает за медяки, а продает за золото! И что он должен поучить этого проклятого торгаша уму-разуму. Папка так его двинул – придурка отливали водой, он очухался только часа через два. И потом к лекарю ходил. С тех пор притих, только зыркает, как на тварь! – Беата радостно захихикала, а Урхард нахмурился:

– Ну зачем болтаешь... ну двинул и двинул – первый раз, что ли? Охотники – народ серьезный, с ними нужно строго. Так-то в основном мирные люди, но иногда их будто переключивает – так и хотят кому-нибудь башку разбить или кишки выпустить. Ты думаешь, зря в последний день седмицы устраиваем состязания?

– А что за состязания? – хмыкнул Андрус. – Я ничего не знаю. Расскажите?

– Так я и говорю – народ бесится, от скуки, от безделья, кровь играет. Чем занять дурную башку? Не книжки же читать, в самом деле. От книжек с ума сходят, это всем известно. Вот некоторые девочки начитаются книжек, спят и влюбляются в не пойми кого! – Урхард был совершенно серьезен, но в глазах метался огонек смеха. – Так вот, устраиваются состязания. А что? Всем развлечение – парни и мужчины показывают, что умеют, проверяют себя в бою, женщины смотрят на своих избранников. Там же подбирают пары для женитьбы – лучшие бойцы всегда имеют большой шанс выбрать самую роскошную девушку. Да и родителям

девушки выгодно – опытный воин, охотник может лучше обеспечить семью, дать хорошее потомство. С давних пор так повелось, еще до меня так было. Не знаю, кто завел такой обычай, но он был очень умным человеком.

– Я тоже люблю смотреть! – встряла Беата. – Интересно! Парни такие важные, расфуфыренные, как петухи! Ходят, бровь поднимут – ну что ты, прямо-таки петух перед курицами! А эти дуры кудахчут, обсуждают стати самцов! Ухихикаешься!

– А ты что, ни с кем не дружишь? – улыбнулся Андрус. – Я имею в виду девушек, подружек.

– Ясно, что не парней! – фыркнула Беата. – Я тебе уже говорила, какие они дураки. Так и девки тоже дуры! Скучно с ними. Начнешь что-то рассказывать из книжки – охают, ахают, глаза таращат. Вначале забавно, потом тоска берет – ну нельзя же быть такими дурами! Они говорят только о парнях, о платьях, о приданом, которое за ними дадут, спорят о способах вышивки на переднике и больше ничем, понимаешь, совсем ничем не интересуются! Им плевать на весь мир, кроме этой тухлой лесной дыры!

– Эй-эй, потише насчет дыры! – буркнул Урхард. – Между прочим, ты тут родилась, выросла и живешь! И мы с тобой тут живем! В дыре, понимаешь ли...

– Тошно тут. Ты мог бы давно купить лавку в городе, а не сидеть в глухомани! – парировала Беата. – Пап, чего мы хороним себя здесь? Правда, почему бы нам не уехать в город?

– Значит, есть причины, – отрезал, нахмурившись, Урхард. – Все, разговор на эту тему окончен. Ты проверила качество шкур? Андрус неопытный, могли подсунуть некачественной выделки.

– Нормально все. Первоклассные шкуры. Они знают, что ты дрянь не берешь.

– Хорошо. А что у нас брали, Андр? Что покупали?

– Наконечники стрел, ножи, топоры. Крупы еще. Рубах несколько – замучился высчитывать, сколько это будет на деньги, и всякое такое прочее, – усмехнулся Андрус. – Муторно, конечно, для меня. Лучше бы я мешки таскал!

– Потаскаешь еще. Беа, отнеси шкуры на склад, повесь. Золота не приносили?

– Нет, не было. А что, находят?

– Бывает. Я тебе потом расскажу, как и что по золоту. И по камням. Если появятся – меня зови, сам не решай. Забыл тебе сказать заранее, мой просчет. Что неясно, в чем не можешь разобраться – меня зови. Я всегда

рядом.

– Андр, пойдешь со мной завтра на состязания? – перебила отца Беата. – А то мне одной идти не хочется. Да и опять кто-нибудь приставать будет, а с тобой, может, и не будет. Тем более что завтра непростой день! Праздник!

– Вы так и не рассказали – что за состязания? Чего делают-то?

– Да чего? Борются, из луков стреляют да на мечях дерутся. Вот и все. Ты умеешь из лука стрелять?

– Не помню... вроде умею, но не так чтобы очень.

– А на мечях? Бороться ты умеешь, уверена, – хмыкнула Беата. – Кстати, сегодня будем заниматься?

– Если хочешь, – улыбнулся Андрус. – Мышцы не болели?

– Болели. И болят! Ну и что? Хорошо! Я стала сильнее и быстрее, точно! Пап, он меня учит упражнениям, которые похожи на драку, только медленные. И вроде медленные, а все мышцы потом болят. Вот!

– Развлекайся, развлекайся, – рассеянно буркнул Урхард, записывая что-то в потрепанную книжицу, которую достал из наплечной сумки. – Только отнеси шкуры, как я сказал! Быстренько, ну!

Беата недовольно скривилась, собрала в охапку шкуры и, когда выходила, скорчила рожицу отцовской спине. Тот кашлянул и грозно взревел:

– И не строй рожи! Что сказано – надо выполнять быстро, без раздумий! Пошла на склад! Брысь!

Беата захохотала и бегом бросилась вниз, в полутемную, освещенную светом фонаря «пещеру». Урхард прислушался к ее шагам и сокрушенно покачал головой:

– Да, тяжело ей здесь. Дурак я был – обучил грамоте, книжек накопил. От книжек и правда томление духа и лишние мысли. Вот не знала бы, что можно жить по-другому, и не тосковала бы здесь, в деревне. А теперь что? Мы сами за собой ухаживаем – слуг нет, приходится и лошадей поить-кормить, и убираться, и готовить, и стирать самим. Вроде и деньги есть, но нанять здесь прислугу – не поймут, скажут, зазнался. Не принято.

– Может, и правда купить лавку в городе и уехать? – предложил Андрус. – Почему бы и нет? Приезжать, скупать шкуры – ну... два раза в неделю, привозить товары, а зачем постоянно здесь жить?

– Ты многого не знаешь, – нахмурился Урхард. – Здесь безопаснее.

– Среди магических тварей и буйных охотников?

– Иногда бывает, что среди зверей из Леса гораздо безопаснее, чем среди людей, – туманно ответил Урхард. – Все, запирай лавку. На сегодня

хватит. Иди... танцуй.

– Танцуй? – не понял Андрус. – А! Ты называешь *это* танцем. А что, есть что-то от танца. А тут как танцуют? В смысле – взаправду танцуют?

– Попроси Беату, она тебе покажет, – усмехнулся Урхард, – с радостью покажет. Все, вали отсюда. Молодец, хорошо поторговал. Я думал, что ты в первый день работы все перепутаешь, а ты нет, разобрался. Шагай наверх – жена ужин приготовила, сейчас все вместе поедем. Я немного задержусь, пересчитаю шкуры на складе – может, пора в город съездить...

– Вот так... ногу переставил... Раз! Раз! Раз! Ну вот, вот... получается. Если ты можешь такие сложные штуки, как в твоём «танце», делать, то уж тут – плевое дело!

Андрус держал в руках упругое, горячее тело девушки и не мог думать больше ни о чем, кроме как о ней. Он сбивался с шага, отчаянно фальшивил, едва не наступая Беате на ноги, и силился выбросить из головы ее упругую грудь, прижавшуюся к его груди, ее бедра, которых он ненароком касался, ее... В общем, все тело Беаты было желанно до такой степени, что хотелось выть или скрипеть зубами. Нет, он не мог себе позволить такую вольность:

– Хватит. Все, на сегодня хватит. Разреши, я побуду в одиночестве. Слегка помечтаю, как ты говоришь...

– Мечтай... а что, со мной мечтать нельзя? – обиженно шмыгнула носом Беата. – Обязательно прогнать меня, как какую-то дворовую собачку? Ну и сиди тут как пень! Старый, замшелый, полуседой пень! С кривой рожей притом!

Девушка громко хлопнула дверью, едва не сбив с полочки кружку, в которой Андрус обычно держал колодезную воду – ночью попить. Последние дни ему постоянно хотелось пить – видимо, обезвоженный организм срочно восстанавливал запасы жидкости.

Андрус закрыл дверь на задвижку и, усевшись на кровать, постарался успокоить бьющееся, как птица в клетке, сердце. Обдумав минут десять ситуацию, Андрус пришел к печальному выводу – или он уйдет из этого дома прямо сейчас, как есть, не задумываясь о последствиях, или в конце концов окажется в постели со своенравной, прекрасной и желанной Беатой. Чтобы ее отец потом свернул ему башку. Может, и не свернет, конечно, но неприятностей и переживаний будет куча. Оно ему надо? Ну да, хочется женщину, так, может, лучше найти где-то на стороне и не портить жизнь ни себе, ни девчонке?

Чтобы отвлечься от грустных размышлений, Андрус снова занялся

упражнениями. Вначале он долго сидел, представляя себя водой, норовящей вытечь через трещину в кувшине, расслаблялся, растекался, распускал все мышцы, чтобы через некоторое время, отдохнув и собравшись воедино, обрести энергию и силу.

Бодрый как никогда, избавившийся от навязчивых мыслей о своенравной девчонке, Андрус снова начал знакомые движения, разминая, напрягая мышцы и связки. Теперь у него получалось довольно четко – в первые дни занятий он иногда ошибался, из-за слабости, а возможно, из-за нарушенной координации всего тела. Откуда-то он знал, что удары по голове, да такой силы, никогда не проходят даром. Подобные раны лечатся месяцами, но бывали случаи, когда человек с такими повреждениями мозга навсегда оставался больным, даже идиотом.

Ничего идиотического в себе Андрус не видел – кроме отказа от прекрасной девушки, – так что очередной комплекс упражнений он отработал четко и уверенно. Правда, вспотел, да так, что рубаха прилипла к спине. Слаб. Когда войдет в силу, ни одной капельки пота не ляжет на лоб: тренированный человек от таких упражнений даже бы не запыхался, по крайней мере так считал Андрус. Впрочем, он мог и ошибаться, ведь не помнил ничего, а как можно утверждать то, о чем ты не знаешь достоверно?

Закончив, пошел во двор, к огромной сосне, возле которой был вырыт колодец.

Уже смеркалось, на темно-синем, почти черном небе выступили звезды, яркие, как фонари. Андрус стянул с себя пропотевшую рубаху, повесил ее на скамеечку возле колодца, спустил вниз деревянное ведро и медленно вытянул его наверх, полное ледяной воды. Затем снял штаны и вылил на себя обжигающе холодную воду, фыркнув и заурчав от наслаждения. Потер себя намыленной мочалкой, обдал остатками воды. Снова спустил ведро в колодец, набрал и вылил воду в деревянное корыто у сосны. Бросил в корыто рубаху, портки, намылил кусочком мыла, валяющимся на пеньке, и начал полоскать, выбивая грязь и пот. Через пять минут, удовлетворившись результатом, выжал одежду, встряхнул в ночном воздухе, разогнав брызгами толпу комаров, пытавшихся нацелиться на худую спину.

– Ой! Осторожнее!

Андрус оглянулся и увидел Беату, утирающую с лица брызги.

– Как ты можешь купаться такой ледяной водой? Неужели не холодно?

Андрус потянулся за сухими штанами, захваченными из комнаты, не глядя на девушку натянул их на себя, потом вылил из корыта грязную воду,

перевернув колоду набок. Поставил ее на место и, подойдя к веревке, протянутой от сосны до забора, развесил мокрую одежду, прищепив прищепками.

– Ты так и будешь молчать? – Беата сделала несколько шагов вперед и неожиданно обхватила Андруса руками сзади, прижавшись к его спине грудью и щекой. – Ну прости, прости... я не хотела тебя обидеть! Это ты меня обижаешь! Ну почему ты такой холодный?

– Потому, что в колодце очень холодная вода, – усмехнулся мужчина, мягко размыкая руки Беаты. Чувствовать прижавшееся к тебе горячее тело девушки, едва прикрытое ночной рубашкой, было очень приятно, но...

– Я не о том! – сердито буркнула девушка. – Ты как из железа! Твердый, холодный! Я ведь люблю тебя! Почему ты этого не видишь?! Почему не откликаешься на мою любовь?!

– Комары не дают, – усмехнулся Андрус, прихлопнув очередного супостата, погрузившего жало в его грудь. – Ты выбрала не то время и не то место для объяснений.

– Хорошо, – легко согласилась девушка, – тогда пошли к тебе в комнату, там поговорим.

– Нет уж, – содрогнулся Андрус, – только не в мою комнату.

Он хотел добавить: «Там я за себя не отвечаю!» – но не стал.

– А куда? – радостно откликнулась Беата. – В мою комнату?! Пошли! У меня кровать шире, чем у тебя!

– Кхе-кхе, – закашлялся Андрус, и Беата тут же заметила:

– Видишь, обливаешься ледяной водой, а потом кашляешь! Ты же только после болезни, разве можно так себя вести? Тебя надо растереть махровым полотенцем и уложить в постельку!

– Вот что, милая, – угрюмо сказал Андрус, безуспешно борясь с сонмом летающих кровопивцев, – сегодня мы пойдем каждый в свою постель, а объяснения оставим на тот момент, когда каждый из нас будет готов к объяснениям. Непонятно? Подрастешь – поймешь. Все, спать!

Андрус решительно зашагал к дому, а Беата осталась стоять у колодца. Ее глаза наполнились слезами, и скоро горячие капли потекли по щекам, а с них на цветок флуки, каким-то образом сумевший остаться в живых и высунувший голову из щели настила возле колодца. Слезы текли и текли, Беата плакала горько, будто ребенок, у которого отняли любимую игрушку и разбили прямо перед глазами. Впрочем, а кем был Андрус для девушки? Если не игрушкой, то чем-то вроде щенка, подобранного на улице, да – любимого, но щенка, игрушки, не более того. По крайней мере так думал сам Андрус, желавший уберечь девушку от большой ошибки, может быть,

самой большой ошибки в ее жизни. Только вот он, потерявший память, не знал: что боги приготовили человеку, то и будет, как бы тот ни уклонялся от своего предназначения.

Это отлично знали два человека, мужчина и женщина, стоявшие перед большим окном на втором этаже дома. Женщина положила голову на грудь кряжистому мужчине, а тот, обняв ее за грудь и бедро, поверх головы любимой смотрел во двор, на происходящее у колодца. Разобрать мелкие подробности было невозможно, но в общем все понятно.

Когда Беата осталась одна, Урхард хмыкнул и тихо сказал:

– А парень-то непрост. Или цену набивает? Ведь чем дольше кусок мяса висит перед мордой голодной собаки, тем больше ей хочется его съесть.

– Съест, – усмехнулась Адана, – еще как съест. Если женщина чего-то захочет, она не остановится ни перед чем. Интересно, сколько времени он продержится?

– Делаем ставки?

– Все равно проиграешь, безумный бородач! – Адана потянулась, как кошка, и, высвободившись из рук мужа, стянула с себя ночную рубашку, бросив ее на стул. – Пойдем, докажешь, что ты не такой дурак, как этот парень, и что ты любишь свою жену?

– А разве я не доказываю это каждый день? – усмехнулся Урхард. – На протяжении восемнадцати лет?

– Еще докажи. Что, сил нет? Старенький стал? Некогда ты по восемь раз за ночь доказывал, а теперь разок – и сразу храпеть так, что простыню сдувает!

– Коварная обольстительница! Сейчас я тебе задам! – Урхард подхватил ее на руки и, сделав несколько шагов, бросил на постель. Мгновенно избавился от одежды, и через несколько секунд раздался негромкий женский стон-вдох...

– А лавка? Сегодня не надо открывать лавку, сидеть в ней?

– Вот видно, что ты нездешний, – ухмыльнулся Урхард. – Кто же в последний день седмицы ходит по лавкам? Может, где-то и ходят, но только не у нас. Этот день для души, для богов, для развлечений. Сегодня в полдень состязания охотников, перед этим в храм Создателя – надо же бросить хоть медяк, а то удачи не будет. А вечером молодежь танцует, невестится и женихается. Кстати, сегодня непростой день, сегодня праздник солнцестояния! Он как раз совпал с последним днем седмицы. Сегодня будут жечь костры, прыгать через них, приветствуя лето! Сегодня

самый длинный день и самая короткая ночь, солнце стоит над миром дольше всего, и так будет еще три дня, потом пойдет на зиму. Мы приветствуем лето и отгоняем зиму.

– А что плохого в зиме?

– Хм... в общем-то ничего, – признал Урхард, – но лето лучше, согласись. Зимой холодно, лес завален снегом. Правда, зимой охота начинается, с чего мы и живем. Да, везде свои преимущества, но живое тянется к теплу, к свету. Что-то заговорились мы... Адана приготовила тебе штаны, рубаху – слегка ушила мои под твою худосочную тушку... когда нарастишь мяса, доходяга? Надевай, и идешь с нами на праздник. Без возражений!

– А я и не возражаю, – улыбнулся Андрус. – Беа, ты тоже пойдешь?

– Это ты – «тоже»? А я пойду!

– Чего это она? – усмехнулась Адана. – Живот болит? Или поругались?

– Мам, не лезь не в свое дело! – фыркнула Беата. – Ни с кем я не ругалась! Не с кем мне ругаться – с лошадьми, что ли?! Не вижу здесь того, с кем мне можно было бы ругаться!

Девушка выскочила из комнаты, а родители сделали вид, что ничего не произошло. Адана подвинула к Андрусу крынку со сливками, настаивая, чтобы он хорошенько поел, а то так и не потолстеет, будет всегда худой как палка. Урхард шумно отхлебнул травяного отвара, приправленного медом. – Он тихо улыбался в усы – происходящее его забавляло.

Наконец завтрак окончился, и Андрус, слегка удрученный утренней сценой, побрел в свою комнату.

Штаны были почти впору и не болтались на нем, как прежние, рубаха немного свободна – Урхард был чуть не в два раза шире своего работника, но это даже хорошо, Андрусу не нравилась тесная одежда, сковывающая движения. Он сделал несколько упражнений для растяжки, для разгона крови по организму и, освеженный, бодрый, был готов к выходу.

Храм Создателя совсем прост – обычный дом, правда, вместительный. Стены украшены росписями, показывающими процесс создания мира, ликами Создателя в различных обстоятельствах своей божественной жизни.

В глубине души Андруса вдруг всколыхнулось странное чувство – будто он когда-то видел что-то подобное, более того – был непосредственным участником действия. Как жрец. Может, и он когда-то был жрецом? Впрочем, жрецам, насколько он знал, запрещено брать в руки оружие, кроме жрецов бога войны. Вот у тех было даже что-то вроде своего

воинства, выполнявшего скорее ритуальные функции. Жрецы-воины не участвовали в набегах или войнах между кланами, они лишь совершенствовались в воинском искусстве, посвящая его богу войны, и выступали в дни крупных праздников, вызывая восторг толпы.

Это рассказала Андрусу Беата и, когда он спросил, чем же воины-жрецы отличаются от обычных уличных комедиантов, долго молчала, а потом сказала, что он глупый и ничего не понимает – это же для бога! На том и порешили.

Служба была недолгой. Жрец говорил о благодетелях, о пороках – нельзя напиваться, нельзя желать чужих жен, а надо нести жертвоприношения богам, а лучше всего Создателю, и тогда будет вам счастье и радость в жизни. С чем-то Андрус был согласен, с чем-то – нет, но, само собой, держал мысли в голове, а не вываливал их на окружающих. Он-то не жрец, чтобы приводить в свою веру.

Народ в храме разный. Все желающие не уместились, и часть стояла снаружи, слушая проповедь под утренним ветерком, часть внутри – как Андрус понял, тут были в основном самые уважаемые члены общины, как тот же Урхард с супругой, стоявший перед жрецом, как и его дочь с работником, которые тоже были под сенью авторитета лавочника.

Андрус с любопытством тихонько разглядывал людей, ведь он никогда не бывал в местном обществе, все общение с жителями села ограничивалось короткими беседами в лавке. Да и можно ли было назвать их беседами? Так только – «подай» и «сколько стоит». И теперь чужак, непонятно как оказавшийся в этой местности, рассматривал тех, с кем ему придется прожить всю свою жизнь. Наверное, всю свою жизнь.

Высокие люди. Некоторые просто гиганты. Русоволосые. Многие – бородаты. Но не все. Есть и с усами, есть гололицые, как Андрус, но таких немного. Андрус не любил носить бороду, хотя откуда-то знал, что некогда она находилась на его лице. Лето – жарко, неудобно для ношения бороды.

Женщины ниже мужчин, но тоже крепкие, статные. Среди них Беата казалась худышкой, впрочем, фигуристой и очень привлекательной худышкой, и это мнение не только Андруса – парни, пришедшие на проповедь, упорно пялились на ее зад и крепкую грудь, обрисованную белой рубахой, просвечивающей под солнечными лучами, которые падали из открытых окон. Эти самые лучи будто нарочно освещали именно Беату, словно Создатель решил выделить девушку среди толпы деревенских девиц.

Парни, мощные, с толстыми крепкими запястьями, были похожи один на другого, как горошины из стручка. Это и понятно – жизнь в Лесу

заставляет человека производить свой род по определенному лекалу, другие здесь не выживут. И не выживали.

Все вооружены – на поясе висел нож или кинжал, мечей Андрус не увидел, похоже, что мечи брали только для боя. А какой бой в храме? Зачем туда тащить здоровенную железяку? А вот хороший кинжал или нож всегда поможет, если... а вот что «если», Андрус так и не понял. Когда они уходили из дома, Урхард протянул ему ремень с ножом приличного размера – с локоть длиной. Андрус выдвинул его из ножен и удивился – это был такой же, как у Беаты, нож против тварей из Леса. Хозяин дома не стал комментировать удивленный взгляд работника, не сказал ничего про опасность, лишь буркнул под нос:

– Повесь на пояс. Мало ли что... пригодится. Тем более что у нас не принято ходить без ножей.

Андрусу оставалось лишь пожать плечами и нацепить железяку, больше смахивающую на короткий меч. Такой же висел на поясе Урхарда, – у супруги – поменьше, похожий на нож Беаты.

Все время, что Андрус был в храме, он чувствовал на себе взгляды. Ну как же, деревенским интересно, что за человек объявился в доме Урхарда! Да еще такой странный – половина волос белая, половина черная. И лицо со шрамом... по виду то ли беглый преступник, то ли охотник за золотом. Говорят, те отличаются буйным нравом и всегда готовы схватиться за нож. Соответственно получают в ответ.

После окончания службы толпа пошла за околицу, туда, где между лесом и селом, над берегом озера была устроена ровная площадка, на которой, собственно, и происходили состязания. Ничем особенным она не выделялась, кроме, пожалуй, рыхлого песка на том месте, где должны были бороться бойцы. Рядом площадка для мечников, подальше щиты-мишени лучников. Вот в общем-то и все. Нет, не все – ряды скамеек, укрепленных в твердой, вытопанной земле. Даже без навеса – видимо, считалось, что настоящий лесовик не должен бояться дождя и солнца.

В этот раз рядом с площадкой выложили здоровенные кучи дров – в честь праздника. Ведь всем известно, что если прыгнуть сквозь очищающее пламя, то все твои заботы и горести сгорят, как эти дрова. Впрочем, частенько горести и заботы сгорали вместе с ресницами – после прыжков от народа пахло паленой свининой. Подпаленные бороды, усы и косы не считались чем-то удивительным и служили лишь поводом для смеха и шуток – значит, качественное было пламя, значит, наверняка сгорят беды!

Рядом с площадкой в этот раз собралась вся деревня – старики, дети,

молодые и взрослые. Дома не остался практически никто, кроме тех, кто совсем не мог ходить, – и то двух инвалидов родственники принесли на руках. В общем, остались дома только те, кто не хотел участвовать в празднике.

Ради праздника была отправлена группа охотников, добывших двух лосей, которые теперь жарились на углях, распространяя дразнящий запах. Нет ничего вкуснее мяса, жаренного на углях над озером, тем более если за все это не нужно платить, как и за пиво, несколько бочек которого выкатили к столу. Подавальщицы наливали каждому желающему. Все подходили со своими кружками, а если их не было, не стеснялись брать у соседа.

Пока что почти все были трезвы: не пойдешь же в храм навеселе. Хотя отдельные личности, как заметил Андрус, были уже в том самом состоянии, когда ноги ходят, руки хватают, а вот голова уже думает слабо. Особенно выделялся здоровенный мужчина лет сорока пяти, выше Урхарда на полголовы. Он что-то орал, шумел и требовал музыки, так как ему обязательно нужно поплясать, душа горит. С ним рядом стояли двое парней, которые приходили в лавку. Беата именно про них рассказывала, что их папаша приходил учить Урхарда уму-разуму. Андрус вспомнил, что тех звали Хетель и Эгиль, их отца, как потом сказала Беата, – Бирнир.

Селян было несколько сотен. Андрус не смог посчитать, сколько именно, люди все время переходили с места на место, бегали туда-сюда, как муравьи. Да и считать ему не хотелось – зачем? Что изменится, если селян двести пятьдесят? А что с того, если триста? Абсолютно безразлично. Единственное, что ему сейчас хотелось, – это уцепить кусок мяса, кружку с пивом и посидеть на скамье, понаблюдать за происходящим.

Минут через пятнадцать Андрусу это удалось – Урхард притащил мясо, кувшин с пивом и кружки. Через полчаса семейство Гирсе чинно поглощало еду, глядя на то, как бойцы готовятся к состязаниям.

Глава 4

Шанти лежала на огромной кровати императора под балдахин и думала, чем ей заняться.

«Первым делом искоренить всех исчадий. Создать государство, в котором людям будет хорошо жить. А что? Неужели не смогу? Ведь Андрей смог бы... и смог! Вон во что превратил Балрон! А я что, глупая? Хм... честно сказать – глупая. Что я знаю о том, как править государством? Впрочем, я же была при власти, я видела все, что делает Андрей. Неужели не справлюсь? Должна! Но прежде всего – разослать гонцов на поиск Андрея. Нужно дать описание, пусть прочитают указ на каждом перекрестке, в каждом городе и селе. Если Андрей здесь, в Славии, я его найду. Стоп! А если я вступлю в конфликт с исчадиями, не сделают ли они так, чтобы я никогда не нашла Андрея? Может, он лежит где-то больной, без памяти? Ведь если бы он был в памяти, вернулся бы ко мне, это точно. Где бы он ни был. Он бы дал мне знать, что жив. Значит, не может. Нет, такой метод поисков – с указами – невозможен. Пока невозможен. Пока есть исчадия. Значит, остается поиск тайный. Значит, большое значение приобретает мой новый «друг». Насколько можно ему доверять? Это вопрос вопросов. Но пока что придется довериться...

А приятно вот так лежать и ничего не делать... а простыня такая гладкая, такая приятная... Поспать? Я и так спала часов двенадцать. Или больше?»

– Ваше величество, разрешите? – В комнату бесшумно вошел человек лет пятидесяти, с довольно длинной седой бородой. – К вам на аудиенцию желают попасть патриарх и девять адептов.

– Прямо сейчас? – простонал «император», откидываясь на подушки.

– Они не сказали. Патриарх прислал посыльного, – невозмутимо ответил человек, имени которого Шанти не знала, рассчитывая списать свое незнание на удар по голове после попытки убийства императора.

– Вот что... скажи им... хм... я приму их завтра вечером, в шесть часов. До этих пор мне нужно отлежаться. И пригласи ко мне начальника тайной стражи Шура. Немедленно!

Мужчина постоял, недоуменно взглянул на «императора» – видимо, что-то в поведении «его величества» показалось странным. Но спорить не стал – император ведь! Попятился и так же бесшумно вышел из комнаты.

Шур появился минут через пятнадцать, одетый как полагается – в

темную одежду со знаком тайной стражи на груди. Шанти заранее предупредила, чтобы он находился в пределах досягаемости, во дворце, и никуда не уходил, ожидая ее распоряжений.

– Слушаю, ваше величество! – поклонился мужчина и, выпрямившись, внимательно уставился на «императора» – может, искал отличия от оригинала?

– Дверь прикрой, – шепнула Шанти. – Проверь, чтобы никто не подслушивал! Здесь есть в стенах тайные ходы? Ниши со стрелками?

– Сейчас! – кивнул Шур, вернулся к двери, повозился с задвижками и снова предстал перед непонятной тварью, занявшей тело императора.

Он не знал, как себя вести, и был очень насторожен, хмур и преисполнен самых худших мыслей о будущем. Шанти легко ощущала нюансы его эмоций, так что если и не могла прочесть мысли, то уж примерно представлять, о чем он думает, могла наверняка.

– Насколько мне известно, ваше величество, здесь нет потайных дверей, нет бойниц со стрелками.

– Почему? – лениво поинтересовалась Шанти, уже зная ответ.

– Ваше императорское величество считалось... как бы это точнее сказать... – замялся Шур.

– Давай договоримся, ты всегда и все мне будешь говорить так, как оно есть, – скривилась Шанти. – Терпеть не могу эти дипломатичные высказывания. Говори, не бойся.

– В общем, не особо охраняли императора. Считалось, что на него незачем охотиться...

– Та-а-ак... и кто же тогда на самом деле правит страной? – нахмурилась Шанти.

– Патриарх, конечно, – пожал плечами Шур. – Тот, кого вы отказались принять. Как и девять адептов.

– Уже знаешь, да? Кстати, как звать этого типа с бородой, что приходил?

– Это? Это ваш управляющий дворцом Эргиз.

– Он кто вообще такой?

– Слуга императорской семьи. Доверенным лицом не был, служил еще прежнему императору, в политику не вмешивался. Может, потому до сих пор и служит. Обычно при смене власти прежних слуг или прогоняют, или казнят.

– За что?

– Да мало ли за что... руки потные! Родинка не нравится! – усмехнулся Шур. – На все места ставят своих слуг, своих людей.

– Итак, значит, император был номинальным главой империи? – нахмурилась Шанти.

– В общем – да. Раз в неделю патриарх и адепты встречались с императором и сообщали, какие указы нужно подписать. Сегодня как раз такой день. Порядок не нарушался уже лет тридцать, не меньше. Вы «правите», на самом деле не имея власти, развлекаясь и получая от жизни удовольствие, исчадия на самом деле правят, так, как им нужно. Они стоят за тронem и управляют императором... управляли. Как я понимаю, вы сделали то, что сделали, именно для того, чтобы взять власть в свои руки. Тогда сообщаю: вы промахнулись. Нужно было добраться до патриарха. Вот тогда вся власть была бы в ваших руках.

– Подожди... Патриарх имеет право подписывать указы?

– Нет, но... для того и нужен монарх.

– Значит, исчадие не может подписывать указы, не может официально управлять страной. Тогда о чем ты говоришь?

– Ну да, верно, не может, но... впрочем, действительно, о чем я говорю? – усмехнулся Шур. – И как же вы собираетесь править? Они вам не дадут ничего сделать. Исчадия – огромная сила, они выше, чем тайная стража, выше, чем...

– Тихо! Ничего они не выше. Вот что мне от тебя нужно. Ты вел все дела Иснака, должен знать, насколько лояльны императору высшие чиновники и сколько среди них ставленников, наушников исчадий, – так вот, мне нужны сведения, кто из них докладывает исчадиям, а кто недоволен этими тварями. Можешь представить мне такой список?

– А чего его представлять? – усмехнулся Шур. – Все докладывают исчадиям. Все их ставленники.

– Кто бы мог подумать?! – удрученно пробормотала Шанти. – И ты тоже докладываешь исчадиям?

– Конечно. Я докладывал на своего начальника, о его благонадежности. Как вы могли подумать, что такой человек, как я, не будет задействован в игре исчадий? – Шур криво ухмыльнулся. – Особенно после того, как вы с какой-то стати назначили меня начальником тайной стражи! Меня, дворянина третьего ранга! Низкородного! Вы знаете, какой переполох это вызвало? Как думаете, о чем с вами будут говорить патриарх и адепты?

– Может, они захотят узнать рецепт приготовления оленьего мяса со специями? – буркнула Шанти, напряженно обдумывая ситуацию.

– Вы женщина! – торжествующе кивнул Шур. – Точно, женщина! Ни один мужчина не сказал бы про рецепт какого-то блюда!

– Может, я просто люблю покушать – скривилась Шанти.

– Вы женщина, – утвердительно кивнул Шур, – но это не имеет значения. Я всегда говорил, что у женщин очень острый, изворотливый ум и они не знают себе равных в интригах. И что они совершенно безжалостны, когда дело доходит до драки.

– Хм... я не женщина, – усмехнулся «император», а про себя добавил: «Можно ли драконицу считать женщиной? Надо будет у Андрея спросить... когда его найду».

– Как будет угодно вашему величеству! Так какие будут указания? Что мне делать?

– Я уже сказал – список. И вот еще что: сейчас ты докладываешь исчадиям? И как они восприняли то, что ты остался в живых, а всех остальных уничтожили, некоторых, твоего начальника например, разорвали на куски?

– Плохо восприняли. А точнее, я на подозрении, и, видимо, меня скоро вызовут на доклад в дом патриарха, откуда я могу и не уйти. Скорее всего, меня убьют, выпытав все что можно, а на мое место, место начальника, поставят своего человека. Как было всегда. Поймите, тут все следят за всеми! Здесь нет друзей, нет родственных связей... Ошибся – умер. Никаких вариантов. Заподозрили в том, что нелоялен власти, – тут же смерть. Потому нелояльных здесь нет.

– Все еще хуже, чем я думал, – вздохнула Шанти. – Тогда вот что: завтра в шесть часов вечера я встречаюсь с патриархом и адептами. Насколько я знаю, их девять. И есть еще восемнадцать апостолов. Скажи, их можно вызвать на совещание с патриархом?

– Хотите разом обезглавить верхушку исчадий? – блеснул глазами Шур. – Да, отличная идея. Я что-нибудь придумаю по этому поводу. Если не будет верхушки, незачем будет доносить на коллег – просто некому. И останется служить только императору. А осилите?

– Вот я и хотел спросить – есть ли у нас солдаты, гвардейцы, верные императору, но не исчадиям?

– Честно скажу – вопрос сложный. В императорскую гвардию кого попало не берут, все отъявленные негодяи. Или же удачно маскируются под негодяев. Хороших людей здесь не держат.

– А почему Иснак держал тебя в замах-секретарях?

– Я же говорю – меня к нему приставили следить. А еще потому что я гений.

– От скромности не пронесет, а, гений?

– Я с детства отличался умом, – пожал плечами Шур, – ну что теперь

скрывать правду?

– Не врешь, – ухмыльнулась Шанти. – И негодяй ты, похоже, порядочный.

– Что есть, то есть, – тоже ухмыльнулся Шур, – но не беспокойтесь, мы сейчас в одной лодке. Меня теперь в живых не оставят точно. Выжмут всю информацию, узнают все что можно. Поэтому я заманю в ловушку всех адептов и всех апостолов. Как – мое дело. Потом расскажу, если у вас будет желание послушать. Думаю, сработает дело. Только готовиться надо к серьезной борьбе: помимо того что их охраняют, каждый из них непросто – часть из них отличные бойцы, а еще маги. Да-да, не у всех исчадий пропали магические способности, как думают непосвященные. Вернее, так: среди исчадий есть и те, кто умеет пользоваться магией с помощью заклинаний, а не только так, как раньше, – указал пальцем, и человек умер. Есть настоящие маги.

– У тебя есть верная охрана, чтобы тебя не захватили прежде, чем я избавлюсь от этих придурков?

– Есть, само собой. Я из дворца пока и не выйду, с охраной даже в сортир хожу. Мои парни не из гвардии, я сам их воспитал, поднял из грязи, с улицы, так что с моей смертью потеряют все. И будут беречь мое тело... – Шур слегка улыбнулся и сделал шаг назад, к двери. – Я могу идти... ваше величество?

– Иди, Шур... и не разочаруй меня, хорошо? Очень не люблю разочаровываться в людях. За обман можно потерять голову, и не только голову.

– Верю, – серьезно кивнул мужчина. – Видел. – Он подошел к двери, отпер ее и только собрался толкнуть створку, как обернулся к Шанти. – Может, и вам приставить охрану? Мою, а не этих гвардейцев?

– Обойдусь, – рассеянно кивнула Шанти и прикрыла глаза. – Ступай, мне подумать надо.

Шур вышел из комнаты, и тяжелая дверь закрылась, оставив Шанти в одиночестве и размышлениях.

– Все пошли отсюда! Все! – Шанти решительно взмахнула рукой, выпроваживая бесконечных одевальщиков, подавальщиков, стай набросившихся на императора, чтобы натянуть на него камзол, вдеть его ноги в башмаки и всякое такое прочее, раздражавшее драконицу просто до невозможности. Она не терпела массового скопления людей. Раньше как-то этого за собой особо не замечала, но после того, как повоевала вместе с Андреем, стала очень даже ценить уединение и покой.

Когда-то она просидела в пещере сто лет, со сломанными крыльями, в одиночестве, общаясь только с матерью, в постоянной полудреме – во сне легче бегут годы. Когда покинула пещеру (благодаря Андрею), хотелось новизны, впечатлений, новых лиц. А теперь – куда бы спрятаться от этих самых новых лиц. Не видеть бы эти рожи!

Прошлый день, вечер, сегодняшнее утро и день Шанти просто валялась в постели, думала, вспоминала, прикидывала, как жить дальше, спала. В основном спала – будто в запас, будто знала, что скоро поспать не удастся. Ее никто не беспокоил, особенно после того, как драконица объявила, что прибьет тех, кто осмелится нарушить ее покой, что ей нужно отлежаться после пережитого волнения. Вернее, ему. Императору.

Не беспокоили. Когда организм требовал еды, дергала за шнурок в изголовье, приходил один из слуг, и Шанти получала желаемое.

Наконец настало время встречи с исчадиями. За полчаса до назначенного срока драконица была готова – одета, обута, сидела в кресле, мрачно глядя в сад за окном. Хуже нет, чем ждать и догонять, – это известно всем, и драконам в том числе. Все вроде бы готово, но... нет ли какой-то дырки в плане? Нет ли прорехи, которая разрушит все то, что она так победоносно начала? Но теперь уже поздно раздумывать. Она там, где должна быть.

– Ваше величество, к вам начальник тайной стражи! Позвольте ему войти? – Слуга был осторожен и сгибался в пояс, кланяясь грозному императору.

– Позволяю! – рявкнула Шанти и тут же скривилась – оказалось, она очень напряжена, не нужно так волноваться. В случае чего всегда успеет уйти на свободу, не смогут они ее взять.

– Ваше величество! – Шур согнулся в низком поклоне, как и полагается перед императорской особой. – Разрешите вам доложить?

– Разрешаю! – кивнула Шанти и добавила сварливым голосом: – Все, кроме Шура, вон отсюда!

Слуга быстро выскочил из комнаты, Шур закрыл дверь на защелку и, пройдя несколько шагов, отдуваясь, уселся в кресло. Не спрашивая разрешения, налил в хрустальный бокал сока пополам с водой – прозрачный синий кувшин стоял перед ним на столе, – торопливо выпил, роняя розовые капли на грудь, и, легонько стукнув бокалом о полированную крышку стола, устало сказал:

– Простите, ваше величество. В горле пересохло, столько за эти сутки бегал по нашим делам – ноги отказывают. Дело сделано, ваше величество.

– Что сделано? – нетерпеливо спросила Шанти, наклонившись в

кресле и внимательно глядя на помощника. От того исходила волна удовлетворения, но в нем плескались и нотки страха, опасения.

– Через полчаса все адепты и все апостолы во главе с патриархом будут в Большом зале Совета, – коротко сказал Шур, прикрывая глаза и вытягивая ноги вперед. Он действительно очень устал – это чувствовалось.

– Как сумел? Что им сказал?! – заинтересовалась Шанти, которую переполняла энергия. Драконица чуть не подпрыгивала на месте от нетерпения.

– Я сказал, что вы хотите обсудить со всей верхушкой храма исчадий, чтобы, когда начать войну с Балроном, и что для этого нужны все адепты и апостолы.

– Это же бред! Какая, к демонам, война? – ошеломленно сказала Шанти. – И зачем им тогда приходить ко мне на совещание – всем? С какой стати?

– Поймите... Вы были бы удивлены, если бы заговорил вот этот стол? – улыбнулся Шур. – Примерно то же самое произошло, когда я написал патриарху и всем адептам с апостолами, что вы призываете их в зал Совета, чтобы обсудить войну. Вы, ваше величество, всегда отличались тем, что интересовались только женщинами, вином, пирами и другими развлечениями. Как и полагается императору Славии. И что сейчас случилось? Вас как подменили! Нужно на вас посмотреть, узнать, что это за змея укусила вас в зад! Простите за такую вольность, ваше величество... В общем, приехали все, даже больные. И каждый привез с собой охранников. Дворец буквально окружен охранниками исчадий, их личной охраной.

– Сколько их?

– Тысяча, не меньше. Они могут попытаться взять дворец приступом. И вам придется раскрыть свой настоящий облик. А тогда – все вскроется, и ваш замысел будет неудачен.

– Так. Понятно. – Шанти задумалась. – Что-то вроде этого я и ожидала. Моя гвардия сможет им сопротивляться? Если отдать приказ?

Шур задумался, исподлобья посмотрел на Шанти:

– За дверью стоит командир императорской гвардии, генерал Шелес Адрон. По моей версии – его вызвали вы, так как собрались устроить что-то вроде государственного переворота, свергнуть власть исчадий, взять власть в свои руки. И что вы хотите сделать ему предложение, которое перевернет всю его жизнь. Мне пригласить Шелеса, ваше величество?

– Сколько гвардии в столице? Как быстро ее можно привести в боевую готовность? И насколько она боеспособна?

– Три тысячи бойцов. Полторы тысячи – непосредственно в казармах дворца, еще полторы – казармы у северных ворот. Насколько боеспособны? Это может проверить только бой. Но Адрон скажет по этому поводу лучше. Точнее.

– Что ему предложить?

– Как обычно – деньги, власть. Так-то он не бедный человек, сами понимаете, должность приносит кое-какие плоды, но всегда хочется больше. Тем более, честно говоря, у гвардии к исчадиям отношение очень плохое. Впрочем, как и у всех. Исчадий никто не любит и никогда не любили. Боялись – да. Но вот теперь настал момент, когда можно выскользнуть из-под их тяжелой руки, так почему бы и нет?

– Ты хорошо его знаешь?

– Мы выросли вместе, – усмехнулся Шур, – потому я к нему и обратился так свободно. Мы учились в одной школе и дружили. Потом, став взрослыми, иногда общались, не так, как в детстве, конечно, но... уровень доверия все равно выше, чем у обычных сослуживцев.

– Хорошо! Давай его сюда.

Шур кивнул, с готовностью встал с кресла, щелкнув суставами, поморщился, покосившись на Шанти, и потер поясницу. И в самом деле – поясница ныла, но и показать свое рвение лишний раз не помешает. Отперев дверь, исчез в коридоре.

Через пару минут дверь распахнулась и вместе с Шуром вошел мужчина одного с ним возраста, довольно стройный, с выдвинутой вперед тяжелой челюстью и плечами, закованными в золоченую броню, украшенную насечками. Он прошел почти парадным шагом, впечатывая ноги в паркет, встал перед «императором» и отсалютовал, ударив кулаком по тому месту, где находится сердце. Панцирь загудел, и Шанти невольно хихикнула про себя, внешне не подав виду, – смешные все-таки у людей манеры!

– Приветствую, мой император! Прибыл по вашему вызову!

– Присядьте, генерал. – Шанти кивнула на кресло и, нахмурясь, посмотрела в окно. Над дворцом поплыл колокольный звон – пробило шесть часов.

– Ничего, подождут! – усмехнулся Шур. – Императора должны ждать! Пусть немного поварятся в своем соку, дойдут до степени готовности! Ваше величество, мой друг хочет заверить вас в своей преданности и желает услышать, как она будет вознаграждена. Что мы можем ему предложить?

– Что он хочет? – без обиняков спросила Шанти.

– Командующий объединенными вооруженными силами, – глухо сказал генерал, – это возможно?

– Сейчас нет такой должности, – задумчиво протянул Шур.

– Кто мешает ее создать? – резонно заметил генерал.

– И пограничные войска, и стража, и регулярная армия, и стража императора? Ты хочешь объединить всех в одну структуру?

– Да, – отрезал генерал. – И чтобы они подчинялись мне. Конечно, после вас, ваше величество, вы главнокомандующий!

– Хорошо. Будет сделано, – кивнула Шанти, рассудив про себя, что всегда можно прихлопнуть наглого гаденыша, если придется. Аппетиты у него, конечно, велики. Как бы и на престол не замахнулся... с объединенными-то силами.

– Ну вот и славно! – просиял довольный Шур. – Тогда приступай к работе, командующий объединенной армией. Твоя задача – не допустить, чтобы вся эта свора, собравшаяся вокруг, взяла штурмом дворец и добралась до императора. Уничтожай их безжалостно, если, конечно, они сюда полезут. Впрочем, когда заваруха начнется, все равно придется их уничтожать. Готовься. Ты привел второй полк?

– Да. Первый тоже у дворца. Все наготове. Замечу, что мои гвардейцы ничуть не хуже охранников исчадий, а нас почти в три раза больше. Мы задавим тварей!

– Идите, генерал... идите, – задумчиво кивнула Шанти. – Ваша задача – не пустить чужих во дворец. Исполняйте!

Генерал снова с глухим звоном ударил себя в грудь, четко повернулся на каблуках и вышел в коридор, прикрыв дверь. Шанти посмотрела на Шура и вздохнула.

– Ну что, пошли? Пора поговорить с исчадиями. – И туманно добавила: – Как долго я этого ждала! И еще кое-кто ждал... жаль, что его нет сейчас со мной.

Пояснять свои слова она не стала и решительно вышла в коридор, заполненный гвардейцами в блестящих кирасах. Они салютовали императору, и Шанти быстро пошла следом за Шуром, забежавшим вперед, чтобы показать дорогу к Большому залу Совета.

– Это что такое? – Андрус с удивлением смотрел на то, что делали парни, по очереди выходя парами на рыхлый песок. – Вы же сказали, что это борьба?

– Хм... а что же это такое? – удивился Урхард. – Борьба, конечно. Можно свалить противника на землю и удержать его на лопатках десять

ударов сердца. А можно сделать так, что он не сможет продолжать бой это же время, – оглушить его ударом, а то еще можно выкинуть с площадки – тогда он точно проиграл. Но это считается не очень приличным для бойца. Самая чистая победа – когда противник не может продолжать бой. Погоди, посмотришь, как дальше будет два на одного, а в конце – все против всех, пока на ногах не останется один. В честь праздника бойцы без защитного снаряжения, обычно парни тренируются в подстеганных рукавицах и щитках.

– Забавно, – кивнул Андрус и пробормотал себе под нос: – Панкратион...

– Что? Что такое панкратион? – услышал Урхард, и Андрус в который раз удивился тонкому слуху купца. Иногда тот слышал слово, сказанное тихо и на таком расстоянии, на котором ни один нормальный человек услышать его не мог.

– Не знаю, – пожал плечами Андрус. – Увидел, и вдруг всплыло в памяти: «панкратион». А что это слово означает, не знаю. Видимо, название борьбы?

– Точно ты не из нашей местности, – удовлетворенно кивнул купец. – Я о таком названии борьбы не слышал. Борьба и борьба, чего ей какое-то еще название придумывать? Но вообще название забавное, надо запомнить. Как говоришь? Панкратион? Панкратион, панкратион... все, теперь не забуду.

– Папка всегда побеждал, когда участвовал! – с гордостью сказала Беата. – Знаешь, какой он ловкий и сильный! Это кажется, что папка тяжелый, на самом деле быстрый, как молния, и сильный, как медведь! Когда он перестал тренироваться и выступать, тогда стали побеждать Хетель и Эгиль, а до них – их отец, Бирнир. Но он спился, отяжелел и с папкой никак не может сладить! И не сладит – никогда! Только если со спины нападет с ножиком!

– Тьфу! Беата, следи за языком! – вздрогнула Адана. – Слово сказанное может сбыться! Нельзя такие слова говорить, приманивать беду!

– Прости, мам, – удрученно кивнула Беата, – я забылась, увлеклась. Но скажи же, наш папка самый сильный, самый быстрый на свете!

– Самый, самый, самый... – улыбнулась женщина. – Лучше его нет на всем свете!

– Нету! – вздохнула Беата и, покосившись на Андруса, прислушивающегося к разговору, грозно заметила: – А с тобой я вообще-то не разговариваю! И не пялься на меня!

– Беа, может, хватит? – нахмурилась Адана. – Сегодня праздник. А ты

ведешь себя как избалованная девочка, у которой отняли любимую игрушку! Помиришься с Андрусом, что ты сидишь, как кол проглотила! Даже неприятно с тобой рядом находиться!

– Неприятно? – скривилась Беата. – Тогда я не буду с тобой рядом сидеть! Пойду прогуляюсь – к бойцам подойду, поддержу! Они сильные, смелые, красивые – не то что некоторые. И умеют ценить красивых девушек!

Беата вскочила с места и зашагала туда, где собралась молодежь. Парни, по пояс голые, могучие, блестели на солнце белой кожей, вокруг них вились девушки – хихикали, задирали парней, те отшучивались и как бы невзначай надували мышцы, поигрывая ими на разминке. Андрус посмотрел ей вслед и вздохнул. Адана тихонько заметила:

– Набаловали мы ее. Получала все, что хотела, и вот – чуть не по ней, сразу фырчит, сразу скакать, как коза. Она хорошая девочка, добрая, умная, трудолюбивая – никогда не отказывается помочь и грязи не боится. И тебя выхаживала, как больного щенка...

– И теперь считает, что я принадлежу ей, раз она меня выходила, – горько усмехнулся Андрус. – Заигралась.

– Может, и заигралась, – серьезно кивнула Адана. – А ты что молчишь, отец? Дочь ведет себя ненормально, а ты все молчишь?

– Вы чего сюда пришли? – буркнул Урхард, глядя на то, как под крики толпы очередной боец ловким ударом локтя свалил на землю противника, залившегося кровью. – Праздник! Смотрите, любуйтесь – сильные у нас парни, настоящие бойцы! Наших ребят в клане всегда охотно берут на службу, они обычно служат телохранителями у вождя. Сильные, умелые!

– Мозгов бы им еще побольше! – хихикнула Адана, и Урхард ухмыльнулся:

– Что есть, то есть – с мозгами у нас тут не очень богато. Зато женщины умные.

– Это да. Даже слишком умные. Кстати, ты видал, как они на Андруса смотрят? – улыбнулась Адана. – Особенно дочка старосты. Андрус, ты видал, как на тебя Фрейла смотрит?

– Какая еще Фрейла? – удивился он. – Не знаю никакой Фрейлы!

– Как не знаешь? А ты помнишь, в лавку приходила такая девица – грудь кофту рвет? Красотка? Ну перед сыновьями Бирнира? Ну почему вы, мужчины, такие тупоумные?! Да вон она стоит, на тебя косится! Вспомнил?

– Вспомнил, – пожал плечами Андрус, – и что? Ну разглядывает меня. Не она первая, не она последняя. Мало ли желающих полюбоваться тощим черноволосым уродцем, пожеванным жизнью. Небось все знают, что вы

подобрали непонятного бродягу и выходили его. С чего вы взяли, что она испытывает ко мне какой-то интерес, кроме как к забавному зверьку?

– Э-э-э... глупый ты, Андрус, – усмехнулась Адана. – Вы, мужики, не знаете мужской красоты, не понимаете ничего!

– И поясни! – заинтересовался Урхард. – Чего это такого мы не знаем в красоте? И что там насчет Андра и Фрейлы? Я тоже что-то ничего не заметил! Как ты все подмечаешь?

– На то я и женщина, – улыбнулась Адана. – Вам отношения между мужчинами и женщинами неинтересны... почти неинтересны, если это не касается постели, а для женщины создание семьи, дети, любовь – это главное. Андрус-красавчик. А шрам не только не портит его, а даже прибавляет притягательности – с ним он загадочный, мужественный, настоящий мужчина, даром что бороды не носит. Кстати, может, это даже добавляет интереса – все с бородами, а он нет! Да если бы я была помоложе, да не было у меня самого лучшего мужа на свете, я сама бы в него влюбилась! Не улыбайся, радуйся, что я тебя люблю! Что касается Фрейлы – она всю жизнь завидует Беате, соперничает с ней. Помнишь, как они дрались в детстве? Девчонки – одноклассницы, красавицы, Фрейла только покрупнее Беаты и повыше. Все, что есть у Беаты, – а Фрейла подозревает, вернее, уверена, что Андрус принадлежит Беате, – привлекательно для Фрейлы, ей хочется отобрать парня у нашей девочки. Вот так вот, мужчины!

– Видал?! – хмыкнул улыбающийся Урхард. – Все разложила по полочкам, все разобрала по ниточкам! Умнющая – просто слов нет! За то и люблю!

– А не за мои длинные ноги? Не за мое красивое лицо и стройную фигуру? Молчал бы уж! Если бы я выглядела как корова, тебя бы и двадцать демонов не заставили подойти ко мне! Пусть даже я была бы из умных умная!

Адана расхохоталась, ей вторил Урхард, Андрус же вымученно улыбнулся и подумал о том, как ему выкрутиться из ситуации и никого не задеть. Похоже, что это противостояние добром не кончится: девчонки своенравные, привыкшие получать все, что хотят, а он тут – приз. Приз, который получит победительница! Отвратительно ощущать себя призом на соревнованиях бойцов.

Андрус смотрел на состязания и постепенно перестал слушать то, о чем говорили Урхард и его супруга. Для них, конечно, все эти рассуждения актуальны, жизненно важны, а ему что? Зачем ему знать особенности брачного поведения местных женщин? Гораздо важнее то, какими боевыми

искусствами владеют местные бойцы!

Состязания как раз подходили к концу – состязания по борьбе, как они ее называли. На удивление, травмированных среди бойцов было не очень много. Подбитые глаза, губы, ушибы, свернутый распухший нос – это в общем-то в порядке вещей, парни взаправду были крепкими, сильными, откормленными, как хорошие жеребцы. Практически не было слабых, ущербных – все как на подбор. Не зря Урхард говорил, что парни из этой местности ценятся в городе.

Стиль боя ничем особым, интересным не отличался: захватить за руку, за шею, за пояс, швырнуть оземь, ударить кулаком, размашисто или «тычком», локтем, головой, пинок ногой – никакого стиля, никакой тактики, одна грубая сила. Впрочем, этой силы хватало с лихвой. Неподготовленному человеку – и подготовленному тоже! – такой боец мог запросто сломать пару костей и вывести из строя на долгое время. А то и убить. Сами же они довольно легко принимали удары в живот, в грудь – сильные мышцы гасили удары, как хорошая подушка. Пробить слой мышц было непросто, если не знать как. А Андрус знал. Откуда знал – другой вопрос. Он внимательно следил за тем, как передвигаются парни, как машут руками, и автоматически определял: вот тут открылся, вот тут можно было пробить ему в горло, здесь – выбить глаз, а потом переломить шейные позвонки.

Андрус встряхнулся – какая гадость лезет в голову! Неужели он был таким зверем, таким убийцей, что подобные мысли появляются сами собой?! Глубоко задумался, прислушался к своим ощущениям. Мысли о том, что кого-то надо убить, что это нормально, что стиль бойцов малоэффективен и есть гораздо лучшие способы выбить дух из человека, не вызвали у него ни малейшего сожаления или удивления. Как не вызвала неприятия человеческая кровь, довольно обильно льющаяся на рыхлый песок.

Андрус сидел, обхватив голову руками, и смотрел в землю, будто она могла дать ему ответ на вопрос, кто он такой и откуда взялся и зачем. Поэтому он не сразу заметил, что победитель состязаний, Эгиль, остановился перед ним, вытирая потное тело куском ткани.

– Эй, увечный, а ты чего не участвуешь в соревнованиях? Тут про тебя говорят, что ты можешь всех нас одной левой уложить! Не покажешь?

Андрус поднял глаза – Эгиль смотрел на него с усмешкой и вызовом. Повернул голову вправо – Беата прятала глаза, стоя возле матери, и старалась не смотреть на Андруса. Вот откуда ветер дул...

– Ты чего хочешь? – неожиданно спросил Андрус. – Побить меня?

Доказать всем, что ты сильнее? Считай, что доказал. Можешь пойти к девушкам и сказать, что я напугался, задрожал и попросил меня не бить. Не бе-е-ей меня, Эгиль! – проблеял Андрус с кривой ухмылкой. – Так хорошо? Пойдет?

– Пойдет, – усмехнулся парень и, зло прищурившись, покачал головой. – Правильно мы поняли – ты ничтожная грязная тварь, недостойная наших девушек. Если ты прикоснешься хоть к одной из них, я тебе все причиндалы оторву и в рот засуну. Понял, придурок?

– Понял, – легко согласился Андрус.

В голове у него было звеняще-холодно, как в пустом медном котле. Если бы кто-то сейчас заглянул ему в глаза, увидел бы, что зрачки стали вертикальными, как у кошки. А еще Андрус вдруг начал воспринимать мир по-другому. Люди стали двигаться медленно, будто облака, каким-то чудом спустившиеся на землю. Звуки изменили высоту и слышались ему густыми или рокочущими. Низкий бас Урхарда рокотал так, будто это был не голос человека, а камни, перемещаемые горным потоком. Слова падали медленно и казались неразборчивыми – вроде как Урхард выговаривал Эгилю, дескать, Андрус едва оправился после болезни, негоже трогать человека, который едва спасся от смерти.

Ошеломленный происшедшей с ним переменой, Андрус будто впал в ступор и, чтобы избавиться от непонятных ощущений, помотал головой.

Увы, это было воспринято Эгилем как отказ – он как раз говорил о том, что ничтожный урод недостойн такой девушки, как Беата, и вообще она невеста Эгиля, и он намерен скоро сделать ей предложение. И тогда Эгиль пришел в ярость, не найдя ничего лучшего, как плюнуть в чужака.

Плевков летел медленно, будто пушинка, Андрус легко мог уклониться, однако не сделал этого, замороженно глядя на приближавшийся бело-зеленый сгусток слизи. Тот шлепнулся на запястье Андруса, прилип, удобно устроившись на коже. Андрус автоматически протянул руку, вытер ее о штаны Эгиля, потом сложенными в «клюв петуха» пальцами той же руки не очень сильно ударил в то место, где находилась гордость мужчины. Эгиль согнулся пополам, вытаращил глаза и стал наливаясь багровой краснотой, как от натуги, будто поднимал невероятную тяжесть.

Эгиль еще не успел коснуться земли, когда Андрус приподнялся со скамьи и ударил его в затылок, ломая шею, разбивая основание черепа. Вернее, хотел сломать, разбить... но ударил легко, буквально шлепнул ладонью, как если бы раздраженный отец дал подзатыльник шалуну-сыну.

И мир снова полетел вскачь – люди ускорили движения, закричали, завизжала какая-то женщина в толпе, засвистел ветер в ушах, и запахло

потом, кровью, а еще – хвоей из леса, мокрыми водорослями от озера и благовониями от Аданы, стоящей рядом.

– Он убил моего парня! – проревел Бирнир, бросаясь к Андрусу. – Ах ты тварь! Я тебя сейчас...

– Стой! – рявкнул Урхард, перекрывая дорогу мужчине, схватившемуся за нож. – Твой Эгиль сам виноват! Он плюнул ему на руку, оскорбил!

– А он ударил его подлым приемом, в пах! Отбил ему все причиндалы! Это как? Удары в пах запрещены! Это подлый прием! Я вызываю его на поединок!

– Какой, к демонам, поединок?! – слегка опешил Урхард. – Ты спятил? Во-первых, у нас в селе не устраивают поединков, это горожане пускай балуются! Во-вторых, парень едва после болезни оправился, какой поединок?! Это чистое убийство! И кто будет против него биться? Небось твой Хетель?

– Хетель! – торжествующе крикнул Бирнир. – Эй, староста, иди засвидетельствуй – я вызываю работника Урхарда на поединок. За меня будет биться Хетель!

– Я буду биться за Андруса, – хмуро буркнул Урхард.

– Ты уверен, Урхард? – тревожно шепнул подошедший староста. – Ты и в лучшие свои годы не славился в вечном бою, а теперь, когда отяжелел... Хетель – лучший мечник в селе! И не только в селе, ты же знаешь!

– Не важно, – решительно мотнул головой мужчина. – Я!

– Вот и замечательно, – просиял Бирнир. – Биться, значит, биться! Острыми мечами!

– Какие острые мечи?! – возмущенно закричал староста. – Ты хочешь смертью испортить праздник? Ты что творишь, Бирнир?

– Острыми, я сказал! Он нарушил закон, ударил в пах – не в бою. Я его вызвал. Имею право – закон гласит так. Острыми мечами – мое право. Через полчаса вон там, на площадке мечников. Не будет его или тебя, Урхард, – я просто подойду и зарублю его. Или застрелю из лука. Или закопаю живьем, как поганого труса! Все, сказано!

Бирнир рывком поднял на ноги сына, и они пошли прочь, сопровождаемые молчаливыми взглядами селян. Секунд двадцать все молчали, потом разом загудели, закричали, забегали, и, как заметил Андрус, большинство побежали занимать места на скамьях ближе к фехтовальной площадке.

– Что я наделала! – ахнула Беата, до которой дошла суть

происходящего. – Ведь это я виновата! Из-за меня Эгиль пришел сюда и стал задира́ть Андруса! И я подставила папку! Мам, что делать? Мам?!

– Это спланировано, – ровным голосом сказала бледная Адана. – Они все это заранее приготовили. Не ты, так другой был бы повод. Это удар по отцу.

– Я сам пойду, – пожал плечами Андрус. – С какой стати кто-то будет драться за меня? И с чего вы решили, что я не могу себя защитить?

– А ты можешь? Ты умеешь обращаться с мечом? Хетель – лучший фехтовальщик в Лесу, это все знают, – угрюмо сказал Урхард и вдруг задумался, наморщив лоб. – Скажи, а как ты так быстро сумел вырубить Эгиля? Я глазом не успел моргнуть, а он уже лежит! Да ладно, какая разница... Ты точно умеешь обращаться с мечом?

– Умею. Только расскажи мне правила, чтобы я снова не нарушил. Откуда я знал, что у вас нельзя бить в пах? Это что за такие причуды? А если в бой?

– В бою – можно. На тренировке или в мирное время – нельзя. Закон такой.

– Хрень какая... кто придумал такой закон? – хмыкнул Андрус.

– Честно сказать, не помню. Есть много глупых законов, непонятно откуда взявшихся, но он точно действует, я знаю. И это повод к вызову. Типа подлый удар, и того, кто его нанес, можно вызвать. Скорее всего, и вправду заранее заготовлено. Бирнир давно таит против меня злобу.

– А если просто послать их подальше, и все? Почему мы должны драться? Я вообще не хочу убивать этого парня! С какой стати я или ты должны соглашаться? Чушь какая-то...

– Мы не можем отказаться от поединка. Вызов сделан по правилам, по закону. И я не остаюсь в стороне – принял вызов за тебя.

– Да послать их, и все! Всех послать! Пошли они все на хрен! – возмутился Андрус.

– Нельзя. Жить с клеймом труса? Слушать шепотки за спиной?

– Я совсем запутался, – устало сказал Андрус. – Если надо убить этого парня, я его убью. Есть какой-то способ предотвратить поединок? Остановить дело? Можно ли не убивать?

– Не обязательно убивать. Нужно сделать так, чтобы противник не смог продолжать бой. Или сдался.

– Не могу поверить – из-за того, что я отбил этому идиоту яйца, смертельный поединок? А что я должен был сделать?

– Вызвать его, конечно, – вмешалась Беата. – Он оскорбил тебя, унизил. Ты мог вызвать его на поединок. На кулачный бой. Но ты

применил запрещенный в мирное время прием. И его отец получил возможность вызвать тебя, то есть моего отца. Они уверены, что ты слаб и что отец выйдет за тебя, так как ты мой жених – для всех ты мой жених, они так и считают. Я разговаривала с девками, все думают, что мы уже живем с тобой как муж и жена. То есть сейчас вызвали моего мужа и папиного зятя.

– Воняет это все, Урх! – Голос Аданы был жестким и звенящим как сталь. – Мне кажется, их наняли! Столько лет прошло... я думала, он успокоился.

– Как видишь, нет, – сухо ответил Урхард. – И после всего ты говоришь, чтобы я не вмешивался?

– О чем речь? – Беата недоуменно переводила взгляд с отца на мать и обратно. – Я чего-то не знаю?

– Когда-нибудь узнаешь, – устало сказала Адана, – но не сейчас. Как все закрутилось, завертелось... просто не верится. После стольких лет покоя, счастья... не в добрый час ты попал к нам, Андрус. А может, это знамение богов? Может, и вправду нам пора в город, хватит отсиживаться в глухомани?

Андрус взял меч – он был длиной с его руку, не очень широкий, отточенный до остроты бритвы – его принесла Беата, сбежав домой, благо отсюда было недалеко, шагов триста. Кинжал – короткий, широкий, больше похожий на нож для съема шкур, вероятно, для того его частенько и применяли. Ни кольчуги, ни какой-то другой защитной амуниции не позволялось – штаны, обувь, хотя можно было и босиком. На лоб шнурок, чтобы не мешали волосы и пот не заливал глаза, вот и все снаряжение бойцов-поединщиков. Обнаженные по пояс, благо погода позволяла.

Хетель вооружился здоровенным мечом, не менее чем на пядь длиннее меча соперника, и кинжалом, похожим на кинжал Андруса, только помассивнее. Он легко поигрывал мечом, демонстративно делая выпады и насмешливо глядя на того, кого считал мертвецом.

Андрус не сомневался – его собираются убить. Не удалось убить Урхарда, так хоть напакостить, убрав его зятя. Вообще-то Бирнир был сильно недоволен тем, что Урхард не выходит биться сам, и дважды принимался спорить, ругаться – мол, слово было сказано, нельзя на попятную, и все такое прочее. Но его остановили – староста, который прекрасно знал законы, ведь он как раз и занимался тем, что следил за их исполнением. Если вызванный сам решил защищать свою честь, никто не может ему в этом препятствовать.

– Бойцы, на середину площадки! – скомандовал староста, седовласый мужчина лет пятидесяти с гаком. – Бой по команде, тот, кто начнет раньше, считается проигравшим и выплатит пятьдесят серебряников. Все понятно? Бой ведется до тех пор, пока один из соперников или оба не смогут его продолжать. Или пока один из соперников не сдастся, о чем скажет разборчиво и громко. Итак, приготовились!

Андрус ясно слышал и чувствовал все, что происходило вокруг. Слух его обострился, нюх стал таким чутким, что он ощущал благовония на женщинах, стоящих в десяти шагах от него и даже дальше. Чувствовал запах пота, запах еды, которую ели селяне, даже запах возбужденных самок, которые смотрели на самцов и мечтали о случке!

Андрус снова потрянул головой, почему ему в голову опять приходят странные мысли? Какие самки и самцы? Девушки и парни! Откуда звериные мысли? Он что, думает как зверь?

И снова мир изменился, время стало тягучим, как старый мед. Позади слышались голоса – густые, низкие, грохочущие:

- Каааккоой краасиивеенький... жаалкooo...

– Хууудоой каакоой... иии чеегооо выы в нееем нааашлиии...

– Хууудоой дааа вееерткийй! Кааак заавееертиит, кааак прииижмееет... хааа... хааа... хааа...

– Стааавлююю нааа Хеетеееляя...

– Ооон ууубьееет ееегооо...

– Аааандр, дееержииись!

Андрус взглянул на противника, и ему показалось, что вокруг того возникло сияние, облегающее тело, как толстый меховой покров. В серебристом мареве кое-где проступали желтые пятна, кое-где красные. Андрус чувствовал, что он должен знать, что это все означает. Но времени на обдумывание странного эффекта не было.

Староста подал команду:

– Бооойцыыы... нааачаалиии!

Хетель медленно-медленно растянул рот в улыбке, одновременно делая выпад, пытаясь одним движением покончить с чужаком. Андрус не двинулся с места, пока острие меча не приблизилось к горлу, и тогда чуть отступил в сторону. Выпад проткнул лишь воздух, и клинок убрался обратно, с разрешения Андруса – он легко мог бы выбить его из руки врага, просто отрубив эту самую руку.

Удары сыпались один за другим, Андрус пропускал их мимо себя, не делая попытки убить или ранить противника. Он будто танцевал, уклоняясь, пропуская клинок мимо тела на расстоянии сантиметра, не

более, изгибаясь, поворачиваясь, отступая. С каждым ударом казалось, что именно этот удар последний, что черноволосому чужаку пришел конец. Однако каждый раз Андрус выныривал из вихря ударов абсолютно целым, без единой царапины. В толпе уже слышались смешки, люди стали откровенно смеяться над Хетелем, и тот пришел в ярость, увеличив скорость так, что перемещения двух его клинков едва можно было рассмотреть.

– Сражайся, трус проклятый! – ревел отец Хетеля, обращаясь то ли к сыну, то ли к Андрусу – понять было нельзя, тем более его голос терялся в реве толпы.

– Держись, Андр! – отчаянно вопила Беата, Урхард бил кулаком по скамье, стиснув зубы так, что они скрипели, а Адана сидела молча, бледная, сжав губы в тонкую ниточку. Что происходило в ее голове, знали только боги.

Наконец Хетель стал уставать, снизил темп, взмок так, что с него полился пот, брызгая по сторонам и заливая глаза, не помогал и шнурок на лбу. Дыхание парня стало хриплым, прерывистым – такая нагрузка не давалась даром. И тогда Андрус ударил.

Мощнейший удар в плоскость меча был таким сильным, как будто боец ударил не мечом, а кузнечным молотом, держа его обеими руками. Меч Хетеля жалобно звякнул, протестуя против такого варварского обхождения, и если бы он не был выкован кузнецом Хугусом из нескольких сотен слоев первоклассной стали, закален в масле, то сломался бы, как сухая тростинка. А так он лишь вылетел из руки Хетеля, описал дугу и вонзился в землю прямо перед вдовой Арнмуна, попавшего в прошлом году в свой же капкан и замерзшего в Лесу.

Молодая вдова упала в обморок – меч едва не пронзил ей низ живота, вонзившись между ног. Злые языки потом поговаривали, что она лишилась чувств не потому, что испугалась летящего в нее меча, мол, из-за того что у нее давно не было мужчины, вдовушка представила, что это был совсем не меч Хетеля, а нечто иное. (Что только не наболтают люди, когда женщина, молодая и красивая, отказывает им в близости под надуманным предлогом вроде того, что она в трауре и без любви в постель не ляжет. Глупости какие!)

Второй удар, быстрый, неотразимый, был направлен в руку противника, и опять только в последний момент Андрус сдержался и вместо того, чтобы отсечь руку вместе с кинжалом, ударил по ней плоской стороной меча, переломив кость и заставив выронить клинок. После этого меч врезался в скулу Хетеля, дробя ее, кроша, разбивая в кровавое месиво –

плоской стороной. Андрус никого не хотел убивать, пусть даже судьба и толкала его к этому. Парня будто ветром снесло, он упал как подрубленное дерево и затих на земле, пуская кровавые пузыри из разбитого рта.

Мир ускорился, зашумел, задвигался. Люди кричали, визжали – кто-то ругался, кто-то радостно хохотал, кто-то выкрикивал непонятно что, то ли пьяный, то ли от полноты чувств. Подбежала Беата, бросилась на грудь Андрусу, стала его целовать, весело смеясь и прижимаясь всем телом, подошел Урхард, улыбаясь в бороду, и хлопнул Андруса по плечу, что-то прогудел – боец опять не разобрал, что именно. Что-то одобрителное, но неразборчивое... в ушах звенело так, что Андрус не мог расслышать отдельные звуки. Внезапно его охватила страшная слабость, такая, что он зашатался, сознание начало темнеть, и на глазах у всего народа Андрус свалился в глубокий обморок.

Глава 5

– На выходе мои люди с четкими указаниями никого не выпускать, дверь не открывать!

– Хорошо. Никого не выпускать, пока я не скажу.

Шанти быстро шагала по коридору почти вплотную к Шуру. Рядом шел генерал Адрон, чуть наклонивший голову и внимательно прислушивающийся к словам «императора».

– Я понимаю... – начал Адрон.

– Нет, вы не понимаете! – перебила Шанти. – Если кто-то заглянет в зал, я буду вынужден его убить! В зале будет твориться древнее колдовство, и никто не может его видеть! Даже вы! Теперь понимаете?

– Теперь понимаю, – слегка растерянно кивнул генерал. – Я уберу стрелков сверху, от слуховых окон.

– Уберите. Иначе я просто буду вынужден казнить их. А я этого не хочу. Никто не должен пострадать, кроме тех, кто этого заслуживает.

– Ваше величество, – Шур остановился, и только мгновенная реакция спасла драконицу от того, чтобы не врезаться в спину советника, – я за эту дверь не пойду. Вы же колдовать будете? Не сомневаюсь, что это же будут делать исчадия, простому смертному нечего делать в драке колдунов. Слугам я уже сказал, как только объявят вас, чтобы тут же вышли из зала.

– Шур, на пару слов! – «Император» кивнул начальнику тайной стражи, и генерал Адрон предусмотрительно отошел в сторонку, чтобы не мешать беседе. Где вход в зал? – шепнула Шанти.

– За поворотом, в конце коридора, темная высокая дверь! – так же тихо шепнул Шур. – Я для того и остановился, чтобы сказать, – вы верно поняли. Коридор полон охраны исчадий, вперемешку с нашими. Как нам узнать, что вы начали? Это будет сигналом к тому, чтобы мы уничтожили охрану патриарха и адептов.

– Вы услышите, – заверила Шанти. – Будет шумно.

– Понял. Видел, – ухмыльнулся Шур.

– Видел – и забудь, – сухо сказала Шанти. – Организуй все как следует! Ни один из охранников не должен уйти.

– Будет великая... бойня, – прошептал Шур, слегка бледный, с румянцем на щеках. – Это запомнят на века!

– Забудут, – усмехнулась Шанти. – В мире много такого, что гораздо эпичнее уничтожения стаи крыс. Все, хватит! Пошли!

Солдаты. Кирасы блестят в лучах вечернего солнца, все серьезные, угрюмые – понимают, что-то грядет. Что-то такое, что выходит за границы их понимания. Что главное для солдата? Чтобы жалованье было побольше, чтобы давали его вовремя и муштры поменьше. А еще чтобы не было войны. Никакой. Даже такой маленькой, победоносной. Ведь какая бы она, война, ни была победоносная, всегда есть шанс получить стрелу в лоб или саблю в бок. Ну ее к демонам, эту войну.

От паркета пахло воском, ноги скользили на светлых деревянных пластинках. Шанти отметила, что за дворцом основательно ухаживают, а еще – деньги в казне водятся. Сад, дворец, весь дворцовый комплекс в полном порядке. Неплохо будет тут пожить какое-то время. Какое? Это уже как судьба позволит. Думать о том, что будет дальше, пока бесполезно и вредно. Нужно двигаться вперед, к цели, шаг за шагом, шаг за шагом, как она и задумала. А что будет дальше... как говорил Андрей: «Если не знаешь, что делать, делай шаг вперед».

Высоченная дверь распахнулась перед лжеимператором, и Шанти сделала этот шаг вперед, вступив в длинный овальный зал, заполненный мужчинами в ярко-красных мантиях. Люди как люди – толстые и худые, красивые и уродливые, по виду и не скажешь, что вершат судьбы миллионов жителей страны. Ничем они не отличались от обычных людей – кроме своих красных балахонов, да некоего отпечатка власти на лицах, на душах, неуловимого, но ощущаемого, особенно если ты являешься эмпатом.

– Император Славии Антагон Третий! – гулким басом произнес церемониймейстер, и Шанти неспешным шагом прошла к трону, расположенному посреди зала, чуть поодаль от длинного стола, вокруг которого собралась красная, как выпачканная в крови, толпа.

Драконница усмехнулась, вспомнив, что Андрей рассказывал ей: в его мире был такой народ, который очень увлекался жертвоприношениями, кровью жертв мазали волосы, обливались ею... Красный – цвет жертвоприношения. Цвет жизни и смерти.

Трон был неудобным. Шанти с гораздо большим удовольствием сидела, вернее, лежала бы на кровати. Она представила широченную кровать, возлежащего на ней императора, а перед ним адепты во главе с патриархом! Хихикнула про себя и не удержалась, чтобы не улыбнуться.

Улыбка императора не осталась незамеченной. Мужчина лет пятидесяти, с довольно приятным лицом, худощавый, одетый в красно-черную мантию, удивленно посмотрел на молодого человека, волею судеб

вознесенного на самый верх и не приложившего для этого никаких усилий. Вздыхнул и в который раз подумал о том, что давно пора менять государственную систему. Вот зачем им этот бесполезный придаток, именуемый императором? Народ уже привык, что исчадия выше всех, так и надо сделать так, чтобы глава их и официально был выше всех! Править не только из тени, но и на самом деле, вот с этого самого золоченого трона, скинув с него поганого мальчишку, непонятно как оставшегося в живых после непонятно какого покушения. И после покушения совершенно спятившего – иначе чем можно объяснить его последние действия?

Патриарх осмотрел зал, увидел своих слуг, застывших в почтительном поклоне, и громко скомандовал:

– Все слуги и охрана вышли! Пошли, пошли вон!

Слуги быстро покинули зал, дверь захлопнулась. Шанти краем глаза проследила, как они уходят: она опасалась, что дверь уже заблокировали, слуги будут рваться наружу, не понимая, что происходит, адепты всполошатся и все начнется раньше, чем она запланировала. А Шанти хотелось поговорить с этим сборищем кровососов, прежде чем их уничтожить. Зачем поговорить? Она и сама до конца не понимала. Для знаний, наверное. Никогда не лишне знать, что представляют собой твои враги. Или представляли...

– И что это значит, Антагон? – резко спросил патриарх. – Что за поведение? Ты что о себе возомнил?

– Какое поведение? – нарочито недоумевающе спросила драконица. – И вообще, что за непочтительность? Ты почему говоришь без позволения императора? Как расценить твоё поведение?

– Что?! – поперхнулся патриарх. – Ты, ничтожный червь, смеешь...

– Патриарх, это не император! – вмешался один из адептов, сидящих рядом с главой храма. – У него аура отличается! У этого существа синяя аура! Это даже не человек!

– Тварь? Как сюда попала тварь? – изумился патриарх. – Быстро, обездвигить его!

Пятеро адептов вскочили с места, выкрикнули какое-то слово, и Шанти почувствовала, как ее обожгло огнем. Больше, надо сказать честно, она ничего не почувствовала, но, мгновенно сообразив что к чему, застыла, вращая глазами, как если бы ее руки и ноги были парализованы.

– На сколько времени хватит заклинания? – удовлетворенно спросил патриарх, вставая и направляясь к Шанти.

– Полчаса гарантирую, – сказал первый адепт и добавил: – До истечения срока тварь лучше убить. Иногда у них бывает высокая

сопротивляемость к магии. Сейчас я наложу заклинание правды, и она будет говорить то, что мы хотим услышать.

– Давай-давай, – довольно кивнул патриарх. – Очень интересно узнать, откуда же эта пакость взялась и куда делся гнусный мальчишка, по недоразумению именуемый императором. Кто занял его место...

Адепт подошел к Шанти, бросил в нее каким-то порошком, отчего она едва не чихнула, с трудом от этого удержавшись, произнес короткую фразу, сопровождая ее пассами, и драконицу снова охватило тепло.

– Сделано, – сказал адепт. – Позвольте, я проверю?

– Позволяю! – Патриарх взял стул, поставил его напротив Шанти и, усевшись, приготовился смотреть, что будет дальше.

Адепт выждал секунд десять, чтобы заклинание как следует пропитало жертву, и спросил:

– Ты кто?

– Неправильный вопрос, – хмыкнула Шанти. – Давай договоримся, я отвечаю на твой вопрос, а ты на мой. Вопрос на вопрос!

– Бред какой-то! – фыркнул один из адептов. – Наложите на него заклинание боли! Пусть подергается! А потом спрашивайте! Вы что, первый раз допрашиваете?

– Мы как-нибудь разберемся, Геом! – не поворачиваясь, ответил патриарх. – Помолчи. Здесь я старший. Займешь мое место, тогда и будешь командовать.

«Если доживешь! – подумал патриарх. – Что-то ты в последнее время стал излишне нагловатым».

Помолчав, патриарх добавил:

– Наложите на него заклинание боли. Эй, тварь, если не будешь отвечать на наши вопросы, каждый раз с тобой будет вот это! Давай!

Заклинание боли для Шанти было не страшнее плевка в спину, но показывать это она не собиралась – закричала, завывала после того, как адепт выкрикнул какие-то дурацкие фразы, плеснув на нее вонючей жидкостью, по запаху напоминавшей кошачью мочу.

Шанти была очень раздосадована порчей костюма и выла от ярости до того натурально, что один из апостолов поморщился и тихо сказал:

– Уши заложило. Неужто нельзя было предварительно заткнуть ему рот? С какой стати я должен слушать вой этого придурка?

Наконец Шанти наскучило изображать муки, и она затихла в кресле, именуемом тронem. Зад у нее уже ныл от соприкосновения с твердой поверхностью этого золоченого стула, и драконица дала себе зарок – сделать все троны во дворце мягкими, снабдив их еще и подушками, чтобы

можно было полулежать. Разве она не заслужила комфортной жизни?

– Теперь поговорим. Кто ты? – Патриарх внимательно посмотрел в глаза «императора».

– Тварь, – усмехнулась Шанти.

– Зачем ты занял место императора?

– Ты что, дурак? Непонятно, как такой идиот занял место патриарха! – ядовито сказала Шанти. – Любой ребенок догадался бы зачем! Ради власти, конечно!

Послышался чей-то смешок, но патриарх не обратил на него никакого внимания, решив после разобраться, какая сволочь смеялась. Кару негодяю он придумает потом. На досуге. Впрочем, и так ясно, кто смеялся.

– С этим ясно. – Патриарх почесал нос, помолчал...

«В живых остались лишь император и... Шур?! Шур! Он в курсе всего! Вот почему император назначил его начальником тайной стражи! Ага, все интереснее и интереснее. Некая колдунья, которая пытается убить императора и погибает сама. Идиотство, конечно, но в свете последних событий вполне сойдет. Вот как здесь оказалась тварь, которая может принимать облик человека? Магическая тварь с северного континента?! Возможно, что за всем стоит именно Шур – про него говорили, что он очень умен и очень опасен!»

– Эй, тварь, ты как тут оказалась? Как ты перебралась в Славию?

– На крыльях, – легко ответила Шанти и тут же спросила: – Скажи, патриарх, ты что-нибудь слышал, куда делся некий Андрей, тот самый, из Балрона?

– Если бы мы знали... – задумчиво пробормотал патриарх, занятый своими мыслями, и опомнился: – Как ты смеешь спрашивать, тварь?! Твое дело – отвечать на вопросы!

– Значит, и вы не знаете, куда делся Андрей, – сокрушенно вздохнула драконица. – А может, кто-то из апостолов знает? Или адептов? Кто знает, куда делся Андрей? Эй вы, чего молчите, как дерьма в рот набрали? У-у-у... гады лупоглазые! – фыркнула Шанти. – Толку от вас никакого. Придется заниматься с каждым по очереди. Все, что мне надо знать, – где Андрей?

Шанти встала с трона, не обращая внимания на ошеломленные физиономии исчадий, быстро сбросила с себя одежду – начнешь превращаться, в ключья разлетится – и обратилась драконицей, гордо и надменно поглядывающей на людей с высоты своего роста.

Надо отдать должное исчадиям – десять человек тут же начали колдовать, швыряя в драконицу заклинания различной степени тяжести, от

усыпляющих до смертельных, убивающих на месте любое существо.

Любое – за исключением драконов. Создатель позаботился о том, чтобы драконов не брала магия. Ни один дракон не мог быть убит прямым воздействием заклинания. Прямым. То есть нельзя было сжечь дракона магическим огнем, нельзя заморозить заклинанием или остановить сердце – вся эта пакость отскакивала от Шанти, как шелуха от семечек, выплюнутая базарной торговкой в пробегающего мальчишку, спершего у соседа пару яблок. Немного неприятно, противно, но вполне терпимо и никак не вредно. Даже наоборот – бодрит и подталкивает к великим свершениям.

И свершения не заставили себя ждать.

Шанти подняла голову, ее желтые драконьи глаза с вертикальными щелями зрачков широко раскрылись, и она выпустила здоровенное облако желтой взвеси, великолепно усыпавшее любое существо, в том числе и человека.

Первыми легли патриарх и адепты. Они задыхались, хватаясь за горло, падали на пол, корчились и застывали как мертвые. За ними повалились апостолы – они пытались спастись, выброситься в окна, но те были забраны декоративными решетками, прочными, несмотря на свой несерьезный вид.

Маги попытались свалить чудовище магическими ударами – летели огненные шары, треща и гудя в воздухе, будто огромные жуки. Они рассыпались об Шанти, как о монолитную скалу, не причинив ей никакого вреда. Та же судьба ждала и ледяной град сосуллек, который был вызван одним из магов, самым старшим и опытным.

Маги не могли бесконечно сдерживать дыхание, кроме того, секрет из железы Шанти, попадая на кожу человека, действовал не так быстро, как если бы он попал в легкие, но действовал, так что через несколько минут после начала газовой атаки в зале висело желтое облако, напоминающее болотный туман, а на полу лежали бесчувственные тела исчадий. Операция «Дай пинка исчадию» была закончена. Вернее, ее первый этап.

За дверями слышался звон мечей, сабель, кричали люди – лишь самые громкие крики могли проникнуть за дубовую обшивку стальных дверей, способных выдержать даже натиск тарана. Шанти не собиралась участвовать в этой драке, ее задача была выполнена. Теперь пусть гвардейцы расправляются с охраной исчадий – жалованье за что получают?

Драконца быстро перекинула в человека, оделась и села на трон, прислушиваясь к звукам. Посидела, подождала, когда все затихнет, подошла к двери, толкнула ее раз – дверь не поддавалась, толкнула второй –

дверь дрогнула, и тогда Шанти нажала со всей своей силой – сейчас она могла бы сдвинуть несколько повозок, груженных булыжниками. Створки застонали от напора полутонной туши (при желании драконицы вес ее мог становиться таким, который был присущ ей изначально), что-то хрустнуло, в коридоре загомонили, а когда дверь распахнулась, не выдержав напора стальных мышц Шанти, драконица увидела перед собой лес копий, угрожающе поблескивающих острейшими листовидными наконечниками.

– Стоять! – раздался зычный окрик. – Это император!

Генерал Адрон, залитый кровью – то ли своей, то ли чужой, – строевым шагом подошел к Шанти, звонко щелкнул каблуками и отсалютовал так четко, будто не вышел только что из боя, а находился где-то на плацу.

– Ваше величество! Предатели уничтожены до единого! Жду ваших приказаний!

Шанти посмотрела вдоль коридора, усыпанного трупами охранников исчадий и телами гвардейцев – охранники дорого продали свою жизнь, – посмотрела на красное, потное лицо генерала, нашла взглядом Шура, стоящего чуть в стороне и придерживающего левой рукой правую, раненую, и спокойно сказала:

– Вяжите исчадий. Они живы, но парализованы. В темницу – потом допросим. Сейчас я покажу тех из них, кто является колдунами. Убить. Всех. Слишком велика опасность, что они выйдут из тюрьмы без нашего позволения. Все, господа, власть исчадий уничтожена! Поздравляю!

– Славься! Славься император-победитель! – Стены дворца содрогнулись, будто по ним ударил порыв ветра. – Слава императору! – ревели гвардейцы, мечтающие о кружке пива и хорошем куске жареного мяса – когда все закончится, конечно...

– Ты чего? Напугал нас! Отошел?

– Отойду... в мир иной. Если не дадите пожрать! И поскорее! – Голос Андруса был хриплым и глухим. Он спустил ноги, сел, вцепившись руками в край кровати, и посмотрел в окно. – Ночь уже? Это сколько же я пролежал без сознания?

– Вечер сейчас. Поздний вечер. Все уже попрыгали через костер, потанцевали, разбрелись по парочкам или разошлись по домам. Праздник закончился.

Андрус прикрыл глаза – голова закружилась, видимо от слабости, – снова открыл их, осмотрелся. Перед ним на стуле сидел только Урхард,

больше никого не было.

– Беатку ищешь? – усмехнулся тот. – На кухне она, матери помогает. Чуешь, пирогами пахнет? Сейчас кормить тебя будем, герой! Ты вообще представляешь, что натворил? Шум теперь – на всю округу! Какой-то доходяга отлупил лучшего фехтовальщика Леса! Хетель ведь правда был лучшим. До тебя был. Теперь ты лучший. И надо ждать неприятностей.

– Это каких же? – сдерживая дрожь в руках и стараясь не думать о еде, спросил Андрус. – Какие такие неприятности? Опять Хетель? Может, мне следовало его убить? Я мог сделать это без проблем.

– Без проблем ты это сделать бы не смог, – покачал головой Урхард. – Если бы убил Хетеля, на тебя набросилась бы вся его родня. Не сразу, может быть, но набросилась. Впрочем, мало что изменилось. Понимаешь, в этой ситуации нет победителей. Есть временно выигравшие и проигравшие. Ну да ладно, вижу, тебе сейчас не до того. Когда-нибудь я расскажу тебе, откуда растут ноги у этого дела. Надо тебя срочно покормить, иначе помрешь, не дожив до моих откровений. Ты лучше вот что скажи – что это было?

– Что – что было? – недоумевающе переспросил Андрус и опустил глаза.

– Парень, со мной так не надо, – устало прогудел Урхард. – Я с тобой откровенен. Ты мне нравишься, я тебе верю, я чувствую в тебе верный, крепкий костяк, ты не подлец, уверен. И своей ложью ты меня обижаешь. Ты прекрасно понял, о чем я спрашиваю. И давай договоримся на будущее – ты должен мне всегда говорить правду!

Андрус задумался, поднял на Урхарда глаза, и тому показалось, что глаза эти беспрерывно меняют цвет – становятся то зелеными, то желтыми. Урхард сморгнул, снова всмотрелся – глаза как глаза, глубоко запавшие в череп, обтянутый смуглой кожей. Показалось. Свет фонаря неверный, колеблющийся от сквозняка – окно приоткрыто. При таком свете и демонов увидишь...

– Не могу обещать, – ровным голосом сказал Андрус.

– Что не можешь? – нахмурился Урхард.

– Всегда говорить тебе правду. Ведь ты хотел, чтобы я говорил тебе правду? Вот я и сказал. Я не могу всегда говорить тебе только правду.

– Почему?

– Потому, что правда для всех разная! – усмехнулся Андрус. – Урхард, что там с едой? Я так хочу есть, что сейчас упаду в обморок! Кстати, а как я сюда попал?

– Что за глупый вопрос? – хмыкнул купец. – Демоны отнесли! У меня

на плече – как еще-то? Кстати, ты худой, а весишь, я тебе скажу, как хороший бычок! Или я старею...

– Стареешь. – Ну так что там с едой?

– Позовут, когда готово будет, – пожал плечами Урхард. – Я спрашивал, так мне было заявлено, что, если я желаю быстрее приготовить ужин, мне надо сесть на кастрюлю – так ведь быстрее будет! Лучше не лезть к женщинам, когда они готовят, их это раздражает, а хуже раздраженной женщины только плачущая. Ты не увиливай от вопроса, а то смотрю, ты как-то ловко увел тему в сторону. Еще раз: что это было?

– Если бы я знал, – нахмурился Андрус. – Вначале ничего особенного, все как обычно. Потом мир вдруг застыл, а я остался прежним. Так было дважды. Или трижды? Но что это такое, как такое может быть, я не знаю. Все замедлилось – звуки, люди, весь мир. Хетель двигался так медленно, что я мог одновременно с поединком пить чай и закусывать плюшками...

В животе у Андруса забурчало, и Урхард ухмыльнулся:

– Потерпи, сейчас, сейчас!

– Ты знаешь, у меня откуда-то приходит мысль, что мне, в отличие от других людей, надо часто и много есть. И что я могу умереть гораздо быстрее обычного человека, если не буду этого делать.

– Вот как... – задумался Урхард. – Что-то вертится в голове, но что – понять не могу. Что-то с этим связанное, что-то важное... Посиди, никуда не уходи! Я сейчас!

Андрус улыбнулся – он бы сейчас не то что куда-то уйти, он встать-то вряд ли сможет! Ну Урхард! Шутник...

– Ага! – послышался откуда-то из коридора голос хозяина дома. – Есть!

Урхард влетел в комнату, с разгону уселся на жалобно заскрипевший под тяжестью купца стул, пододвинул поближе фонарь и начал читать, тихо бормоча под нос. Андрус не прислушивался, его снова охватила слабость, и зазвенело в ушах. Когда сознание прояснилось, Урхард уже сидел рядом и держал Андруса за руку.

– Да, точно! Рука горячая! У тебя будто жар! Ну-ка, дай я тебе в глаза загляну...

– Нет, – фыркнул Андрус, – никаких заглядываний! Дай мне хотя бы ломоть хлеба, а то я сейчас умру!

– Не умирай! – послышался голос Беаты, и девушка заглянула в комнату. – Пойдемте, ужин готов! Андр, тебе помочь дойти?

– Я помогу! – вмешался Урхард. – Иди в столовую. Сейчас мы придем. Иди, я сказал!

Обиженная Беата резко повернулась и исчезла в полумраке коридора, Урхард же наклонился к лицу Андруса и пристально посмотрел ему в глаза:

– Парень, ты ведь перевертыш. Ни о чем это слово не говорит? Совсем ни о чем?

– Нет, ни о чем, – вздохнул Андрус. – Теперь можем идти ужинать? Помоги встать... боюсь свалиться. Поедим – расскажешь, чего нашел?

– Расскажу.

Урхард поднял Андруса с постели, обхватив рукой за талию. Не то чтобы тот не мог идти сам, но свалиться и головой врезаться в угол как-то не очень приятно. И опасно. Голова и так разбита и склеена как старый горшок, не стоит и дальше испытывать ее на прочность.

Длинный стол темного дерева был заставлен чашками, плошками, блюдами – женщины постарались на славу. Андрус уселся в кресло – старое, крепкое, с подлокотниками и узорами по спинке, уцепил в обе руки по куску пирога и на какое-то время выпал из реальности. Все его сознание заняли пахучие, пропитанные соком румяные корочки и заложенный между ними горячий фарш.

Андрус ел, ел, ел... проталкивал в желудок все новые и новые порции еды, организм впитывал пищу, будто песок пустыни, на который наконец-то упали капли благодатного дождя. Андруса трясло, у него повысилась температура – видимо, следствие того, что организм работал в полную силу, восстанавливая свою энергию, наращивая мышцы. Это был не боевой режим, но что-то сродни тому. «Боевое поедание», вот как назвал бы это Андрус. Количество съеденного превышало все пределы разумного – так ест не человек, а Зверь, пожирая, а не ужиная.

Только когда невыносимый голод был утолен – лишь в глубине души теплилось желание есть, а больше пить, – Андрус пришел в себя и стал нормально воспринимать окружающее. И первое, что бросилось ему в глаза, – ошеломленные лица тех, с кем он сидел за столом. Беата смотрела на него с восторгом, Адана – с испугом и жалостью, Урхард – озабоченно и пристально, как смотрят на огромного пса, добродушного, но непредсказуемого в своих действиях. То ли сейчас помашет хвостом, то ли вцепится белыми клыками в руку, и тогда хрустнет рука, как сухая веточка, полетят клочья плоти...

– Ну чего вы так на меня смотрите? – растерялся Андрус. – Человек захотел поесть, проголодался, что такого-то?

Первая захохотала Беата. Она просто сползла на пол. За ней, как колокольчик, зазвенела-засмеялась Адана. Андрус никогда не слышал, как она смеется, – это было очень красиво и мелодично, да и сама Адана –

красивая женщина, не зря Урхард ее так любит...

Урхард ухал как кузнечный молот, он покраснел от смеха и прослезился:

– Поесть захотел... о-хо-хо... он поесть захотел!

– Ну поесть, и чего такого? – рассердился Андрус и запнулся, замолчал – стол, до того ломившийся от угощения, был пуст. В посуде ничего, кроме крошек и масляных пятен. – Простите! – сокрушенно выдал из себя Андрус. – Простите, я не хотел... нет, хотел, да... но... я был болен, не мог остановиться. Я не понимал, что делаю!

– Да ладно... не переживай. – Адана вытерла глаза передником. – Еще есть на кухне. Сейчас принесу. Я что-то подобное и предполагала, не зря же мы столько времени готовили, ждали, когда ты очнешься. Как знала! Беа, помнишь, что я тебе сказала?

– Ага, – хохотнула Беата, – я сказала, что этой едой все село можно накормить, а ты сказала, что все в порядке, столько и нужно. Мам, ты что, знала, что будет?

– Когда у тебя в доме голодные мужчины, ты можешь предполагать все что угодно, – рассмеялась Адана, – и нужно всегда иметь запас еды, чтобы занять их рот! Чтобы лишнего не болтали. Андр, еще поешь?

– А можно? – несмело улыбнулся он. – Простите, ничего с собой не могу поделаться! Так-то я утолил первый голод, но...

– Ешь, ешь, все в порядке, – кивнул Урхард. – Заслужил. Вообще, удивительно. Никогда не видел этого вблизи... слышал, да, но видеть не приходилось. Ты столько съел и выпил, но даже в сортир не сходил! Куда все делось? Впрочем, вижу. Ты набрал вес. Немного, но набрал. Прямо на глазах.

– Да, я чувствую себя гораздо лучше, – согласился Андрус, – как раньше, перед поединком. Может, даже лучше. Но еще бы поел.

– Ешь, ешь, – кивнула Адана, успевшая сходить на кухню и притащившая здоровенный поднос, на котором горой лежали куски пирога. – Налетай, пока теплый! Или уже остыл пирог?

– Мм... вкусный! – отмахнулся Андрус, прожевал и попросил, глядя на Урхарда: – Объясни, что за перевертыши? Что ты прочитал в книжке?

– Перевертыши? – недоуменно переспросила Беата. – Пап, а почему ты про перевертышей... ой! Да ладно! Не может быть!

Беата сорвалась с места и, прежде чем Андрус отреагировал, сунула руку ему за шиворот. Снова ойкнула и, плюхнувшись на стул рядом, восхищенно уставилась на Андруса:

– Точно! Вот почему! Папка догадался!

– Да что вы, сговорились, что ли?! – рассердился Андрус. – Ну что вы из меня дурака делаете?!

– Ты не дурак, Андр! Ты перевертыш! – загадочно улыбнулась Беата. – Вот только как это воспримут наши односельчане?

– Никак не воспримут! – отрезал Урхард. – Ты ни слова им не скажешь, пока я не разрешу! А ты, Андр, больше не станешь применять свои способности, если только... если только тебе не будет угрожать настоящая опасность. Не мнимая, а настоящая! Нельзя показывать этим болванам то, что ты умеешь! Впрочем, возможно, что уже и поздно. Уже показал... Нет, мы выдадим это за случайность. Мол, амулет у тебя такой был, ускоряющий.

– И тогда Андра обвинят в том, что он нарушил закон – забыл, что нельзя в поединке вызова применять магию? Только то, что дали боги, ничего лишнего. Никаких амулетов и заклинаний силы!

– М-да... точно. Что-то я увлекся. Чушь несу, – признал Урхард. – Ладно, потом подумаем, что делать. Эй, коза, а ты-то откуда знаешь про перевертышей?

– Ф-фу... я что, неграмотная? Все книжки перечитала, и не по одному разу! И про перевертышей тоже!

– Всю читала? – скривился Урхард. – До конца?

– Ты хочешь знать, читала ли я о предполагаемых успехах перевертышей в постели? Об их любовной силе? Читала. И не один раз. Очень, очень привлекательный раздел трактата. Особенно картинки... Мне кажется, что переписчик очень скучал на работе, и любовные сцены с перевертышами и женщинами ему очень даже удались!

– Вот что с ней делать? – вздохнул Урхард. – А все ты, женушка, все твоё воспитание!

– А ты? – хмыкнула Адана. – Сколько раз бурчал: «Не трогай девчонку! Демон с ней, с этой вазой! Я ее и не больно-то любил, другую купим». Три раза она поджигала амбар, перебила всю посуду, пролезла и прочитала все книжки – даже те, что ты спрятал в тайнике. Да-да, милая, не строй невинную физиономию! Я все знаю! И отец знает! Забаловали мы тебя!

– Да что такого-то?! – оскорбилась Беата. – Все девчонки все про мужчин знают! Целыми днями обсуждают...

– Они дуры! Но ты-то не дура?! Впрочем, тоже дура, только по-своему, – вздохнула Адана. – Ладно, не важно. Расскажи Андру, что знаешь о перевертышах, отец пока поест. Он с вашими делами с обеда не ел, проголодался.

— А что рассказывать-то... — пожала плечами Беата. — Все просто. Есть такие люди, которые при желании могут перевертываться из человека в зверя. Какого зверя? Никто не знает. Говорят, он похож на помесь волка и медведя. Опасное существо. Убить его невероятно трудно, если вообще можно. По книжке, перевертыши живут сотни лет, никогда не болеют, их раны заживают — если вовремя перевернуться в зверя и обратно. Когда перевертыши принимают облик человека, то этот самый человек обладает завидными преимуществами перед обычными людьми — перевертыш очень силен, просто невероятно силен. При желании, не принимая облик зверя, он может ускоряться в несколько раз против скорости обычного человека. Ну что еще... перевертыши имеют большой успех у женщин. Они как-то притягивают к себе внимание, влюбляют их в себя, а кроме того, славятся как неутомимые и очень желанные любовники. Ну не надо так на меня смотреть, мам! Я взрослая и уже шесть лет как могу иметь детей! И...

— Вот что, избавь меня от подробностей твоего женского дела, — хмуро проворчал Урхард, — ближе к теме давай.

— Да я вроде все сказала... — Беата задумалась. — Забыла! Вот почему ты есть хочешь! Вернее, *так* есть хочешь! Когда ты ускоряешься, твое тело начинает сжигать силу, и, если тебя вовремя не покормить, ты можешь умереть. Ты просто сжигаешь себя, как сухую ветку в костре. И чтобы восстановиться, тебе нужно много есть. И еще — ты очень горячий, будто у тебя лихорадка. А это главный признак, по которому можно узнать перевертышей. Они всегда горячие. Я не знаю, что бы это значило, но в книжке так и сказано. И еще кое-что сказано... но я это повторять не буду! — Беата покосилась на родителей. — К делу особого отношения не имеет.

— Почему во время боя я не стал зверем? — задумчиво спросил Андрус. — Это было бы разумно. Я не помню, кто я. Организм работает без моего участия — ведь я же не хотел ускоряться, но все-таки ускорился, это случилось само по себе. Почему тогда я не стал зверем, не поубивал всех, кого можно, и не убежал в лес?

— Мне кажется, это из-за раны на твоей голове, — вмешался Урхард. — Она что-то повредила, и ты не можешь перекидываться. Но это и к лучшему. Я слышал, что перевертыш в образе зверя теряет человеческий разум и, если попасться у него на пути, может убить даже близких родственников. Он попросту забывает человеческую жизнь. Хотя рассказывали и о таких, что могли перекидываться по своему желанию, сохраняя человеческую сущность. Обычно о них говорили как о великих воинах и следопытах.

– А почему же тогда перевертыши не остаются зверями? – Андрус засунул в рот очередной кусок пирога. Прожевал и добавил: – Ведь так было бы правильно – принял облик зверя и бегай себе по лесам. Они же забывают, что были людьми!

– А кто сказал, что такое не случается? – хмыкнул Урхард. – Кто знает, сколько таких зверей бегаёт по Лесу?

– Вот как... – вздохнул Андрус, отваливаясь от стола и опираясь на спинку кресла. Ему стало хорошо. Он был почти сыт. Почти... Похоже, это «почти» будет преследовать его всю жизнь. Он всегда будет голоден, ведь организм, сжигающий запасы, накопленные в теле, постоянно требует топлива.

– А в книжке не сказано, откуда берутся перевертыши? И ещё – почему ты хочешь скрыть мои способности? Чем это может мне навредить?

– Правда, чем это ему навредит? – кивнула Адана. – Ты считаешь, что его примут за тварь?

– Верно. – Урхард отпил из большой кружки, утер рот чистой тряпочкой и поднял взгляд на Андруса. – Народ здесь не очень умный, необразованный, для них все едино, что перевертыши, что твари. А тварей у нас очень не любят. Вдруг посчитают Андруса за тварь, укрывшуюся за обликом человека?

– Ну и посчитают! – пренебрежительно фыркнула Беата. – Андр всех их убьёт!

– Кхе-кхе... – закашлялся Андрус. – Я не хочу никого убивать! Зачем мне убивать? Придумала тоже! Урхард, скажи, а откуда берутся твари? Кто-то выяснил их происхождение? Вы все время говорите о них, но сколько я тут живу, ни разу не видел ни одной твари.

– Тьфу! Не к ночи будет сказано! – Адана сделала ограждающий от демонов жест. – Лучше и не видеть их никогда. Село окружено магической защитой. Видел там канавку, на околице? Так вот, каждый год вызываем колдуна, он обходит село, сыплет соль, над которой произнесено заклинание. Твари не могут перейти через канавку, где лежит эта соль. Пока заклинание не ослабнет или соль совсем не вымоется дождями и снегами. Раньше твари могли заходить в деревню – вон, Урхард тебе расскажет. Можно было выйти из дома и наткнуться на тварь. Правда, их тогда было довольно мало. Последние годы тварей стало огромное количество, никогда столько не было. Ночью за пределы села выходить опасно, так и рыщут, гады.

– А днем? Днем не рыщут? – с интересом спросил Андрус, чувствуя, как в желудке приятной тяжестью лег очередной кусок пирога. – Что, днем

они не бродят? Я не видел, чтобы вчера появилась хоть одна тварь. А мы ведь были за околицей, на границе, у канавы.

– Днем их не видать, – вмешался Урхард, – почти не видать. Они не любят солнечного света, он как-то вредит их телам. А стоит зайти в сумрак Леса, можно легко на них напороться. Одно хорошо – бегают твари слабовато, есть шанс убежать. Или убить гадину – нож есть у каждого. Впрочем, бывают твари очень даже быстрые. Как люди.

– Так откуда они взялись? И почему меня могут принять за тварь?

– Это люди, Андр, – серьезно, со вздохом сказал Урхард. – Люди, ушедшие в Лес и вернувшиеся в виде твари. Как так вышло, никто не знает. Ведь твари не рассказывают, что с ними случилось. Да и не все твари помнят, кем они были. Но у некоторых остаются кусочки памяти. Они бормочут, пытаются что-то сказать, а одна из тварей даже поблагодарила, когда я ее убивал...

– Как – поблагодарила? – невольно передернулся Андрус. – За что?

– Не знаю, – глухо ответил Урхард. – Наверное, за то, что я прекращаю ее существование. Не хотела она быть тварью. Это была молодая девушка, не старше Беаты. Не наша, не из нашего села – я ее раньше никогда не видел. Она вышла на меня из Леса, когда я остановился на дороге – показалось, что колесо завиляло, нужно было посмотреть. Лошади вдруг начали ржать, беситься и понесли, потом нашел их дальше по дороге, все в пене были. Симпатичная девчонка... была. Лицо осталось прежним, а руки... клешни. Ноги почти прежние, только ступни как копыта. Начала превращаться в дорга. Еще немного, и от нее только убегать – дорга трудно убить, у него панцирь твердый. Спина... она нагая была... панцирь начал нарастать. Я воткнул ей нож в сердце, кровь задымилась, почернела, а девчонка так вздохнула и говорит: «Спасибо!» А глаза такие голубые-голубые, как... у Беатки. Я оттащил ее в лес и присыпал землей. Все-таки она умерла человеком...

– Ты никогда не рассказывал об этом. – Беата сидела бледная как простыня.

– А зачем вас беспокоить? Портить вам настроение? – угрюмо рявкнул Урхард. – Что было, то прошло.

– Я помню тот день, – грустно сказала Адана, – ты тогда был сам не свой. Три дня едва разговаривал. Слово бросишь, и опять молчанка. Тогда не стала к тебе лезть, подумала – захочешь, сам расскажешь. Вот и рассказал.

– Так что получается, никто так и не узнал, как обычные люди превращаются в тварей? Неужели никому не было интересно? Неужели не

нашлось того, кто мог бы пойти и узнать, что там происходит? – покачал головой Андрус. – Не понимаю этого.

– Пытались. Целые отряды отправляли, – пожал плечами Урхард. – Лес – это не просто лес, это такое место... колдовское. Когда ты туда войдешь, почувствуешь. Тебе в Лесу все время кажется, что деревья живые, что они смотрят на тебя. Что Лес оценивает, какой ты. Это не передашь словами, надо почувствовать. Когда из Леса переходишь в обычный лес, будто кипятком обдаёт, мурашки по коже. Что касается отрядов – никто не вернулся.

– Что, совсем никто?! – Брови Андруса поднялись вверх.

– Совсем никто, – криво усмехнулся Урхард. – Из Леса возвращаются только те, кто здесь живет. Почему Лес их всех не убивает – тоже загадка. У меня есть предположение, но оно слишком бредовое, чтобы я высказывал его направо и налево. И вы никому не говорите, а то сочтут сумасшедшими... – Урхард помолчал, осмотрел сидящих за столом, будто оценивал, можно ли им доверять, и начал: – Мы животные. Как овцы. Или коровы. А Лес – наш хозяин. И он нас пасет. Когда ему нужно, Лес забирает кого-нибудь из людей, как хозяин выбраковывает из стада больных животных или же режет лучшее, чтобы насытить свой желудок.

– Гадко как звучит! – пробормотала Беата. – А как тогда объяснить, что у нас уже давно не пропадают люди, а тварей все больше и больше? Почему он не трогает наших, деревенских, и забирает чужаков? Не стыкуется как-то.

– Опять же могу только предполагать, – кивнул Урхард. – Мы основная часть стада и никуда не денемся. На нас уже его клеймо. А вот чужаки – это законная добыча, чужой скот, забредший на чужую территорию. Последние годы все больше людей пытаются войти в Лес – тут есть золото, драгоценные камни, опять же шкуры усков. Они здесь очень крупные, в два раза крупнее, чем везде по лесам, и мех с искрой. Говорят, этими шкурами даже лечат – они хорошо помогают, когда болит спина. Теперь ты понимаешь, насколько заманчив Лес? И откуда столько чужих у тварей?

– Я вот что не пойму: а чем вам вообще мешают эти твари? – Андрус пожал плечами. – Ну твари, и что? Живут себе и живут. Зачем их убивать?

– Они нападают, – коротко ответила за отца Беата. – Иногда мимо проходят, а иногда набрасываются и стараются убить. Есть такие, что пьют кровь. Другие просто жрут людей, как звери. Потому рядом с тварями надо быть очень осторожными. Правда, пап?

– Правда. Первое, чему учат детей в этой местности, – как правильно вести себя, если рядом оказалась тварь. Лучше всего уйти от нее, убежать.

А если нельзя этого сделать, есть нож.

– А серебра они не боятся, эти твари? – неожиданно для себя спросил Андрус.

– Хм... вроде нет... если оно не приготовлено особым образом, с заклинанием, – хмыкнул Урхард. – А почему ты спросил про серебро?

– Выскочило откуда-то из памяти, вот и спросил. К чему – не знаю.

– Ну что, все поели? – Адана встала из-за стола и стала собирать посуду. – Пора отдыхать. Андрус, я там воды нагрела, иди помойся. А то весь в пыли извалялся, да и скакал там весь потный. Отец, ты тоже потом сходи вымойся, а то я после вас простыни не отстираю. Беа, помоги мне убрать со стола. Сегодня мыть посуду не буду, устала. Завтра.

– Мать, пора бы все-таки прислугу нанять, – покачал головой Урхард. – Ну что ты все сама да сама! Денег нет, что ли? Не заработали?

– Я ей сто раз говорила! – оживилась Беата. – Нанять женщину какую-нибудь, пусть помогает по хозяйству! Небось есть одинокие вдовы, они и рады будут наняться в прислугу!

– Не знаю... – растерянно пожала плечами Адана. – Непривычно как-то... у нас в семье была прислуга, но я уже столько лет сама все делаю... да и большого хозяйства у нас нет – кроме лошадей, никакой домашней живности. Отец даже собаку завести не хочет. Или кошку.

– Всю жизнь жду, что когда-нибудь придется отсюда бежать, – усмехнулся Урхард. – Собаку или кошку бросать жалко, а брать с собой – верная гибель. Убьют ради развлечения где-нибудь на улице. Деревенские животные, не привыкли к городу. Ладно, потом подумаем насчет прислуги. В город поеду, поищу. Есть одна мысль... Андр, иди первым мыться и спать шагай. Завтра в лавке сидеть будешь, а я пересчитаю, что осталось на складе. Похоже, через пару дней в город придется ехать.

– Далеко до города?

– День пути. Если дорога чистая. Зимой можно и вообще не проехать, если снегом занесет.

– А как же тогда? До весны сидеть, пока снег не стает? – улыбнулся Андрус.

– Бывает и так. Но обычно столько снега, чтобы не проехать, не выпадает.

Урхард встал из-за стола, довольно потянулся, потом нагнулся и поцеловал жену в щеку:

– Отличный ужин. Все вкусно! Ты лучшая хозяйка в мире!

– Само собой, – улыбнулась Адана и кивнула, когда Андрус тоже ее поблагодарил. – Мойся, отдыхай. Утром будем думать, как представить

сегодняшние события.

– И что теперь?

– А что теперь? Что изменилось?

– Он перевертыш. Какой ребенок от него будет?

– Ребенок-перевертыш. А что такого? Никогда не будет болеть, жить станет сотни лет – чем плохо? Я сам бы согласился стать перевертышем.

– Не вздумай! Говорят, это очень опасно! Ты помнишь, как становятся перевертышем?

– Я думал, ты не знаешь...

– Знаю. Главное, чтобы Беа не узнала. Она девка дурная, напьется его крови, и... я боюсь, Урх. Один из десяти выживает, когда получает кровь перевертыша.

– Ну не преувеличивай, побольше выживают, но... да, опасно.

– А через постель не передается? Ну ты понял, о чем я говорю... кстати, а ребенок обязательно будет перевертышем?

– Ты так спрашиваешь, будто я ученый, занимавшийся всю свою жизнь изучением перевертышей! Ада, ты не по адресу. Откуда я знаю, что там будет с ребенком? Знаю только, что рождаются дети как обычно, становятся ли перевертышами – этого не знаю. И через постель партнеру и партнерше не передается, об этом в книге сказано абсолютно четко. Ты же читала – забыла?

– Да я как-то и не вчитывалась... неинтересно было. Без того дел хватало. Ты так и не сказал, что будем делать. Может, отправить его в город? Дашь денег, устроишь где-нибудь, и пусть себе делает перевертышей кому-нибудь другому?

– А Беата? Она как? Ты ее спросила?

– Если бы все родители спрашивали у детей разрешения, как надо их воспитывать, это что бы такое вышло? Есть такие моменты в жизни, когда детей не спрашивают. Ну, и все-таки?

– Забавно, ты тут рассуждаешь, как уберечь дочь от перевертыша, а они, может, давно уже стараются, делают нам внука.

– Может, внучку?

– Внука, обязательно внука! Никаких внучек! Хватит одной дочки...

– Ничего они не делают. Он спит у себя, а Беатка у себя. Она поскреблась в его дверь, Андр не пустил. Вот так! Думаешь, я ничего не вижу и не слышу?

– Дело времени... если он нормальный мужчина, все равно не выдержит. Не может мужчина выдержать, если его домогается красивая

женщина, девушка! Опять же – если он нормальный. Подтверждения, что он тянется к мужчинам, а не к женщинам, я не нашел. Он Беатку знаешь как глазами пожирает?

– Главное – чтобы только глазами... обернется зверем и сожрет! Ты об этом думал? Ты же знаешь, насколько опасны перевертыши, вдруг у него что-то с головой случится?

– Что могло случиться у него с головой, уже случилось.

– Перестань! Ты знаешь, о чем я! Щас бороду вырву! – Звук поцелуев, шорохи... – Хватит, хватит! Я на тебя сердита! Не думаешь о будущем!

– Только и делаю, что думаю. И об Андрусе думаю – каждый день. А больше – о вас. И о нашем внуке. Надеюсь, он все-таки сдастся. Не хочется, чтобы ребенок был от Хетеля. Или от Эгиля. Или от такого же тупоумного парня. Иногда я думаю, что эта тупоумность тоже печать, которую налагает Лес. Здоровые, красивые и... тупые.

– Ты слишком строг к местным парням. – Адана тихонько хихикнула в тишине ночной спальни. – Им просто не нужен слишком развитый разум. Что они, ученые? Зарабатывают написанием трактатов? Простые парни, и среди них много хороших людей. И дети их будут хорошими людьми. Поставь их в такие условия, когда они вынуждены будут использовать свой разум, и он разовьется. Пока что жизнь требует от них умения драться, охотиться и... делать детей. Дети от них рождаются здоровые, сильные.

– И тупые!

– Вот ты упрямый! Опять за свое! Так что мы решили? Столько болтовни, а решения никакого!

– Ничего не решили. Все идет так, как должно идти. Как боги решат, так и будет. Сойдутся – значит, сойдутся. Нет – значит, такая судьба. Я ни подталкивать их друг к другу не буду, ни разводить в стороны. Все, хватит... милая, иди ко мне... ну! О боги... сколько я лет на тебе женат и все как мальчишка... влюблен в тебя!

Андрус лежал на кровати и тихо ругался. Матерно, по-черному. Только что он слушал, как в дверь скреблась Беата. Долго так скреблась, упорно, настойчиво. Потом плакала, сидя на полу. Потом ругалась, надо признать, довольно умело. Рассказала про Андруса все, что он собой представляет, – его ненормальные наклонности, его отвратительный вид, его гадкий характер, – придя в конце к единственно правильному выводу: этот грязный ублюдок недостоин ее любви. Потом снова плакала. Потом... ушла. И стало тихо. Так тихо, что хотелось повеситься.

Любил ли ее Андрус? Хотел, да. Очень хотел. Ему было приятно с ней

рядом находиться, разговаривать, приятно было бы лежать в одной постели... Но разве это любовь? Разве только это любовь? Почему-то ему казалось, что нет. И он хотел разобраться в себе.

Андрус закрыл глаза, и тут же на его усталый организм навалился сон. Нет, не тот черный, похожий на темный колодец, в который сбрасывает милосердная рука бога. Сон Андруса был цветным, странным, полным эмоций и не позволял отдохнуть – в нем он летал в небе, освещенный лучами яркого солнца, а внизу клубились белые, как сахарные, облака. Громадные крылья несли сверкающее, огромное, покрытое чешуей создание, а на плече Андруса сидело такое же создание, только маленькое. Оно ехидно улыбалось, и Андрусу было с ним очень хорошо, так хорошо, как бывает в обществе старого, испытанного друга, с которым не надо выбирать слова и который не обидится, если ты ляпнешь что-то не по делу...

Потом приснился огонь – потоки огня, взрывы, кровь, мертвые тела и крылатые создания, изувеченные чьей-то жестокой рукой... его рукой.

– Андрус, вставай! Вставай скорее! Там пришли!

Андрус очнулся от тяжелого сна, утер со лба испарину, надел штаны и открыл Адане, шагнувшей в комнату.

– От старосты пришли. Бирнир жалобу подал, суд желает сотворить. Говорит, что ты тварь, что тебя надо изгнать из села и вообще уничтожить.

– Так изгнать или уничтожить? – усмехнулся Андрус. – Что-нибудь одно.

– Не смейся. Дело серьезное, – помотала головой женщина. – Если суд присудит... или драться, или уходить. Нам всем. Готовься, продумай, что будешь говорить. Урхард сейчас внизу с ними разговаривает.

– Что ж, поговорим, – пожал плечами Андрус и, найдя рубаху, начал ее надевать, – а надо будет, и подеремся. Первый раз, что ли?

Адана посмотрела на Андруса и невольно содрогнулась. Ей показалось, что глаза мужчины светятся зеленым светом...

Глава 6

Внизу ждали двое парней – Андрус их не знал. Они были облачены в кольчуги, с мечами на поясе, с ножами и кинжалами. Рядом стояли хмурый Урхард и раскрасневшаяся, возбужденная Беата. Она что-то говорила, но осеклась, когда увидела Андруса, замолчала и отошла в сторонку, всем своим видом демонстрируя равнодушие.

«Вот так и до ненависти один шаг, от любви-то», – подумал Андрус и постарался выкинуть Беату из головы, занявшись чем-то более важным, например спасением своей жизни, так как ситуация была накалена до предела. При виде Андруса парни тут же схватились за рукояти мечей, а в дверном проеме показался лучник с наложенной на тетиву стрелой. Тетива была натянута так, что, того и гляди, тяжелая бронебойная стрела пробьет грудь «преступника» навывлет. И еще Андрус заметил, что наконечник стрелы серебрился тем металлом, которым покрыты клинки, предназначенные для борьбы с тварями. Отряд борцов с тварями подготовился к захвату Андруса, приняв все возможные меры предосторожности. Вот только как-то неумно: что толку от серебристых мечей и стрел, если тот, на кого они направлены, может ускориться и убить всех агрессоров на месте прежде, чем они сумеют воспользоваться своим оружием?

Мысль об убийстве чуть не запустила процесс ускорения, у Андруса зазвенело в ушах от прилива крови и сдерживаемого желания ускориться, но он сумел остановиться. Как? Другой вопрос. Как человек сдерживает, перелаживает желание, импульс, который внезапно им овладевает? Скорее всего, этого не знают и ученые мужи. Только предполагают, выдвигая свои нелепые домыслы, опровергаемые еще более нелепыми домыслами их коллег, считающих первых неучами и полуидиотами. Впрочем, взаимно.

– Всем стоять! – рявкнул Урхард. – Если кто-то обнажит оружие в моем доме, я призову его к ответу! Вам было сказано доставить Андруса на суд живым и здоровым, он не отказывается идти. Потому прекратить хвататься за мечи!

Парни неохотно отпустили рукояти, лучник ослабил тетиву, правда, не снимая с нее стрелы, Андрус же решительно шагнул за порог:

– Ведите!

– Мы имеем право присутствовать на суде! – заявил Урхард, а Беата тонким, срывающимся голосом пропищала:

– Имеем право! Мы имеем право!

– Имееете! – криво усмехнулся один из парней, поднимая шлем, надвинутый на брови несколько минут назад, когда Андрус спустился вниз, – боец, видимо, ожидал боя.

Суд должен был состояться в доме старосты – длинном, уродливом сооружении, больше похожем на конюшню. Впрочем, внутри было чисто, уютно, пахло травами, как у лекаря. Андрус осмотрел тех, кто находился в комнате, и понял, почему пахло травами, – лекарка, скорее всего она была женой старосты (так потом и оказалось). Лекарка сидела в первом ряду, ближе к окну, внимательно следя за происходящим.

Длинная комната, скамьи, прибитые к полу, видимо, для того, чтобы они не стали аргументом в суде, усмехнулся про себя Андрус. Помещение вызывало у него странное ощущение, он как будто бывал в таком – в другой жизни, когда-то очень давно.

Перед скамьями стол, за которым сидели трое – в центре староста, по бокам убеленные сединами мужчины, видимо старейшины, самые уважаемые люди в селе. Вряд ли рядом со старостой сидели бы какие-то пустозвоны. Впрочем, в жизни случается все что угодно. Это Андрус знал и не имея памяти. Может, где-то видел похожее, и воспоминания теперь вдруг всплыли со дна колодца.

А еще кто-то в комнате боялся. Кого? Похоже, что его, Андруса. Он сумел почувствовать, ощутить страх человека или нескольких людей. Эта эмоция накатывала на него, захлестывала, как порыв ветра, и ему стоило некоторых усилий сосредоточиться на суде.

Андрус осмотрелся – отдельной скамьи или стула для него не предусмотрели. Тогда он сел на скамью для зрителей, где сразу же нашлось свободное место. Несколько человек шарахнулись от подсудимого, как если бы на них плеснули кипятком или с его волос падали вши.

Андрусу стало смешно – вроде взрослые люди, а ведут себя... Впрочем, Урхард скорее всего по этому поводу сказал бы: «А чего ты хотел от деревенских? Это глухомань!» Сам Урхард появился чуть позже, вооруженный мечом, а под его рубахой просматривалась тонкая кольчуга. Купец явно не привык пускать дело на самотек и был готов к любым событиям. Беаты и Аданы не было видно, и Андрус мог поклясться, что большой фургон, который стоял во дворе дома Урхарда, наполняется вещами, лошади накормлены и напоены, готовы к длинному путешествию. Но это так, на всякий случай. Андрус все-таки надеялся, что, если суд закончится неблагоприятно, ему придется уйти одному, что он не разрушит жизнь, которую столько лет налаживал Урхард для своей семьи.

Готовность Урхарда к бою не укрылась от глаз старосты. Тот недовольно поморщился и громко спросил:

– Урх, ты чего, на войну собрался? Железку нацепил, рубаху напялил?

– Железки – это у тебя, – усмехнулся Урхард, – у меня доброе киндейское железо, разрубающее сталь и дурные бошки, как сухое дерево. Что касается того, как я одет... вижу, здесь таких хватает. Эти ребята куда собрались? Девушек тискать? Тетивой вязать им руки-ноги, чтобы не дергались, когда их за сиськи хватают?

– Ну-ну... – не сдержался и фыркнул староста. – Хватит твоих шуточек! Судить будем твоего зятя!

– Да ну? Что за зять такой? – Урхард приподнялся с места и нарочито внимательно осмотрел зал. – Это что, Беатка замуж вышла, а я и не знаю?! Вот я ей ужо задам! Отца не известила о таком важном событии!

Зрители начали хихикать и перешептываться, а тонкий девичий голос сказал негромко, но отчетливо:

– Значит, он ничей? Можно подобрать? Хорошая новость!

После этих слов люди стали откровенно смеяться, и Андрус почувствовал, что их настроение переменялось: страха стало меньше, и появились струйки приязни, а кое у кого – желание, правда, он чувствовал его и раньше, но оно было придавлено растерянностью и тем же страхом.

– Ну вот... вечно ты превратишь важное событие в посиделки! – Староста нарочито хмуро сдвинул брови. – Тут решается вопрос жизни и смерти, а ты...

– Овцу резать будем, что ли? – развел руками Урхард. – Чего тут происходит-то? Не пояснишь, староста?

– Твоего... не знаю, как его назвать...

– Работник! Работник Андрус! – подсказал Урхард. – Нечего тут сплетни распускать! А то на языке волосы вырастут, и бражку пить будет трудно – на грудь накапаешь!

– Пусть работник! Какая разница? – откровенно рассердился староста. – Поступило обвинение, что твой работник, именуемый Андрусом, не совсем человек. Лес наложил на него свою лапу. А ты знаешь, что тот, кто перестает быть человеком и становится тварью, должен быть умерщвлен или отправлен в изгнание до тех пор, пока не докажет, что он человек!

– Да ты спятил! – не выдержал Урхард. – Этот закон не применяют уже... не помню сколько лет! Как Андрус может доказать, что он человек? Песенку тебе спеть? Сплясать каляюгу? Чего несешь-то? Кто пожаловался на Андруса? Тот, кого он отшлепал мечом, как нашкодившего мальчишку?

Проиграл и хочет отомстить?

– Сколько бы лет закон ни трогали, но он есть, – рассудительно заметил староста. – Жалобу подал не Хетель, а его отец. Бирнир утверждает, что Андрус двигался с нечеловеческой быстротой и слишком силен для человека! Вы откуда его взяли? Подобрали на границе Леса? Так как ты можешь утверждать, что Андрус не тварь? Ты же знаешь, как умеют маскироваться твари! Сам десять лет назад убил тварь, как две капли воды похожую на...

– При чем тут это?! – вспыхнул Урхард. – Что ты несешь? Твари не могут пересечь заговоренную соль, ты что, ребенок, не знаешь?

– Они сами не могут пересечь. А если их перенести... и кроме того, мне из города донесли, что появились твари, которым заговоренная соль как пыль! Плевали они на нее!

Люди зашумели, стали переглядываться, обсуждать, и Андруса снова обдало волной страха – неужели и правда твари настолько изменились? Сельчане вновь начали смотреть на подсудимого так, будто выискивали у него черты монстра.

Андрусу ужасно захотелось повернуться к толпе и рывкнуть: «БУ!» Но он боялся, что после этого часть женщин, упавших в обморок от страха, придется вынести на воздух, чтобы привести в чувство. А еще – что на него набросится толпа идиотов с острыми железками в руках.

– Итак, какие доказательства Андрус может привести в свое оправдание? – важно спросил староста, глядя на подсудимого. – Как ты докажешь, что являешься человеком, а не тварью?

– А почему я вообще должен что-то доказывать? – осведомился Андрус, пристально глядя в глаза старосте. – С какой стати? Вы должны доказать, что я тварь, а не человек! Я не должен перед вами оправдываться!

– Верно говорит! – вскинулся Урхард. – Где доказательства, что он тварь?! На чем основано обвинение? На пустых словах Бирнира?! Так всем известно, что он вечно строит против меня козни и сейчас решил мне подгадить!

– Это у тебя пустые слова! – взревел Бирнир, до сей поры молчавший. Он сидел в углу и внимательно наблюдал за происходящим из-под нависших бровей. – Человек не может так быстро двигаться! Он не человек!

– Хорошо, – кивнул Урхард, – тогда скажи, в какую тварь начал перекидываться Андрус? Назови эту тварь, которая двигается очень быстро и сильна как медведь! Назови ее! Почти все твари медлительны, и обычный человек вполне способен справиться с ней один на один, не получив

ранения. Назови такую быструю тварь, ну?!

– Да мало ли, – криво усмехнулся Бирнир. – В Лесу много такого, что нам неизвестно. Появилась быстрая тварь, и что, она не заслуживает смерти? Ты своего зятя прикрываешь, вот и все! Если бы мой сын стал перекидываться в тварь, небось бы сказал, убить его надо. Помнишь, лет десять назад, что ты говорил, когда Арнус Зельгар начал перекидываться? Что его надо убить! Чтобы не мучился! А теперь чего?

– Не надо врать, Бирнир! Арнус потерял разум, он был не разумнее курицы, а еще стал опасен, бросался на соседей! Не стоит вытаскивать старые истории, это подлость! Лучше скажи, кто тебе заплатил, чтобы ты меня убрал? Зачем тебе это нужно?

– Клевета! – рявкнул Бирнир. – Да, я тебя, торгаша, терпеть не могу, ты мне противен, рожа твоя продажная, но никто меня не нанимал!

Андрус почувствовал, как от Бирнира пошла волна гнева и страха, и понял – точно, нанимали. Кто – вот вопрос. И как доказать это?

– В общем, так. – Староста тяжело поднялся с места, хрустнув суставами. – Есть много свидетелей, указывающих на то, что Андрус двигался слишком быстро для человека. Есть жалоба Бирнира, в которой тот говорит, что он уверен – Андрус скрытая тварь или начал превращаться в тварь. Представить какие-либо доказательства своей человеческой сущности Андрус не смог... тихо, тихо, Урхард! Теперь я говорю. Предлагаю осмотреть тело Андруса на предмет обнаружения признаков превращения. В зависимости от того, будут таковые найдены или не будут найдены, суд примет соответствующее решение. Или мы можем принять решение прямо сейчас, без осмотра. Почему-то мне думается, что никаких признаков превращения мы не увидим.

– Если ты знаешь, что признаков превращения нет, какого демона ты тут выступаешь?! – яростно крикнул с места Урхард. – Что с тобой случилось? Они что, тебе заплатили? Или запугали? Ты чего творишь? Хочешь, чтобы я ушел из деревни? Или умер? Когда ты спелся с этим придурком, староста? Ты же не был таким!

– Я списываю твои нехорошие слова на то, что ты сильно расстроился, – хмуро сказал староста. – А вообще от них пахнет клеветой, не находишь?

– Нет, не нахожу. Если вы считаете, что моя лавка здесь не нужна, я уйду. Честно говоря, мне уже надоело сидеть в этой глуши, пора расширять дело, – холодно сказал Урхард, – а вы продавайте свои шкуры тем, кто заплатит лучше. Мои цены вам не нравились – ищите другого купца. А мы уходим. И если вы попытаете нас остановить, заверяю вас, не один из

моих любимых односельчан поплатится своей головой.

– Найдется кому купить шкуры! – опять с места выкрикнул Бирнир. – И почестнее люди, чем ты, кровосос!

– Ах, вот что... я-то думал, что кто-то тебя, идиота, нанял, – усмехнулся Урхард, – а ты просто решил выжить меня из села и занять мое место? И кто еще у тебя в компаньонах? Дай-ка я догадаюсь... староста, да? Молчите? Это вы твари, а не Андрус! Пошли отсюда, парень, это не суд, это грабеж!

– Стой! – грозно крикнул староста. – Объявляю решение суда! Слушайте все! И не говорите, что не слышали! Работник Урхарда Гирсе, именуемый Андрусом, объявляется виновным!

– В чем виновным-то?! – не выдержал Андрус. – Ты ничего не доказал! Ну и придурки...

– Я что говорил? – глухо буркнул Урхард. – Придурки-то придурки, а насчет денег они соображают.

– Виновным в том, что он, по мнению суда, является тварью!

– А мне кажется, вы твари! – негромко сказал Андрус. – И придурки.

– Тсс... – остановил его Урхард. – В драку влезть успеем. Послушаем.

– ...Приговаривается к изгнанию! Но! – Староста сделал паузу, и народ притих, ожидая продолжения. Староста был хорошим оратором, а в должности старосты уже пятнадцать лет – волей-неволей научишься управлять толпой. Опыт – великое дело. – Но ему дается три месяца на то, чтобы доказать, что он не тварь. Если через три месяца Андрус не перекинется в тварь, он сможет вернуться в село. Купец Урхард Гирсе приговаривается к штрафу в один золотой за пререкания с судом, за угрозы и непочтение! Но если хочет, может остаться в селе и торговать, как и прежде. Андрусу даются сутки, чтобы покинуть пределы села, после этого каждый, кто встретит его в пределах черты, может Андруса убить и не понесет за это наказания. Сказано – сделано! Суд закончен. Андрус, сутки на сборы, это понятно?

– Ты какого хрена его не выгнал?! – Бирнир ревел как зверь, надвигаясь на старосту. – Ты что... ты... ты...

Мужчина задохнулся от ярости, побагровел, потом закашлялся и стал задыхаться, будто вдохнул что-то невидимое, забившее ему глотку. Андрус уловил волну удовлетворения, исходящую откуда-то из первого ряда, и заметил довольную физиономию лекарки. Она тайком вытерла ладонь о юбку, предварительно быстро осмотревшись – не видел ли кто-нибудь из односельчан.

– Хитрая гадина этот староста! – в бессильной ярости сплюнул

Урхард. – Пошли отсюда, здесь больше делать нечего!

Андрус встал со скамьи и пошел следом за ним, глядя в широкую спину, обтянутую рубахой из толстой клетчатой ткани, прикрывающей кольчугу. Рука Урхарда, лежавшая на рукояти меча, побелела от напряжения, а лицо, наоборот, налилось кровью.

Отойдя шагов двести от дома старосты, Урхард разразился такой черной руганью, что Андрус решил запомнить несколько выражений и спросить купца, что они означают. В жизни пригодится.

Отругавшись, купец выдохнул и досадливо бросил:

– Чужа я последний год, что меня хотят отсюда выжить. К тому шло. Но не думал, что все будет так быстро. Думал, успею подготовить себе дело в городе, и вправду хватит уже сидеть в глухомани, девчонки давно мне говорили, что пора перебираться в город, да я все медлил. Вот и теперь хочешь не хочешь, а придется. Да ладно, наплевать. Дом только жалко – продать его не продашь, оставлять – сожгут к демонам. Все барахло ведь с собой не увезешь.

– Подожди, Урхард. – Андрус остановился возле здоровенной сосны, растущей на обочине и дававшей приятную тень. Сегодня солнечно и жарко, потому постоять в тени хотя бы минутку, вдохнуть лесной воздух было довольно приятно.

– Что? Тебе плохо? – нахмурился купец. – Ты же еще после вчерашнего не отошел, а тут вот... суд, мать его!

– Нет. Я хорошо себя чувствую, даже очень хорошо. С тех пор как вы меня подобрали, лучше, чем сейчас, я себя никогда не чувствовал.

– Точно? – Умные глаза Урхарда впились в лицо парня. – И почему же ты так хорошо себя чувствуешь? Вроде бы должен сейчас переживать, а?

– Вы не должны уходить, – начал Андрус, задумчиво глядя в даль, туда, где в дымке горизонта исчезала зеленая волна Леса. – Я уйду один. Только не говори, что это неправильно и все такое прочее. Чушь это все. Правильно – уйти одному, выждать время и вернуться, если это возможно. Дай мне только немного денег взаймы, я потом отдам, меч да одеться во что-нибудь.

– И куда ты пойдешь? В город?

– В город. Я еще вот что тебе скажу: не предназначен я для сидения в лавке, для торговли, хотя знаю, что неплохо в ней разбираюсь. Я воин – это знаю точно. И должен жить как воин. – Андрус закусил губу и посмотрел на грустного, молчаливого купца. – Ты не обижайся, я обязан тебе и твоей семье. И не хочу быть причиной вашего изгнания, не хочу, чтобы вы впопыхах бросили дом, лавку и уехали в пустоту, в неопределенность. Вы

этого не заслужили. А я должен найти себя. Сидя в лавке, себя никак не найдешь. Только впадешь в идиотизм, как эти люди. И вообще, почему мы так легко им сдались? Я бы мог пооткручивать головы этим парням прежде, чем они бы сообразили, что происходит.

– А дальше что? Ну пооткручивал бы, да. Верю. А потом как тут жить? – Урхард вздохнул и поправил меч. Помолчал и добавил: – Это тесный мирок, все друг друга знают. Если не соблюдать законы села, писанные и неписанные, этот мир тебя отринет, отбросит. С тобой не будут разговаривать, тебя будут избегать. Никто не купит у тебя ни одной вещи – лучше пойдут за двадцать верст в Селегово, в лавку Зерхеля. Приходится волей-неволей жить по законам села. Я и правда собирался отсюда свалить. Денег заработал достаточно, и золотишко есть, и камни – хватит. Надоело. Открою торговлю в городе, будем жить. Ты вот что... а как же Беата?

– А что Беата? – потерянно ответил Андрус. – Она очень хорошая девушка. Заслуживает лучшего, чем я, мужа. Я Никто Ниоткуда. Да еще и со странными способностями. Зачем я ей? Исчезну, пройдет время, она меня и забудет.

– Не забудет, или я плохо знаю свою дочь. Я не буду тебя уговаривать, поступай как считаешь нужным. Но плохо это. Когда-нибудь ты пожалеешь, что так поступил. Денег я тебе дам, и меч дам, и кольчугу. Одену, обую. Только как ты будешь жить в городе? Ты знаешь, как там жить? Кто там власть, где ночевать, где питаться? Ты знаешь цены в трактире? Ты знаешь, куда наняться на работу и сколько тебе должны платить? И кем ты наймешься? Пришел, говоришь: «Я великий боец, возьмите меня в дружину»? Так?

– В общем-то так, – равнодушно пожал плечами Андрус. – Мне много не надо, я на слишком высокое жалованье не рассчитываю. Мне главное – дожить до того времени, когда восстановится память. И тогда уже буду решать, что мне делать и как жить.

– Ну что же, – Урхард тяжело вздохнул, – так и порешим. Но немного по-другому. Завтра на рассвете мы с тобой поедem в город. Мне так и так надо было в город – закупить товар. Вот и поедem с тобой. Пристроим тебя, решим кое-какие дела, и... ты останешься, а я вернусь назад. Пока вернусь. Ну вот и все.

– И все... – эхом откликнулся мрачный Андрус. – И все.

– ...Означенные люди, именующие себя исчадиями... – Глашатай запнулся, закашлялся, долго брызгал слюной, прочищая горло, внезапно схваченное спазмом, и с хрипловатой ноткой надрыва продолжил: –

Именуящие себя исчадиями планировали свергнуть законного императора, отца всем своим подданным, мудрого и справедливого правителя государства Славия! Они злоумышляли против его императорского величества, строили козни, убивали людей под предлогом принесения жертвы мерзкому... кхе-кхе-кхе... мерзкому демону Сагану! За что Бог... кхе-кхе-кхе... лишил их волшебной силы, данной им деномом... демоном!.. Что же это творится? – ошеломленно шепнул себе под нос глашатай. – Его величество император Славии Антагон Третий объявляет религию поклонения Сагану и всех исчадий вне закона! Они подлежат уничтожению, их имущество будет передано в казну! Каждый, кто доставит исчадие в императорскую стражу, получит вознаграждение – от пяти до ста золотых, в зависимости от статуса исчадия! Тех, кто будет пособничать исчадиям, постигнет кара – смертная казнь, конфискация имущества! За пособников тоже объявляется вознаграждение – живых или мертвых.

Глашатай помолчал, глядя на ошеломленные лица людей, окруживших помост на базарной площади, снова откашлялся и продолжил:

– Также его величество император Славии Антагон Третий объявляет свободу вероисповедания! Вы можете верить во что угодно, и вас никто не привлечет к ответственности! Преследовать тех, кто верит в Светлого Бога, больше никто не будет, более того – это запрещено! Храмы исчадий закрываются, их имущество передается в казну! Вчера были казнены патриарх исчадий, все адепты и апостолы, их головы теперь украшают Стену Позора! Империя вступает в эпоху Правды и Добра!

Глашатай замолчал и, отдуваясь, начал спускаться с помоста, туда, где его ждали ошеломленные не меньше, чем он, стражники – пять человек. Перед тем как зачитать указ императора, глашатай спросил сержанта, возглавлявшего наряд, в чем причина усиления охраны. Тот лишь недоуменно пожал плечами – никто не знал, что содержится в указе. Никто!

– Бей исчадий! – глумливо крикнул из толпы молодой парень с засаленными волосами, сбившимися в сосульки. – Лови их! Деньги дают за исчадий! И за пособников! Ловим пособников!

– Лови! – поддержали остальные, и толпа, будто к этому готовилась, пришла в движение. Это было похоже на то, как муравьи разбегаются из муравейника по своим делам – например, найти и сожрать толстых, вкусных гусениц. Гусеницы уже попрятались, это точно, но, может, не все? А кроме того, их уютные гнездышки можно и почистить...

– Во что же это выльется? – Сержант стражи устало смотрел на беснующуюся толпу, которая уже начала грабить лавки. – Давайте в центр, господин Барг, мы прикроем. Иначе можете не дойти до дворца. Как

думаете, что будет дальше?

– Мне уже пятьдесят пять лет, – хмуро ответил глашатай, тяжело дыша и кося глазами по сторонам, – и я знаю, что бунт может вспыхнуть из ничего. А того, что я сегодня огласил, хватит, чтобы зажечь пламя по всей Славии. Никто так просто не отдаст власть. Ох, кровушки прольется... реки и реки.

– Вы уверены, что поступили правильно? – Шур внимательно посмотрел в глаза существа, которое как две капли воды было похоже на покойного императора. – Вы считаете, что, если обезглавили исчадий, они исчезли? Ну да, они исчезли, скрылись из виду, но они живы. По крайней мере большинство из них. И теперь начнут мутить воду. Мне уже донесли, что несколько крупных дворянских семей собирают наемников, объединяются. Как думаете, для чего? И кто за ними стоит? И еще – часть армии точно перейдет на службу бунтовщикам. Офицеры – выходцы из тех же дворянских семей. Солдаты им подчиняются. Так что следует ожидать кровавой и долгой войны. Многие полягут. Страна погрузится в хаос. Или у вас есть какой-то свой план, о котором я не знаю?

– Возьми лист бумаги, – кивнула Шанти. – Так, пиши: «Федор! Нужна помощь. Власть исчадий уничтожена, но на подходе междоусобная война. Все объясню позднее. Прошу направить армию к границе Славии. Жду ответа. Есть ли сведения об Андрее?» Подпись – Шантаргон.

– Записал! Вы хотите ввести в Славию армию Балрона?

– Я хочу объединить Балрон и Славию в одну империю, как это и было раньше, – медленно ответила Шанти, глядя в пространство. – Война? Ну что же, значит, будет война. Ты же знаешь, другого пути нет. Вот что, составь мне список тех, кто возглавляет бунтовщиков. И еще – по твоему мнению, когда они выступят?

– Подготовка началась сразу после того, как вы захватили патриарха и верхушку исчадий. Сдается мне, что план на случай попытки отстранить исчадий от власти патриарх разработал, еще когда исчадия разучились убивать словом и взглядом. Более того, я уверен, что они готовили переворот, и главой Славии должен был стать патриарх. Есть у меня такая информация. Вот и думаю: может, вам следовало занять место патриарха, а не этой куклы императора? Впрочем, уже поздно. Я свяжусь с Федором Гнатьевым, у нас есть в Балроне свои люди. Передать что-то на словах?

– Нет. В записке все сказано, он поймет. Один корпус бойцов Балрона разнесет все армии Славии вдребезги.

– Я знаю, – кивнул Шур, – и докладывал об этом патриарху. Только вот

он не верил. Говорил, что его маги справятся с балронскими войсками за считанные минуты.

– Дурак. Вроде умный был, но дурак! Десяток пулеметов – и нет армии Славии. Если бы Балрон взялся за Славию, его армии прошли бы через страну, как горячий нож сквозь масло. Устаревшее оружие, неумелые бойцы, привыкшие лишь воровать и пить вино, продажные дворяне, которые только и смотрят, как обмануть друг друга и выдвинуться вверх, – вот что такое оборона Славии сейчас! Народ не будет воевать за этих идиотов – с какой стати? Если только за деньги, и за хорошие деньги. Впрочем, и тогда я не уверен, что будут, – деньги не истратишь, если завтра уже будешь валяться на земле с простреленной башкой. Да и ради чего воевать? Чтобы восстановить власть исчадий и их дружков-дворян? Нет, сейчас самое время для вторжения. А пока ждем армию Балрона, мы тут своими силами почистим столицу и крупные города. Гвардия ведь наша?

– Гвардия... вроде наша, – неопределенно хмыкнул Шур, – но... офицеры тоже из дворян. В голову им не влезешь, что они думают, не узнаешь. Сегодня они вроде за нас, но завтра... кто знает, что им пообещают бунтовщики.

– Список бунтовщиков мне! – резко кинула Шанти. – И ускорьте отправку письма Федору. Оно обязательно должно дойти, иначе... иначе будет не очень хорошо. Вернее, совсем нехорошо. Сделайте несколько копий письма, хотя бы одна должна дойти обязательно. Иди работай. Мне нужно подумать.

Шур кивнул, коротко взглянул на «императора» и быстро вышел из комнаты. Шанти осталась сидеть, задумчиво глядя в окно, где за кисейной занавесью по аллеям парка прогуливались придворные.

Эти дни были ужасными. Она лично допросила захваченных исчадий. Ни один из них не знал, где сейчас находится Андрей. Ничего не ведал о том, куда он мог отправиться. Соврать исчадия не могли – драконица чувствовала ложь.

После того как исчадия были допрошены, их казнили. Шанти лично присутствовала при казни, опасаясь, что кто-то из адептов или апостолов избежит гибели, подкупив или запугав своих тюремщиков. Нельзя было допустить, чтобы кто-то выжил и в дальнейшем возглавил заговор. Эти исчадия опасны, настолько опасны, что вопрос об их дальнейшей судьбе даже не поднимался.

Огромный меч палача поднимался, со свистом опускался вниз, и голова очередного исчадия катилась по каменной площадке. Булькала кровь, покидая обезглавленное тело, и снова поднимался меч, освобождая

мир от Зла.

«Нельзя освободить мир от Зла, не запачкав рук, – думала Шанти, глядя, как содрогается в последних попытках удержать жизнь тело очередного адепта, – и они заслужили смерть». Вот только почему на душе у нее было так гадко? Может, потому, что это не она сама убивала негодяев, а может, потому, что одно дело – убить врага, который на твоих глазах совершил преступление или угрожал твоей жизни, и другое – хладнокровно приговорить к смерти людей, о преступлениях которых тебе кто-то рассказал?

Впрочем, Шанти не чувствовала вины. Если нужно, она бы поубивала весь цвет дворянства Славии. От них все равно нет никакой пользы, как нет пользы от вшей или живущих на дворовой собаке блох. Такой дворовой собакой и виделась драконице Славия – больная, измученная, изъеденная кровососами. Разве грех уничтожить кровососов? Вычистить животное, вылечить, накормить...

Шанти очнулась от своих мыслей и почувствовала голод. Есть в комнате не хотелось – душа просилась на волю, под сень деревьев, окружающих пруд, в котором жили здоровенные разноцветные рыбы, высывающие из воды толстогубые пасти, будто беззвучно прося их покормить. Шанти нравилось сидеть в беседке на берегу, кидать рыбам кусочки лепешки и смотреть, как эти упитанные поросята подводного царства неуклюже ворочаются, пытаясь поймать угощение.

Драконица дернула шнур звонка, и через полминуты перед ней предстал слуга неопределенно среднего возраста, с невыразительным лицом, единственным украшением которого была угольно-черная короткая борода. Шанти все время подмывало спросить, не красит ли тот свою бороденку, слишком уж черен этот признак мужественности.

– Подайте обед в третью беседку, как обычно. Побольше мяса, да не превратите его в уголья. Специй много не надо. Пирожных – тех, со свежими ягодами. Попить чего-нибудь... вина не надо. Прошлый раз опять поставили вино! Я же сказал, вино больше не пью! Лепешек – рыб кормить. Ну и чего-нибудь повкуснее – на твой выбор.

– Будет сделано, ваше величество! – согнулся в поклоне слуга и, попятившись к двери, добавил: – Десять минут, ваше величество!

– Десять так десять, – кивнула Шанти и, забыв о слуге, подошла к полке, уставленной толстыми фолиантами.

Библиотека, где, собственно, она сейчас и находилась, насчитывала несколько десятков тысяч томов. Сочинения по магии, хроники, трактаты по естествознанию, много художественной литературы, в основном

любовной – дворяне, как видно, увлекались любовными романами и не жалели денег на рукописные книги, стоящие совсем не дешево. Любовные романы драконицу не интересовали, а вот книги по географии, мироустройству привлекали ее чрезвычайно. Ведь если Андрея нет в Славии, где-то его нужно искать? А где? Может быть, на другом материке? Главное, чтобы не в другом мире. Но в том, что ее друг перенесся из этого мира в параллельный, Шанти сомневалась: Андрей не мог быть в другом мире, раз она его чувствовала. Ниточка, тонкая ниточка тянулась куда-то далеко-далеко... но вот куда? На Черный материк? На север? А может, туда, где когда-то появился Андрей, на север Славии? Неизвестно...

– Ваше величество, все готово! – с поклоном доложил вернувшийся слуга.

Шанти вышла из комнаты и пошла по коридору, сопровождаемая эскортом гвардейцев. Их было четверо – двое сзади, двое спереди. Так-то Шанти в их защите не нуждалась, но надо же было показать свою значимость. Императору положена охрана, и нужно соблюдать правила, пусть даже и не все. Император без охраны – это все равно как голая женщина на базарной площади в полдень: странно и вызывает вопросы.

Идти было довольно далеко, минут пять – вначале длинным коридором дворца, потом по дворцовым дорожкам, мощенным ровной брусчаткой, чисто выметенной и отполированной тысячами ног. Встреченные дамы и кавалеры кланялись императору, женщины косили глазом, томно вздыхая, отчего их полушария, и так выпирающие из платьев, едва не вываливались наружу. Так дамы пытались привлечь внимание императора, до сих пор славящегося сексуальным аппетитом. Когда не мертвецки пьян, конечно.

К Шанти уже пытались подкатываться девицы, надеявшиеся стать фаворитками, – ведь если девица займет место подле императора, ее семья может получить преимущества перед другими семействами, а в идеале, если угодит его величеству, может стать императрицей, а это совсем другой уровень политики.

Только Шанти отказала всем девицам, как на нее навалилась волна томных, пахнущих благовониями молодых мужчин, принимающих, с их точки зрения, неотразимо соблазнительные позы. Когда драконица смотрела на это безобразие, ее разбирал смех и охватывала легкая грусть – жаль, что Андрей не видит, они бы вместе посмеялись над извращениями.

Впрочем, скоро отпали и томные молодые люди, оставив окружение императора в полном недоумении – как наладить с ним прежние отношения? После покушения Антагон сильно изменился, и теперь

придворные волей-неволей заняли выжидательную позицию, дожидаясь какого-то определенного посылы с его стороны.

Казнь исчадий напугала и озадачила окружение императора: если уж с такими влиятельными и страшными существами расправились так безжалостно и быстро, что же ожидать им? Не окажутся ли завтра на Стене Позора их головы?

Столица затаилась, потрясенная переменами и ожидающая еще худших перемен.

Сладкий запах цветов, горячий ветерок, вяло шевелящий листья экзотических деревьев, которых не было в лесах Славии. По словам управляющего, эти деревья были привезены откуда-то с Черного континента, прапрапрапрадедом императора.

Пышные цветы с мясистыми лепестками – Шанти чуть не вздрогнула, когда впервые увидела, что этот цветок сомкнулся и сожрал муху, неосторожно усевшуюся на сладкую лужицу нектара внутри венца. Это были насекомоядные цветы, что в общем-то хорошо – меньше будет мух. Хотя по здравом размышлении Шанти решила, что мух привлекает медовый запах этих самых цветов. Не пахли бы – не прилетали бы мухи. Все в этом мире взаимосвязано...

Плетущиеся цветы густо увивали беседку, однако позволяли любоваться окружающей красотой. Кусты были подстрижены в виде фигур животных и людей, большие деревья стройными рядами обступали аллеи, фонтанчики посреди лужаек пускали вверх радужные, сверкающие на солнце струи – прекрасное зрелище, достойное кисти художника. По словам того же управляющего, этому дворцу много тысяч лет, очень много тысяч. В этом дворце жили поколения императоров Славии, занимавшей некогда весь материк.

Стол был уставлен яствами, среди которых почетное место в центре занимало теплое, жаренное на углях мясо, исходящее розовым соком, – Шанти так и не смогла отказаться от привычки есть полусырое мясо. Все-таки драконья сущность давала себя знать. Хотя многие из людей тоже любили полупрожаренные сочные куски. Драконица по этому поводу сделала заключение: в этих людях сильна драконья кровь, их предки позже стали людьми, за столетия и тысячелетия накрепко забыв о своей «крылатой» судьбе.

При виде мяса Шанти отбросила все мысли, кроме мысли о еде, и, плюхнувшись в кресло, вцепилась руками в первый попавшийся здоровенный кусок. Сок тек у нее по подбородку, но она не обращала внимания – кого стесняться императору? В самом деле, глупо быть

императором и оглядываться на то, что ты не соответствуешь каким-то там правилам поведения за столом! Император, он на то и император, чтобы устанавливать правила, а не тупо следовать чужим. По крайней мере так думала Шанти.

Утолив первый голод, драконица стала есть медленнее, а когда захотела попить, махнула рукой слуге, который маячил за порогом в пределах видимости, – Шанти терпеть не могла, когда кто-то стоял за плечом и ждал сигнала налить или подать. Слуги уже знали новые привычки своего монарха и старались не быть назойливыми. Сейчас Шанти обошлась бы без слуги, но хрустальный кувшин, наполненный соком, стоял далеко – с места не достать, а вставать не хотелось.

Слуга тут же появился в беседке, Шанти указала на кувшин, тот с готовностью схватил драгоценный старинный сосуд, изготовленный лет двести назад, и наполнил бокал розового хрусталя. Шанти протянула руку, взяла бокал, и... вдруг ее окатила волна страха, ожидания, нетерпения и снова страха – такого сильного, что «императора» будто обдали кипятком.

Драконица поразмыслила и поставила бокал на стол. Перевела взгляд на слугу – человек лет тридцати пяти, ничего необычного. Шанти старалась не обращать внимания на слуг, они все были на одно лицо, похожие, как патроны в патронташе гвардейца Балрона.

Управляющий подбирал слуг по какому-то определенному принципу – все не очень высокие, не толстые и с невероятно неприметными лицами, будто куклы, которых вырезали из одного куска дерева и забыли раскрасить. Незаметные механизмы огромной структуры, именуемой дворцом императора. Они все побаивались Антагона, но этот... этот превзошел всех по уровню своего страха. Почему?

При всей своей некоторой безалаберности Шанти не была глупа. Наоборот, она обладала очень острым умом, иногда, правда, направляющим ее совсем не в ту сторону, куда надо. Но это уже особенности драконьего мировоззрения, а еще – влияние воспитания. Или, скорее, отсутствие такового. Посиди-ка сто лет в темной пещере, ежеминутно ожидая гибели, пожалуй, одним сдвигом психики не обойдешься. Был такой сдвиг и у Шанти, почти исчезнувший после того, как она встретила с Андреем и провела с ним долгое время. Сегодня этот самый сдвиг, который предполагал недоверие не только к людям, но и вообще ко всем живым существам на свете, помог драконице. Ее смутные подозрения мгновенно переросли в уверенность, и первое, что она сделала, приказала:

– Стоять! Ко мне, быстро!

Слуга осторожно, опасливо поглядывая на грозного «императора», подошел и склонился так, что было видно его лысую макушку. Шанти с неудовольствием посмотрела на плешь и представила, что у нее на голове вдруг исчезла чешуя. Ей стало противно, и она поморщилась, отложив пирожное, к которым пристрастилась, пока изображала императора. Аппетит был безнадежно испорчен.

– Пей! – Шанти указала на бокал с соком.

– Что... ваше величество... – залепетал слуга, не поднимая головы. – Что вы сказали?

– Пей. Сок. Быстро! – с расстановкой рявкнула Шанти, и стражники, стоявшие у беседки, насторожились, сделав несколько шагов по направлению к императору.

– Я... я... – Слуга задохнулся, будто ему в горло влетела муха, закашлялся и вдруг сорвался с места и бросился бежать, сбив по дороге скамейку и тарелку с любимыми пирожными, чем привел Шанти в ярость.

– Схватить его! – крикнула она громогласно, и стражники кинулись в погоню, громыхая навешанным на них железом.

Бежали они небыстро – попробуй-ка побегай, когда на тебе столько металла! – поэтому беглец сразу же оторвался от преследователей, и его спина мелькала уже шагов за сто от стражников, рискуя исчезнуть за одним из поворотов аллеи. Беглецу не хватало воображения: он бежал по прямой, хотя следовало сразу же сойти с мощеной аллеи и затеряться в густых насаждениях, так у него был хоть какой-то шанс. А на прямой... впрочем, разницы не было никакой. Он не смог бы выйти из дворца в любом случае – его взяли бы на одном из выходов, даже если бы он бегал по саду несколько месяцев.

Раздраженная черепашьей скоростью стражников, Шанти решила взять дело в свои руки и припустила вслед за супостатом, в считанные секунды догнав и перегнав своих охранников.

Шанти подняла руку, чтобы хорошенько врезать по затылку ополоумевшему от страха слуге, и вдруг ее тело сотрясли мощные удары – в драконицу врезались три арбалетных болта, которые должны были пробить тело императора навылет. Один болт ударил в грудь, другой в бок, третий в спину. Били наверняка, после трех попаданий ни один человек не смог бы выжить. Человек. Но не дракон. Пусть даже он и находился в своем аватаре.

Болты скользнули по невидимой чешуе и отлетели в сторону, даже не пошатнув атакующую драконицу. Удары были такой силы, что Шанти задохнулась от неожиданности и остановилась, чтобы посмотреть – какая

же сволочь покусилась на священную особу императора?!

Увидеть пришлось через пару секунд после того, как болты врезались в тщедушную фигуру Антагона, – аллею вдруг заполнила толпа мужчин, человек тридцать, не меньше. Они размахивали руками, норовя насадить императора и его охрану на свои острые железки, владению которыми посвятили большую часть своей интересной, полной приключений жизни. Жизнь эта могла закончиться прямо сейчас, но убийцы этого не знали, иначе никогда бы не посмели напасть на императора.

Половина нападавших отвлекла внимание стражников, атаковав их со всем пылом революционеров, жаждущих положить свою жизнь на алтарь революции, вторая половина набросилась на «императора», желая порубить его на мелкие кусочки.

Некогда Андрей рассказывал, как в его мире страна, в которой он жил, много лет назад вводила свои войска на территорию соседнего, недружественного государства. И первыми шли некие штуки, со слов Андрея напоминавшие драконов – огромные, плюющиеся огнем и неуязвимые для легкого оружия. И против них выступили конники того государства, которым их командование рассказало, что эти чудовища, похожие на драконов, совсем не опасны, что они сделаны из хилого, тонкого дерева и что уничтожить их не составит никакого труда. И вот несчастные конники бросились на танки с мечами наголо, рубили стальные громадины так, что только искры летели, и очень удивлялись, что стволы орудий почему-то не отлетают, как те палки, на которых конники учились рубить с коня. Бойцы, вероятно, были очень разочарованы – и собой, и командирами, рассказавшими им заведомую ложь.

Здесь был похожий случай. Только никто не говорил убийцам, что император деревянный. (Впрочем, они и сами могли сделать такой вывод, зная, как он управляет страной. Только с деревянной башкой можно было допустить то, что происходило в Славии.)

На Шанти обрушились десятки ударов, не повредивших ей совершенно ничем, кроме потери красивой одежды, к которой драконица питала нежные чувства, одеваясь по последней моде – в женском ли обличье или мужском.

Потеря любимой одежды, которую только сегодня утром она надела, получив от поставщика императора комплект, сшитый по ее рисункам, привела драконицу в ярость, фатальную для негодяев, ошеломленных неуязвимостью жертвы. Первый же удар разбил голову одного из нападавших, как молот, врезавший по гнилому плоду.

Содержимым черепной коробки забрызгало остальных, тут же

убавивших пыл и на секунду забывших о своих преступных намерениях. Этой секунды Шанти хватило, чтобы ворваться в кучу врагов, уничтожить троих, пока те стояли столбом, а потом схватить одного из убийц и начать бить им как палицей по бывшим его товарищам. Тяжеленный мужчина затих после первого же удара, в отличие от его коллег, которые умирали подольше, постанывая и дергаясь на камнях аллеи, переломанные, будто попали под телегу ломового извозчика.

Покончив со своей группой, Шанти оглянулась посмотреть, что происходит у стражников, и с удивлением обнаружила, что те еще живы и довольно успешно отбиваются, ловко вращая здоровенными мечами. У ног гвардейцев лежали трое негодяев без признаков жизни, и бойцы в порубленной броне продолжали работать мечами, которые посвистывали в воздухе, как крылья ветряной мельницы.

Пообещав себе пересмотреть мнение о гвардейцах как о бесполезных увальнях, Шанти бросилась им на помощь, в секунды разбросав супостатов по сторонам, как ребенок раскидывает надоевшие игрушки. Гвардейцы, слегка приунывшие под напором вдвое превосходящего по численности противника, тут же набросились на поверженных врагов и начали их уничтожать, тяжелыми ударами рассекая на части.

– Стоять! – рявкнула Шанти. – Они мне нужны живыми! А где эта тварь? Слуга, где слуга?!

– Ваше величество, вон он! – Гвардеец указал на труп слуги, во лбу которого торчал болт, пробивший голову насквозь.

– Ты! – Шанти обратилась к первому гвардейцу: – Срочно беги поднимай тревогу! Перекрыть все выходы, искать стрелков и вообще всех подозрительных! Ты – беги в стражу, пусть этих придурков вяжут! И чтобы ни один волос не упал с их головы – лично с тебя спрошу!

– А нам что делать? – потерянно спросил один из гвардейцев, подняв забрало шлема и утирая пот, крупными каплями сбегаящий с красного лица.

– Стойте тут, охраняйте пленников, – пожала плечами Шанти. – Пока что толку от вас никакого...

Драконица вернулась в беседку и села в свое кресло, очень похожее на трон. Пирожные валялись на полу, Шанти подняла одно и задумчиво посмотрела сквозь него, будто оно было прозрачным. Класть его в рот почему-то не хотелось – вдруг в нем яд? Шанти не знала, как этот яд действует на драконов, но проверять она не собиралась. Пусть другие проверяют!

Придя к мысли, что это хорошая идея, Шанти повеселела и решила,

что теперь каждое блюдо и каждый напиток будет вначале пробовать слуга или специальный человек. Вот тогда вероятность отравления будет сведена к нулю. Вероятность отравления лжеимператора, конечно. Что касается «пробователя» – ну что же, у каждого своя работа.

Попыток отравить императора поубавится, но... люди всегда надеются на лучшее и нечасто задумываются о последствиях. Как они заставили слугу отравить питье императора? Деньги? Угрозы? Да какая разница! Главное – она жива и предупреждена.

Впрочем, и они тоже. Теперь задумаются, как это хилый император, совсем даже не боец, смог уцелеть в бойне и перебить всех своих убийц? Вот только доказать ничего нельзя, даже если вопить на каждом перекрестке, что император – совсем не император. И все равно обратной дороги нет. Скорей бы прибыла армия Федора... месяца полтора-два, не меньше, столько нужно будет, чтобы собрать войско и пройти маршем до границы Славии.

Эти два месяца будут очень непростыми для лжеимператора...

Глава 7

– Вы знаете, я даже не удивилась. И еще – рада. Если бы ты знал, как мне надоела эта дыра! И Беа рада. Правда, девочка?

– Правда. – Беата забавно сморщилась и подмигнула Андрусу. – Кто бы знал, как мне надоело каждый день слушать рев коров, идущих с пастбища! Смотреть на рожи односельчан – такие одинаковые, такие тупые!

– Глупая девчонка, – хмыкнул Урхард. – Будто в городе такие все умные и там меньше воняет. Там своих дураков хватает, и своей вони и рева. Здесь воздух посвежее и люди попроще.

– Ага, попроще, – усмехнулась Адана. – Как староста все обставил? А ведь умная голова! И своих не обидел, и нам дал возможность выкрутиться. Исчезнет Андрус – не будет причины к нам придрататься! Тихо, тихо, девочка. Никто не собирается выгонять Андруса в угоду этим подлецам.

– Не будет Андруса – найдут еще причину. Давно жареным пахнет, еще с тех пор, как Бирнир начал баламутить народ против меня. В общем, так: завтра утром мы с Андрусом едем в город. Вдвоем. Вы остаетесь здесь. Я пристраиваю парня к делу, ищу нам дом, лавку и возвращаюсь за вами. Решено.

– А к какому делу ты егостроишь? – Беата настороженно посмотрела в лицо отцу, и тот опустил глаза.

Потом снова поднял взгляд на дочь и хмуро отрезал:

– К тому, какое он захочет делать.

– Андрус, какое дело ты захочешь? – слегка холодно, отчужденно спросила девушка. – Что-то мне все это подозрительно! Ты куда собрался? Бросить нас?

– Я сам пока не знаю, куда пойду, – устало ответил Андрус, теребя в руках белую матерчатую салфетку. – Я воин. Буду искать работу по своему умению. В лавке сидеть не могу. Не мое это. И не хочу, чтобы вы меня содержали. Я взрослый человек и сам могу себя обеспечить. Я очень благодарен вам за то, что вы меня спасли, и всегда вам помогу, только скажите. Всегда приду на помощь. Но я должен уйти. Вообще-то моя вина в том, что у вас сейчас возникли неприятности. Не было бы меня, не пришлось бы уходить...

– Опять ты за свое! – буркнул Урхард. – Я же сказал, не в тебе дело! Ты только повод. У нас свои дела, свои проблемы. Кстати, в городе тоже не

все ладно, чтобы вы знали. Мы не хотели говорить, но... в общем, у нас там тоже враги, и покруче, чем эти жалкие селяне.

– Враги? – неприятно удивилась девушка. – Какие враги? Мам, вы чего от меня скрывали? Почему я ничего не знаю?

– Потому, что не надо было знать! – холодно ответила Адана. – Бывший мой ухажер, брат нынешнего главы клана. Он убил твоих деда и бабу, моих родителей. За то, что я ему отказала и выбрала твоего отца. Убил всю нашу семью. Не сам, конечно, дело представили так, будто лошади понесли. Но я знаю, это он убил. Колдовством или еще каким-то способом, но убил. И здесь, возможно, его рука – через Бирнира, через старосту.

– А почему папка его не убьет? – удивилась Беата. – Вызвал бы его на поединок и отрубил башку! Он бы смог, я знаю! Когда папку разозлишь, он всех поубивает!

– Глупенькая девочка, это тебе не Бирниру нос разбить, это брат главы клана. Кто бы это позволил вызвать его на поединок, и кто бы дал его убить...

– А потихоньку убить? Пустить стрелу из-за угла, и все! – не успокаивалась Беата. – Неужели вы вот так, все зная, спокойно будете жить, оставив безнаказанным убийцу вашей родни?! А как же месть?

– Дочка, дело должно быть верным, прибыльным, иначе оно не стоит торговли, – хмуро пояснил Урхард. – Если в конце заведомый убыток, зачем это дело? Если я убью этого негодяя, на меня, а значит и на вас, обрушится сам глава клана, а его возможности в сравнении с нашими просто неисчерпаемы. Заведомый проигрыш. Гибель твоя и матери. Про себя я уж и не говорю. Нельзя.

– Торгашеские рассуждения! – зло сплюнула Беата. – Ты не воин! Как ты можешь спокойно спать, зная, что родителей твоей жены убили и убийца не наказан!

– Беата! Заткнись! – резко бросила Адана. – Иди к себе! Сейчас же! И не выходи, пока я не позволю! А еще – извинись перед отцом!

– Не буду! – Беата вскочила со стула и почти бегом бросилась из комнаты.

Вдалеке хлопнула дверь, и повисла тягостная тишина. Где-то у окна назойливо жужжала муха, на дереве за окном истошно вопила птица, тихо поскрипывали сохнувшие на полуденном солнце бревна, из которых был сложен дом.

Адана сняла с очага медный чайник, поставила его на стол, пододвинув деревянную подставку, исцарапанную и вытертую за много лет,

снова села, сложив руки на столешнице.

– Права девочка! – тяжело выдохнул Урхард. – Торгашеские рассуждения! Надо было подстеречь этого подонка, и стрелу в сердце. А уж потом бежать в лес!

– Не глупи! Тогда бы точно достали нас здесь! – парировала Адана. – Мы бы не прожили столько времени спокойно, если бы не сидели тихо, как мыши!

– А он и достал. И еще достанет, – пожал плечами Урхард. – Пока жив Идраз, покоя не будет.

– Неужели столько лет, и он все не успокоится? – удивленно спросил Андрус. – Да за такое время любой человек забудет и плюнет на это дело! Извините, что вмешиваюсь... но мне не верится, что какой-то ненормальный после стольких лет спокойной жизни вдруг решил вас достать! Да с какой стати? Зачем? Вам не кажется это странным?

Урхард и Адана переглянулись, потом женщина с грустной улыбкой ответила:

– Не кажется. Ты просто не знаешь этого человека. Он на самом деле ненормальный. Их два брата – Эдраз и Идраз. Эдраз вполне нормальный, если не считать того, что он любит казнить своих врагов разными причудливыми способами. А вот Идраз... Говорят, повитуха, принимавшая роды у его матери, повредила ему голову. В общем, больной он. Любит пытать, про него рассказывали страшные вещи... повторять не хочу.

– Близнецы, что ли? – с интересом спросил Андрус.

– Похожи как две капли воды, – кивнул Урхард. – Только у Эдраза рожа посытее. Второго злоба душит, вот он и худеет. Двух жен уже загубил.

– Это как? – вскинул брови Андрус. – Убил, что ли?

– Заболели и умерли. Отравил, скорее всего. Адана давно была бы в могиле, если бы согласилась выйти за него замуж. Братья – мои ровесники, я знаю обоих. Служил когда-то в охране их дяди, главы клана. Там, кстати, много местных. Когда отец умер – он тоже был купцом, – я унаследовал небольшой капитал, уволился из охраны и уехал сюда. Отец всегда был против, чтобы я стал воином, но у меня были свои глупости в голове... а послужил – насмотрелся, глупости и закончились.

– А что с отцом? Тоже руку приложили братцы?

– Нет. Все обыденно и просто... простыл, заболел и умер. Мать при родах умерла. Ну хватит обо мне. Давайте-ка подумаем, что делать дальше. Тут оставаться – плохо, в город – тоже плохо. Куда идти?

– А если вообще в другой клан? На побережье? – предложил Андрус. – Взять и сняться с места – тихо, без шума. Уехать подальше, и все!

– Найдут, – усмехнулся Урхард, – не сразу, но найдут. Кроме того, надо будет получить разрешение на торговлю в другом клане. Мало того что это деньги, но еще и выдашь себя. Первое, что сделает Идраз, – запросит главу другого клана, нет ли некоего купца Гирсе, который взял разрешение на торговлю...

– Имя сменить? Назваться другим именем?

– Похоронить имя моего отца? – тяжело спросил Урхард. – Лучше умереть!

– И похоронить Беату? Адану? – скривился Андрус. – Самого себя? Стоит ли того набор звуков?

– Это у тебя набор звуков, – мрачно сказал купец, – а у меня имя моего отца, имя моего рода. И я не предаю его!

– Зато предашь свою семью, – спокойно парировал Андрус, и был награжден яростным взглядом Урхарда.

– Не твое дело! Ты чужак, ты не поймешь этого!

– Не пойму, – согласился Андрус. – Ради набора звуков загубить свою жизнь и жизнь своих близких. Не пойму...

Купец зарычал и стал подниматься с места, когда Адана звенящим голосом сказала:

– Хватит! Прекратите! Не хватало, чтобы вы передрались! Вы оба правы, по-своему. И путь у нас только один – в город. А уж из города... там видно будет. Урх, узнай, куда выгоднее уехать – подальше, так далеко, чтобы этот негодяй не сразу нас достал! А ты, Андрус... решай, ты с нами или без нас. С нами – будет опасно и тяжело. Скорее всего. Без нас – тоже не мед. Я думаю, что переезжать нужно месяца через два, не раньше. Урх, ты должен как следует все узнать, подготовиться к переезду. Пока что все тут затихнет после отъезда Андруса, так что особо спешить не стоит. Продержимся.

– Что это у тебя? Я давно хотела спросить... – Беата провела пальцем по груди Андруса к основанию шеи, где на коже темнел странный отпечаток – две маленькие скрещенные палочки будто впечатались в тело.

– А полегче вопроса не было? Например, откуда берется ветер? – Андрус улыбнулся, глядя в склонившееся над ним лицо Беаты.

– Это все знают, – усмехнулась она. – Бог ветра открывает мешок и выпускает ветры и ветерки! Вот и все!

– А я думал, он как-то по-другому ветры пускает, – заметил Андрус, поглаживая Беату по гладкому бедру, ощущая шелковистость кожи. Он так давно об этом мечтал, и вот... сбылось. В последнюю ночь.

– Святотатец! – хихикнула девушка. – Ты на что намекаешь?! Вот обидится бог ветра, найдет на тебя ураган, тогда узнаешь!

– Наверное, узнаю, – улыбнулся он и, взяв за талию, аккуратно положил девушку рядом с собой.

Беата тут же закинула на него руку и, глядя в глаза, тихо сказала:

– Я не верю, что это последняя наша ночь. Я никуда тебя не отпущу! Найду везде, где бы ты ни спрятался, учти это!

– Учту, – серьезно кивнул Андрус. – Добилась своего? Ну и зачем тебе это надо было? Я – зачем тебе? Нашла бы себе хорошего парня в городе, вышла замуж, имела бы нормальную семью, детей. А теперь что? Безродный, приبلудный, непонятно кто – и тебе это надо?

– Надо, – хихикнула Беата. – Душа сама выбирает! Боги выбирают.

– Так боги или душа? – улыбнулся Андрус. – Ты уж определись.

– Не знаю. Знаю одно: ты мне нужен. И только ты. Больше никто. И вообще, хватит болтать, а? У нас есть еще несколько часов, давай-ка, докажи, что о перевертышах говорят правду! Пока что ты еще ничего не доказал! Ну! Где твоя магическая любовная сила?! Вот так... начинаю верить... не останавливайся! Ну же! Быстрее! Да-а-а!

– Готов? Ну что же, прощаемся?

Урхард обнял жену, потом дочь, легко вскочил в фургон и взял поводья в руки. Андрус подошел к Адане, обнял ее, потом обнял Беату – та обхватила его за шею, поцеловала припухшими губами, отпустила и неожиданно горько заплакала, пряча лицо в ладонях. У Андруса защемило сердце, и он поскорее влез в повозку, чтобы побыстрее покончить с прощанием. Все равно уже ничего не изменишь, толку тогда сердце рвать? Скорее уедет – скорее Беата успокоится.

Урхард хлестнул лошадей поводьями, те тронулись с места, и здоровенный купеческий фургон запылil по дороге, оставляя в песке глубокие следы от окованных металлом колес. Через несколько минут Андрус оглянулся – женщины так и стояли у ворот дома, провожая своих мужчин. Как и все женщины, на протяжении многих тысяч лет. И, как и всегда, они не знали, вернутся ли мужчины домой.

– Это Лес?! – Андрус с восхищением смотрел на вершины деревьев, теряющиеся в поднебесье. – Сколько же им лет?!

– Да кто знает, – флегматично ответил Урхард, задумчиво глядя вперед. – Тысячи лет им. Они медленно растут.

– Сколько времени мы будем ехать по Лесу?

– Полдня. Даже побольше. Как только выедем из Леса, сделаем остановку – коней напоим, пообедаем, Адана чего-то нам положила, вон там, в корзинке. Ну а к вечеру будем в городе.

– А ночевать где?

– На постоялом дворе, конечно, – пожал плечами Урхард, – как обычно. В «Красном коне». Все купцы там останавливаются. Охрана хорошая, да и кормят неплохо. Устроим лошадей, сами устроимся, да и пойдем искать, куда тебя пристроить. Перевезу семью и тебя снова к нам перетащу, чего бы это мне ни стоило. Ведь ты теперь мне не чужой, а, Андрус?

– Не чужой, – кивнул Андрус, помолчал и грустно добавил: – Ты же знаешь, я сопротивлялся до последнего дня. Вернее, ночи. Она сама так хотела. Клянусь, я бы никогда не причинил ей вреда.

– А ты и не причинил, – ответил Урхард. – Скорее наоборот. А если серьезно, пусть все будет как будет. Если она понесет, будет нам мальчик. Или девочка... хотя я сильно рассчитываю на мальчика. Ну а вы с Беаткой как-нибудь разберетесь. Главное сейчас совсем другое.

– А если ни мальчика, ни девочки не будет? – усмехнулся Андрус. – Ты так говоришь, будто все уже определено!

– Конечно, определено, – хохотнул Урхард. – Я что, свою дочь не знаю? Если она за что-то берется... небось все соки из тебя выжала! Хо-хо-хо...

– Не без того, – неожиданно для себя расхохотался Андрус и вдруг замолчал, замер, ощутив за кустами присутствие человека. И не просто человека, а человека злого – волна ненависти просто била в мозг, распространяясь по округе, как волна вонь от выгребной ямы!

Потом Андрус почувствовал еще двух людей – с другой стороны дороги, они тоже желали им зла, но не так яростно, как первый.

– Засада! – тихо сказал Андрус. – Не шевелись! Двое справа, один слева. Ты бежишь к одному, я к двум. На счет три прыгаем... раз... два... три!

Мужчин будто сдуло с повозки. Несмотря на свои габариты, Урхард двигался быстро, как лесной кот, Андрус же сразу перешел в боевой режим, и, когда оказался перед застывшими в кустах стрелками, те не успели сделать ничего – меч мгновенно рассек им шеи.

Обезглавленные тела все еще стояли на ногах, пуская фонтаны крови, когда Андрус помчался к оставшемуся в живых убийце, с которым схватился Урхард.

Здесь все было похуже – Бирнир успел выпустить стрелу, та пробила

плечо Урхарда, обездвижив правую руку и лишив шансов победить здорового мужчину, радостно размахивающего тяжеленным мечом.

Пока Андрус бежал к месту поединка, Бирнир нанес рану в предплечье и живот купца, того заливала кровь из двух рубленых ран, и неясно было, какая из них опаснее. Урхард стоически отбивался левой рукой, но было видно, что он слабеет – две раны и стрела, торчащая из плеча, не добавляют скорости и выносливости. Бой шел всего пять секунд, на пределе возможностей обоих мужчин, но этого хватило, чтобы Урхард получил тяжелые ранения.

Андрус подоспел как раз тогда, когда меч недруга устремился к голове купца, доля секунды – и судьба Урхарда была бы решена. Но клинок Бирнира со звоном наткнулся на подставленный меч Андруса, со скрежетом скользнул до рукояти под мощным напором великана, и тут Урхард, собрав последние силы, вонзил свой меч в живот Бирнира, рванул вверх, и груды сизых внутренностей вывалились к ногам их хозяина, как куча толстых червей, непонятно как забравшихся в человека. Бирнир недоуменно посмотрел вниз, не понимая, что произошло – в горячке боя он не ощутил боли, а может, предварительно выпил для храбрости или съел грибов, придающих силы и заставляющих сознание человека улетать к богам. В любом случае Бирнир еще не понял, что он уже умер, поднял меч и... лишился головы, начисто отсеченной Андрусом.

Урхард тяжело опустился на подстилку из опавших игл и привалился к стволу огромного дерева. Андрус встал рядом, выйдя из боевого режима. Его еще потряхивало от напряжения, и очень хотелось есть – знакомое ощущение. Теперь – знакомое.

– Там... в фургоне... ларец, – с трудом выговорил Урхард, зажимая рану на предплечье, из которой толчками выбивалась кровь. – Похоже, жилу зацепил, вон как кровь хлещет. Он всегда был неплохим бойцом... еще когда мы служили в охране главы клана. Никогда меня не любил, считал выскочкой. Вот и дождался.

– Что в ларце? Бинты? – догадался Андрус и бегом бросился к фургону.

Вытащил из ларца несколько скатанных чистых бинтов, взял бутылку с водой, поискал вокруг вино – ему показалось, что промывать вином было бы лучше, он сам не знал, почему так подумал, бросился назад, к Урхарду. Мертвенно-бледный купец полуприкрыл глаза, и видно было, что он держится из последних сил и с кровью из него уходит жизнь.

– Вот тут перетягивай! – хрипло выдавил из себя Урхард. – Старею! Нарвался на стрелу, тут мне и конец. Давай-давай... вот так. Ну что,

парень, хреновато дело. Не знаю, доеду ли я до города. И домой далеко. И еще... – Урхард осекся, его глаза вдруг расширились, он посмотрел куда-то за спину Андруса и сдавленным голосом сказал: – Вот только этого не хватало! Возьми мой кинжал и свой достань. О боги, что вы творите? Будь осторожен, не поддавайся на их облик!

Андрус медленно обернулся и замер, задохнувшись от удивления. К нему шли Адана и Беата – улыбающиеся, веселые. Они махали руками и ускоряли шаг, будто торопились скорее заключить Андруса в объятия. Поодаль, шагах в двадцати от них, – три странных существа, закованных в костяную броню. Их лица походили на человеческие, и только глаза были странные – разделенные на множество ячеек, как у стрекозы или у мухи. Скорее всего, это и были насекомые – огромные жуки, каким-то магическим образом созданные из людей.

Андрус нащупал специальный кинжал для убийства тварей, наклонился к Урхарду, вытащил его кинжал из ножен и, взяв в руки по клинку, пошел навстречу монстрам.

Когда клинок вонзился в глаз «Беаты», рука Андруса дрогнула – слишком уж копия была похожа на оригинал. После того как кинжал рассек плоть твари, раздался звук наподобие того, какой возникает, если хозяйка кидает кусок рыбы на сковороду, в раскаленное масло. Пошел черный дым, едкий, неприятный, совсем не напоминавший запах горелого мяса – он вызывал в душе воспоминания о чем-то далеком, о другой жизни, которую Андрус забыл.

Через секунду перед ним стояло безликое чудовище, оскалившее длинные белые клыки. Его красный глаз смотрел на Андруса пристально, будто хотел прожечь дырку в недруге, лишившем тварь жизни. Вместо второго глаза зияла дымящаяся дыра, расширяющаяся, будто кто-то лил расплавленное олово на толстый весенний лед. Еще секунд через пять тварь свалилась, лишенная головы, развалившейся под напором смертельного колдовства.

Вторая тварь – «Адана» – умерла так же быстро, как и первая, не в силах устоять перед Андрусом, даже не перешедшим в боевой режим. Он заметил, как медленно двигаются твари, и решил не тратить силы на сверхскорость – смысла нет расходовать драгоценную энергию.

Пока человек справлялся с двумя передовыми тварями, три остальные, бронированные, подошли ближе, и вот тут Андруса ждал сюрприз. Совершенно неожиданно, после рассказов Урхарда и Беаты, после того, как он легко и быстро справился с медлительными

кровососами под личинами Аданы и Беаты, новые твари едва не сбили его с ног, бросившись с места так, как если бы им дали пинка под зад.

Комья земли из-под когтистых лап чудовищ взлетели вверх, клешнястые лапы рассекли воздух, пытаясь достать обидчика племени мутантов, и Андрус с трудом избежал гибели, в последний момент переключившись в боевой режим. И даже тогда твари двигались гораздо быстрее, чем обычные люди. Но не так быстро, как боец-перевертыш.

Расправиться с ними было делом нескольких секунд: несмотря на то что эти твари облечены в непробиваемую броню, места сочленений оставались уязвимыми, как и глаза чудовищ. Десять секунд – и вот Андрус выходит из боевого режима, отпрыгивая от падающих, как срубленные деревья, коренастых мутантов. Бой закончен.

– Ты как их почуял? – с трудом спросил Урхард. Его грудь учащенно вздымалась, лицо было белым как полотно, а губы потрескались от жара.

Они с Андрусом ехали уже три часа – в город, сельская лекарка не смогла бы вылечить тяжело раненного купца. Надежда была только на городских. Мало того что он получил две раны в плечо и руку, ранение в живот оказалось тяжелым, и похоже, что кинжал был отравлен. Иначе почему так быстро развилось воспаление?

Впрочем, Андрус не мог точно назвать причину начинающейся горячки, его знаний на то не хватало. Факт заключался в том, что раненый, если не найти мага-лекаря в ближайшие часы, должен был наверняка умереть еще до завтрашнего утра. Наверняка. И сам Урхард это знал.

– Почуял, – хмуро кивнул Андрус, погоняя лошадей.

Фургон вздрагивал, подпрыгивал на неровностях дороги, в которую впечатались камни покрытия, разбитого множеством колес, Урхард кусал губы от боли, но Андрус не притормаживал лошадей – что толку, если он убережет купца от боли? Не успеет к лекарю – ничего у того уже не будет болеть. Никогда.

– Как почуял? Носом, что ли? – пробормотал купец, морщась при очередном толчке. – Ты вот что, Андр!.. Я знаю, ты парень хороший, и Беатку не бросишь, и Адану мою. И ты сам говорил – позовите, и я приду на помощь! Так вот, я тебя зову. Помогай. Ты должен сделать так, чтобы они не нуждались. Деньги у меня есть, часть монет дома – жена знает, где они лежат, а часть у менялы Зуира, он мой старый знакомый, честный меняла, хоть и выжига. Ему надо будет сказать условную фразу, запомни ее: «Устракон гонор вастор борг!» Повтори, ну!

– А что это означает? Устракон гонор вастор борг... – повторил

Андрус. – Заклинание какое-то, что ли?

– Ничего не означает. Набор слов, – хрипло ответил Урхард. – Я придумал, у Зуира записано. Не ошибешься. Там лежит двадцать тысяч золотых – это очень много, хватит, чтобы купить лавку, дом, торговать и жить безбедно. Беатка умеет торговать, у нее мои способности, так что слушай, что она тебе скажет по делу. Ну что еще... глупо получилось, да. Видно, постарел я. Кинулся, нарвался на стрелу, а из-за этого все и вышло. Впрочем, я никогда не был силен на мечях, топор – вот мое оружие. Никто не мог устоять против меня на топорах, да! Мы как-то пошли в поход на соседний клан... они непочтительно говорили с нашим главой, и он отправился их покарать, и вот мы... – Урхард шевелил губами, вроде как что-то говорил, но разобрать было сложно. Потом совсем затих.

Андрус оглянулся на него и сокрушенно помотал головой – плохо дело! Хлестнул лошадей, и те прибавили шагу, хотя и так уже прибавлять было некуда. Еще немного, и пустятся вскачь. Но тогда кони долго не выдержат. Да и фургон не выдержит – развалится где-нибудь на особо выпирающем валуне. После весенних паводков дорогу сильно размыло, и ее пересекало множество узких канавок, на которых фургон вздрагивал так, будто по нему били кувалдой.

– Я еще жив, не думай! – вдруг четко, сильным голосом сказал Урхард, и Андрус едва не вздрогнул, резко обернувшись к больному. – Если я умру в дороге, не хорони в лесу, ладно? У города есть кладбище, как заходишь через ворота, сразу направо, вдоль стены. Здоровый такой красный булыжник, там выбито имя моего отца – Танаон Гирсе. Похорони меня там. Пусть Беатка с Аданой навещают. Им будет легче. Мне-то уже все равно, покойнику. Ты знаешь, я ведь соврал. Ничего отец мне не оставлял. Почти ничего. Покаяться хочу. Награбленные эти деньги, на которые я начал свое дело. В походы ходили, я себе капитал и наградил. Убивал, как и все. Женщин и детей не убивал, нет! Но мужчин – много на моей совести. А как купца одного прямо в лавке зарубил, снял с него мешок с драгоценностями, вот на него я свое дело и начал. Ты не говори моим девчонкам, хорошо? Я для них самый честный, самый порядочный на свете. Хочу, чтобы они меня таким запомнили и моим внукам передали. Сделай так, чтобы у меня были внуки, ладно? Пусть они будут хорошими, порядочными людьми! Я как мог любил жену, дочку, всегда хотел еще детей. Не получилось. Видимо, наказание мне такое, за мои преступления. Умру в муках... ох, больно как, парень, просто терпелу нет! Жалко, вина нет, грибов нет. Сейчас полегче бы стало. Дай попить, что ли... воды.

– Нельзя тебе пить. У тебя ранение в живот, и так там непонятно что, в

животе-то... нельзя пить и есть.

– Да что там, в животе... дырка там. В кишках дырка. Все дерьмо наружу. Чуешь – воняет? Уже гниет... Знаю этот запах – запах битвы, запах смерти. Ненавижу войну! Ничего в ней нет героического. Боль, смерть, вонь, грязь, вши. Чавкающие промокшие сапоги, голод – никогда вовремя жратву не привозят. Командиры сидят в палатках, на шелковых коврах, а мы вокруг под дождем – за шиворот сыплется, холодно... холодно... знобит меня. Знобит...

Урхард закрыл глаза и отключился, его голова моталась из стороны в сторону, грозя оторваться от могучей шеи и покатиться по дну раскачивающегося фургона. Как на грех, дорога стала еще хуже, чем была, и фургон с трудом переползал промоины, из которых торчали камни. Андрус посмотрел по сторонам и вдруг заметил, что находится на опушке Леса – впереди виднелся прогал, за которым уже не росли лесные великаны, подпирающие небеса.

Через пять минут фургон подъехал к последнему дереву, выкатился на чистое место, и Андрус взаправду ощутил, что его будто окутало морозное облако – мурашки по всему телу и странное ощущение, как если бы кто-то огромный, но равнодушный ко всему на свете, кроме себя самого, проводил внимательным взглядом. И тут же забыл об этой мелкой букашке, именуемой человеком.

– Выехали из Леса, да? – Урхард попытался улыбнуться, но губы сложились лишь в скорбную гримасу. – Чуешь, как окатило? Это Лес! Это такая штука... не описать словами! Ты запомнил, что я тебе сказал? Про тайные слова и про Беатку с Аданой?

– Все запомнил. Не брошу, – кивнул Андрус. – Только чего ты засобирался на тот свет? Ты еще внука должен нянчить! Прекрати эти упаднические разговоры! Скоро приедем в город, найдем магов-лекарей и подыдем тебя!

– Не приедем. И не подыдем. До города еще часов шесть, а пока доедешь и найдешь лекаря – все восемь. Да и лошади такой скорости не выдержат. Сейчас будет речка – остановись там. Дождись, когда я уйду. Я не задержу тебя надолго. Не хочу помирать, болтаясь по фургону, как туша барана. Справа увидишь две сосны, одна кривая, вроде как склонилась к другой, их зовут «парочка», вот к ним и правь. Все равно коней надо поить – пока напоишь, я и помру.

Андрус молча поворотил лошадей – сосны хорошо было видно с дороги, до них шагов пятьсот-шестьсот, недалеко. На душе у него было не то что погано – просто помойка какая-то. И ему хотелось выть, как зверю!

Андрус уже привык к Урхарду, воспринимал как близкого человека, а кроме того, как встретит весть о гибели Урхарда Беата? Она любит отца. Адана... ее весть о смерти Урхарда просто убьет. И виноват в этом Андрус! Не надо было вообще выпускать Урхарда из фургона, не надо! Сам бы прикончил всех троих и не запыхался бы. А теперь что? Все прахом, все!

Андрус в отчаянии оглянулся на Урхарда, и вдруг ему показалось, что вокруг того возникло свечение. Урхард сейчас светился, как светилось все, куда бы ни падал взгляд Андруса.

Светился фургон – серым, тусклым светом, светилась пролетевшая мимо птичка, светилась земля, а на ней четко высвечивались следы зверей, пробежавших несколько часов назад, а может, и минут.

Урхард светился желтоватым светом, и только над ранами свечение становилось ярко-красным, темнея к центру раны и в самом центре переходя в густую черноту, завихряющуюся будто пылевой смерч.

Андрус бросил поводья, и лошади, отсвечивающие зеленоватым светом, тут же убавили шаг и побрели туда, где много раз – возможно, десятки раз – останавливались, чтобы попить и поесть. У лошадей хорошая память.

Андрус нерешительно протянул руку к Урхарду – ему казалось, что так нужно сделать, – коснулся свечения, почувствовал, как руку начало покалывать, будто он ее отлежал, отдернул ладонь, подумал секунды две и уже обе руки решительно сунул в ореол. Что делать, он не знал. Вернее, чувствовал, что когда-то знал, но... забыл. Воспоминания всплывали из глубин памяти на уровне интуиции, на уровне отголосков настоящих знаний. Все, что вспомнилось, нужно сунуть руки в это свечение и пожелать, чтобы чернота ушла.

И он сделал это. Руки заболели, боль стала переходить выше и выше, докатившись до сердца, застучавшего неровно, с перебоями, так что Андрус едва не задохнулся. На плечи навалилась неимоверная тяжесть, будто на них водрузили кучу мешков с крупой. Однако чернота ушла. Урхард теперь светился ровным, желтым светом, и лишь там, где когда-то были раны, светящийся покров был тоньше, чем в других местах, и слегка, едва заметно отдавал красным, тающим в сполохах желтого цвета.

Андрус посмотрел на розового, спящего как младенец купца, попытался улыбнуться, но на него накатила волна дурноты, закружилась голова, и новоявленный лекарь упал на спасенного им больного, потеряв сознание и разбив лоб об острый край ларца с медикаментами, стоявший подле Урхарда.

– Бунт, ваше величество!

Генерал Адрон отсалютовал, его панцирь загудел, как колокол, и Шанти поморщилась. Не человек, а медная статуя! Может, изменить салют? Например, пусть пощелкивают пальцами?! Или подражают звуку вылетающей из бутылки пробки: эдак – чпок! – и отсалютовал императору. И привычнее офицерам: открывание бутылок вина – их любимое занятие... кроме соблазнения чужих жен, конечно.

Шанти стало смешно, и она невольно улыбнулась, чем вызвала недоуменную гримасу на встревоженном лице генерала.

– Я сказал что-то смешное, ваше величество? – обиженно прогудел он, опуская взгляд. – Мне кажется, в бунте нет ничего смешного! Взять дворец они пока что не смогут, но запереть нас здесь – запросто. И не годами же тогда сидеть во дворце, пока толпа черни и мятежные войска грабят страну! Этого и следовало ожидать – страна держалась на страхе, а когда убрали исчадий, бояться стало некого. Не стало сильной власти... простите за откровенность, ваше величество. Вы мне говорили, чтобы я рассказывал вам все как есть, без придворных штучек.

– Гвардейцы нам верны? – задумалась Шанти.

– Не все. Половина ушла к мятежникам, как я и говорил. Офицеры в основном выходцы из дворянских семей, а они как раз во главе мятежа. Рядовые им подчиняются. Рядовым по большому счету все равно, лишь бы жалованье вовремя платили.

– Что происходит в настоящий момент? Что в столице, по другим городам?

– Об этом лучше расскажет начальник тайной стражи. – Генерал вытер мокрый лоб и оглянулся на стул позади себя. – Разрешите, ваше величество?

– Садитесь, Шелес, без церемоний. Сейчас не до того. Шур, что там делается снаружи?

– Снаружи – полнейшее безобразие. – Шур задумался, подбирая слова. – Столица охвачена беспорядками. Грабят все и всех, ломают лавки, дерутся между собой за добычу. Бьют людей с криками: «Лови пособника исчадий!» Мятежники осадили дворец, вся площадь заполнена их бойцами. У нас около тысячи гвардейцев, остальные разбежались или примкнули к мятежникам. По провинциальным городам информации пока нет. Скорее всего там еще спокойно. Обычно все начинается со столицы, как показывает история.

– Я не пойму, кто грабит? Неужели войска мятежников грабят горожан? Откуда их столько взялось в городе? Как они сумели так быстро

подготовиться к мятежу?

– Агенты доносят, что мятеж спланировали заранее. И если бы не известные обстоятельства, мятежа все равно нельзя было избежать. Исчадия хотели взять полноту власти в свои руки не номинально. Казненный патриарх, в отличие от предшественников, считал, что власть должна быть сосредоточена в одних руках – понятно каких. Так что скоро все бы и началось.

– Ясно. Вот что скажи: с каким лозунгом мятежники начали бунт? Зачем они напали на законного императора? Какова цель?

– Они говорят, что вами овладел вражеский демон и вы безумны. Вас заколдовали. Поэтому нужно вас уничтожить, как кровавого маньяка, и на ваше место поставить хорошего человека из числа достойных мужей. Кого – они пока не решили или пока что не хотят называть его имя. До коронации.

– А лечить меня нельзя? – с живым интересом осведомился «император». – Зачем же так жестко? Выгнать из меня демона, и все!

– Лечить вас нельзя, так как демон овладел вами полностью и теперь вы сами демон, – серьезно кивнул Шур. – Вас только уничтожить.

– А на основании чего они займут престол? – хмыкнула Шанти. – Ведь престол может быть занят только человеком с королевской кровью! Таков закон!

– Главное – вас убить, а потом уже и будут думать, кого поставить, – пожал плечами Шур. – Насколько мне известно, единства в этом вопросе нет. А закон... ну что закон – у кого в руках власть, сила, тот и закон. Всегда можно переписать закон под себя.

– Так-так... – «Император» побарабанил пальцами по столешнице, разглядывая лежащую перед ним грамоту-прошение от союза зерноторговцев. Они желали, чтобы император повысил пошлину на ввоз из Балрона первоклассной мучной пшеницы, обещая взамен больше отчислений в казну. То есть ему лично, императору. Шанти приходилось ежедневно решать такие проблемы – раньше ими занимались исчадия, оставив императору лишь развлечения да право подписи.

Эту рутину Шанти ненавидела лютой ненавистью и уже не раз пожалела, что ввязалась в авантюру с захватом власти. Но что делать? Тот, на кого можно было бы переложить бремя власти, находился далеко. И кстати – где он?

– Что слышно о Балроне? – сменила тему Шанти. – По поводу изгнания из меня демонов все ясно. А вот где армия Балрона?

– Армии Балрона не будет. Сюда идет один полк, тысяча человек, вряд

ли его можно назвать армией. По сведениям разведки, полк только что вышел из Анкарры и преодолевает в день двадцать верст. При таком темпе марша они будут у границы примерно через месяц, а потом им нужно будет еще идти сюда.

– Кто возглавляет полк? – с надеждой переспросила Шанти. – Федор?

– Нет. Полковник Гежель, – пожал плечами Шур.

– Плохо... – пробормотала Шанти. Настроение у нее упало ниже подошвы сандалий. Похоже, она застряла в теле императора не на месяцы, а на годы.

– Вы рассчитывали, что войска Балрона помогут вам в борьбе с мятежниками? – усмехнулся генерал. – Что может сделать единственный полк? Это смешно! Да и с какой стати Балрон будет помогать императору Славию?! Ваше величество, простите мою дерзость – искать помощи нужно здесь, договариваться с дворянами, искать тех, кто будет воевать за нас. Армия полностью развалена, воевать не хочет. Гвардии остался один полк. Вам не кажется, что нужно придумать что-то умное?

– Идите, генерал, организуйте защиту дворца, – холодно сказал «император», – а мы тут пока подумаем, что нам придумать умного. Шур, останься.

Шанти дождалась, пока за генералом закроется дверь, и посмотрела в лицо своему первому помощнику. Тот опустил глаза, избегая встречаться взглядом с лжеимператором. Драконица выждала пару минут, затем спокойно спросила:

– Он колеблется?

– Да, – коротко ответил разведчик. – Он ненадежен. Если сейчас мы что-то не изменим в лучшую сторону, может перевернуться. И тогда будет совсем хреново.

– Убить его пока нельзя, он нам нужен. Что там по балронскому полку? Вооружение? Чем снаряжены?

– Элитный полк. Ружья, пулеметы, ракеты. Он пройдет через Славию как нож сквозь масло. Противостоять ему наша армия не сможет, это точно. Но он может прийти поздно, когда все разлетится в прах.

– Не преувеличивай, Шур, – усмехнулась Шанти, – мы их разнесем и без балронского полка. Вот только не допустить бы ошибок... ты ведь в курсе, что сегодня пробовавший блюдец умер в муках? Между прочим, второй за неделю! На что они надеются, интересно? Ты распорядился выплатить его семье страховочную сумму?

– Деньги выплачены, – кивнул Шур. – Скоро пробовавших блюд днем с

огнем не сыщем. Самая опасная профессия в нашей стране. Спросите, на что надеются? На то, что когда-нибудь этот номер пройдет. А сегодня вас не ранили?

– Одежду опять порвали. Стрелка взяли?

– Взяли.

– И кто он?

– Конюх. Его семью захватили в заложники, велели стрелять в вас. Не выстрелит – их убьют.

– Он жив?

– Нет, конечно. Покушавшийся на императорскую особу не имеет права жить! Это записано в своде законов. Он должен был перерезать себе горло, а не пускать болт в царственную особу.

– Понятно... жаль парня. Но себя еще больше жаль. Чуть не каждый день уже покушения. Где они столько самоубийц берут?

– Да запросто, – хмыкнул Шур. – Всегда можно найти подход к человеку и заставить его сделать то, что нужно. Если обладаешь достаточным количеством денег и большим желанием.

– Плохо, что мы не установили точно, кто из дворян нанял убийц.

– Они же не дураки сами нанимать убийц, – усмехнулся Шур. – Посредники, цепочка посредников. Смешно было надеяться, что мы доберемся до конца цепочки. Я все усилия приложил, чтоб до нее добраться, – увы, не вышло. Впрочем, разве вы не знаете, кто во главе заговора? Я назвал вам три фамилии. И что?

– Ты пробовал заслать к ним убийц?

– Обижаете! И не один раз. Бесполезно. Они попрятались, мы даже не знаем, где сейчас эти твари. Нужно время, а времени у нас и нет.

– Время, время... а что нам время? Ну беснуются в городе идиоты, и что? До нас не доберутся. А когда придет полк из Балрона...

– Ну и что? Ну и придет? – раздраженно перебил Шур, не замечая, что он перебил самого императора. – Нам мало одного полка! Ну что такое тысяча человек, даже вооруженных самым лучшим оружием в мире?! Ну вошли они в город да и растворились в нем! Арбалеты бьют вполне эффективно, луки, брошенные ножи и дротики убивают не хуже, чем пули из ружей! Понимаете? Нужно больше народу, больше!

– Я просил больше, – устало заметила Шанти, – видимо, больше он не смог.

– Само собой. У них на юге беспокойно, замиряют. Вполне вероятно, выслал резерв, – пожал плечами Шур. – Если бы вы попозже начали захват власти... дождавшись, когда ваш друг завершит умирение юга... По моим

сведениям, он так и так собирался напасть на Славию. Правда, я не уверен до конца, это на уровне слухов. Однако иногда слухи бывают лучшим источником информации.

– Интересно, а как Славия вообще собиралась воевать с Балроном? – усмехнулась Шанти. – Вы представляете, что может сделать ленточный пулемет? Один-единственный?! Что вы могли противопоставить?

– Исчадий, конечно, – криво улыбнулся Шур. – Они считали, что победят Балрон магией, что эти ружья, пистолеты, пулеметы ничего не значат против магии. А как вы знаете, маги у них были, и сильные. Вот так. Что бы мы, разведчики, ни говорили, все разбивалось о стену непонимания. Исчадия настолько уверились в своей неприкосновенности, в своей силе, исключительности, что не слушали ничего, что бы уничтожало их представление о своей роли в этом мире. Они – великие, могучие, остальные все – грязь под ногами! Идиоты! Кретины! Ух, зло берет... простите. Больная тема.

– Их можно понять, – кивнула Шанти. – В Балроне магия была под запретом. И кто мог им противостоять? Только сильная армия, но потери в случае войны были бы таковы, что никому не поздоровится. Впрочем, вы же знаете, следующая война случилась бы в ближайшие лет десять, не позже. Исчадия набирали силу. Кстати, а что стало с их академией? Где дети и подростки, которые обучались магии?

– Все исчезли. Сразу же, как разнесся слух о том, что главных исчадий заключили в темницу. Увы... нужно было их всех убить, учеников этих. В первые же часы после захвата вершушки.

– Детей? Подростков? – неприятно удивилась Шанти.

– Да, подростков! – твердо заявил Шур. – Их годами учили ненавидеть всех, кроме исчадий, их обучали убивать, мучить, пытаться – это не слова! Им давали живых людей, и они сдирали с них кожу! Выкалывали глаза! Издевались над ними! Потому что те не исчадия. Потому что они грязь под ногами.

– Что, правда? – нахмурилась Шанти. – Не верится. Дети-убийцы?

– Они же дети, да? Эти твари были детьми, когда лежали в колыбели. Когда же им рассказали, внушили, что все люди вокруг грязь, что исчадия самые лучшие, самые умные, самые знающие и вообще, элита этого мира, у них будто мозг в голове повернулся. Оказалось, все вокруг животные, и с ними можно делать все, что они хотят. Убивать, отбирать деньги, имущество, насиловать – все, что захочешь. По праву сильного. И еще – они не верят, что смертны. Не верят, что вот так просто можно ткнуть их ножом, и они умрут, как все. Им внушали, что исчадия неприкасаемы и

бессмертны. Никто не посмеет пойти против них.

– Что-то ты нарасказал, аж жутко, – усмехнулась Шанти. – Не верю, что можно за несколько лет превратить человека в безмозглую, жестокую тварь, не внемлющую голосу разума. Не может такого быть.

– Убедитесь, когда кто-нибудь из них попадется в сети, – многообещающе улыбнулся Шур. – Я говорю то, что знаю. Я был в их академии, видел, что они делают, видел, что могут сделать. Эти мелкие гниденыши страшнее взрослых. Их ничем не остановить. Насколько знаю, применяли какие-то препараты, заставляющие их верить в то, во что они верят. Давали читать специальные книги, где написано, что исчадия суть элита мира и от них пошли все остальные люди, ничтожные выродки по сравнению с настоящими людьми. Я принесу вам несколько книг, прочитаете. Может, тогда поверите.

– Это страшно, – прошептала Шанти, глядя в пустоту. – Я знаю, что ты не врешь. Представляешь, если бы всех детей в Славии воспитывали именно так? Ты представляешь, что бы из этого вышло? Поколение людей со свернутыми на сторону мозгами, ненавидящих весь мир, всех, кто думает по-другому, всех, кто живет не так, как они считают нужным! Уверенных, что все, кто не исчадия, недочеловеки!

– Это было в планах исчадий. Я знаю... – кивнул Шур и посмотрел в окно. Там ничего не изменилось – так же порхали птички, жужжали мухи, кидаясь в смертельные объятия коварных цветов, плевать всем было на осаду, на исчадий, на весь мир людей, таких странных, таких жестоких и непредсказуемых. Исчезнут люди, а мухи будут так же жужжать, птички кричать, дождь литься с небес, а деревья шуметь листьями. И никто не оплачет жестокий род людской...

Помолчали. У Шанти почему-то совершенно испортилось настроение. Ну совершенно. А когда у нее испорчено настроение – лучше не попадаться ей на дороге...

– Сколько мятежников на дворцовой площади? – спросила она, сварливым голосом, сжав пальцы правой руки в кулак.

– Две тысячи. Все газоны и клумбы загадили, – скривился Шур, – вонь стоит, как в сортире. Деревья срубили – а их прадеды императоров приказали привезти из дальних краев, за тысячи верст отсюда. Костры жгут. Таран строят – болваны, этим тараном дворцовые ворота ломать нужно лет десять. Главное, чтобы магов не привели. Вот это страшнее. Но, по моим сведениям, ближайшие маги в трехстах верстах от столицы, там у них филиал академии исчадий. Кстати, возможно туда и отправили учеников. Знали, что мы их будем искать.

– А без тарана, если просто на стены влезут? – задумчиво осведомилась Шанти. – По лестницам.

– А мы на что? Стены высоченные, солдат пока хватает. Если изнутри ворота не откроют, предательством, взять нас непросто. Только Балрон с их фантастическим оружием мог бы взять замок в лоб... а так – только магия.

– Ясно. Значит, сортир из моей площади сделали? – хмыкнула Шанти. – Костерки из редких деревьев жгут? Огонь любят? Ну-ну... Расскажи, где находятся дома главарей бунтовщиков. Нарисуй мне. Сумеешь?

– Почему и нет? – Шур с непонятым выражением лица посмотрел в глаза «императору». – Нарисую. Сумеете?

– Посмотрим, – пожала плечами Шанти. – Нужно им дать понять, что они не правы. И кстати, расскажи мне, где академия исчадий, в каком городе, где расположена.

– Вот это я сразу не скажу. Нужно поработать с агентами. В той академии я не был. Не знаю, где она находится.

– А ты можешь общаться с агентами отсюда? Птицы?

– И птицы, и тайные ходы есть – через канализацию. Толстый не пролезет, а мелкий, гибкий – запросто.

– Покажешь мне выход – потом, как тут закончим. Итак, бери лист бумаги и рисуй.

– Ну и воняет! – Шанти брезгливо заглянула в темную дыру. – И что, через эту дырку можно вылезть наружу?

– Можно, – ответил Шур. – По тоннелю, там есть ответвление, выводящее к реке, прямо под городской стеной. Да и вообще, по тоннелям под всем городом. Не везде можно пройти, да, но в основном тоннели свободны. Воняет? Интересно, чем должно пахнуть из канализации, в которой скапливается все дерьмо города? Впрочем, вообще-то я предпочитаю, чтобы пахло дерьмом, а не кровью.

– Хорошо сказал, – усмехнулась Шанти. – Философ. Увы, у нас пахнет и дерьмом, и кровью, и никуда от этого не деться. Ладно, теперь покажи, где свободный выход на дворцовую крышу. И вот что – сегодня сними оттуда охрану, предлог придумай сам. Чтобы никто не видел, как я туда иду. Ты понял меня?

– Понял, – кивнул Шур и нерешительно добавил: – Ваше величество...

– Что, Шур? Чего ты боишься? Я это чувствую.

– Боюсь, что с вами что-то случится, – коротко пояснил Шур. – Это будет означать и мою гибель. Будьте осторожны, хорошо?

– Буду, – серьезно сказала драконица и улыбнулась: – Сам не хочу!

Глава 8

Голова билась о броню, было больно, и он застонал. Опять ранили? Видно, ребята вынесли из боя и теперь везут домой. Домой? В продуваемые ветрами, пыльные палатки? Где можно забыться черным сном, чтобы завтра подняться и пойти снова подставлять свою грудь под пули? Где он, дом-то?

Глаза с трудом открылись и сфокусировались на чем-то широком, светлом, нависшем над головой. Сделал усилие... что?! Чех?! В плену?! О не-э-эт... Лучше умереть!

Бородатая широченная физиономия похлопала голубыми глазами, «чех» что-то сказал, что – совершенно непонятно. Губы шевелились, звуки шли, а вот слова непонятны – какая-то тарабарщина.

– По-русски говори, – с трудом вытолкнул он через пересохшие губы, – я по-вашему не понимаю! Да не понимаю я тебя, отстань!

Бородатый взял странную, необычного вида флягу, украшенную сплетением узоров, и, сняв крышечку, приложил сосуд к губам раненого. В рот потекла теплая, восхитительно вкусная вода, и он глотал, глотал, глотал... пока бородатый не отнял флягу от губ.

Внезапно раненому стало плохо, и его вырвало – фонтаном, залив бородача, что-то буркнувшего на своем языке, видно, выругался. Накатила такая дурнота, что в голове потемнело, закружился весь мир, вставая на дыбы, и раненый снова ушел в блаженное беспамятство, уцепив последнюю мысль: «Может, пристрелит? Не хочу годами гнить в зиндане! Вряд ли, небось на выкуп рассчитывает, сука!»

Ощущение чистой простыни было приятным. Мужчина открыл глаза и долго не мог понять, где находится. Привстал, осмотрелся – белый потолок, стены, затянутые тканью, небольшое окошко, прикрытое занавесью, из-за которой пробивается лучик света, воровато забравшийся в комнату и растолкавший тени по углам. Рядом на стуле – чистая одежда, к спинке прислонен длинный узкий меч, лежит кинжал, а на полу возле кровати чистые и вроде как даже начищенные башмаки. В теле слабость, кажется, что болит каждый сустав, каждая мышца...

Андрус сел на край кровати и не двигался минут пять, борясь с головокружением.

Почему-то вспомнился сон, кошмар, который мучил его только что, –

Андрус воевал. Где? Он не знал. Огонь, дым, странное оружие, похожее на трубки с ручками. Люди – мертвые, без голов, разодранные на части, и запах – крови, нечистот и дыма, только не того дыма, который идет из кухни или от лесного костра. Дым во сне был страшным – кислым, горьким, вонючим, и напоминал, что жизнь человеческая не стоит и медной монетки.

Поразмышляв над своим сном, Андрус пришел к выводу, что тот мир, который ему приснился, настолько страшен, что он не хотел бы жить в этом аду. Уж лучше реальный мир – пусть даже и с тварями, которые шастают по лесу в поисках жертвы.

Дверь грохнула, пропуская внутрь двух мужчин. Один был здоровенным, бородатым, с голубыми веселыми глазами и руками, способными ломать подковы, второй – худощавый, безбородый, лет пятидесяти, одетый довольно дорого, в костюм, сшитый из первоклассной шерсти, с позолоченными застежками и узорами по ткани. В руках господина кожаная сумка, тоже высокого качества, с буквами Ж и О посередине.

Андрусу почему-то показались смешными эти буквы, он растянул губы в улыбке, отчего нижняя губа треснула и на ней выступила капелька крови. Андрус слизнул ее, и вкус горячей соленой жидкости вернул его к реальности.

– Урхард, ты жив? – удивленно спросил он, глядя в такое знакомое, родное лицо – розовое, здоровое, только слегка похудевшее. – А что со мной?

– Вот и я хотел бы знать, что с тобой! – весело ухмыльнулся Урхард. – Со мной-то все ясно, я здоров, как жеребец! Даже здоровее, чем был, – похудел, живот стал меньше. А вот с тобой что? Я очнулся, ты валяешься на мне, башка у тебя разбита, а я очень хочу жрать и... здоров, как не болел. Стрелы в плече нет, ран нет, ничего нет! А вот что с тобой – это вопрос вопросов! По дороге в фургоне ты очнулся, таращился на меня и бормотал что-то на странном языке, потом вцепился мне в глотку – я думал, все, конец пришел. Но боги уберегли – ты вырубился.

– Вы наговорились? – брезгливо осведомился незнакомец, оглядываясь по сторонам. Увидел табурет, перенес к кровати и уселся верхом, поставив сумку на колени. – Если наговорились, то, может, уделите мне время? Так-то все равно – я денег с вас возьму и за время, но кроме вас у меня есть еще пациенты, я смогу заработать больше, чем тут, слушая ваши разговоры.

– Хорошо, маг Одаргон, – довольно кивнул Урхард, – начинай лечение! Плата прежняя?

– Прежняя. Один золотой, если случай несложный. Тут я сложного ничего не вижу. Ушиб головы, общая истощенность, слабость, упадок сил. Ты что, не кормишь своего зятя? Или это дочь твоя его так изнурила? В постели!

Лекарь вдруг заскрипел, издав странные звуки, будто две палки терлись друг о друга. Андрус удивленно посмотрел на мага и через пару секунд понял – он так смеется.

Урхард хохотнул, хотя и скривился, подмигнув Андрусу: мол, терпи! Вот такой придурок!

Андрусу было все равно. Он парил где-то в небесах, расслабленный, как облачко. Ему было хорошо, легко и приятно, время от времени Андрус впадал в состояние подобное наркотическому опьянению, и тогда голоса присутствующих слышались как сквозь вату – далекие, искаженные, непохожие на человеческие.

– Пей! Пей, говорю! – Резкий голос лекаря вырвал Андруса из полузабытья. – Сейчас я заклинание прочитаю, оно его взбодрит. Только потом срочно води его в обеденную залу, и пусть ест как можно больше, сколько сможет. Это заклинание подстегнет его организм, заставит работать быстрее. Стоп! Это что такое?! Ну-ка, ну-ка?! Что, жар?! Встань! Придержи его, чтобы не свалился! Странный молодой человек... при такой худобе плечи у него дай боги каждому, мышцы великолепные... вот жиру совсем нет, это да. Иссохший. Надо жидкости пить побольше. Шрамы... м-да. Шрамов как у бойцовой собаки, будто его тащили по земле за лошадьё, а? Не из преступников каких-нибудь? Не в бегах?

– Тебе не все равно? – кашлянул Урхард.

– Цена выше! – возмутился лекарь. – Одно дело – лечить башку ушибленного зятя купца, другое – преступника в бегах! За молчание нужно доплатить!

– Никакой он не преступник! – рявкнул Урхард.

– Жаль, – не смутился лекарь. – Тогда было бы два золотых. Итак: ран я не вижу, воспаления нет, почему горячий? Что такое? Что, перевертыш?

– Полтора золотых, и ты держишь язык за зубами! – буркнул Урхард.

– И то лепешка с маслом! – заскрипел лекарь. – Тогда все понятно. Непонятно одно – почему он весь в шрамах. Перевертыши обычно чистые, как младенцы. Они при переходе избавляются от своих ран. И лечатся так же – перешел разок в зверя, вернулся назад, если вернулся, и снова здоров. А вот заклинанием я не буду на него воздействовать. Толку-то? У него и так тело ускорено, моему заклинанию такое и недоступно.

– А поддержать? Бодрость? – недовольно фыркнул Урхард. – За что я

тебе золотые плачу?! Обычный лекарь берет три серебряника, а ты – золотой, да еще половинку!

– Ты платишь за знания! – хохотнул лекарь и тут же посерьезнел, насупив брови. – Я учился десять лет, чтобы познать лечение людей! Ты просиживал долгие вечера, слушая завывания вьюги и глядя в толстую книжку, когда уже расплываются буквы оттого, что хочется спать? Ты дни напролет толлок травы, минералы, смолы и всякую вонючую дрянь, чтобы вечером опять клевать носом, глядя в книгу? Ты изучал заклинания, от которых, если ошибешься хоть в одной букве, человек может сгнить заживо? Ты можешь вылечить гниющую рану или ранение в живот, когда из кишок вываливается все дерьмо и нужно промывать эту дрянь, зашивать, а потом еще и творить заклинание, от которого у меня чешутся ноги? Что ты понимаешь в лечении, чтобы говорить о плате – велика она или мала? Я только к сорока годам стал настоящим лекарем, великим, таким, что лучше меня в современном мире нет и быть не может! А ты для меня лишнюю монету жалеешь?! Неблагодарные люди! Как что, сразу бежите – помощи! Выручи! Ай-ай! А как вылечил, начинаете канючить: де-е-енег нет, де-е-енег! Так иди и заработай, раз нет! Или подыхай!

– Ты чего разошелся-то? – слегка растерялся Урхард и, нахмурившись, спросил: – А как тогда с долгом лекаря? Вы же должны жалеть людей, лечить их! У самого-то сердце не екает, когда отказываешь больному, у которого нет денег на лечение?

– Всех не вылечишь, – скривился маг, – я бесплатно не работаю. Мне тоже надо как-то жить. Дом хороший, лошадей, повозку удобную, слуг, жену содержать, пару любовниц. Детей – само собой, кому-то же надо подзатыльники давать... маленькие чудовища. В общем, ты за свои товары деньги берешь, а почему я должен продавать свои услуги бесплатно?

– Не знаю... мне кажется, тут немного другое дело. И вообще, чего ты разговор завел? Из-за половинки золотого, что ли? Да отдам я тебе, не ной! Два дома имеешь, табун лошадей, ешь-пьешь на серебре и злате, и все мало?! Хватит, дело делай!

– А ты мои деньги не считай! – огрызнулся лекарь, профессионально ощупывая плечи Андруса. – Свои считай! Я дело свое знаю! В общем, не надо ему никакого лечения. Отдых и много еды. Учти, не будешь его кормить как следует, он может умереть. Парень должен есть много, постоянно, по крайней мере пока не восстановит нормальную форму. Сейчас он балансирует на краю пропасти. Недавно случилось что-то такое, что забрало у него массу сил, просто огромное их количество, и он едва не загремел в яму. Что случилось – тебе, как вижу, ведомо, а мне неинтересно.

Еще есть вопросы?

– Осмотри меня. – Урхард решительно сдернул куртку и рубаху. – Что видишь?

– Мужчину не первой молодости, украшенного кучей шрамов, – усмехнулся лекарь. – Для своих лет ты в хорошей форме и, как мне кажется, довольно прилично похудел. Кожа ослабла. Оп! Интересно, как ты выжил после такого ранения в живот?! Кто тебя лечил? Шраму лет десять? Больше?

– Лет десять, говоришь? – посерьезнел Урхард. – А что скажешь насчет этих шрамов – вот и вот?

– То же самое. Залечены давно, чисто. А вот как с животом? Кто этот умелец? Как ты умудрился выжить? Так кто лекарь?

– Есть такой, – усмехнулся Урхард. – Не скажу. И не зазнавайся – не один ты такой знаменитый лекарь.

– Хотел бы я пообщаться с этим человеком, – пробормотал маг, задумался и, опомнившись, снова заговорил о деле: – В общем, так: все перевертыши обладают огромными способностями к восстановлению, если у них есть питание. Убить их невероятно трудно. Чтобы у твоего парня остались такие шрамы, он должен был быть весь переломан. Избит, как под горным камнепадом. Но выжил. Корми, пои – и получишь великолепного жеребца для своей дочери. Все, моя работа окончена!

Лекарь протянул руку за спину, Урхард вложил в узкую ладонь две монеты, и через минуту мага как ветром сдуло из маленькой комнаты.

– Давай-ка одеваться! – Урхард приподнял с кровати Андруса, голова которого раскачивалась из стороны в сторону, и медленно и осторожно стал одевать.

В голове постепенно прояснялось, слабость и дрожь отступали. Андрус отяжелел от съеденного и выпитого и жевал по инерции, без аппетита, как лекарство, поглощая мясо кусок за куском, под внимательным взглядом Урхарда.

Наконец совать съестное было уже некуда: непереваренные куски чуть ли не подкатывали к горлу, и тогда Андрус запротестовал, отодвинув чашку, к которой так и тянулись его руки. Мозг требовал еды, но желудок не справлялся с таким ее количеством. Нужно было выждать хотя бы полчаса.

– Ну что, в силах говорить? – Урхард огляделся по сторонам, убедился, что их никто не подслушивает, и снова обернулся к Андрусу. – Ты что-то помнишь? Помнишь, как меня лечил? Что ты сделал? Как ты сумел? Расскажи! Я сгораю от любопытства! Ты маг? Лекарь? Что ты вспомнил?

На каком языке ты говорил? Что это было?

– Я ничего не могу тебе сказать, – медленно ответил Андрус, вытирая губы запястьем руки, перевитой мощными венами. – Прости.

– Не можешь или не хочешь? Не помнишь или не считаешь меня достойным того, чтобы сказать? – нахмурился купец.

– Я ничего от тебя не скрываю. Просто мне нечего сказать. Когда ты умирал, я был в таком отчаянии, так перепугался, распереживался, что вдруг увидел вокруг тебя свечение, будто... я не знаю, как объяснить. Ты светился. А где раны – свечение было красным и черным. И тогда я понял – надо забрать болезнь на себя. И я забрал. Как? Ну что я могу тебе сказать? Если сам не знаю... А про язык вообще ничего не знаю. Мне снились сны... кошмары. В них я воевал. Где – не знаю. Кем, как – не знаю. Странная одежда – вся в пятнах... странное оружие – трубки, выбрасывающие маленькие снаряды. Станные телеги – они двигаются сами, без лошадей. Я знаю, что это моя жизнь, знаю, что был там, что для меня все это было нормально, но ничего не могу пояснить. Смотрю, как на тени на стене, и ничего не могу сказать. Моя жизнь сейчас здесь, другая, понятная, хоть и довольно беспокойная. Та жизнь – странная и страшная. Я не хочу той жизни!

– Ладно... извини. Все любопытство. Но давай рассуждать – если ты умеешь лечить людей, ты представляешь...

– Не умею, – отрезал Андрус. – После того как я тебя вылечил, едва не ушел на тот свет. Не умею! Сколько я был без сознания?

– Сутки, – вздохнул Урхард. – Сутки ты был без чувств. Я побежал за этим выжигой, боялся, что ты загнешься. Кстати, он и правда лучший лекарь в мире. Он таких безнадежных больных вытаскивал – никто не верил. Как человек – полное дерьмо. Впрочем, таких много, мне кажется, большинство.

– Потому что содрал с тебя два золотых? – усмехнулся Андрус и снова пододвинул к себе чашку с мясом и острым соусом, пахнущим пряной травой.

– Да нет, – серьезно ответил Урхард, – не в этом дело. Все мы делаем деньги и этим живем. Но мне кажется, что нельзя быть таким бесчувственным, когда лечишь людей. Нельзя быть таким злым, таким стяжателем... таким... не знаю, как сказать.

– Я понял тебя, – с набитым ртом пробормотал Андрус. – Скажи, а где мы сейчас находимся? Вообще, что это такое за заведение?

– Трактир. Гостиница. Сюда мы и ехали, – пожал плечами купец. – Очень хорошее, приличное заведение. В основном останавливаются купцы.

Сейчас все в лавках, разбежались по делам, но к вечеру соберутся, и вот тогда начнется! Игра в кости, танцы, выпивка... А потом комедианты подтянутся, будут показывать всяческие трюки, весело!

– А ты чего не разбежался по делам? – подмигнул Андрус. – Ты не забыл, для чего мы сюда приехали? Что-нибудь сумел сделать?

– Все сумел сделать! Это только дураки бегают без толку. А я нашел агента, он разослал своих людей по городу и сейчас подбирает мне лавку и дом. А вот что касается тебя... тут нужно подумать. Пока я не готов тебе что-то сказать. Тем более только пару часов назад ты лежал пластом и был похож на покойника, так что говорить о том, что ты готов работать, было бы преждевременно. Ты ешь, ешь! Лекарь велел тебе есть, и побольше. Хочешь еще чего-нибудь вкусненького? Бараньи ножки со специями? Как они тебе? Здесь добавляют в соус травку из Леса, называется она горгонола – у соуса особый вкус! Замечаешь? Вот. Ешь, ешь... набирайся сил.

Шанти медленно и бесшумно поднималась по узкой лестнице на крышу. Сейчас она выглядела как большая черная кошка, гибкая, искристая и гладкая. Некогда в таком виде драконица преодолела две страны, путешествуя на плече друга, так что прыгать в кошачьем облике ей было несложно. И даже приятно – вспоминалось, как они с Андреем странствовали по миру, хорошие были времена!

Она невольно вздохнула и стрелой взлетела по ступеням, удостоверившись, что ее никто не видит. Впрочем, даже если и видит, что он расскажет? Что видел большую черную кошку, превратившуюся невесть во что? Кто ему поверит?

Шанти вдохнула ночной воздух, насыщенный запахами сада, цветущего вокруг дворца, и вздрогнула – ветер подул со стороны дворцовой площади, и это было противно. У кошек очень острый нюх, гораздо чувствительнее человеческого, а тут будто по носу врезали поленом – запах нечистот, пота, прогорклого дыма. Так пахла армия мятежников, обложившая дворец.

В ночной тьме разносились гулкие удары – мятежники пытались выбить ворота своим дурацким тараном. Шанти презрительно усмехнулась – лучше бы башками своими глупыми били! Все больше пользы. Это надо же – в окованные железом ворота и долбать обычным бревном! Ну не идиоты ли?! Потом задумалась: может, не так и глупы? Время тянут, показывают хозяевам, как прилежно трудятся. Ждут магов...

Горели костры, вокруг них сидели и лежали солдаты, глядя в огонь,

пожирающий остатки смолистого дерева, ранее росшего рядом, на газоне, вытоптанном и превращенном в помойку. Далеко в городе шумела толпа, громящая лавку бакалейщика. Сам он давно уже покинул негостеприимную столицу, спрятавшись в пригороде, а лавка долго оставалась недоступной погромщикам, все больше и больше привлекая внимание именно своей недоступностью – ведь просто так не будут закрывать окна стальными ставнями? Значит, есть что-то ценное! Одержимая жаждой наживы толпа все-таки вломилась в лавчонку, но не обнаружила ничего, кроме полупустого мешка с овсяной крупой да пары мешков с мукой, тронутой жуками. Лавочник успел вывезти товар, будто в насмешку оставив погромщикам непригодную для еды дрянь.

От полноты чувств один из погромщиков двинул своего товарища в спину, попав кулаком точно по чирью, благодатно устроившемуся под лопаткой. Тот взревел, обернулся к обидчику и так врезал придурку, что сломал нос, и по тронутой прыщами физиономии потекли ручейки крови.

Побитый упал на другого погромщика, тот бросился на первого, тоже получил, за первого вступился его двоюродный брат, наподдав нападавшему еще раз, за того вступились двое друзей... и пошла потеха! Драка переросла в настоящее побоище – с воплями, стонами и визгом женщин, участвовавших в грабеже наравне с мужчинами.

В этой банде насчитывалось человек сорок, объединившихся ради грабежа. Большинство из них или не знали друг друга раньше, или почти не знали, лишь изредка встречаясь на улицах огромной столицы. Сейчас они разделились на мелкие группы и резали своих соратников со всей яростью голодных разочарованных людей.

– А-а-а! Смотрите! Демон! Демон! – вдруг завопила одна из женщин, завизжав так пронзительно, что перекрыла шум драки.

Дерущиеся замерли, подняв головы к небу, их челюсти отпали, обнажив черные, изъеденные кариесом зубы. В темноте это, конечно, было не видно, но запах гнилых зубов, напоминающий запах трупа, пронесся над толпой, когда они все выдохнули в едином порыве, завидев летящее чудовище, и отпугнул бы даже бродячую собаку, питающуюся объедками у лавки мясника. Проводив глазами демона, сверкающего в свете пожара щечусей, грабители разбежались по переулкам, справедливо решив, что в этот час лучше находиться подальше от дворцовой площади, куда, собственно, и летел демон. Горожане чутко ощущали, когда стоило соваться на улицу, а когда нужно забиться в темный угол и сидеть тише мыши.

Солдаты уже спали возле костра вповалку, когда один из них, худой,

неопрятный парень, завербовавшийся в наемники откуда-то из глухой деревни, сел и начал сосредоточенно доставать из подмышки вошь, укусившую его так, что он долго расчесывал место укуса и ругался сквозь зубы. Один из соседей поднял голову и обложил мешающего спать деревенщину руганью, а затем в парня полетела пустая фляга, угодившая ему точно в лоб. Ее сопровождало обещание перерезать ослоухому придурку горло, если он завтра же не избавится от насекомых, которые могут с него, проклятого животного, переползти на товарищей, а им это совсем даже не в удовольствие. И пошел вон отсюда, проклятый козел!

«Проклятый ослоухий козел», кляня себя за принятое спяну решение завербоваться в армию мятежников, поднялся и побрел к газону, рассчитывая найти там более-менее свободное от дерьма местечко и поспать остаток ночи.

Это его и спасло.

Огромная тень закрыла небо, и оттуда полились потоки пламени – сине-белого, страшного, сжигающего все на свете. Стена пламени встала рядом с жалким вшивым крестьянином, волей судьбы занесенным в центр мятежной столицы, и спалила всех, кто оказался на ее пути.

Люди сгорели мгновенно, оставив после себя кучку пепла. Они даже не почувствовали боли, при такой перегрузке рецепторов тело не успевает подать сигнал в мозг, тоже сгоревший за секунду. Первый же поток пламени спалил не менее сотни человек, прочертив на площади огненную дорогу, ставшую дорогой смерти для десятков людей, вознесшихся на небеса.

– Вон отсюда, проклятые! Все вон, злоумышлявшие против императора! Смерть, смерть идет за вами! Вы будете гореть заживо, твари! Вон, и никогда не возвращайтесь сюда! Боги требуют повиновения императору, ничтожные гады! Я посланец богов!

Фшшшшшшшш! Еще одна река пламени пересекла площадь, проложив в толпе бегущих, вопящих от ужаса, обезумевших людей еще одну страшную просеку, заполненную пеплом и костями тех, кто решил слегка повоевать и пограбить под шумок мятежа. Как же они ошиблись... лучше бы охраняли караваны или, наоборот, грабили их, выскакивая из леса как стая волков. Теперь лишь кости да раскаленные клинки, вишнево светящиеся в темноте, указывали, что здесь когда-то были люди. Почему-то никто и никогда не верит, что именно он может быть убит, став поживой для червей. Здесь же даже червям совсем ничего не досталось.

Через несколько минут на площади вокруг дворца остались лишь обугленные кости да раздавленные бегущей толпой несчастные,

оказавшиеся не в то время не в том месте.

Убедившись, что мятежники бегут, заполнив улицы, прилегающие к площади, Шанти сделала еще заход и слегка подогрела их усердие в беге страшным ревом и проклятиями тем, кто злоумышляет против богоданного императора. При этом драконица приняла на себя роль посланника божьего, кары небесной за прегрешения нечестивых бунтовщиков.

Сделав круг, драконица активно заработала крыльями и через несколько минут была возле дворца, где жил один из предводителей мятежа. Шанти не пожалела пламени и начисто спалила все, что находилось в поместье. Был ли дома хозяин, Шанти не знала. Надеялась, что был. А если и не был, то после того, как узнает о случившемся, негодяй будет сидеть в какой-нибудь темной дыре и трястись от ужаса, ожидая визита крылатого вестника смерти. Возможно, сегодняшняя акция отобьет у него желание устраивать заговоры. Ведь как-то не очень приятно знать, что в любой момент можешь превратиться в горстку пепла.

Этой ночью запылали три дворца, очень скоро превратившиеся в обугленные, оплавленные развалины, засыпанные белым пеплом... Три предводителя мятежа лишились своих поместий и имущества. Драконица отработала по полной, за одну ночь лишив мятеж шансов на успех.

Жалела ли она тех, кто погиб во дворцах? Шанти запрещала себе думать на эту тему. Ей было нужно каленым железом выжечь демонскую заразу, чтобы заражение не распространялось дальше на всю страну. И она выжигала. Сомнения, переживания, раскаяние – все потом. Если они будут. А сейчас главное – не перепутать и точно следовать плану, нарисованному Шуром. Шанти очень надеялась, что начальник тайной стражи не ошибся и точно указал на плане дворцы мятежников.

Нынешнее пробуждение было вполне приятным. Ночью ничего не снилось, выспался, даже в туалет не поднимался, и это при том, что вчера съел невероятное количество пищи – в основном тяжелой, мясной. Организм перерабатывал получаемую еду практически безотходно, пуская в дело все до последней крошки.

Живот уже не был таким впалым, руки всего за ночь стали толще, как и плечи, шея. Андрус легко поднялся с кровати, вскочил, проделал несколько упражнений, разгоняя кровь. Он двигался плавно и быстро, перетекая из стойки в стойку, и кровь пела, толкаемая по жилам сердцем, великолепным, сильным, какое бывает у зверей, выросших на просторах прерий. Мозг был чистым, светлым, все казалось простым и ясным – скоро придет Урхард, они отправятся в город и найдут Андрусу работу. Потом

сюда переселится семья Гирсе, и... а что дальше? Что дальше думать не хотелось. Даже если голова светлая и ясная. Впрочем, светлым может быть и пустое ведро, ожидающее наполнения колодезной водой...

Андрус оделся, выглянул в окно – судя по положению солнца, близится полдень, а Урхарда все нет. Пойти к нему? Тот устроился через две комнаты, дальше по коридору. Почему он не пришел?

Едва Андрус, намереваясь выйти в коридор, взялся за железный запор, как снаружи в дверь осторожно постучали, скорее даже поскреблись.

Он толкнул дверь, и перед ним возник мальчишка лет двенадцати – обычный уличный бродяжка, каких много в любом городе. Мальчишка смотрел с легким испугом, видно было, что ему не по себе. От него шла волна страха, удовольствия (что-то получил?), а еще – удовлетворения собой.

– Ты Андрус? – спросил важно мальчишка и замолчал, осматривая мужчину с ног до головы. – У меня для тебя сообщение.

– От кого? – насторожился Андрус, и в груди у него заныло. Сердце чуяло беду. В городе он никого не знал, и отправить ему сообщение было некому, кроме как Урхарду. А раз тот сам не явился, значит, не смог. Почему не смог? Это должно было быть что-то совершенно неожиданное и неприятное, чтобы заставить купца отказаться от выполнения обещания.

– От бородатого мужика! – выпалил мальчишка, подмигивая. – Его взяли на улице у трактира, он кинул мне серебреник и сказал, чтобы я нашел тебя в гостинице и сообщил. Его звали... Урхарат... Урхард! Вот! Вот я и нашел и сообщил. Все! Я пошел.

– Стой! – Андрус схватил попытавшегося улизнуть мальчугана за руку. – Ты не все сказал! Кто взял бородатого мужика? Кто это были?

Андрус спрашивал, а сам уже знал ответ, но этот ответ ему очень не нравился, очень!

– Не знаю, – равнодушно пожал плечами мальчишка. Он понял, что сбежать не удастся и придется долго объяснять бестолковому мужику, что почем. – Бойцы. Цвета у них вроде как главы клана. Окружили, наставили копья, мечи – он крикнул мне, кинул монетку, а потом его повязали. Все, больше ничего не знаю. Посадили в закрытый фургон и увезли. Все.

– Стража? Это была стража?

– Да кто ж их знает? – фыркнул мальчишка. – Может, и стража. Все, пусти! Мне идти надо!

– Иди, – кивнул Андрус, выпустил руку гонца, и тот исчез за порогом, будто растворившись в воздухе. Видать, побежал тратить свой серебреник – в городе столько соблазнов, трудно удержаться, чтобы не потратить

лишнюю монетку.

Андрус запер дверь, уселся на кровать и стал обдумывать случившееся.

«Взяли Урхарда. Значит, кто-то его узнал и доложил понятно кому. И что теперь делать? Брать штурмом дом негодяя? В одиночку? С мечом и кинжалом? Говорил ведь, валить надо из этой местности, и поскорее! Имя, имя! Родовое имя! Толку-то в этом имени, если ты труп? Ну на кой демон трупу имя? Имя нужно живому, и то лишь для того, чтобы его можно было отличить от других людей. Не понимаю такого отношения к набору звуков.

И что мне теперь делать? Вырезать весь гарнизон я не сумею, даже если попытаюсь ворваться в дом Идраза... Я тут один, без денег, без снаряжения. Всего имущества – меч. Кинжал и... стоп! Чего там купец говорил о меняле, который хранит деньги Гирсе? Пойти к нему, взять денег, и... а что – «и»? Куплю стражу, что ли? Урхард уже в темнице. Вряд ли Идраз сразу убьет. Скорее всего будет держать в неволе и глумиться.

Ладно, надо подумать, как мне добраться до Урхарда. Что-то ничего в голову не идет... не идет, не идет... вот! Надо идти! Идти туда, дожидаться удобного момента и освободить Урхарда, а по возможности грохнуть его извечного врага. Простенько, но красиво. Как проникнуть во вражеское гнездо? Тоже несложно – наняться на работу. Например, бойцом. Судя по рассказам Урхарда, у них тут постоянная нехватка воинов. Время от времени кого-нибудь из них пришибают, так что бойцы всегда требуются. Ну все, решено. Чтобы найти Урхарда, надо идти к врагу. И не мешкать».

– Ты кто?

– Человек.

– Ясно, что не пес! – хохотнул охранник у ворот. – Хотя... иногда выглядит как человек, а на самом деле – пес смердячий. Как мой сосед. Воняет – суцая псина. Как-то ему говорю: «Ормус, ты...»

– Заткнись! Чего разболтался на посту?! – Мужчина с холодными серыми глазами пристально посмотрел на чужака. – А ты чего тут вынюхиваешь? Кто таков?

– Хочу устроиться на службу. Я боец.

– Боец? – усмехнулся сероглазый. – Все так говорят. Даже вот этот придурок, раскрывающий свой поганый рот во время дежурства. Кстати, штраф тебе два серебряника.

– За что?! – обиженно пробубнил детина на воротах, недобро косясь на Андруса. – Я всего лишь допросил парня!

– Для допроса ты рассказывал ему о своем вонючем соседе? Три

серебреника за нарушение на посту и пререкания с командиром. Еще вопросы будут?

– Проклятие! – с чувством сплюнул охранник и снова покосился на Андруса: – Ты принес мне неудачу, противная твоя рожа!

– Не противней твоей, – усмехнулся Андрус, глядя на толстошее, прыщавое лицо охранника. Тот обиженно надул губы, отчего его лицо с печатью какой-то детскости стало совсем молодым и глупым.

– Иди за мной, – велел командир и, повернувшись, шагнул в калитку, прорезанную в окованных сталью воротах. Андрусу ничего не оставалось, как пойти за ним.

Огромный двор был безлюден, и только в дальней его части десятка три охранников, одетых в полный доспех, тренировались, разбившись по парам. Одни нападали, другие отражали нападение – палки, изображающие мечи, гулко стучали по щитам и панцирям, стоял такой грохот, что Андрус невольно поморщился и посочувствовал хозяину дома, вынужденному жить в таком шуме. Впрочем, возможно, что с другой стороны огромного дома шум и не слышен. Все зависит от толщины стен.

Завидев провожатого Андруса, охранники прервали тренировку, но тот равнодушно махнул рукой:

– Занимайтесь. Хогнан, иди сюда.

– Слушаю, командир! – Высокий седоватый мужчина ударил себя кулаком в грудь и замер, глядя в лицо начальнику.

Тот внимательно посмотрел на застывшего перед ним вояку и, будто убедившись в том, что облик того соответствует понятию «настоящий боец», слегка кивнул:

– Хогнан, тут к нам новобранец просится. Сказал, что он боец. Проверь его. И покажи, что такое настоящий боец. Оружие у него настоящее, рожа соответствует, но частенько наружность и содержание сильно отличаются.

– Сделаем! – с готовностью кивнул вояка, разглядывая Андруса, как солдат вошь, опрометчиво выползшую по его мозолистой руке на белый свет. – Эй, придурок, бери меч! Дурак, не свой! Деревянный бери – вон, под навесом, в стойке! Сейчас будешь драться со мной, и, если устоишь триста ударов сердца, ты принят. Если не устоишь – я избыю тебя до полусмерти, отберу меч и кинжал, а потом вышвырну за ворота!

– И что, вы всех так встречаете? – нахмурился Андрус.

– Нет, – равнодушно пояснил командир, – только тех, кто называет себя бойцом. Потом поговорим с тобой. Если выживешь. Бери меч, и хватит болтать – приступай. Остальные могут пока отдохнуть и посмотреть

на поединок.

Хогнан объявил перерыв, объяснил стражникам, что происходит, и те, радостно галдя, устроились под навесом, переругиваясь из-за удобных мест. Тут же начали делать ставки, впрочем, почти никто не ставил на чужака, как видно, Хогнан был знатным поединщиком.

Андрус слегка затосковал – его умения мечника, как ему виделось, не хватало, чтобы устоять против профессионала, не используя способности перевертыша. А эти самые способности он не хотел показывать раньше времени – чем позже о них узнает враг, тем лучше. Нужно притвориться простым рубакой, зачем выдавать свое главное оружие – сверхскорость? И ведь позволить избить себя нельзя – выкинут, а он не для того сюда пришел.

Андрус подошел к стойке, выбрал «меч» длиной с руку и вернулся на площадку, сопровождаемый сочувственными взглядами стражников. Они переговаривались, хихикали, показывали на него пальцами, и Андрус чувствовал себя комедиантом, похожим на тех, что вчера видел в трактире.

– Сними свой меч! – потребовал Хогнан. – Вдруг ты вздумаешь за него схватиться, я не хочу рисковать. Да и потом не придется его с тебя снимать, когда буду выбрасывать за ворота.

– Долго говорите! – прервал командир. – Снимай меч и готовься к бою, ну!

Андрус потянулся к поясу, на котором висел меч, но рука его застыла в воздухе, когда он услышал приятный, бархатный голос:

– И что тут происходит?

– Испытываем новобранца, господин! – вытянулся в струнку командир стражников. – Говорит, что он великий боец! Решили его наказать, заодно будет урок остальным!

– Новобранец, говоришь? – медленно переспросил человек, подходя и останавливаясь в десяти шагах от противников. – И откуда ты такой, новобранец? Рожа у тебя странная... Как твое имя?

– Ан... рис! Анрис меня звать! – сообщил Андрус.

– А я его знаю! – внезапно заявил кто-то из свиты хозяина дома. – Я видел его! Он вчера сидел в трактире рядом с Урхардом! Это его человек! Это Андрус!

– Вот как? – непритворно и приятно удивился хозяин дома. – Друг Урхарда?

– Зять! – ухмыльнулся мужчина. – Я нашел лекаря, которого они вызывали в гостиницу, и тот мне все рассказал! Помнишь лекаря-мага, худого такого? Вот он и был у Андруса!

У Андруса похолодело в животе. Всё?!

– Да, это зять Урхарда! В дороге их помяли, и пришлось парня лечить! Я лекарю пообещал морду разбить, и он мне все выложил!

– Болван! – снисходительно покачал головой хозяин дома. – С лекарем так нельзя. А если бы он наслал на тебя какую-нибудь болезнь? Проклятие? Это же маг!

– Ну, ты бы, господин, за меня отомстил, правда же? – подмигнул мужчина, и хозяин дома весело расхохотался, хлопнув его по плечу.

– Болван! Тебе-то что тогда было бы от этой мести, если бы ты заживо сгнил?!

– Ну не сгнил же! – усмехнулся мужчина. – Никакой маг не пойдет против тебя, мой господин! А я твой человек, и все это знают!

– Это верно, – довольно кивнул собеседник, потряхнув русыми волосами, расчесанными на прямой пробор. – Ну что, зятек, ты зачем сюда пришел? За тестем? Так он считай что покойник. Ты решил пробраться в мой дом, втереться ко мне в доверие и освободить своего родственничка? А что, хороший план. Только ты своей глупой башкой не сообразил, что мы следим за ним все время, что он тут находится. Мне сразу же сообщили, когда он приехал. И тебя заметили, да. Человека с такой рожей трудно не заметить... Как хорошо! Как замечательно все складывается, не правда ли?

Андрус присмотрелся к лицу этого человека и обнаружил верные признаки ненормальности – лицо подергивалось, по нему будто пробежали волны. Глаза, слегка раскосые, были неподвижны, будто на Андруса смотрел не человек, а змея, фиксирующая жертву взглядом. Мужчина то улыбался, то вдруг его улыбку заменял оскал, обнажавший желтоватые, кривые зубы. Толстый язык, обметанный белым налетом, периодически облизывал тонкие губы так, будто те были намазаны чем-то сладким.

– Где Урхард? – спокойно спросил Андрус, незаметно осматриваясь и просчитывая пути отхода. Даже при его скорости перевертыша, возможно, у него не хватит сил, чтобы убить всех, кто тут находится. А если даже и хватит, непонятно, где сейчас Урхард, и, если Андрус сбежит, тому точно придет конец.

– Урхард? – переспросил Идраз. – В темнице, конечно. И ты скоро к нему отправишься. Взять его!

Жар. Вся кожа зачесалась, загорелась огнем. Мысль: «Какие они медлительные!» А еще: «Хорошо, что я так много съел вчера вечером, есть запас энергии!»

Меч выходит из ножен медленнее, чем хотелось, его будто бы кто-то держит – законы природы не отменишь, нужно приложить много усилий,

чтобы сдвинуть какой-то предмет в пространстве, и чем быстрее ты хочешь это сделать, тем больше нужно усилий. У обычного человека давно бы с сухим треском переломились кости руки, с усилием вырывающей меч, лопнули сухожилия, порвались бы красные волокна мускулов. Но Андрус не обычный человек. Усиленное мутацией тело справилось с перегрузками – как и всегда, как и раньше.

Меч без замаха врезается в подмышку Хогнана, занесшего над Андрусом тяжеленную тренировочную палку. В умелых руках этот кусок дерева может быть страшным оружием, а руки Хогнана, без сомнения, умелые – не зря его поставили тренировать отряд охранников. И он быстр, очень быстр, возможно, быстрее, чем был бы Андрус без боевого режима. Настоящий профессионал-мечник, посвятивший всю свою жизнь мечному бою.

Сейчас он умирал, выбросив фонтан крови из подмышки – меч прорубил кольчугу в самом ее уязвимом месте, рассек мышцы и как молотом ударил по ребрам, прикрывающим сердце. Ребра не выдержали удара острейшего клинка, сделанного одним из лучших мастеров континента, меч разрубил кости и дошел до большого пульсирующего комка, коснулся его и вошел почти наполовину. Сердце, бившееся в боевом ритме, завершило разрушение, разорвав само себя в бессмысленной попытке все-таки протолкнуть кровь по сосудам.

Мозг Хогнана еще не знал, что тело практически умерло. Хогнан не успел даже опустить палку на то место, где только что находился Андрус, когда тот выдернул свой меч из тела противника и шагнул в сторону, пропуская мимо тела клинок командира стражников.

Удар! Рука воина с зажатым в ней мечом отлетела в сторону, обратным движением меч снес противнику полголовы, забрызгав мозгами стоявшего в оцепенении Идраза и его пятерых телохранителей.

Мозг работал четко, и Андрус сразу понял, что следует сделать, – он бросился вперед, мощнейшими ударами свалил двух телохранителей, прорубаясь сквозь броню и мечи, не выдерживающие ударов великолепного клинка Андруса. Спасибо Урхарду! Не пожалел денег на меч!

Трое оставшихся в живых телохранителей задержали его не больше чем на две секунды. Дорога к телу их хозяина была открыта. Тот уже был шагах в двадцати – сообразив, что дело худо, Идраз, не мешкая, бросился наутек, к дому, ища спасения за толстыми дубовыми дверями, окованными железом.

Андрус догнал его, как кошка догоняет мышь, ударом ладони по

затылку выключил сознание и, забросив Идраза на плечо, побежал к дому. Теперь у него есть заложник.

Дверь распахнулась, выпустив на волю двух бойцов – один с мечом, другой прилаживал на тетиву длинную стрелу с бронебойным наконечником. Первый умер сразу, получив клинок в глаз, второй с рассеченным животом свалился со ступенек и замер в вишнево-красной луже крови, медленно расплывающейся на пыльных камнях двора.

Быстро – засов!

Нашел механизм закрывания. Оказалось, здесь особая система, все непросто: вращаешь ручку – выдвигаются стержни и уходят в стены, в стальные косяки. Но засов есть, и это хорошо. Пока разобрался бы с механизмом двери, могли ворваться в дом. А сейчас они только бессмысленно долбят снаружи да вопят. Пусть себе вопят, надо же куда-то выплеснуть досаду и злость!

Огляделся по сторонам, увидел портьеру на стене, сорвал, полоснул лезвием меча, вырезая длинные ленты. Дверь, которую прикрывала портьера, распахнулась, и выскочили двое мужчин – полураздетые, в одних штанах, с мечами в руках. Кто они были – охранники, отдохавшие после дежурства, слуги, решившие проявить героизм, – Андрус так и не узнал. Эти люди погибли за одну секунду: двумя молниеносными движениями боец отсек одному голову, другому вонзил меч в сердце. Они еще не упали, а Андрус вернулся к занятию, от которого его оторвали, – связал Идразу ноги и руки, оттащив его к стене. Затем вышел из боевого режима.

Накатила легкая слабость, и Андрус присел на стул. Захотелось есть, но он пересилил желание отправиться на поиски еды, заставив себя обдумать положение. А оно было просто аховым. Все зависело от того, как глава клана относится к своему брату. Если ему наплевать, жив тот или мертв, значит, и Андрус, и Урхард, считай, мертвы. Если же глава ценит брата, тогда... тогда есть надежда.

Андрус осмотрелся: большая комната, окошки маленькие, наверху – пролезть сквозь них нельзя. Света пропускают очень мало, в комнате сумрак, можно сказать – тьма. Вдруг отметил – он видит в темноте! Правда, все черно-белое, но видит он четко, как днем! «Возможно, это умение, присущее перевертышу», – подумал Андрус, и его мысли вернулись к тому, как сейчас обезопасить себя, не дать захватить с тыла. Вряд ли вход в дом один, их должно быть по меньшей мере два. И кроме того, в доме должны быть слуги, а значит, нужно «зачистить» территорию.

Он поднялся со стула и, держа наготове меч, вышел в коридор, прислушиваясь и приносясь к тому, что происходило в доме. А еще –

ощупывая пространство на предмет спрятавшихся охранников.

Как ни странно, в огромном доме было пусто и тихо. Похоже, что челядь сбежала, не дожидаясь встречи со странным убийцей, – кипела вода в котлах на кухне, пылало пламя в очаге, но ни одного слуги не было видно, и ничьи эмоции не ощущались в пространстве по эту сторону двери.

Андрус нашел еще два входа, закрытые такими же мощными дверями, как и основной, поднялся на крышу – плоскую, как и положено дому, который может служить укреплением, защитой для своих хозяев. Когда Андрус выглянул из-за парапета, кто-то из собравшихся во дворе людей его заметил – начали свистеть, показывать пальцами, и рядом пролетели две стрелы, пущенные откуда-то сбоку, от ворот.

Андрус погрозил стрелкам кулаком, чем вызвал бурю негодования у оскорбленной толпы стражников. Дождавшись, когда шум утихнет, Андрус набрал в грудь воздуха и закричал:

– Переговоры! Я хочу переговоров! Мне нужен Урхард, живой и здоровый, и тогда я выпущу вашего хозяина! Если с Урхардом что-то случится или вы попыгаете штурмовать – вы получите вашего Идраза мертвым, я разрежу его на кусочки! Как только я получу Урхарда, мы уйдем из города! Подготовьте лошадей, крытый фургон, продовольствия на месяц и не препятствуйте выезду! Через час я отрежу вашему Идразу ухо, а потом буду отрезать от него по кусочку до тех пор, пока он не умрет в муках! Время пошло!

Стражники загалдели – когда Андрус начал говорить, они затихли и наступила гробовая тишина, прерываемая лишь свистом ветра да лаем заполошной собачонки где-то за углом, на пустыре. Теперь же все старались перекричать друг друга, и разобрать что-то было невозможно. Да в общем-то и не хотелось. Информации в крике не было никакой. Этой толпе нужно было время, чтобы выбрать какого-нибудь вожака, и тот наведет порядок. И первое, что они сделают, – пошлют гонца к главе клана, чтобы тот решал, что делать, как освобождать брата.

Получится ли то, что он задумал, Андрус не знал. Но другого способа освободить Урхарда не видел. Все было очень, очень плохо и... шатко.

Глава 9

– Эй, на переговоры!

Андрус как раз нагнулся над пленным, чтобы пощупать у него пульс. Пульс прослушивался хорошо, но Идраз почему-то до сих пор был в отключке – видно, Андрус приложил его слишком сильно. Если Идраз умрет – и прикрываться будет нечем, и Урхарда выручать непонятно как. Только напролом, но... сил не хватит.

– Подойдите к двери! – крикнул Андрус и опрометью бросился наверх, на крышу. Пригнувшись, подобрался к парапету и осторожно выглянул.

По двору сновали люди – возможно, готовились к штурму. Среди этой суеты выделялся человек, вокруг которого образовалось пустое пространство, будто все боялись к нему подойти или хоть как-то задеть. Человек стоял спокойно, отставив правую ногу чуть вперед, и похлопывал по голенищу мягкого сапога тонкой палочкой, на конце которой болтался ремешок. С крыши не было видно лица, но фигурой мужчина был очень похож на Идразу – скорее всего, это был его брат, Эдраз, глава клана.

– Эй ты! Давай разговаривать! – завопил человек у дверей.

Андрус на секунду выглянул, посмотрел на переговорщика и так же громко закричал в ответ:

– Я буду разговаривать только с самим главой клана Эдразом! Больше ни с кем! Обещаю, что во время переговоров с ним ничего не случится! По крайней мере по моей вине! Пусть не боится!

– Владыка Эдраз ничего не боится, болван! – оскорбленно крикнул переговорщик. – Он считает ниже своего достоинства разговаривать с безродным чужаком! Говори, что тебе надо, и поскорее!

– Пусть подойдет Эдраз! – снова потребовал Андрус. – Если через сто ударов сердца его не будет у дверей, я выброшу к его ногам ухо брата! Если он хоть как-то ценит своего брата – пусть подойдет!

Мужчина, которого Андрус выделил из толпы, решительно направился к дому и замер в десяти шагах от крыльца. Поднял голову и с минуту пытался рассмотреть Андруса, укрывшегося за парапетом. Не будь дураком, тот старался не высовываться – кто знает, может, тут есть умельцы, попадающие стрелой стрекозе в глаз. Чего зря рисковать?

– Эй ты, Андрус! – крикнул мужчина, голос у него был точь-в-точь как у Идразу. – Отпусти брата и уходи! Я ничего тебе не сделаю и не буду тебя преследовать.

«Как же! – подумал Андрус. – Нашли идиота!»

– Если ты причинишь ему хоть какой-то вред, я вытяну из тебя жилы. Живьем. Выпущу кишки и намотаю их на шею. Вырву ногти, отрежу...

– Хватит! – насмешливо крикнул Андрус. – Я знаю, что ты любитель пыток. В общем, так – твой братец захватил близкого мне человека, Урхарда. Я требую, чтобы мне его отдали. Подгоните фургон, загрузите туда продуктов и питья – на месяц. Нам долго ехать. Мы погрузимся в фургон и уедем из города. И чтобы ни одна сволочь нас не преследовала! Потом, когда я буду уверен в отсутствии опасности, отпущу твоего брата. Других условий не будет. Если вы попытаетесь напасть или причинить вред мне, Урхарду, его родне, твой брат умрет. Все ясно? Ведите ко мне Урхарда, кстати, если он мертв – считай, что и брат твой мертв.

– Хорошо. Я подумаю, – резко бросил Эдраз. – Что касается Урхарда, он в темнице, вход из дома, так что сам ищи.

– Буду искать, – хмыкнул Андрус, – только напомню: как только вы предпримете штурм, я отрежу какую-нибудь часть тела у твоего брата. В два часа пополудни у входа должен стоять фургон с двумя лошадьми, загруженный продуктами, водой и кормом для лошадей. Иначе... в общем, ясно. Время пошло!

Андрус осторожно отошел от края крыши. Все, что хотел, он сказал. Его слышали. Теперь остается надеяться, что братская любовь – если таковая имеется – восторжествует. А пока нужно отыскать Урхарда... Андрус хлопнул себя по лбу и сплюнул – чего искать-то?

Бегом по лестнице вниз. Спеленатый заложник уже не на том месте, где его оставили, – видимо дергался, перекатывался, пытался освободиться. Глаза яростно вращаются, лицо подергивается, а на губах выступила пена.

– Я тебя!.. Да я!.. Да ты!..

Андрус пододвинул стул к лежащему на полу человеку и сел, задумчиво глядя на извивающегося Идраза. Брезгливо убрал ногу, когда тот попытался укунить ее, и негромко спросил:

– Брат тебя любит?

– Чего?! – ошеломленно замер Идраз. Потом сообразил и ощерился: – Любит! И с тебя кожу живьем сдерет! Он не прощает тех, кто пытается оскорбить его достоинство, а вы напали на брата – вам не жить!

– Это плохо для тебя... – задумчиво протянул Андрус. – Если нас все равно убьют, зачем тебя возвращать? Убить, да и все. И пытаться пробиваться, умереть в бою, с честью.

– Эй-эй! Не вздумай! – обеспокоился Идраз. – Он выполнит твои условия – я слышал, как ты с ним разговаривал. Вас выпустят. Но ты

должен обещать, что я останусь жив. А потом – да, вас будут искать, преследовать и все равно убьют. Но это будет потом! Так что шанс у вас есть, маленький, я тебе скажу, но шанс! А если убьешь – шанса никакого не будет.

– А ты разумно говоришь. Мне рассказывали, что ты совершенно ненормальный, – хмыкнул Андрус. – И зачем же тебе понадобился Урхард? Зачем ты пытался его убить? Из-за жены, что ли? Зачем? Женщин мало?

– Во-первых, Урхард оскорбил меня, – сплюнул Идраз, и Андрус неприязненно посмотрел на несколько плевков, кучками устроившихся на полу. – Когда-то я ему сказал, чтобы он отвязался от моей женщины! А теперь мне этого мало. Я хочу уничтожить его. Забрать его женщину, дочь, его деньги – забрать все! Это мое! Все – мое!

– Послушай, прошло столько лет... – начал было Андрус.

Лицо Идраза исказилось, глаза разбежались в разные стороны, вращаясь, как будто каждым из них управлял отдельный мозг. Идраз дергался в судорогах, а когда приступ закончился, замер, тяжело дыша, с пеной на подбородке и полузакрытыми глазами.

– Э-э-э... уважаемый, да ты совсем болен, – цыкнул зубом Андрус, – а я тут распинаясь. Вот что, говори, куда ты дел Урхарда. Твой братец сказал, что темница где-то в доме. Покажешь, где именно?

– Пошел... тварь... я тебя...

– И я тебя люблю, – усмехнулся Андрус и с шелестом выдернул меч из ножен. – Повторяю вопрос: где Урхард? Не заставляй меня делать тебе больно.

– Не посмеешь! – скрипнул зубами Идраз. – Ты будешь умирать долго! Трудно!

– Но это будет потом, – снова усмехнулся Андрус, – а больно тебе будет сейчас. Ну что? Опять ругаешься...

Андрус протянул острие меча к Идразу, тот завозился, с ужасом глядя на серебристый, весь в морозных узорах клинок, завыл, будто раненый зверь, а когда меч вонзился ему в предплечье, застонал и закатил глаза. Андрус подождал секунду, потом повернул меч на пол-оборота. Идраз завопил, задергался и, когда мучитель убрал клинок, тяжело задышал, глядя на своего палача:

– Вон там, за портьерой, вход в подземелье. Там клетки. В одной из них сидит Урхард. Когда-нибудь я тебя все равно найду, и тогда...

– Слышал. И это уже скучно, – кивнул Андрус, вытер меч об одежду Идраза и презрительно добавил: – Что ты так воешь-то? Царапина! Не привык, чтобы у тебя болело? Любишь мучить других? Теперь ты знаешь,

каково было твоим жертвам.

Встал, вернул меч в ножны, подошел к портьеру, сорвал ее и заглянул в дверной проем, приготовившись к неожиданностям. Но неожиданностей не последовало – никто не попытался лишить его здоровья и жизни. Путь был свободен.

Глаза перевертыша внимательно осмотрели темный коридор – тот был недлинным, шагов пятнадцать, и заканчивался лестницей, ведущей вниз. На вбитых в стену гвоздях висели ключи – здоровенные, каждый длиной в полторы пяди. Какой из них был к той клетке, где томился Урхард, неизвестно, так что Андрус взял все ключи и зашагал вниз, откуда шел тяжелый запах нечистот, а еще – чего-то сладкого, удушливого. Так пахнет в лавке мясника, и Андрус нахмурился, ожидая увидеть какую-нибудь пакость вроде комнаты для пыток.

Как ни странно, пыточной внизу не оказалось. Длинный каменный сводчатый коридор вывел Андруса в галерею, вдоль которой стояло штук двадцать клеток, не меньше. Они пустовали, но смердело от них так, будто их никогда не чистили, а узники оправлялись прямо на пол. Впрочем, возможно, что так оно и было.

Пол был забрызган чем-то темным, и чуткий нос Андруса определенно ощущал запах крови. То ли узников перестреляли прямо в клетках, то ли их там пытали, но Андруса сейчас занимала судьба только одного заключенного – того, кто сидел в последней клетке, возле темного провала тоннеля, уходящего дальше.

– Долго же ты шел! – ворчливо буркнул Урхард, когда Андрус подошел ближе. – Вытаскивай меня отсюда, скорее! Я хочу жрать, а еще – хочется кое-кому башку свернуть! Надеюсь, ты мне оставил немного нетронутых шей для сворачивания?

– Больше, чем хотелось бы, – ухмыльнулся Андрус, ковыряясь в замочной скважине и подбирая ключ. – Ты как себя чувствуешь?

– Глядя на мою разбитую рожу, что ты можешь сказать? Как я себя чувствую? – помотал головой Урхард и, когда Андрус все-таки победил запоры, вывалился из клетки, обхватил его за плечи и прижал к своей бочкообразной груди. – Как я тебе рад! Честно сказать, в своей жизни я так радовался только раз – когда Адана родила мне Беату! – Урхард ухмыльнулся и подтолкнул Андруса к выходу, как-то сразу посерьезнев. – Пошли отсюда! Ты не представляешь, что тут творилось утром! В этих клетках были люди – всех до одного перебили. Этот гад Идраз...

– Я взял его в заложники, – сообщил Андрус. – Он наша страховка. Слушай, что случилось, пока тебя не было...

– М-да... – Урхард покачал головой и сокрушенно добавил: – Надо было послушаться тебя и уйти подальше. На побережье. Жалко было все бросать. Тут все и всех знаешь, налажено, а там? Там все сначала. Кроме того – деньги. Нужно везти их туда... опасно. Вот я, дурак, и дождался того момента, когда деньги уже не имеют никакого значения. Андр, скорее нужно выбирать, как бы они уже не ехали к Адане с Беатой. Если захватят их...

– Я тебе все рассказал. Кроме как взять заложника, мне ничего в голову не пришло. Второй вариант – всех убить. Но, боюсь, сил у меня пока-то не хватит. Выберемся из города, бросим Идраза и...

– И тут уже кто раньше успеет к Адане – мы или они. Как-то все покатило кубарем, вся жизнь, – тихо сказал Урхард. – Никогда не думал, что буду скитаться как бездомный зверь. Ты считаешь, нам позволят выбраться из города? Дадут фургон и лошадей? Выпустят за ворота и не попытаются перехватить по дороге в Темный Лог? У меня большие сомнения на этот счет.

– У меня тоже, – кивнул Андрус. – А есть другие предложения?

– Нет. Пока нет. Сколько у нас времени?

– Нет времени. Сейчас уже должны подогнать фургон. Нужно ехать за Аданой и Беатой. А потом пытаться уйти.

– Только не говори: «Я же говорил!»

– А разве я сказал? – ухмыльнулся Андрус.

– Так подумал! – ворчливо парировал Урхард и тоже ухмыльнулся.

– О-о-о! Кого я вижу! Мой друг Идраз! Что ты тут весь пол исплевал, от злости, что ли? Давай ему рот зашьем? Ты знаешь, что он творил с пленниками? Что он обещал сделать со мной, с Аданой и Беатой? Хочешь, расскажу?

– Я не хочу этого знать. Давай-ка мы займемся делом. Я схожу посмотрю, что там люди его братца делают, а ты последи за негодяем. Только не порежь его на кусочки, ладно?

– Да чем я его порежу? Могу только порвать, – хохотнул Урхард и скривился. – Челюсть болит. Это его сапог постарался. Все тело в синяках. Мне неплохо было бы лекаря посетить... Больно? А когда меня пинал – приятно было?

Урхард дважды пнул Идраза под ребра, и тот глухо застонал, изображая мучительную боль. Впрочем, возможно, и правда было довольно больно, подумал Андрус – ножища у Урхарда немаленькая.

Решив, что Урхард все-таки не прибьет Идраза до смерти, а если слегка поколотит, тому пойдет на пользу, Андрус поднялся на крышу и, по-прежнему соблюдая осторожность, выглянул из укрытия.

Вооруженные люди заполонили весь двор, стояли за воротами, запрудили всю улицу. Похоже, Эдраз привел сюда всю свою армию.

– Много, да? – раздался над ухом голос Урхарда, и Андрус едва не выругался – он не заметил, как тот подкрался. Если пропустил Урхарда, мог пропустить и еще кого-нибудь. Так нельзя, надо быть внимательнее.

– Много. Тысяча, не меньше. Это только на первый взгляд. Там, на улице, может быть и больше. Я их не осилю, Урхард. Задавят массой. А если не задавят...

– Да понятно, понятно... не уйдем, – угрюмо заключил купец.

– Если Эдраз брата любит – уйдем. Ты расскажи поточнее, любит он брата или не любит? Какие у них отношения?

– Хреновые отношения. Но это ничего не значит – они родные братья, одна кровь. Ближе у Эдраза никого нет. А кроме того, если ты убьешь его брата, все скажут, что он слаб и не заслуживает власти. И что есть более достойные претенденты на должность главы клана.

– А есть?

– Само собой, есть! Всегда есть! – усмехнулся Урхард, и толстые, в корке засохшей крови губы разошлись в улыбке. – Даже во мне есть капля крови властителей, позволяющая стать главой клана. Таких много. Должность наследственная, но... долго рассказывать. Свои группировки, свои влиятельные люди. Неинтересно.

– Понятно. То есть Эдраз, допустив гибель брата, потеряет лицо и ослабит свои позиции главы клана.

– Потеряет лицо? Интересное выражение, – усмехнулся Урхард. – Сам придумал?

– Не знаю. В памяти всплыло. Не важно. Послушай, есть у меня одна мысль... Скажи, а ты знаешь, куда ведет тоннель дальше? Вообще, тут принято строить подземные ходы? Ты говорил, что постоянно с кем-то воюют, значит, есть подземные ходы. И здесь должен быть такой. Пойдем-ка спросим кое-кого!

– Я просто предвкушаю, как он откажется отвечать. Позволишь мне?

– Только без особого усердия – он нам нужен живым. По крайней мере пока.

Они спустились вниз. Идраз умудрился в их отсутствие доползти до двери и теперь безуспешно пытался подняться и открыть запоры. Попытку пресекли, оттащили его на середину комнаты, где пару минут Идраз

плевался, рычал и ругался самыми черными словами. Потом попытался укусить Урхарда за ногу, промахнулся и получил крепкую затрещину широкой купеческой рукой, отчего снова затих, затравленно глядя на мучителей.

– Успокоился? – довольно кивнул Урхард. – А помнишь, что мне обещал, когда я сидел в клетке? Кожу содрать живьем? Может, попробуем тебя обработать? Интересно, как тебе понравится без кожи?

– По делу давай, – нахмурился Андрус. – Времени нет.

– По делу так по делу. Идраз, куда ведет тоннель из темницы?

– Никуда. Тупик там, – равнодушно сообщил хозяин дома.

– Врет! – безапелляционно заявил Андрус, прослушивая эмоции пленного.

– Видишь? Ты врешь! Он знает! Он умеет отличать ложь и правду, потому что колдун! – Урхард поднял меч, который несколько минут назад забрал из руки одного из убитых Андрусом охранников, поднес его к уху Идразы и ткнул чуть выше мочки, рассекая ее на две половинки. Брызнула кровь – в ухе очень много сосудов, и, если нанести резаную рану, кровотечение бывает очень обильным. Андрус откуда-то это знал.

– Повторяю вопрос: куда ведет тоннель?! Можно ли по нему выйти за пределы города?! Мало? Понравилось? Я сейчас тебе совсем ухо отрежу, гадина!

Идраз завыл, затрясся и выдал:

– За город нельзя! В канализацию можно! А из канализации уже куда угодно – и за город тоже! Оттуда в реку стекает! По реке можно уйти!

– Не врет, – подтвердил Андрус. – Уходить надо. И быстро. Только я хочу кое-что сделать... прежде чем уйдем. Как думаешь, мстить за главу клана будут?

– Ух ты... это что ты такое задумал? – опешил Урхард. – Будут, конечно. Но позже, гораздо позже. Когда выберут нового главу. Вот он и займется нашей поимкой.

– А дети, дети за него будут мстить? Сыновья?

– У него дочери. Не дали боги сыновей. Вначале будет драка за место, а потом... что ты там придумал такое? Похоже, что мне это не понравится.

– Скорее всего не понравится, – задумчиво кивнул Андрус. – Сиди тут, жди. Я скоро.

Андрус снова поднялся на крышу и закричал:

– На переговоры! Пусть Эдраз придет – переговоры!

Ждать пришлось минут пять. Наконец послышался голос главы клана:

– Что хочешь, придурок? Вернее, покойник! Что хочешь сказать?

– Где наш фургон? Скоро я начну резать твоего брата на кусочки!

– Едет фургон, – пообещал Эдраз, и его радостное настроение Андрусу очень не понравилось. Похоже, они что-то задумали и тянут время.

Андрус помчался вниз, ступени чуть ли не дымились. На ходу выхватил меч из ножен, подбежал к двери, открыл замок, дверь распахнулась, и перевертыш вылетел на крыльцо. В него тут же устремилось несколько стрел – две он отбил мечом на лету, еще от двух уклонился, после чего с ходу налетел на главу клана.

Тот не успел вынуть меч, он даже не сообразил, что его убивают. Меч раскроил череп с чавканьем и хрустом, похожим на тот, с каким мясник на рынке рубит тушу. Развернувшись, Андрус со всей возможной быстротой бросился назад, надеясь, что в затылок не воткнется острый наконечник стрелы.

Не воткнулся. Одна стрела пробила ему левую, слава богам, руку выше локтя, вторая пробила мышцы ноги – тоже левой, выше колена, не задев крупные сосуды. Нога сразу онемела, а потом ее начало будто жечь огнем, но Андрус успел заскочить в дом, захлопнуть дверь, в которую тут же с громким стуком вонзилось несколько стрел.

– Ну ты силен! – выдохнул Урхард. – И бесстрашный! Я бы на такое не решился! Давай выдернем стрелу, перевяжем тебя.

– Я сам, – помотал головой Андрус, успокаивая дыхание. – Иди найди что-нибудь поесть. Я очень сильно напрягся, мне нужно много еды.

– Все, поел? Боюсь, что нам нужно поскорее сваливать. А с собой взять еды не во что – ни вещмешка нет, ни сумки. Все обыскал. В портьеру если только завернуть?

– Забудь. – Андрус поморщился, натягивая штаны. Кровь из бедра уже не шла, на всякий случай все равно наложил тугую повязку, чтобы грязь не занести. Рука болела, но кость не задело – тоже замечательно. Мясо заживет, и быстро, а вот кости срастаются долго. – Я готов. – Он откусил кусок лепешки с копченым мясом, с сожалением отложил в сторону недоеденное и шагнул в сторону прохода в темницу.

– А с этим что делать? – задумчиво спросил Урхард.

– Убей его, – сказал Андрус, не испытывая ни малейших эмоций.

Идраз завизжал, завыл, начал кричать, что много заплатит за свою жизнь, что он... Договорить не успел. Захрипел, забулькал, что-то застучало, забарабанило по паркетному полу, а потом настала тишина.

– Готов, – прогудел Урхард. – Слава богам. Нет человека – нет проблемы.

– Где-то я уже это слышал, – хмыкнул Андрус. – Видимо, в другой жизни. Вперед! Вот что, Урхард, держись за мной, будь наготове, вперед не забегай. Фонаря нет, но я вижу в темноте.

– Видишь в темноте? – хохотнул Урхард. – Да, слышал про такое! Точно, перевертыш! И куда идем?

– Идем к твоему меняле. Где-нибудь вылезем – должны же быть какие-то выходы из подземелья? И ночью – к меняле. Тебе понадобятся деньги. А кроме того, как мы доберемся до дома? Пешком? Придется твоему меняле постараться для нас. Как думаешь, согласится?

– За деньги-то? Я не знаю, на что не согласится меняла за деньги! – рассмеялся Урхард, стараясь поспевать за Андрусом. Тот хоть и хроمال, но шагал быстро.

– Хорошо. И вот еще что – нас могут сейчас поджидать. Не кидайся вперед, не мешайся, твоя задача – не угодить под удар. Я сам буду разбираться. Хорошо?

– Хорошо! – уважительно кивнул Урхард. – Ей-ей, ты в этом лучше меня понимаешь. Похоже, твоя прошлая жизнь была довольно интересной.

– Не знаю! – отрезал Андрус и отодвинул толстый металлический засов на двери. – Готовься!

Тьма встретила их влажным холодом, запахом плесени и старого камня. Идти по тоннелю можно было только слегка пригнувшись, и при всем желании размахивать мечом тут было почти невозможно. Что беспокоило Андруса: если бы нашлись умные люди, да эти умные люди дали глупым людям здоровенные жердины с острыми наконечниками и те начали бы тыкать в узкий тоннель своими жердинами – два беглеца могли бы сильно удивиться, узнав, что они тоже смертны. Правда, удивлялись бы этому очень недолго. Андрус надеялся, что умных людей у противника нет.

Через четверть часа Андрус и Урхард уперлись в стальную дверь, запертую на два здоровенных засова, снизу и сверху. Дверь была узкой, чтобы с трудом прошел один человек, и массивной, чтобы ее невозможно было выбить, кроме как разрушив то, к чему она крепилась, – скалу из твердого камня. Это и понятно: если можно выйти из дома-крепости через тоннель, так же можно и войти в него, а если это делается без ведома хозяина, тогда беда. Особенно если хозяин взял привычку перед ужином славно попытать парочку своих врагов, у которых имеются любящие родственники. Мстительные родственники, надо заметить.

– Что, что там? – глухо спросил Урхард. – Темень какая! Ты что-нибудь видишь? – Последние десять минут Урхард шел, держась за ремень Андруса, несколько раз споткнулся и раз пять врезался в свод тоннеля,

разрывая его тишину яростной руганью.

– Пока не знаю, – тихо ответил Андрус и прислушался к пространству эмпатическими «ушами». – Там за дверью кто-то есть. Похоже, нас ждут.

– Что будем делать? Если сейчас они начнут тыкать в нас копьями...

– Тихо! – шикнул Андрус, и Урхард замолчал, как будто ему в рот засунули кляп. – Сейчас ляжешь на пол и не вставай, пока я не скажу. Понял?

– Понял, – грустно ответил Урхард. – Старые вояки никому не нужны. Все-все, молчу!

Андрус дождался, когда спутник лег на каменный пол, и через несколько секунд решительно отодвинул засов.

– Бей! – взревело сразу несколько голосов. – Не зацепите господина Идраза! Вперед!

Арбалетные болты пролетели мимо, потому что Андрус прижался к стене, ожидая чего-то подобного. Выстрелы были направлены снизу вверх, на уровень живота, поэтому болты не причинили никакого вреда лежащему на полу Урхарду.

Последней мыслью Андруса было: «Они не знают, что Идраз убит. Идиоты, они ведь могли попасть в него!» Потом он вошел в боевой режим.

Его способность видеть в темноте давала огромное преимущество перед нападавшими – их было человек двадцать, все закованные в сталь, здоровенные парни, отборные убийцы, видимо, личная гвардия Идраза. А может, Эдраз подсуетился и прислал своих бойцов.

Это не имело значения. Как не имело значения количество нападавших. Имело значение лишь одно – наличие пространства для маневра. Каким бы ловким и быстрым ни был Андрус, если навалятся толпой – он погиб.

Стальные жала копий, тускло отблескивающие в свете фонарей, поставленных на пол у стены, потянулись к Андрусу, медленно, но неумолимо, как змеи, подкрадывающиеся к ничего не подозревающей мыши. В тесном тоннеле развернуться было трудно, потому что Андрус рванул вперед, раздвинул в стороны древки и начал резать кинжалом, предназначенным для тварей. Как оказалось, людей это оружие убивает ничуть не хуже, чем мутантов, запленивших весь Лес.

Тоннель за стальной дверью продолжался еще шагов двадцать, прежде чем выйти в смердящую канализационную трубу, по которой сливались в реку нечистоты всего города. Первыми стояли копейщики, видимо, перед началом боя они встали на колени, поверх их голов и стреляли арбалетки, заряжавшие теперь свои неуклюжие приспособления.

Заряжать их было непросто, на это уходит достаточно много времени, и это время работало не на них.

Выпад! Кинжал с хрустом пробил панцирь, попав между пластинами, – спасибо кузнецу, выковавшему этот клинок!

Выпад! Прямо в глаз! Кровавая дыра, и человек, только что напоминавший несокрушимую стальную башню, медленно заваливается назад, как подрубленное дерево.

Удар! Кинжал описывает полукруг и вонзается в левую подмышку, рассекая мышцы, проникая между ребрами и вспарывая пульсирующий ком сердца.

Андрус отталкивает трупы, все еще стоящие на ногах, идет вперед, с каждым движением, с каждым выпадом убивая, калеча всех, кто, на свою беду, оказался в это время в этом месте. Бойцы попытались достать мечи, но разве размахнешься в тоннеле, где и стоять-то можно лишь слегка нагнув голову? Все, что могли делать эти люди, – умирать. И они умирали.

Через считанные минуты бой был закончен. Когда Андрус вышел из боевого режима, на полу лежали лишь трупы да тяжело раненные, один за другим устремляющиеся вдогонку за своими товарищами по дороге в преисподнюю. Уйти не смог никто.

Первое, что услышал Андрус после того, как вошел в нормальный режим, – это ругань. Урхард матерился, как десять грузчиков, вместе взятых. Андрус обернулся. Урхард боролся с неизвестным, исступленно вонзая в него свой кинжал. Противник вцепился в горло купца, Урхард хрипел, но не сдавался и, прежде чем Андрус успел прийти на помощь, буквально перепилил шею мужчины, напрочь отрезав ему голову. Тело упало, будто тряпичное, а голову Урхард так хрястнул о стену, что та раскололась, забрызгав мозгами все вокруг. Одна капля попала Андрусу на щеку, и он с отвращением вытер ее рукавом, не замечая, что мажет себя кровью – он был залит ею с головы до ног.

– Это кто? – хрипло спросил Андрус. – И откуда он взялся?

– Из дома, – мрачно ответил Урхард. – Это Идраз.

– Что?! Как? – оторопело выпалил Андрус, не веря своим ушам. – Ты же убил его!

– Перерезал глотку. И, когда уходил, он был мертвее мертвого.

– И тогда – как?!

– Болван я. Надо было его кинжалом для тварей проткнуть. А я мечом глотку перерезал. Вот и результат.

– Не понимаю! – помотал головой Андрус. – Он был мертв, но вдруг встал? Почему?

– Я слышал про такое, но сам не встречал. Он был тварью, возможно, с самого детства. Есть такой вид тварей – их не определишь, пока с человеком что-то не случится. И были случаи, когда мертвецы вставали. И тогда плохо приходилось всем, кто оказывался рядом. Мне рассказывали про одного такого: скончался старик-торговец, когда прощались, сын наклонился к гробу, а усопший хватил его за горло! Шею сломал. Выбрался – и давай гоняться за домочадцами. Трех успел задавить, пока его не порубили на части. Но вообще-то такое редкость. По крайней мере раньше так было. Я всегда говорил, нужно испытывать людей кинжалом. Ткнул острием, если задымился – все ясно. Башку с плеч.

– А ты Адану и Беату проверял? – грустно усмехнулся Андрус.

– Проверял. Тыкал кинжалом в палец. Нормальные, обе, – заверил Урхард. – Говорю же, редкость это. И где он подцепил такую гадость, непонятно. То, что эта пакость из Леса, ясно. Ну да ладно, плевать на гада! Валишь надо отсюда, пока еще толпа не появилась! А ловко ты их... ну чисто зверь!

– Зверь... – отстраненно повторил Андрус и нахмурился. – Знаешь, а я ведь почувствовал в нем что-то такое... странное. Но не смог определить, что он тварь.

– А я всегда это знал! – хохотнул Урхард. – Тварюга настоящая! Хорошо, что он сдох! А если и его братец такой же, что запросто, то он сейчас гоняется за своими подчиненными, желая немножко покусать!

– Не гоняется. Я ему голову снес, – рассеянно заметил Андрус. – Хватит, пойдем уже отсюда. Только вот куда?

– Будем идти, пока не найдем выход. Тут должны быть лестницы наверх, каменные. С детства помню. Я забирался со своими дворовыми приятелями в эти подземелья – клады искали. Говорили, что разбойники прячут награбленные сокровища в подземельях под городом.

– Нашли? – спросил Андрус, стараясь привыкнуть к невыносимой вони, поднимающейся в тоннель из канализационной трубы, в которой журчал поток нечистот.

– Кроме дерьма, ничего не нашли, – усмехнулся Урхард и поднял с пола один из фонарей, оставленных нападавшими. – Ты не будешь возражать, если я возьму светильник? Хоть видеть буду, куда ногу ставлю. И как ты видишь в такой темноте?..

– Вроде стемнело. – Урхард осторожно поднялся по лестнице и выглянул наружу через сливную решетку. – Ага, звезды сияют... ты как, в порядке? Отошел? Я было напугался, когда тебя трясти начало. Как в

лихорадке!

– После перенапряжения, – устало кивнул Андрус. – Знаешь, я никогда так быстро не двигался. Если бы я их не убил – нам конец. Мне бы сейчас кусок мяса побольше... два куса мяса... три куса...

– Кромедохлойкрысы... вон, мимо тебя плывет!.. мяса не наблюдаю! – хохотнул Урхард и тут же нахмурился. – Масло в фонаре кончается. Как ни берег, а все-таки закончилось...

– И так надолго хватило, – вздохнул Андрус. – Все, пошли? Поднимай решетку, осилишь один?

– Попробую, – хмыкнул Урхард, забрался на самый верх лестницы и встал, упершись спиной в металлические прутья, каждый толщиной в большой палец руки. Немного постоял, примерился и начал разгибаться, крикнув от натуги. Тяжелая решетка поддалась напору и с грохотом поднялась, осыпав с себя засохшую грязь и листья, нападавшие с дерева, растущего на обочине. – Есть еще здоровье! – пробормотал Урхард и, осмотревшись, негромко позвал: – Пойдем! Чисто!

Андрус выбрался наружу, его пошатывало, и он с усмешкой подумал о том, что такое состояние стало для него уже привычным.

– От кого так воняет? – спросил Урхард. – От тебя или от меня? А! От обоих! Ну и видок у тебя! Мясник, которого сбросили в яму с дерьмом! Пошли скорее – меняла жаждет выдать нам денег! Вру, конечно. Придется выколачивать их с руганью – он очень не любит расставаться с ними ночью, говорит, тот, кто отдает деньги ночью, навлекает на себя гнев богов и удачи у него не будет семь раз по семь лет! Врет, гадина, спать любит по ночам, вот и не хочет работать. Придумывает всякую ерунду, приметы всякие дурацкие.

– Ты найдешь дом менялы в темноте? – спросил Андрус, перебив поток красноречия Урхарда. – Ты вообще-то знаешь, где мы сейчас находимся? Честно сказать, я даже не представляю, где мы.

– Где мы? В городе, конечно, – усмехнулся Урхард. – Не переживай, это окраина купеческого квартала, я знаю эту улицу как свои пять пальцев. Пройдем во-о-он туда и окажемся перед маленьким домишком с белыми окнами, забранными красивым узором из стальных прутьев. Это и будет дом менялы. Пойдем! Можешь сам идти?

– Пока могу, – кивнул Андрус и двинулся за своим провожатым.

«Маленький домишко» оказался здоровенным домом, можно сказать, почти замком, фасад которого выходил на улицу, а тыльную его часть прикрывал высоченный забор, утыканный наверху стальными штырями, заточенными до кинжальной остроты. Окна были только на последнем

этаже и действительно забранные решеткой толщиной чуть ли не в руку. Меняла хорошенько отгородился от враждебного мира, и, похоже, он мог в этом доме обороняться от целой армии.

Клиентов в такое время никто не ждал, и напрасно Урхард доказывал заспанному охраннику, выглянувшему в окошко, проделанное в стальной двери, что господин будет просто счастлив принять у себя в доме такого замечательного клиента даже в неурочное время, – охранник лишь тупо повторял: «Не велено! Днем приходи! Сейчас не угомонишься – я тебе задам!»

Чего он задаст, Урхард и Андрус не узнали, потому что на шум выглянул сам меняла, уважаемый человек – Зуир Пермаль. Он обложил трехэтажным матом охранника, разговаривающего с какими-то проходимцами и мешающего ему спать, обложил матом «проходимцев», которые приперлись посреди ночи, и пообещал выпустить собак, рычащих за забором и желающих полакомиться сладкой плотью бродяжек, беспокоящих честных людей в нечестное время суток.

Когда Зуир все-таки уяснил, кто перед ним, он всполошился и приказал сторожу быстренько открыть калитку и впустить этих двух мужчин, забыв о том, что они тут когда-либо были, во избежание усечения языка и некоторых выступающих частей тела. Охранник, за время работы у менялы насмотревшийся всякого, ничуть не удивился, и через минуту Урхард и Андрус стояли на чистом, натертом паркете дома Пермаля, благоухая как выгребная яма и скотомогильник, вместе взятые.

– Ты заявился в мой дом, когда тебя разыскивает весь город! И приволок с собой этого ненормального убийцу! Ты охренел, Урх?! У тебя что с головой? Ты думаешь, я буду подставлять за тебя свой зад? Ты мне оказывал услуги, да, я помню, и помню, как ты спас меня на тракте от разбойников, и что? Это же не означает, что я должен пасть мертвым ради тебя и твоего убийцы?! – Меняла чуть не подпрыгивал на месте, и его три подбородка тряслись от возмущения, как будто жили своей жизнью и хотели подтвердить слова хозяина.

– Заткнись, Зу, – невозмутимо парировал Урхард. – Хорошо, что у тебя сохранились воспоминания. Честно сказать, я бы никогда не пришел к тебе, зная твою короткую память, но обстоятельства заставили – все мои деньги у тебя. И кстати сказать, ты на них неплохо наварился, не правда ли? Молчи! Теперь я буду говорить! Во-первых, сейчас ты распорядишься, чтобы нам приготовили горячей воды и постели. Во-вторых, ты дашь нам двух верховых лошадей, с едой, питьем – вычтешь из моих денег. И в-

третьих, ты дашь нам вексель, по которому мы сможем получить деньги у менял в любом клане, в который отправимся.

– Это будет стоить тебе сто золотых, – немедленно отреагировал Пермаль. – За двух лошадей и снаряжение еще двадцать золотых. Итого – сто двадцать. Надеюсь, когда тебя возьмут на выезде из города, ты скажешь, что заставил меня выдать тебе вексель, угрожая убить.

– Скажу, скажу, мой щедрый друг! – хохотнул Урхард. – А теперь иди и распорядись, чтобы дали поесть, да побольше – мой зять изнемогает от голода. Ему нужно хорошо питаться. Давай-давай, Зу! Что ты стоишь столбом! Время идет!

– Ну и гад Зуир! – Урхард осуждающе покачал головой. – И вроде человек неплохой, а как только касается денег – всю кровь выпьет! Одно слово – меняла!

– А почему, кстати, меняла? Чего он меняет?

– Ну так когда-то называли... у всех кланов свои деньги, свои монеты. Одни больше размером, другие меньше. Торговцы любят, чтобы им платили деньгами того клана, в котором они живут. Вот менялы и разменивают деньги на те, что ходят в этом клане. Монеты могут по весу отличаться в два раза, а то и в три. Так повелось исстари. А вообще, менялы больше зарабатывают, ссужая деньги купцам, торговцам, лавочникам... Ты не смотри, что Зуир такой толстый и спать любит, – он довольно шустрый человек, и боец неплохой. Некогда я выручил его – на тракте на него напала банда внеклановых, разбойников, в общем. Они окружили его и двух охранников, так вот, Зуир бился очень хорошо, не хуже своих бойцов. Давно, правда, это было, и я был моложе, и Зуир...

– Демон с ним, с Зуиром, – тихо сказал Андрус. – Я вижу ворота и возле них солдат. Проскочим?

– Проскочим. Ложись. Мыло взял?

– Уже за щекой.

– Ага, хорошо. Ну и рожка у тебя! Хе-хе-хе... я бы сам побрезговал к тебе прикоснуться! Гадость какая! Пены, пены побольше! Ага, вот так. Лежи. Глаза закатай как следует! Ф-фу-у... воняет... меня аж тошнит!

Повозка прогромыхла по мостовой и встала в небольшую очередь, образовавшуюся у ворот. Стражники внимательно досматривали выезжающих из города – похоже, искали беглецов.

Один из них, низенький крепыш лет сорока с копьем в руке, заметил повозку сразу же, как она подъехала к очереди. Он ткнул напарника в плечо и придушенным голосом сказал:

– Глянь! Глянь, какая повозка!

– Ну повозка, и чего? – не понял молодой стражник, только недавно зачисленный в штат городской стражи.

– Чего-чего... болван! – проворчал старший. – Ты посмотри, что у нее нашито на пологе! Видишь?

– Ох ты! – заволновался молодой. – Неужто она?

– У нас от нее вымерло пять деревень, – угрюмо заметил старший. – Достаточно вдохнуть воздух, который выдыхают больные, и все – через сутки ты уже фонтанируешь из задницы, а еще через день превращаешься в скелет, покрытый нарывами. Вот такая это гадость! Давно уже не видел, чтобы черная желтуха была у нас в городе! Иди посмотри, точно она?

– Ты что, смерти моей хочешь?! – побледнел молодой. – Сам говоришь, достаточно вдохнуть! Совесть у тебя есть? Иди ты – ты уже пожил, дети есть. Будет кому тебя вспомнить!

– Вот ты сука! – взъярился старший. – И зачем я тебе рассказал?! Вот что, позови-ка Ердана. Но ничего ему не говори. Пусть заглянет, чего там у них в фургоне. Может, прикидываются, и там те, кого мы ищем! Ты помнишь, как они выглядят?

– Да чего там... один бородатый такой, второй наполовину седой. Да их любая собака узнает!

– Вот-вот, напони это Ердану. Шагай, чего застыл!

Молодой стражник подошел к такому же, как он парню, стоявшему чуть поодаль, и хлопнул его по плечу.

– Задание тебе, старший велел передать! Иди вон к тому фургону, загляни в него и потом расскажешь, что увидел. Давай-давай! Стой! Гагуз приказал напонить тебе – вспомни, как выглядят те, кого мы ищем. Помнишь, что говорили?

– Что говорили? – глупо улыбнулся парень.

– Про беглецов что говорили, идиот!

– Про беглецов? – задумался Ердан. – А! Вспомнил! Бородатый такой, ага. А второй – наполовину седой! Точно, помню! У меня память отличная! Мамка, когда посылала меня на базар, всегда говорила: «Ердан, запомни»...

– Заткнись, болван! – Молодой стражник больно ткнул пальцем в грудь своего глуповатого коллеги и презрительно сплюнул на мостовую. – Быстро пошел к фургону, загляни в него и сразу беги к старшему! Бегом беги! А то он шкуру с тебя спустит – вон как уже поглядывает, того и гляди сожрет! Как зверь лесной!

Ердан опасливо посмотрел через плечо, увидел, что старший пялится на него со зверским выражением лица, и трусцой побежал к фургону.

Подбежав, поморщился – от фургона несло дерьмом, да так, что просто в нос шибало, ну настоящий передвижной деревенский сортир!

Стражник перевел взгляд на женщину, держащую в руках вожжи, – ее лицо было по самые глаза завязано тряпкой, пропитанной чем-то вонючим, с резким запахом. Тонким, пронзительным голосом женщина квакнула, как жаба из темного угла:

– Черная желтуха!

Ердан вначале не понял – смысл слов вообще туго до него доходил, мать всегда добавляла к своим словам подзатыльник, говорила, что так знания вбиваются в его голову быстрее, – запрыгнул на подножку фургона и посмотрел на содержимое. И пожалел об этом.

Женщина, которая лежала на дне фургона, была совершенно лысой, ее череп высывался из-под испачканного сукровицей платка, и на нем красовались кровавые язвы. Из рта женщины шла белая пена, от больной пахло дерьмом, да так, что с ног сшибало, по телу проходили судороги, его просто корежило, будто внутрь вселились демоны.

И тут до Ердана наконец дошло: черная желтуха! Смерть! Парень спрыгнул на мостовую и помчался к старшему, икая, спотыкаясь на булыжниках, упал в кучу навоза, снова поднялся и, не отряхиваясь, вымазанный в лошадиных яблоках, побежал дальше, напрямик к скачущему у стены командиру наряда.

– Там... там... – задохнулся Ердан, подбежав к старшему.

– Чего там? – лениво спросил Гагуз, презрительно скривив губы. Ердана недолюбливали за глупость, хотя парнем он был совсем даже неплохим.

– Две бабы! Одна вся в язвах, в дерьме, воняет, как сортир! Обделалась, видать! Черная желтуха! Я помню, мне мама рассказывала, как...

– Задолбал ты со своей демоновой мамашей! – оборвал его старший наряда. – Вот что, давай-ка назад, к фургону, и чтобы духу их не было в городе через двадцать ударов сердца! Иначе я оболью фургон маслом и подожгу вместе с содержимым! Так им и скажи!

Ердан кивнул и помчался назад, к фургону с больной женщиной. Не добегая шагов десяти, остановился и прокричал дородной возницей:

– Быстро из города! Старший велел не задерживаться, а то он вас спалит в огне! Как головешки! – Это он уже добавил от себя, для пущей важности и чтобы как следует напугать неповоротливую бабу.

Та кивнула, хлопнула вожжами, и лошадки резво взяли с места, огибая скопившуюся у ворот очередь. Люди с ужасом смотрели на страшный

фургон и делали знак оберега, молясь всем богам сразу. Нет страшнее болезней, насылаемых богами за прегрешения человеческие, и одна из самых страшных – черная желтуха. Ее даже маги-лекари отказываются лечить. Впрочем, черной желтухой обычно болеют люди бедные, у которых нет денег на мага-лекаря... богатых людей, живущих в больших, чистых домах, такая напасть почему-то обходит стороной.

– Долго еще?

– Часа два. Потерпи.

– Потерпи! А ты попробовал бы полежать в дерьме, не так бы заговорил!

– Верю, верю! Мне даже тут неприятно сидеть, поодаль от тебя... хе-хе-хе... ничего, там будет дорога влево, чуть в гору. Старая дорога. Она давно не используется – все едут трактом, а мы по старой дороге, по ней путь в два раза короче.

– А почему ее не используют? Почему забросили?

– Хм... понимаешь, как только проложили тракт, по старой дороге мало ездят. Тварей стало больше, люди боятся углубляться в Лес. Дорога проходит в самой его чаще, туда осмеливаются заходить только наши. Впрочем, сейчас все больше и больше отрядов уходит в Лес – ищут золото, камни, добывают ценную древесину. Там есть редкое дерево, которое издает очень приятный запах, и притом стойкий. Рубят, выносят. Из него потом делают благовония для женщин, поделки всякие. Красивая древесина, приятная.

– И ваши рубят?

– Нет. Мы не рубим Лес. Те бревна, из которых построена наша деревня, вывезены из-за границ леса. Зверей добываем, да, шишки, ягоды собираем, но деревья не рубим. Никогда. Живые деревья, конечно. Сухостой – пожалуйста, надо же что-то жечь в очаге... Скоро будет водопад, там искупаемся, бросим эту вонючую бабскую одежду и верхом поедем дальше. Лошадей и фургон куплю в селе. У того же старосты. На дом поменяю. Зачем он нам теперь в дальних краях?

Урхард вздохнул и тут же закашлялся – вонь, идущая из фургона, была такой густой, что казалось, висит в воздухе. Хорошенько постарались, переправляя содержимое сортира менялы внутрь фургона. Сработало. Увы, пришлось побриться и обрить налысо Андруса, нарисовав ему язвы. Но волосы – дело наживное, была бы голова, на которой они вырастут, а если эту голову снимут, будет все равно, лысый ты, бородатый или бритый.

Глава 10

– Человеком себя почувствовал... хорошо быть чистым!

– Ты слишком много думаешь о чистоте! – хохотнул Урхард. – Как моя жена! Ада целыми днями чего-то начищает, намывает – меня одолела своими приставаниями, гоняет мыться! А по-моему, для мужчины главное не чистота, а совсем другое!

– Грязь, что ли? – ухмыльнулся Андрус.

– При чем тут грязь?! Ну чего фальшивые кости бросаешь! Прямо как Беатка – так вывернешь, что все получается не так, как я имел в виду, а совсем по-другому! – Урхард возмущенно фыркнул и продолжил: – Для мужчины главное уметь защитить свою семью, быть мужчиной, а не тряпкой. Быть стойким. А еще – держать свое слово! Никто и никогда не мог сказать, что я не держу свое слово! Мое слово на вес золота!

– Это хорошо, – рассеянно заметил Андрус. – Нам еще далеко ехать? Скоро к селу выедем?

– Мы только в центр Леса въехали, – невольно оглянулся Урхард, – самая пуща! Смотри, запоминай – тут немногие были! А если и были – отсюда не возвращались! Красотища, да?

– Красотища, – согласился Андрус. – Непонятно, как эти деревья вообще стоят. Интересно, какая у них высота?

– Да кто знает? – довольно хмыкнул Урхард. – Я в детстве видел упавшее дерево. Так вот, пока дойдешь от корней до вершины, замучаешься шагать!

– А может, просто маленький был? – улыбнулся Андрус. – Вот и шагал долго.

– Может, и так, – согласно кивнул Урхард. – Тьфу! Как гляну на твою лысую голову, жуть берет! Такие шрамы... и как ты жив остался – ума не приложу. Даже перевертыш должен был башки лишиться! Везучий ты! Узнать бы, как ты здесь оказался! Любопытно, просто сил нет никаких!

– Любопытно... – бесцветно сказал Андрус, и Урхард покосился на спутника:

– Что? Что случилось? Ты что-то почувствовал?

– Да. И не могу понять, что это. С тех пор как в Лес въехали, ощущение такое, что за нами кто-то наблюдает. Кто-то огромный, равнодушный... и он будто очнулся от сна. Это мы каким-то образом его пробудили.

– Лес. Я тебе уже говорил, – отмахнулся Урхард. – Он живой. Да-да, не смотри так! Я верю, что он живой, и многие наши верят. Мы уже привыкли, а от новичков, что в Лесу никогда не бывали, я слышал такие же слова, как от тебя.

– А не жалко будет, когда уедешь? – прищурился Андрус. – Не жалко бросить Лес?

– Жалко, само собой, – пожал плечами купец, – но семья дороже. Лес живет своей жизнью, мы своей...

– Стой! – перебил его Андрус. – Стой!

– Что такое? – всполошился Урхард. – Твари?

– Не могу понять, – выдавил из себя Андрус. – Ты видишь, лошади волнуются? И я что-то чувствую...

– Да что ты чувствуешь?! – яростно шепнул Урхард. – Ну, что молчишь?

– Подожди... они смотрят. Им... или ему – любопытно. Он не злой. Но и не добрый. Он не сердится на нас. Он был равнодушным, но что-то случилось, и теперь он не равнодушен.

– Ты что, – сдавленным голосом прошептал Урхард, – ты слышишь Лес?! О боги!

– Не знаю... – тускло ответил Андрус. – Я слышу, как вокруг нас собираются существа. Вероятно, это твари. Но они ждут, не нападают. Он чего-то хочет от нас. Чего-то такого, что я не пойму... не могу понять. Он не может сказать.

– Зачем я поехал через лес? – горько спросил Урхард. – Ну какого демона я сюда влез?! Ведь знал, что тут уже давно никто не ездит!

– Вон они! – Андрус показал куда-то вправо, и Урхард увидел толпу тварей разного вида, размеров и облика.

Здесь были такие твари, о которых купец и не подозревал, – похожие на пауков с человеческими головами, лошади с мужскими и женскими торсами и клешнястыми руками, гигантские змеи, голова которых была человеческой, за исключением узких глаз, сумрачно рассматривающих путников. Из пасти каждой змеи торчали длинные и очень неприятные на вид зубы длиной около пяди. Купец прикинул – такие зубы могли бы достать до сердца, если бы «змея» ударила в грудь человека.

Рядом со всеми этими существами шли люди – Беата, Адана, староста с женой и детьми, причем каждый из перечисленных в нескольких экземплярах. Тварей было штук двести, не меньше – отряд, способный уничтожить всех непрошенных гостей, вошедших в Лес, само собой, если у них нет заговоренных клинков. Клинки у двух путников были, и купец тут

же выдернул кинжал из ножен, оглядываясь по сторонам – куда бежать?

А бежать было некуда. Твари окружили путников со всех сторон, взяв в кольцо. Старая дорога, заросшая травой по колено, была перекрыта наглухо, и впереди всей толпы тварей медленно передвигались «пауки», пощелкивая зазубренными жвалами. Из панциря чудовищ торчали несколько толстых щупалец, свивавшихся в клубки, как змеи.

Лошади захрапели, попятились, завертелись, и Андрусу с Урхардом с трудом удалось заставить животных остаться на месте. Впрочем, они и сами испытывали желание убежать – паническое, иррациональное, не подчиняющееся разуму.

Андрус огляделся по сторонам, и ему показалось, что кустарник, росший по обеим сторонам дороги, приблизился к обочине. Лес будто смыкался вокруг путешественников. И куда ни бросишь взгляд – везде твари, твари, твари...

– Ну что, Андрус, прощаемся? – прошептал Урхард. – Завел я тебя. Честно, не ожидал такого. Думал, проскочим. Столько тварей я не видел никогда.

– Они не нападают, – спокойно сказал Андрус, преодолев дрожь в руках. – Ты видишь, они остановились?

– Вижу. И что бы это значило, как думаешь? – оторопело спросил Урхард.

– Переговоры вести будут, – коротко пояснил Андрус. – Интересно, кто будет говорить? И главное – о чем?

– Глянь-ка! – возбужденно выдохнул Урхард и кивнул на тварь, копирующую старосту. – Он в лес показывает! И смотри, вроде как тропа образовалась! Вот это да! Магия!

– Раз показывает – пойдем. Нападать они не собираются, но и пройти нам точно не дадут. Я что-то не горю желанием убивать две сотни тварей. Боюсь, что результат будет не очень приятным для нас...

Урхард и Андрус повернули лошадей и съехали на тропу, уходящую под девяносто градусов к дороге. Тропа была еле заметной, скорее даже магией проделанный коридор между деревьями и колючими кустарниками, названия которых Андрус не знал.

Ехать пришлось около часа, показавшегося всадникам вечностью, – не каждый день тебя конвоируют пауки с человеческими головами и лошади с человеческим торсом! Кстати, двигались они совсем не так, как обычные медлительные твари, – движения пауков и человеколошадей были стремительны, молниеносны, особенно у пауков, которых насчитывалось не менее чем полсотни особей. Они мелькали между деревьев настолько

быстро, что глаз с трудом успевал заметить их перемещения. Возможно, потому всадники долго не могли обнаружить присутствие этих тварей, хотя Андрус почувствовал их уже давно.

– Знаешь, что меня беспокоит? – задумчиво спросил он, краем глаза следя за быстроногими чудовищами. – Я ведь их чувствовал, да, но чувствовал как одно большое существо! Ты понимаешь, что это означает?

– Хм... а тебе не кажется, что сейчас не время и не место для научных исследований? – слегка раздраженно заметил Урхард и оторопело добавил: – Ты глянь, у нее сиськи, как у бабы! Голые сиськи! Интересно, а как они будут жить зимой? Сиськи-то отморозят!

– Понимаю, проблема сисек гораздо важнее, ага, – ухмыльнулся Андрус.

– Дурак! Я не о том! При чем тут сиськи? Ты сообрази – если они голые и не могли бы выжить зимой, значит, они только что стали тварями и зимы не видели. Вот.

– Да, может, они к зиме обрастают, какая тебе разница? – буркнул Андрус, невольно косясь на шагавшую рядом «кобылицу», имевшую взаправду впечатляющие признаки принадлежности ее к женскому роду.

– Может, и обрастают, – покладисто согласился Урхард. – Что делать-то будем? Тебе не кажется, что нас ведут к хозяину?

– Что за хозяин? Почему не знаю?

– Поговаривали, что у Леса есть свой... хм... господин, что ли. Главный. Тот, кто всем командует.

– А почему ты никогда о нем не рассказывал? – удивился Андрус.

– А смысл? Сказки! Придумали это все! Так мне казалось... – упавшим голосом закончил Урхард, снова оглядываясь на толпу человеколошадей позади и по бокам. – Не убежишь, да... Глянь, видишь вон тех тварей? Я всегда считал, что они самые опасные в лесу! Оказалось, я еще многого не знаю.

– А что за твари? Чем они опасны? – задумчиво переспросил Андрус, «прислушиваясь» к происходящему вокруг. Он так и не слышал ничего, кроме общего фона, который отметил еще до появления тварей. Любопытство, сила, уверенность – но от одного существа.

– Ядом плюются. Маскируются под любой предмет – дерево, камень... и под человека могут. А когда подходишь ближе – плюются ядом. Если попадет на кожу – все, конец. Парализует.

– А потом? Что потом?

– А что потом? – не понял Урхард. Спохватился и кивнул: – Ну да, или сожрут, кровь выпьют, или просто исчез человек, и нет его. А что еще-то?

– Вот то самое «что еще», оно самое интересное, – заметил Андрус. – Так что там за хозяин? Ты как-то ловко увел разговор в другую сторону, а? Ты думаешь, я забыл про свой вопрос?

– Ну хозяин! – досадливо поморщился Урхард. – Все знают про хозяина, но молчат. Почему? Не знаю. И мне неприятно про него говорить. Не знаю почему, не спрашивай. Голова начинает болеть... затылок аж разламывается!

Андрус внимательно посмотрел на Урхарда – действительно, тот побледнел, посерел, как от приступа болезни. «Ментальный блок», – вдруг всплыло в голове. Покатал на языке фразу – она абсолютно ни о чем не говорила. Привычно заключил: «Из прошлой жизни», – и пока что перестал об этом думать. Потом подумает. Если время будет.

Оба путника на время замолчали. Говорить пока было не о чем, да и обсуждать что-то в таких условиях казалось странным. Потом обсудят, если живы останутся. Пока что Андруса больше занимала мысль, где у «пауков» уязвимое место. Похоже, что нужно бить в голову, удобно устроившуюся на покрытой хитином шее. Вот только пауки вряд ли так просто позволят добраться до этой самой головы. По скорости движения с Андрусом, находящимся в боевом режиме, могут сравниться только насекомые вроде мух. И вот они, эти самые насекомые, бегают вокруг, суеются, видать, прикидывают, как будут погружать свои жвала в его многострадальное тело.

Андрус задумался, уйдя в себя и размышляя о превратностях судьбы, о том, что будет с ним, с семьей Урхарда, с Беатой, и возглас Урхарда застал его врасплох. Купец восторженно присвистнул:

– Вот это да! Такого я не видал! Хм... или видел? – Урхард растерянно помотал головой. – Вот сказал, и тут же почему-то показалось, что я это все уже видел. Почему – не знаю.

– Дежавю называется, – не задумываясь сказал Андрус, ошеломленно рассматривая возникшее перед ними чудо.

Это было дерево. Огромное, высоченное, но пониже остальных гигантов. Чем оно отличалось – толстенным стволом. Невообразимо, феноменально толстым! Сто шагов в диаметре, не меньше. Узловатые сучья торчали к небу, как гигантские щупальца, корни – могучие, похожие на змей, уходили в почву, и казалось, что они достанут до центра планеты и ничто не может свалить это чудо природы.

Путники подъехали к дереву, остановившись в десяти шагах от избородженной оврагами-морщинами коры, спешили и встали плечо к плечу, держа руки на кинжалах для убийства тварей. Впрочем, вряд ли это

помогло бы им – твари обступили их плотным полукольцом и будто ждали команды, чтобы наброситься и разорвать на части.

Внезапно лошади захрипели, стали вырывать поводья из рук. Они рвались с такой силой, что лошадь Урхарда чуть не вывернула ему руку, а лошадь Андруса подняла его в воздух на поводке, оборвала сыромятный ремешок и попыталась пробежать через строй тварей.

Лошади погибли почти мгновенно. Толпа пауков набросилась на них со всех сторон, и через несколько секунд несчастные животные были растерзаны в клочья, на куски мяса, распространяющие вокруг сладковатый запах крови и железа. Люди побледнели – вот их судьба, если...

Додумать они не успели. Земля вдруг вспучилась, и корни-щупальца ухватили их за ноги, мгновенно опутали до самых плеч стальными объятиями. Андрус успел перейти в боевой режим, выхватил меч и кинжал, но и только – скорость движения корней была очень велика. Через секунду оба человека, как беспомощные куколочки, стояли прижатые к стволу дерева так плотно, что едва дышали. Андрус отпустил боевой режим: что толку в нем находиться, если не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни головой и даже дышишь с трудом, зажатый твердыми кольцами живых оков.

– Ну что, зятек, прощаться будем? – пробасил Урхард хрипло, задыхаясь от напряжения. – Жаль, что не вышло. Не надо было мне лезть в центр Леса, и что я...

Урхард вдруг умолк, будто кто-то заткнул ему рот.

Андрус почувствовал укол в затылок, и сознание его потемнело. Он не видел, не мог видеть, как из ствола высунулся тонкий белый отросток и, медленно, осторожно протянувшись к затылку человека, погрузился в его голову, будто червь в мягкую дождевую почву.

– Кто ты? Ты не человек! – Голос грохотал, как далекий гром, и Андрей невольно поморщился, сидя на зеленом пригорке, поросшем шелковистой травой.

Существо перед ним внезапно пошло рябью и превратилось из полурастения-получеловека в невысокого беловолосого старика с седой бородой. Борода была почти по пояс, и Андрей усмехнулся – так в старину иногда изображали Бога. Сидит, мол, себе на облачке и смотрит на то, как копошатся внизу люди, мелкие такие, похожие на червей с высоты небес. И суд свой творит.

Андрей всегда считал, что это упрощенное и довольно-таки...

неверное изображение Создателя. Народное, если можно так сказать. На самом деле все гораздо сложнее...

– Ты из другого мира, – с удовлетворением заметил старик, – ты не наш. Послушай, я тут покопался у тебя в мозгу... ты вообще в курсе, что твой мозг работал неверно? Что он был сильно поврежден?

– Я знаю, – кивнул Андрей. – Когда Артефакт выбросил меня... куда-то, я разбил голову. А может, еще и осколками задело. Очень жаль, наши, вероятно, сочли меня мертвым... переживали. Шанти! Ох, Шанти... она, наверное, кинулась меня искать! И где сейчас она... и где я? Где я? Кто ты? Ты хозяин Леса, да? Колдун?

– Хо-хо-хо... – засмеялся старик. – Вот ты глупый! Не обижайся. Ты глуп, как ребенок. Вы все дети по сравнению со мной. Мне... очень много лет. Очень. Если я скажу тебе сколько, ты не поверишь. Я не хозяин Леса, чудак. Я и есть Лес! Все деревья, что растут вокруг меня, – это мое тело. Все. Теперь понятно?

– Понятно! – присвистнул от удивления Андрей. – Знаешь, а я ведь что-то подобное подозревал. Но не мог понять, что это истинно. Голова плохо работала, да. Память не могла достать нужные сведения. Ты как грибница – единый организм, так? Ага, ясно... Вот только неясно: а почему ты не заполонил весь мир? Почему не захватил его, не заселил своим телом? Что помешало? И еще – зачем ты делаешь *это* с людьми? Ведь ты превращаешь их в тварей, так?

– Ты задаешь много вопросов. Ты такой смешной... но интересный. Я посмотрел твои воспоминания – они потрясают! Многое я не смог понять, но многое настолько любопытно, что я не мог оторваться... тихо, тихо – твои любовные воспоминания меня не интересуют! Не забывай, я не человек. Я Лес. И почему я должен отвечать на твои вопросы? Зачем ты мне? Все в мире имеет свою цену.

– А какую цену платят люди, живущие в твоих пределах? – не выдержал Андрей. – Зачем они тебе? И почему ты уничтожаешь чужаков, забредших под сень твоих деревьев?

– Ну ты же знаешь, – прошелестел Лес, – местные чистят меня от старых, ненужных кусков моего тела, удобряют почву своими телами, сокращают количество паразитов, поедающих мою листву и стволы. А за это я забочусь об их здоровье. Они никогда не болеют, долго живут – сильные, выносливые.

– Когда ты осознал себя живым? – перебил Андрей. – Как это случилось? Ты помнишь этот момент?

– А ты? – спросил Лес. – То-то же. Никто не помнит. Кажется, что я

всегда был таким, как сейчас. А что касается тварей, как ты их называешь, это тоже мое тело, часть меня. Это мои руки, мое оружие, мои глаза. Чужаки, что пришли сюда, и местные, которые мне не нужны в своем обычном обличье, превращаются в слуг.

– Слуги... вот как ты их называешь, – кивнул Андрей. – В последние годы и особенно в последние месяцы слуг стало гораздо больше. Почему?

– И опять ты знаешь, – усмехнулся Лес. – Я защищаюсь. Чужих все больше и больше, люди размножаются, идут ко мне и рубят мое тело. Рубят живые деревья, рубят, не спросив у меня. И тогда я их убиваю. Или превращаю в слуг. Я же должен как-то защитить свою жизнь? Вот если бы по тебе ползали насекомые, что бы ты сделал? Убил бы. И я убиваю.

– И не жаль?

– А что такое жалость? Поясни, что такое жалость! Почему я должен жалеть тех, кто меня убивает? Тех, кто портит, уничтожает мое тело?

– Ты так и не ответил: почему ты тогда не захватил весь мир и не создал слуг столько, чтобы уничтожить всех людей?

– Видимо, сил не хватает, – улыбнулся Лес. – Я медлителен. То, что для людей долгие, долгие годы, для меня – один миг.

– Поэтому ты не переходишь границу? А почему ты не можешь пересечь черту из заговоренной соли? Почему боишься магии?

– А кто сказал, что я боюсь магии? – усмехнулся Лес. – И соль мне безразлична. Я просто не посылаю своих слуг в село, и все. А мог бы снести деревню подчистую, не осталось бы ни бревнышка.

– Скажи... вчера мы убили одного человека... он оказался тварью... слугой. Так он творил среди людей плохие дела, был ненормальным. А когда мы его убили, превратился в живого мертвеца. Это ты его контролировал?

– Во-первых, чем больше люди убивают друг друга, тем меньше шансов на то, что они пойдут убивать меня. Так мне кажется по крайней мере. А во-вторых... не все получается так, как я хочу. Увы, я не всемогущ. Хотя и мудр. Согласись, глупо было бы остаться дураком, прожив на свете много эпох. Волей-неволей поумнееешь.

– Странно... ты разговариваешь как я... как землянин, – задумчиво протянул Андрей. – Может, это у меня галлюцинации, а тебя нет на свете, и ты лишь продукт моего мозга, пожираемого здоровенным деревом?

– Хо-хо-хо... а что, забавно. Хорошая версия! Понимаешь, какая штука... сейчас ты стоишь у дерева, и в затылке у тебя мое щупальце. Я у тебя в мозгу. Мы не сидим на пригорке – это твой мозг решил представить нашу встречу именно так: пригорок, травка, запах листьев и речной воды.

Видишь, только сказали про реку, и тут же она появилась. Я разговариваю на том языке, на котором говоришь и думаешь ты. Пользуюсь твоей памятью. Так как тогда я должен говорить? На языке слуг?

– Что ты собираешься с нами сделать? – Андрей попытался перевести разговор в нужное ему русло. – Мне нужно вернуться домой, только я не знаю, где этот самый дом находится. Мне как-то нужно разобраться с Беатой и ее семьей – они знали и любили Андруса, а вот появление Андрея... как они примут меня – это вопрос.

– Судя по тому, что я видел, нормально примут. Очень даже. Только нужно решить: а нужно ли, чтобы вы вернулись? Мне – нужно? Было бы забавно иметь тебя в своих слугах. Я бы воспользовался твоими знаниями для своей защиты...

– Ты не сказал, почему не захватил весь мир. Почему не распространился на весь континент? – снова повторил Андрей. – В чем причина?

– Вероятно, не могу, как ты догадываешься, – усмехнулся Лес. – Я не могу перейти границу. Почему – я не знаю. А знал бы, не сказал бы тебе. Ведь ты же из людского рода, пусть и появился из другого мира. Ты – враг.

– Я не враг! – возмутился Андрей. – Я совсем даже не враг! И против того, чтобы бездумно вырубать леса! Я всегда был против этого!

– Ну... да. Вижу, – согласился Лес. – И все-таки, почему я должен тебя отпустить? Почему не должен сделать слугой?

– Слуг у тебя и так хватает, – пожал плечами Андрей, – все в твоих руках. Ты мудрый, ты много знаешь, в том числе и от меня. Зачем тебе превращать меня в бездумный механизм? Может, выгоднее договориться со мной? Я чем-то смогу тебе помочь? Например, хотя бы рассказать о тебе людям. Попробовать сделать так, чтобы люди не уничтожали твое тело. Скажи, а Урхард, Беата, Адана – они у тебя под контролем? Как ты сделал, чтобы жители деревень Леса стали, как ты говоришь, сильнее, здоровее и все такое прочее?

– Зачем тебе это? Ты не поймешь процесса. Споры, мои споры в их теле. Лечат, берегут. А когда-нибудь, если найдется такое место, где может расти мое тело, споры дадут побеги, и появится часть меня, новый Лес.

– Так часть тебя или новый Лес?

– И часть меня, и новый Лес. Это не объяснишь. Новый Лес будет знать все, что знал я до того момента, как выпустил споры.

– А во мне тоже твои споры?

– Нет. В том-то и дело... Твой организм уничтожает споры, не дает им внедриться в плоть. Я лечил твой мозг, пользуясь образцом – мозгом

Урхарда. И по своему разумению. Как вижу, лечение удалось. Ты вспомнил свою жизнь, так?

– Вспомнил... – кивнул Андрей. – И мне нужно вернуться в Балрон. В Славию. Я не до конца выполнил свою задачу.

– Задачу... давай поговорим на эту тему? Расскажи мне, что за такая задача и почему ты ее должен выполнить.

– А разве ты не можешь достать информацию из головы? Посмотри и все узнаешь.

– Это долго. Твоя информация заключена, как бы это сказать... в маленьких кладовках. И не зная, что именно ты хочешь знать, найти ее очень трудно. Потому давай-ка поговорим.

– Лес, извини... но у нас мало времени! Нам нужно в село, спасти Беату и Адану! Их могут убить!

– Никто не пройдет мимо и через меня без моего позволения. Потому сейчас все дороги закрыты. Мои слуги блокировали все подходы. И кроме того, здесь, в твоём мозгу, время течет по-иному. Мы разговариваем всего несколько секунд, а тебе кажется – очень давно. Итак, расскажи все, что с тобой случилось, как ты тут оказался...

– Андрус, ты? – Голос Урхарда был хриплым, он откашлялся и со стоном обхватил голову. – Ничего не помню. Что с нами было? Где лошади? Как мы оказались у ручья?

– Пей! – Андрей осторожно приложил флягу к губам Урхарда, холодная, свежая вода полилась в глотку купца, и тот стал пить, захлебываясь и дергая кадыком.

Потом Андрей отнял флягу от губ, заткнул ее пробкой и сел рядом на замшелый ствол дерева, свалившийся на берег ручья. В лесу пели птицы, пахло раздавленными ягодами земляники, журчала прозрачная вода, и все виделось таким обыденным, простым, незамысловатым... как будто нет на свете организма по имени Лес, нет его слуг, бывших когда-то людьми, нет... в общем, нет ничего, что составляло сейчас самую важную часть жизни Андрея. Нынешней жизни Андрея.

– Ты кто? – внезапно спросил Урхард и потянулся за клинком, висящим на поясе. – Ты не Андрус!

– Я не Андрус, – краем рта усмехнулся Андрей. – Я Андрей. Андрей Монах, отец императора Балрона, правитель империи Балрон. Убийца драконов и еще множества людей. Вот так.

– Ты вспомнил, – утвердительно кивнул Урхард. – Ты все-таки вспомнил! И ты изменился...

– Все мы меняемся, – снова усмехнулся Андрей. – Я стал полноценным оборотнем. Или, как у вас называют, перевертышем. Впрочем, суть одна и та же. Пока ты спал, я перекинулся и восстановил свою настоящую внешность. Вот так я выгляжу на самом деле. А еще мне за сорок, я бывший воин, бывший наемный убийца, бывший монах – жрец по-вашему... в общем, все в прошлом. И кто я теперь – не знаю. Впрочем, разве что-то изменилось? Разве я выполнил свою задачу? Мне нужно попасть в Славию и завершить начатое.

– Ты сейчас с кем говорил? – напрягся Урхард. – Я только половину понял. Тебе придется многое мне пояснить, рассказать!

– А надо ли? – хмыкнул Андрей. – Ради любопытства?

– Ну... и любопытства тоже, – нахмурился Урхард. – Кроме того, я считаю тебя своим другом, членом своей семьи – почему-то мне казалось, что и ты меня считаешь своим другом. Иначе зачем полез бы за мной в дом негодяя, дрался за меня. А разве друзья скрывают друг от друга правду?

– Бывает, и скрывают, – криво усмехнулся Андрей. – Если я что-то и вынес из этой жизни, то это твердое убеждение, что в жизни бывает все. И хватит философских дискуссий, давай-ка поедим, потом отберем те продукты, которые сможем нести на себе, и пойдем в село, к твоим. И там уже будем держать совет, как жить и что нам делать.

Андрей задумчиво провел рукой по волосам – они были темными, почти жгуче-черными. Пропали шрамы – перед Урхардом сидел молодой человек лет двадцати пяти – тридцати, широкоплечий, худощавый, с резкими чертами лица, будто вырубленными топором. Нос с легкой горбинкой указывал на то, что в предках Андрея были донские казаки. Впрочем, откуда Урхарду знать про донских казаков? Если только Андрей расскажет. А он пока не собирался ничего сообщать своему неожиданному другу.

– Хорошо выглядишь... для своих лет, – усмехнулся Урхард и, закрыв глаза, опершись руками о землю, покрытую толстым ковром хвойных иголок. – Так что же с нами случилось? Где наши лошади? Как мы тут оказались? Я помню – ехали, ты чего-то заволновался, а потом... потом ничего не помню. Давай-ка рассказывай, хватит рожи строить!

– Ну что же, слушай... – Андрей помолчал, внимательно посмотрел в лицо Урхарда и грустно добавил: – Только потом не говори, что лучше бы я ничего не рассказывал...

– Лучше бы ты мне ничего не рассказывал! – с чувством выдохнул Урхард и сплюнул, влевив плевок в корень дерева, выступающий из земли

толстенной змеей. – Только не говори: «Я же говорил!» Это что, я скот?! Я животное, прислуживающее этим деревьям, кустам, этому лесу? Как лошадь?!

– Скорее как конь, – улыбнулся Андрей. – Ты же мужского рода.

– Ага. А моя Адана кобыла, да? А Беата жеребенок. А ты...

– Хватит, Урхард! Не нужно истерик. Ну да, так сложилось – в вас, жителях Леса, его споры. Но не забывай, он дал вам несокрушимое здоровье, он вас не убивает, кормит, поит. В качестве слуг – пришлые и все те, кто пытается рубить Лес или неосторожно заходит на его территорию. И то даже не все – часть он отпускает на волю, в расчете что они разнесут его споры и Лес где-нибудь приживется. Почему-то не приживается. Вот этого я не понял. Может, почва тут такая? Какая-нибудь радиоактивная? А что, вполне возможно.

– Что значит – радиоактивная? – переспросил Урхард.

– Долго объяснять. В двух словах – вредная, вызывающая мутации. Мутации – это то, что Лес делает с людьми.

– Никак не могу прийти в себя... вся моя жизнь, все, что я знал о мире, – все в пыль! А он нас сейчас слышит? Он может с нами говорить?

– Вероятно, может, но только через своих слуг, – равнодушно кивнул Андрей. – Слышит? Вероятно, слышит. Ведь сейчас мы внутри его, как паразиты в живом существе.

– Тьфу! Слово-то какое нашел! Паразиты! Ладно, что дальше? После того как мы все это узнали, как жить будем? Что тебе сказал Лес?

– Лес хочет, чтобы все оставалось так, как было. Вы охотитесь, живете, размножаетесь – столько, сколько он сочтет нужным, и... все в общем-то.

– Сколько, сколько он сочтет нужным?! – тихо охнул Урхард. – Это что значит, это Лес сделал так, что у нас одна Беата?! И нет других детей?

– А ты вспомни, у многих ли живущих в Лесу двое, трое и больше детей? – Андрей прислонился спиной к стволу дерева, полуприкрыл глаза, и у него вдруг занял затылок в том месте, куда некогда проник корешок Леса.

– Ты намекаешь... нет, ты прямо говоришь, что в этом виноват Лес?! – Урхард грубо выругался и снова сплюнул, будто плевок хотел убить дерево. – А мы-то... мы так надеялись, что у нас будет еще один ребенок. Нам хотелось много детей, столько, сколько сможем! И ты прав – в селе редко у кого два ребенка, а уж про три и говорить не стоит... редкий случай. Проклятый Лес! Я начинаю его ненавидеть!

– Не нужно его ненавидеть, – пожал плечами Андрей. – Разве ты

ненавидишь ветер, снесший крышу с сарая? Или молнию, ударившую в человека? Лес – это не человек. Да, разумное образование, которое может думать, планировать, но это не человек. Все его существование построено на выживании и размножении... хм... как у человека. Он пытается приспособить мир под себя, используя все возможности этого мира. Как человек, он умеет мыслить, умеет сожалеть, испытывает подобие гнева и радости, удовольствия и неприязни. М-да... я сам себя загнал в ловушку. Если все это он может, чем отличается от человека?

– У человека, настоящего человека, есть руки, ноги, голова, – ядовито заметил Урхард, – а этот демонов лес топливо для печи! И ничего больше!

– Правда? – кисло усмехнулся Андрей. – Когда-нибудь я тебе расскажу о людях, которые считали, что все, кто на них не похож – внешностью, цветом кожи, языком, верой, суть топливо для печи, и ничто иное. А ведь и у тех и у других есть ноги, руки, голова и все, что положено человеку. А как бы ты отнесся к драконам?

– Драконам? Каким драконам? – недоуменно хмыкнул Урхард. – Я не знаю никаких драконов. Что это такое?

– Летающие существа наподобие огромных ящериц, изрыгающие пламя. Разве у вас нет никакого упоминания о драконах?

– Хм... было что-то такое, в сказках, – пожал плечами Урхард. – Назывались они как-то по-другому. Видерны вроде бы. И что, при чем тут драконы?

– Они разумны. Моя подруга Шанти – драконица. Но она не человек, хотя умеет копировать человека так, что не отличит никто на свете. Кроме дракона. Или меня. Я умею отличать настоящего человека от его копии. Но речь не о том. Драконы изначально не имеют внешности человека, но разве они не заслуживают жизни? Они умны, живут тысячи лет, обладают магическими способностями, могут принять облик человека – один в один!

– Не знаю, – вздохнул Урхард, – я никогда не задумывался над такими проблемами. Никогда. Они мне были просто неинтересны.

– И Лес не задумывался, – улыбнулся Андрей, – он был очень удивлен, что люди могут быть не только слугами, не только насекомыми, ползающими по его телу, но и друзьями, напарниками, не только симбионтами, не осознающими, что и зачем делают, но и партнерами в жизни.

– Это ты ему рассказал? – Урхард приподнял брови и скептически покачал головой.

– Я. Как мог.

– А с чего вдруг он стал разговаривать именно с тобой и ни с кем

больше? Почему ты?

– Я не такой, как вы. Скорее всего, я даже не человек. Ну да, да – перевертыш. Я мутант. Меня нельзя заразить спорами – я их просто выбрасываю. Из меня нельзя сделать слугу. А еще – я из другого мира, знаю больше, чем вы, многократно больше. За мной память цивилизации, о мощи которой вы не имеете никакого представления, а если бы имели, то... не важно. Это совсем не важно. Мир меняется, и все мы меняемся вместе с ним. В этом мире появился я, и все меняется. Начинаю думать, что замысел Бога состоит именно в том, чтобы изменить этот мир, застывший в равновесии, подтолкнуть его...

– Подтолкнуть к чему? – с любопытством спросил Урхард.

– Не знаю. Я пытаюсь делать то, что считаю необходимым, – пожал плечами Андрей, – а что получается, не мне судить. Хочу, чтобы люди были счастливы. Чтобы счастье всем, даром, и чтобы никто не ушел обиженным. Я многого хочу?

– Очень многого, – серьезно кивнул Урхард. – Для этого нужно пролить много крови. И мне кажется, ты уже пролил. Да?

– Много. Очень много крови, – вздохнул Андрей. – У каждого человека, оказывается, свое представление о счастье. Например, иногда люди счастливы, когда сажают на кол тех, кто верует не в то, во что верят они. Или когда у соседа амбар сгорел со всем содержимым. Или когда сломала ногу лошадь соседа.

– Это люди, – усмехнулся Урхард, – они всегда были такими. Таких можно только уничтожить, перевоспитать их невозможно!

– Вот я и уничтожал, – помертвел лицом Андрей.

– Я представляю, как мы въедем в село на таких «лошадяхх»! – фыркнул Урхард. – А за что держаться-то, за сиськи, что ли?

– Я тебе руку оторву, если будешь хватать меня за сиськи! – мелодичным голосом ответила дама-кентавр, косясь на Урхарда светящимся огненным глазом. – Скажи спасибо, хозяин приказал нам служить вам! Но ведь если у вас не будет рук, вы все равно будете живы и вам можно служить?

– Ну чего ты взбеленилась-то? – Урхард опасливо посмотрел на белоснежные зубы кентаврицы, могучий торс которой обладал внушительными свидетельствами принадлежности ее к прекрасному полу. – Мне за что-то ведь нужно держаться! Я как буду сидеть?

– Седла есть, держись за них. Можешь обхватить меня за талию.

– Как обхватить? – не понял Урхард.

– Нежно! – огрызнулась кентаврица. – Держись и не говори глупостей!

– Теперь бы узнать, что с их точки зрения является глупостью, – пробормотал Урхард и осторожно взгромоздился на кентаврицу. Та слегка расставила в стороны лапы, вооруженные острыми когтями, щелкнула в воздухе клешнями, как бы демонстрируя, как она оторвет Урхарду руки, и тут же рванулась вперед, передвигаясь быстрым шагом, но плавно и бесшумно, будто огромная пантера.

Кентавр Андрея скакнул за ней, Андрей, ожидая чего-то подобного, крепко вцепился в луку седла, уберегая себя от падения.

После того как они с Урхардом обсудили сложившуюся ситуацию, пришли к выводу, что нужно двигаться в село. Именно там нужно решать, как воплотить то, что они задумали. А задумано было многое...

Андрей заключил с Лесом соглашение – если уж симбиоз, так разумный, правильный симбиоз. Хочешь защититься от людей? Будет тебе защита от злых людей. Но только люди не бессловесный скот. Они должны осознавать, что делают. Должны понимать, что Лес их брат, их дом, их семья. И начинать нужно было со своей деревни. Она должна стать столицей Леса – так решил Андрей, и так решил Урхард. Урхард и его семья останутся здесь, в селе. И купец возглавит новый клан, клан Леса.

Лес был стар и мудр. По-своему, по-лесному мудр. Сотни тысяч лет рос этот гигантский организм, собирал информацию, запоминал ее на веки вечные, и настал момент, когда он осознал себя как существо, как сущность. И еще сотни тысяч лет строил себя, устраивая, настраивая под себя то пространство, в котором обитал. Если бы на Земле все растения могли объединиться в единое существо, кто знает, может, и там был бы свой живой Лес?

Андрей хмыкнул и покачал головой – откуда он знает, может, и на Земле был такой лес? Просто с ним не сумели связаться, или он не захотел связаться с людьми. Может, он воюет с людьми, насылая на них страшные болезни, а люди до сих пор и не подозревают о своем противнике, сжигая его, выкорчевывая, пуская тело на дрова. Все может быть.

Здесь Лес весьма преуспел в изготовлении слуг. Так, например, сплавить человека и животное, лошадь, не смог бы ни один ученый Земли.

«Странно, почему твари... слуги не выходят за пределы Леса? Стоп! А как же те, в ком есть споры? Они-то выходят! Но зараженные спорами не стали слугами. Они потенциальные слуги. Возможно, что на большом расстоянии Лес просто не может управлять своими «конечностями»? Интересная картина получается – слуги частично имеют свою волю, а частично они органы Леса. И осознают это. Но не заметил, чтобы такая

ситуация их как-то беспокоила. Промывает мозги? Запросто.

И кстати про те случаи, когда оживали мертвецы и набрасывались на окружающих, – очень интересная картина получается! Споры спят, организм не мутирует, пока человек жив. Как только он умирает, то превращается в зомби, набрасывается на людей и пытается убить. Хм... тогда странно – если большинство заражены спорами, тогда почему не все становятся зомби? Более того, эти случаи редки. Лес про это промолчал. Впрочем, а кто его спрашивал? Попробую догадаться сам. Мутируют в зомби те, кто погиб насильственной смертью, как Идраз? Тоже не факт. А может, все проще – механизм мутации пока не обкатан и не все могут становиться зомби? Нужно будет спросить Урхарда. Впрочем, какая мне разница? Вообще-то по-хорошему нужно валить отсюда к чертовой матери, это не мое дело. Улаживать отношения между скоплением деревьев и деревушкой, оказавшейся поблизости! У меня другие цели!

Какие цели? Ну-ка, давай разберемся. Итак: я попал в этот мир, чтобы уничтожить исчадий, чтобы люди жили хорошо (понятие растяжимое, но буду считать, что оно исчерпывающее). Я уничтожил Артефакт, который питала энергия смерти, питали освобожденные души убитых исчадиями людей. Исчадия лишились своей магической силы... хм... должны были лишиться, а лишились или нет, я же не знаю. Пока не знаю. Но должны были. Будем считать – лишились. Но остались на своих местах, остался на месте император, правивший Славией, остались на месте все те, кто измывался над народом. И что толку в том, что я уничтожил Артефакт, ведь все осталось на своих местах! А значит, мне нужно вернуться в Славию и закончить начатое. Вернуться с большой армией и очистить это государство от наросшей грязи, как очищают брюхо корабля от ракушек, иначе плыть дальше невозможно. Объединить два государства в одно – могучее, человеческое, светлое!.. А там... там видно будет. Жить. Жить дальше, как все нормальные люди. Потихоньку толкать прогресс, «изобретать» всякие штуки, и... как я скучаю по Шанти, кто бы знал! Где ты, моя сестричка?! Где ты, ехидная драконица? Где-то есть... чувствую – есть. Тянется ниточка, тянется. Чувствую – жива, проказница. Ничего, подожди немного, сейчас я пристрою этих «освобожденных женщин Востока» и приду к тебе. Так хочется заглянуть в твои глаза – драконьи ли, человечьи, без разницы. Главное, чтобы ты была рядом.

Хм... я что, влюблен в драконицу? Дурно как-то звучит... любовь между человеком и полуторатонной рептилией? Вот уж всем извращениям извращение! Да, Андрюха, ты перещеголял всех извращенцев мира, начиная с неандертальца по имени Ыых и заканчивая Калигулой. Или

кто там еще отметился в истории особо прихотливыми пристрастиями... что-то я плохо разбираюсь в извращенцах.

А почему извращение? Если она умеет принимать облик человека так, что ее нельзя отличить от человека, тогда что? Все в этом мире иллюзия. Реальность, данная нам в ощущениях, – так нас вроде учили? Так вот, я ощущаю женщину, я вижу женщину, я люблю эту женщину, почему я должен от нее отказываться? Потому, что она сама создала себе это человеческое тело? Потому, что дала его ей не мать? Потому, что может изменять это тело?

Даже интересно – она каждый раз может сделать новый облик. Каждый день выглядеть иначе... хе-хе-хе... так, может, в этом секрет долгой и мирной семейной жизни? Как сказал герой одного фильма: «Как представляю, что она мечется по квартире перед глазами – туда-сюда, туда-сюда! И сразу не хочется жениться!» А тут – каждый день новая женщина, но при этом одна и та же! Смешно, ага... Эх... не везет мне в смерти, повезет в любви, да? Мне и в смерти не везет, и в любви... все мои любимые женщины гибнут... а я живу и живу... как проклятый.

А как же Беата? Что с Беатой? Хм... интересно, как бы отреагировала Шанти на наличие у меня жены, притом беременной жены? Что бы она сказала по этому поводу? Небось такое, что у меня бы сразу уши в трубочку скрутились.

И все-таки надо покопаться в себе: что с Беатой? Люблю я ее или нет? До того как мне вправили мозги, считал – люблю. А теперь? Теперь считаю так же? Вот ведь вопрос... И ответ один: не знаю. Да, она мне приятна как женщина, я хочу ее, мне приятно заниматься с ней сексом, она умненькая и вообще хорошая девчонка. Но хочу ли я остаться с ней на всю свою жизнь? Или лучше сказать по-другому – хочу ли я потащить ее с собой туда, где ей будет грозить опасность, туда, где я могу погибнуть, в эту кровь, грязь, смерть? Остаться я не могу – это точно, я должен уйти, и тащить ее тоже не собираюсь. А значит – расставание. От одной этой мысли сводит скулы. Приедем в деревню – поговорю с ней и с Урхардом. Ну и с Аданой, само собой.

Хм... как мне попасть в Славию, если я даже не знаю, где нахожусь? Северный материк – это ясно. Язык этих людей похож на тот язык, на котором разговаривали северные агрессоры, напавшие на Балрон. Я помню тот язык. Он отличается меньше, чем русский и украинский языки, но все-таки отличия есть. Путь один – идти на побережье, разговаривать с мореходами, искать возможность переплыть море. Как еще-то мне попасть в Балрон? Так в Балрон или в Славию? Само собой вначале в Балрон, потом

в Славию. С хорошей, крепкой армией, вооруженной по последнему слову техники.

Итак, я иду на побережье, каким-то образом перебираюсь в то место, откуда в Балрон отправились захватчики, узнаю, как мне добраться до материка, и... просто так все получается, ага! «Нарисуем – будем жить»! Ну а кто сказал, что будет легко? Не будет легко. Но проще, чем стать императором Балрона. Не надо слишком уж нагнетать! Как говорят в народе, глаза боятся, а руки делают. Вот только закончу здесь, и вперед, на родину.

На родину?! Вот хохма! Я что, считаю родиной Балрон? А почему нет... там могилы моих любимых женщин. Что меня удержало бы на Земле? Я там никому не нужен, кроме своих врагов, желающих всадить мне пулю в лоб. А тут... тут у меня друзья, враги, любовь – все, что нужно мужчине для счастливой жизни! Да, этот мир незаметно стал моим домом, и другого ничего я не хочу».

– ...Эй, ты чего там, уснул?! – ворвался в голову голос Урхарда. – Мы уже подъезжаем! Быстро бегает эти гологрудые! Рожи-то не строй, красавица! Грудь у тебя – что надо! Так что я тебя, получается, похвалил! Фу, грубая какая! Ты и когда человеком была, точно была такой же грубой. Расскажи, как ты стала слугой хозяина? Ну расскажи, что ли? Или ты не помнишь ничего?

– А ты-то помнишь? – усмехнулась кентаврица. – Ты ведь тоже слуга, только еще не преобразившийся. Вот станешь слугой – и расскажешь. Сам себе.

– Злая ты! – фыркнул Урхард, физиономия которого, лишенная бороды, не могла скрыть удовлетворения самим собой и всей жизнью. – Я, может, и не стану слугой. По крайней мере не таким, как ты, точно. А зимой ты не замерзнешь – голая?

– Зимой я спать буду, – тоже фыркнула кентаврица, – а может, хозяин нас оденет. Отнимет у тебя деньги и купит нам по теплой шубе.

– Шутку оценил, – кивнул Урхард. – Андрус... хм... Андрей, глянь, нас целая толпа встречает! Чего это они там выстроились, у околицы? Завал устроили из камней! Раньше такого не было! Вот что, милая, стой здесь. Дальше не езд. Не приведи боги, воткнут тебе стрелу в сиську, – а они у тебя классные! Но у моей жены лучше, точно.

– Не верю, – заявила кентаврица и остановилась как вкопанная.

Купец едва не перекувыркнулся через голову, выругался и под ее насмешливым взглядом спрыгнул на землю. Снял переметные сумы, бросил на землю, расстегнул подпругу, и седло тоже оказалось на земле.

Потом ласково погладил кентаврицу по спине:

– Красавица. Интересно, ты можешь рожать детей?

– Я за тебя замуж не пойду, толстый старикашка! – И кентаврица, сорвавшись с места, исчезла за деревом, задорно хохоча. Той, кого превратили в четырехное орудие убийства, на момент мутации было всего шестнадцать лет. Само собой, все, кому больше тридцати лет, ей казались старикашками.

«И ей всегда будет шестнадцать лет», – подумал Андрей, стаскивающий со своего кентавра сумы и седло. У него защемило сердце, – вроде все понятно, Лес защищается, но отношение к людям как к скоту... нет, он никогда не понимал фашизма. И не принимал его. Его деды воевали против фашизма, за то, чтобы людей не считали скотом. Никогда. Во все времена. Навечно.

– Ну что, я пока один схожу, поговорю с ними? – спросил Урхард, став серьезным как никогда. – Как бы нам не навтыкали стрел в брюхо, особенно тебе.

– Замучаются втыкать, – жестко заметил Андрей. – А если что-то сделали с Беатой и Аданой – пусть берегутся. Убью. Вместе идем.

– Убьешь, – кивнул Урхард, – если успеешь до меня. Вместе так вместе. Пошли!

Мужчины вздохнули и пружинистым шагом пошли к деревне. Что будет, они не знали. Но Андрей помнил где-то вычитанную фразу: «Если не знаешь, что делать, делай шаг вперед».

Глава 11

– Стой! Ни шагу вперед! Стрелять будем! – Голос старосты дрогнул, но руки на мощном, двойного изгиба луке не дрожали. Он с юности славился умением попасть стрелой уску в глаз на расстоянии ста шагов. И Урхард это знал.

– Стой, Андрей! Этот придурок очень ловко пускает стрелы, ну его к демонам. Отсюда поговорим.

– Отсюда так отсюда, – согласился Андрей, занятый своими мыслями. А в мыслях у него был полный сумбур. Больше всего ему хотелось просто развернуться и уйти отсюда – туда, где шумит море, туда, где можно сесть на корабль и отправиться в Балрон. Там друзья, там Шанти, там дети. Там вся жизнь. Что он для этих людей, живущих в живом лесу, зачем он тут? Это не его жизнь. Если бы не Беата... но мы в ответе за тех, кого приручили. И с этим ничего не поделаешь. Ни в каком мире.

– ...Ты держал в своем доме тварь! Ты убил односельчан! Мы знаем, мы смотрели следы! Мы изгоняем тебя из нашего села! – Голос старосты окреп и стал гулким и пафосным, как звон колокола, плачущего по усопшим. Урхарда приговорили – все, решено, обратной дороги нет.

– А как же моя жена? Моя дочь? – спокойно спросил Урхард. – Выдайте нам их.

– Твоя жена и твоя дочь обращены в рабство и будут проданы или отданы в возмещение нанесенного тобой ущерба! Так постановил совет деревни!

– Я с этими людьми прожил двадцать лет... – с горечью бросил Урхард. – Андрей, ты представляешь? Двадцать лет! Я гулял на их свадьбах, хоронил их умерших родственников, здоровался, смеялся их шуткам, как они моим. Они праздновали рождение моей Беатки. И теперь – посмотри на них! Будто и не было этих двадцати лет! Если кто-то из вас хоть пальцем тронул мою жену, мою дочь, – проревел Урхард, поудобнее перехватывая меч, – я отрублю ему руки, ноги, но он будет жить еще долго-долго. Я позабочусь об этом. Ты слышал, староста? Ты ответишь за все!

Андрей стоял в расслабленной позе, как будто его все это не касалось, и смотрел по сторонам, любуясь синим небом, которое бороздили редкие облачка, и высоченными деревьями, уходящими в это самое небо. Ему все было ясно – меч наголо, рывок вперед, и полетели головы! Вот только как потом строить новый клан? Как потом будут верить им люди, из которых

нужно сколотить подобие нового народа, «народа Леса». Начать с кровавой резни? Запомниться в истории этого народа как кровавый убийца?

– Стой на месте, – тихо попросил Андрей и сделал шаг вперед, потом другой, ускоряясь все больше. Через пару секунд он уже почти бежал, прямо на ряд лучников, направивших ему в грудь стрелы с острейшими бронебойными наконечниками, работавшими не хуже, чем самая убойная из пуль.

– Стоять! – заревел староста и спустил тетиву, хлопнувшую как кнут.

Андрей усмехнулся: если уже спустил тетиву, зачем тогда вопить «стоять»? Чтобы удобнее было попасть, что ли?

Следом за старостой спустили тетивы еще десять стрелков – опытных охотников, славящихся своим умением лучников. Могучие луки, сделанные из кусков рога и дерева, укрепленные оленьими жилами, способные забросить стрелу на несколько сотен шагов, отправили свои снаряды в цель с такой силой, что, если бы стрелы угодили куда надо, они пробили бы Андрея навылет, как если бы его в упор расстреляли из пулемета. Если бы попали, конечно.

Андрей пропустил стрелы мимо себя: едва только начали свое движение снаряды, выпущенные мозолистыми руками стрелков, он рванулся вперед так, что его силуэт смазался в пространстве, и через секунду был уже возле заслона из селян.

Их было человек двадцать. Самые крепкие, самые сильные люди деревни. Андрей не хотел их убивать. Он не достал меч.

Староста свалился первым – тут Монах не церемонился.

С чего тот решил организовать такую встречу, с какой стати они так наехали на Урхарда, выяснится потом. А пока – будешь наказан. Кулак Андрея раздробил старосте нос, превратив его в окровавленный блин. Второй удар – ладонью в висок – выключил мужчину так же верно, как если бы Андрей ударил дубовым поленом. Усиленные мышцы и кости мутанта работали великолепно и позволяли творить такое, что и не приснилось бы обычному человеку. Люди разлетались в стороны, как кегли от удара шара.

Андрей знал, что потом ему будет не очень хорошо после такой траты энергии, но что делать? Конечно, если бы он работал мечом, ему было бы гораздо легче, но эти люди – костяк будущего клана. Нельзя разбрасываться людьми, это он знал твердо.

Бойцы пытались отмахиваться, некоторые успели достать мечи, кинжалы, двое даже задели Андрея клинками, оставив длинные порезы – один на левом предплечье, другой на груди. Среди селян были очень, очень

быстрые бойцы.

Но это им не помогло. Через несколько секунд все лежали на земле, в бессознательном состоянии. Андрей же вышел из боевого режима и бессильно опустился рядом с поверженными противниками, пытаясь сдержать дрожь. Его руки гудели, ныли, отбитые о твердые черепа селян, и, если бы он не был оборотнем с усиленными суставами и костями, распухли бы, как подушки, и посинели.

– И что с ними делать? – озабоченно спросил Урхард. Подошел к старосте, поднимавшему голову, и пинком отправил его в обморок, безжалостно, как врага на поле боя.

– Вязать. Потом разговаривать, – пожал плечами Андрей.

– Вам нуж-ж-жна помощ-щ-щ? – раздался шипящий голос, и мужчина едва не вздрогнул, увидев чудовище, подкравшееся так незаметно, как это умеют делать только змеи, скрадывающие свою добычу. Человек-змея осмотрела людей неподвижными глазами, сморгнула, закрыв их прозрачной пленкой, и продолжила: – Хозяин спрашивает, какая вам нужна помощь. Он сделает все, что может. Он так решил.

– Хорошая новость! – кивнул Андрей и указал подбородком на поверженных селян, начинавших проявлять признаки жизни. – Нужно связать всех и держать здесь под охраной до тех пор, пока мы не разрешим их освободить. А еще десяток пауков и таких же бойцов нам в помощники, чтобы они исполняли все наши приказы. И вообще, нужен какой-то способ общаться с хозяином без посредников, чтобы глава клана мог разговаривать с ним напрямую.

– Он подумает над этим, – прошипела змея. – Бойцы скоро подойдут.

– И еще: пусть никого не убивает без нашего разрешения. По крайней мере в районе деревни Темный Лог.

– Он выполнит это, – прошипела змея и потекла-помчалась в сторону кустов, исчезнув за ними, будто ее никогда не было.

– Смотри, смотри! – вскрикнул Урхард и вцепился в плечо Андрея так, что, если бы на месте оборотня был кто-то другой, самое меньшее, что осталось бы, – синяк размером с пятерню.

А посмотреть было на что – земля начала шевелиться, будто гигантские черви прокладывали себе путь в поисках пищи, вздулась нарывами и выпустила на белый свет толстые корни, тут же обвившие селян. Те, кто уже почти пришел в себя, вытаращили глаза от ужаса, попытались закричать, отбиться от живых корней, но у них ничего не вышло. Через несколько секунд все лежали спеленатые как младенцы.

Послышался шорох, топоток, и на дорогу влетел отряд из десяти

пауков. Они затормозили рядом с Андреем так резко, что из-под их членистых лап полетели комья земли. Паук, на панцире которого красовалась голова мужчины, по непонятной прихоти Создателя сохранившая черты «матрицы», медленно подошел к Андрею и скрежещущим, скрипучим голосом сказал:

– Можешь говорить с хозяином через меня или через любого из нас. Проблему прямого общения хозяин уже решает.

– Пускай поставит всех пленных вертикально. Я буду с ними говорить, – устало кивнул Андрей.

Корни тут же подхватили селян, поставили их на ноги. Андрей решил выждать несколько минут, пока очнутся все. Человек пять были в отключке – видимо, он слишком сильно их приложил. А может, и притворялись, так, на всякий случай.

Подождав пять минут, подошел к старосте, уже очнувшемуся и с ненавистью вззирающему на своих пленителей.

Надо сказать, что для человека, которого только что избили, а потом опутали живыми корнями, староста выглядел спокойным. Андрей даже подумал о том, что старосте просто не хватало воображения, чтобы сообразить, что с ним будет.

– Итак, слушайте меня все! – повысил голос Андрей. – То, что я вам сейчас расскажу, касается всех и слишком важно, чтобы вы этого не знали...

Андрей говорил около получаса. Пленники молчали, и он не мог понять, то ли они просто тупые, им все равно, то ли не могут переварить информацию. В любом случае на их лицах не отражалось ничего, кроме страха и боли. Никакими другими эмоциями и не пахло. Староста тоже молчал, пока Андрей не обратился лично к нему:

– Ты все понял? Что скажешь?

– А что я должен сказать? – Староста хлюпнул носом, выдувая из него кровавый пузырь соплей. – Ты победил и можешь делать с нами все, что хочешь. Что я еще могу сказать?

– А по поводу того, что я сказал? – терпеливо переспросил Андрей, стараясь говорить внятно, как с идиотом.

– А что по поводу... – начал староста и был остановлен громким шлепком в ухо. Урхард, подошедший сбоку, вlepил мужчине такую оплеуху, что староста даже слегка «поплыл», как показалось Андрею.

– Ты придуриваешься, скотина?! – взревел купец. – Что ты изображаешь из себя идиота? Я что, тебя не знаю? Кто тебе сказал

захватить мою жену и дочь?! Кто сказал тебе убить меня и Андрея?! Кто?!

– Никто, – вяло трепыхнулся староста, – мы решили, что ты...

– Врешь, скотина! Андрей, я не верю ему! – Урхард решительно рубанул рукой воздух, будто разрубал невидимого демона лжи. – Ты не смотри, что он такой простоватый, это изворотливая и хитрая скотина!

– Он врет, – кивнул Андрей, внимательно рассматривая старосту, тяжело дышащего сквозь разбитый нос, – что-то скрывает. Ну что же, не хотелось... придется выколачивать из него правду. Будем пытаться. Ты этого хочешь, староста?

– Твари! – с ненавистью выдохнул мужчина и плюнул в сторону Андрея. Не доплюнул и прикрыл глаза, отгораживаясь от всего мира.

– Твари, говоришь? – задумчиво протянул Андрей и, обернувшись к пауку, негромко сказал: – Я не хочу его пытаться. Мне нужно добыть информацию, нужно, чтобы он правдиво отвечал на вопросы. Сделай его слугой. Как быстро это возможно?

– Перестроить его сущность – около часа, – бесцветно проскрипел паук. – Полная переделка, как ты ее называешь – мутация, дело нескольких дней или недель. Зависит от того, как это тело воспримет изменения.

– Что из него сделаете?

– А тебе не все равно? – проскрипел паук. – Через час он будет готов ответить на любые вопросы. Этим тоже переделать в слуг?

– Нет, – помотал головой Андрей, – пока нет. Забирайте нового слугу. Или вы сделаете это здесь?

– Здесь, – прострекотал паук, и, будто подтверждая его слова, из опутавших старосту корней высунулись тонкие нити, белесые, шевелящиеся, как черви. Староста стал вопить, дергаться, когда черви, раскачиваясь на ветру, приблизились к его голове, но затих, едва белые нити погрузились в мозг, и лишь закатил глаза, глядя бельмами куда-то в пространство. Андрея затошнило от такого безобразия, и он отвернулся.

Кто-то из пленников тихо ругался, кто-то подвывал, как пойманный зверь, кто-то молчал, кусая губы и пристально вглядываясь в спину человека, который теперь решал их судьбу.

Андрей прикрыл глаза. Ему хотелось есть, все его рефлексy затормозились – легкий транс, как он определил бы это состояние. Ему бы сейчас перекинуться и на охоту в лес, поймать косулю и сожрать ее, хрустя косточками. Вот тогда бы силы и восстановились. Но увы, сейчас было не до того.

– Господин... не знаю, как тебя назвать... – Один из пленников, высокий мужчина лет тридцати пяти – сорока, откашлялся и продолжил: –

Я понял. Все понял. Урхард... я понял. Ты главный. Я буду подчиняться. Как и все ребята. Только не надо из нас делать тварей, ладно?

– Никто не собирается делать из вас тварей, Агрос, – пробурчал Урхард. – И вообще, это не твари, это слуги Леса. Его охрана. Он не собирается без нашего ведома кого-то из вас делать своим слугой. Ты сколько по Лесу ходишь, с тобой что-то случилось? Вот. Просто теперь все будет по-другому. Мы будем новым кланом, кланом Леса. И я глава клана. Так уж случилось. Если ты пообещаешь подчиняться, не причинять нам зла, тебя отпустят. Это касается и остальных. Подходите к Андрею, говорите: «Я буду жить по законам клана Леса и подчиняюсь этому клану». Он слушает вас и определяет, кто из вас соврал. Тот, кто соврал, умрет или станет слугой Леса. Вот и все. Согласен?

– Согласен, – пробасил Агрос и нерешительно добавил: – У нас в селе стоит отряд из города, это чтоб ты знал. Староста привел. Он посылал за наемниками. Их сотня. И должны подойти еще двести – завтра вроде как.

– А зачем ему такой отряд? – удивился Урхард. – Меня захватить? Андрея?

– Староста сказал, что он теперь будет главным. Над всеми деревнями Леса. А это его люди. И теперь будет новый клан. Его клан. Что у нас будет много денег, и нам теперь ничего не страшно. У нас есть золото и камни. Он где-то нашел россыпи, богатые россыпи. Я видел камни, видел самородки.

– Странно... а зачем он вышел встречать сам? – недоумевал Урхард. – Он что, не мог прислать наемников?

– Случайно вышло, – хмыкнул мужчина. – Староста хотел пройти куда-то в Лес, что-то забрать. Нам не сказал что. Сказал только, что нужны верные люди.

– Тайничок устроил староста? – ухмыльнулся Урхард. – Камешки припрятал?

– Да похоже, не он припрятал, – скривился Агрос. – Ходил слушок... вроде как из соседней деревни мальчишка пропал в Лесу. И в тех краях видели Бирнира с сыновьями. А они дружили со старостой. Да ты сам, похоже, все скоро узнаешь. – Мужчина кивнул на застывшего старосту, в котором копошились «черви». – Слушок прошел, но никто ничего не доказал. Кроме старосты, рассказать больше некому.

– Да, я слышал что-то такое, но не поверил, – удрученно пожал плечами Урхард. – Так-то староста был нормальным мужиком, такого раньше не допустил бы.

– Ты многого не знаешь, – подмигнул успокоившийся Агрос. – Ты

живешь в своей лавке, с нами мало общаешься, не выпиваешь с народом, не разговариваешь. Все вокруг жены, дочери да лавки – вот и не знаешь. Люди меняются со временем, а уж если касается денег... больших денег, тут только держись. Глава, ну ты отпустишь нас? У меня уже ноги-руки затекли!

– Отпустите их! – кивнул Урхард, и корни стали раскручиваться, уходить в землю. Через несколько минут о том, что они здесь были, напоминала лишь взрыхленная почва.

– Подходите по одному! – махнул Урхард, и первым подошел Агрос. Он скороговоркой произнес формулу подчинения, отошел в сторонку и стал разминать руки и ноги, морщась от прилива крови.

Андрей чувствовал искренность тех, кто к нему подходил. Люди и не помышляли о сопротивлении. По большому счету им плевать, какая власть теперь будет давать указания. Главное, чтобы они были живы, здоровы, чтобы имели свой кусок хлеба и кусок мяса, одежду, крышу над головой, семью – возможность жить так, как они хотят, как привыкли. Как и все люди во всех мирах.

– Папка такой смешной без бороды... – Тихий шепот в темноте.

Яркая звезда смотрит в щель между занавеской и косяком и будто подмигивает, обещая: все будет хорошо! Но Андрей знает – не всем и не всегда будет хорошо. Но пока что ему и вправду очень хорошо. В ухо дышит Беата, прижавшись упругим гладким телом, он сыт... или почти сыт, находится в ясном уме и твердой памяти, а впереди еще вся ночь, ночь любви, ночь, когда можно забыть о том, что ты не просто Андрей...

– Отрастет борода. Главное, ей есть на чем расти. – Андрей улыбнулся и погладил Беату по спине, отчего она замурлыкала как кошка и чмокнула его в ухо.

– Хорошо как... так бы и не вылезала из постели! С тобой... – мечтательно заметила девушка, помолчала и вдруг спросила ровным, бесцветным голосом: – Ты бросишь меня?

Андрей осторожно высвободил руку из-под Беаты и встал с кровати. Прошел к столу, налил из кувшина холодного морса из лесных ягод и вернулся к кровати, присев на ее край.

– Ты не ответил. Ты бросишь меня? – снова спросила Беата. – Ты уйдешь?

– Я уйду, – таким же бесцветным голосом ответил Андрей. – Ты всегда знала, что я уйду, что я не из этого мира. Зачем ты спрашиваешь?

– Не знаю... – потерянно прошептала Беата. – Я не хочу, чтобы ты

уходил! Я люблю тебя! Возьми меня с собой, пожалуйста! Я ведь умру без тебя... от тоски и горя.

– Ты еще очень молода. Забудешь меня – пройдет год, два, три... заведешь нормальную семью, будешь жить, как твой отец. Теперь у вас все здесь будет по-новому, будет город... Все изменится. Лес очень богат, и вместе с ним вы будете богатеть. У вас будет все, что вы захотите.

– Я ничего не хочу. Кроме тебя. Ни-че-го. Пусть все летит к демонам, только чтобы ты был жив и рядом со мной. Я пойду за тобой. И буду идти следом, куда бы ты ни отправился.

– Лес тебя не выпустит, – вздохнул Андрей, – стоит только его попросить. Отец и мать тебя не отпустят. Я рассказал им о себе, рассказал, что меня ждет. А ждет меня кровь, смерть – война. И я не хочу тащить тебя на нее.

– Ты вернешься? Я ведь беременна от тебя. Ты вернешься к своему ребенку?

– У меня уже есть двое детей. Один из них император Балрона. Моя жена и моя любовница погибли на войне. Я не хочу, чтобы погибла и ты. Вернусь ли я? Вернусь. Если останусь жив. И если судьба не забросит меня так далеко, что я не смогу оттуда выбраться. И еще... у меня в тех краях есть девушка. Она не человек. Но она человек. Шанти любит меня. Так любит, что убьет за меня любого, даже если весь мир на нее ополчится. И я боюсь, что Шанти неправильно воспримет то, что мы с тобой близки, что я...

– Что ты любишь меня? – с затаенной радостью продолжила Беата. – Ну, говори! Чего ты замолчал?

– Люблю. Но это ничего не значит. Я полюбил тебя тогда, когда был Андрусом. Когда забыл свою прежнюю жизнь. Забыл Шанти. И любовь к тебе жива. Я ворвался в твою жизнь непрошеным, заставил полюбить себя. Но теперь все возвращается на свои места. У меня другая жизнь...

– И в ней нет места для меня? – спокойно спросила Беата. – Нет уж, дорогой мой, я буду преследовать тебя по всему миру, найду и буду рядом с тобой! Говоришь, Шанки... Шанти? Ну и что! Я буду драться с ней за тебя! И я убью ее, если понадобится! Я всех убью за тебя!

– Хм... вы с ней похожи, – ухмыльнулся Андрей. – Нет, не внешне. Характером. Она такая же... яростная. А драться с ней опасно для жизни. Даже мне. Потому что она... впрочем, не важно. Давай поступим так: я не могу взять тебя с собой. Но я обязательно вернусь. На какое время – не знаю. Но я вернусь. Я буду возвращаться и снова уезжать, пока не... ой, что-то я запутался. В общем, я вернусь и заберу тебя в Славию. А там

видно будет. Согласна? Но ты не должна идти за мной.

– Я согласна, – тут же ответила Беата и слегка улыбнулась, думая, что Андрей не видит ее улыбки и того, что она показала ему язык. – Не пойду.

– Беа, негодная, я же тебе говорил, я умею чувствовать, когда человек врет, – ухмыльнулся Андрей. – Так вот, чтобы закрепить наше соглашение, поясню: я на самом деле попрошу Лес не выпускать тебя без моего разрешения. И ничего не говори – я знаю, что ты собралась идти за мной. И не надо делать такую скорбную физиономию – никто не умер, все здоровы. И будут здоровы много-много лет, спасибо Лесу. Твой отец теперь глава клана и...

– Иди сюда! Хватит болтать! Когда ты уходишь?

– Через неделю...

– У нас есть еще неделя, и я тебя не отпущу от себя, даже не спорь!

– А я и не спорю...

– Скажи... а что будет с этими... наемниками, что привел староста? То же, что и со старостой?

– Да. И так будет со всеми, кто придет к нам с войной. К вам – с войной. Они станут пауками, змеями и всевозможными гадами. Впрочем, они и так уже ими были. Сброд...

– Как они удивились, когда из-под земли полезли корни! Жаль, что я этого не видела, сидя в яме! Хотела бы я увидеть их рожи! Очень хотела бы... они разговаривали о нас с мамой... обсуждали. Мол, вечером нас...

– Забудь, – нахмурился Андрей, – не было ничего этого. Все закончилось. Теперь сюда никто не сможет прийти. Лес не позволит.

– Странно как все. – Беата провела ладонью по твердой, выпуклой груди Андрея, ухватила за сосок и стала его теребить.

Андрей поморщился и убрал ее руку. Он не любил таких ласк.

– Что странно? Сосок как сосок!

– Глупый! – Беата хихикнула и забралась на него сверху, приподнявшись на груди и уставившись в глаза Андрея. Глаза мужчины мерцали в темноте зеленым светом, и это почему-то ее очень возбуждало. – Глупый! Я о нашей жизни! Когда ты появился, все полетело кувырком, как с горки зимой, понеслось, как снежный ком. Все было так тихо, спокойно, будто в стоячем болоте, а теперь...

– Теперь вокруг смерть, кровь... – глухим голосом продолжил Андрей. – Так бывает везде, где я появляюсь. Знаешь, как меня называли в древнем пророчестве? Вестник Смерти.

– Да ладно... перестань. Так получилось. Так захотели боги. Ты же не

противишься воле богов?

– Воле Бога? Нет, – усмехнулся Андрей. – Я всегда думал, что действую по Его замыслу. Потом оказалось – не совсем так, и даже совсем не так. И я запутался – не знаю, что мне делать.

– Глупенький... когда не знаешь, что делать... делай правильно. А боги рассудят. Или бог. И вообще, у нас так мало времени – всего одна неделя! Ну чего ты все болтаешь, а кто меня любить будет?

– Так уже...

– Чего – уже? Разок-другой для перевертыша – это просто тьфу! Ну-ка, докажи свою мужскую силу... во-о-от... наконец-то...

– Десять дней на юг по тракту, как только выйдешь из Леса, увидишь – дорога уходит влево, сразу за ручьем. Вот по ней иди и никуда не сворачивай, упрешься в главный город клана Сапрас, он называется Ихдир. Из его порта корабли дойдут в островное царство, то самое, из которого в твой Балрон отправился военный флот. Что там сейчас происходит – я не знаю. До нас сведения доходят долго, мы обычно узнаем о событиях тогда, когда все уже свершилось. Впрочем, в этой глухомани чего еще ждать?

– В клане проблем не будет? Кто там командует?

– Глава клана – вполне приличный человек, получше наших покойников. Имя его Хастор Сапрас. Я с ним близко не знаком, но встречался, когда служил в охране нашего клана. Мы вместе с ним ходили в поход на клан Эстран. Никаких особых привычек, например привычки помучить врага перед обедом, у него нет. Обычный глава, себе на уме. Клан сильный, боевой, но в основном они рыбачат и занимаются перевозками грузов на своих кораблях. Ну и грабят потихоньку – чужих, конечно, не тех, с кем в союзе. Ну что еще сказать...

– Островное царство, в каких оно отношениях с вашими прибрежными кланами?

– Ну в каких... хотели бы нас в рабство, да не получается. Мы такие же, как они, нас голыми руками не возьмешь. Вообще-то ждали, что островитяне в этом году попытаются сделать большой поход – на нас, конечно. Они считают нас жирными усками, сытыми и неспособными на войну. У них все подчиняется войне – с детства тренируются. Почему в этом году ждали набега? Потому, что, по нашим сведениям, их объединили в один клан. Нет теперь там кланов вообще. Есть единое королевство. Короля звать Дроган, а остров, на котором он живет, – Шинунал. Ну вот и все, что я могу рассказать. Хорошо, если эти знания тебе помогут... а вообще, лучшая помощь – это твой клинок и деньги. Денег у тебя теперь

хватает, камешков тоже. По-хорошему, ты вообще можешь купить корабль и отправиться на нем в свою демонову Славию.

– А где я команду возьму? Из рабов?

– Из рабов не надо, – Урхард нахмурился и отрицательно помотал головой, – они тут же тебя прирежут и уйдут на вольные хлеба. Раб, он и есть раб. Да. Лучше все-таки попытаться нанять вольного морехода. Они иногда отправляются в дальние края – диковинки везут, то, чего здесь нет. Если заинтересуешь морехода, он может с тебя и не взять ничего. Главное, чтобы показал, куда плыть.

– Если бы я знал, куда плыть! – Андрей досадливо поморщился. – Это на Шинунале знают, куда плыть, раз Дроган притащился в Балрон, где и сложил свою башку.

– Это ты его грохнул? – не удивился купец. – Не советую говорить об этом на Шинунале, там его сильно уважали. Впрочем, скорее всего, на острове остались одни бабы да молодняк – все способные биться мужчины уплыли на завоевание юга. Ну ладно, с этим все ясно. Теперь о нас. Ты не передумал?

– Прости... нет. – Лицо Андрея стало хмурым, и он сокрушенно покачал головой. – Ты пойми, там мои дети, там мои друзья, там моя жизнь. И я не сделал все, что могу сделать. Как я брошу все и останусь здесь, с вами?

– Понимаю. – Урхард тоже погрузился и незаметно вздохнул. – Беата плачет. Ты запретил ей выходить тебя провожать?

– Ну да... долгие проводы – лишние слезы.

– Вернешься когда-нибудь?

– Не знаю. Жив буду – вернусь. Что еще может сказать человек, отправляющийся на войну?

– Ну да, ну да... У Беаты будет ребенок, ты знаешь?

– Знаю. Знаю...

– Как назвать?

– Хм... – Андрей слегка растерялся, потом решил: – Сами выберете имя. Ну что меня спрашивать? Все, что я сделал... сделал. А вам жить. Поверь, Урхард, мне очень тяжело расставаться, очень. Вы так много для меня сделали, вы мне не чужие. И если жив буду – приеду. Вот только с делами разберусь и приеду...

– Ну-ну... посмотрим, – усмехнулся Урхард. – Если будет мальчик – назовем его Андрус, если девочка – Андра. Беата мне уже сказала. И еще – похоже, что Адана зачала...

– Да ладно?! – восхитился Андрей. – Получилось?

– Ага... ты поколдовал или Лес что-то сделал – не знаю. Но Адана говорит – получилось, и я ей верю. Она ведь еще молодая, сможет родить, правда же?

– Конечно, сможет, – кивнул Андрей. – Я ее подправил, оздоровил, теперь у нее организм как у молодой девчонки. Да и ты не старик.

– Да, спасибо тебе, – ухмыльнулся Урхард, – и Адана это заметила. Прошлой ночью сказала, что я никогда не был так силен! Врет, конечно. Я всегда был хоть куда, женщины не жаловались! А до Аданы у меня их было много... хм... что-то я не о том. Время тяну, что ли? Не хочется, чтобы ты уезжал.

Урхард неловко постучал кулаком по фургону, запряженному сильной, сытой, ухоженной лошадей. Та прыгнула ушами и фыркнула, недовольно глядя на человека.

– Давай прощаться. – Голос Урхарда дрогнул, и Андрею показалось, что в глазах купца блеснули слезы. – Тебе еще ехать и ехать. Дотемна надо добраться до постоянного двора Станса, там заночуешь. Старайся ночевать на постоянных дворах, говорят, что на тракте пошаливают бесклановые, да и смута сейчас в нашем клане, могут попытаться загрести тебя в какое-нибудь войско из претендентов на должность главы. Постарайся поскорее покинуть земли клана, если не будешь задерживаться, это случится через два дня пути. Ну все, прощай, Андрус. Прости, для меня ты всегда будешь Андрус...

Урхард обнял Андрея, сжал его в медвежьих объятиях. Похлопал по спине. Потом отстранил, держа его за плечи, посмотрел в глаза и охрипшим голосом спросил:

– Беатке что передать? Адане?

– Адане – спасибо за все. И здоровенького ребеночка вам, и не одного. Думаю, у вас еще будет много детей. Беате... скажи, что я ее люблю. Но... она знает.

– Скажу, – серьезно кивнул Урхард и просиял. – Да, я хочу много-много детей! Будет жить наш клан! Кстати, Лес тебе передает, что надеется тебя еще увидеть.

– Получилось, да? – улыбнулся Андрей.

– Ага... он мне семечко прислал, я проглотил, и теперь мы с ним можем общаться мысленно, – кивнул Урхард. – Он хороший парень, этот Лес! Жаль, что мы не познакомились раньше.

– Жаль, – кивнул Андрей, еще раз обнял купца и легко взлетел на облучок фургона. Взял в руки вожжи, хлопнул ими по спине лошади, и та, недовольно оглянувшись, пошла вначале медленно, потом все быстрее и

быстрее.

Андрей оглянулся, когда отъехал шагов на двести, Урхард так и стоял на дороге, неподвижный и массивный, как статуя, выточенная из светлого камня. Потом махнул рукой, повернулся и пошел туда, где виднелись крыши сельских домов, из труб которых струился сизый дым. Раннее утро было безветренным и чистым, на небе ни облачка, будто и не было вчера ливня, смывающего все на свете ударами дождевых копий.

У Андрея защемило сердце, а к горлу подкатил комок.

«Опять один... как всегда, как всю мою чертову жизнь. Несет меня как перекасти-поле, и, где я остановлюсь, знает лишь Бог. Интересно, что будет с Лесом? С его народом? Я уверен, что все тут будет нормально? Не-а... Человек, соединенный с растением-мутантом... как бы они не стали проблемой для всего мира. Да, Урхард – хороший человек, но... Лес желает размножаться, заполнить собой весь мир. И это понятно – инстинкт. Впрочем, а чем от него отличаются люди? Только тем, что они убивают себе подобных в бесконечных войнах, а Лес не может себя убить. Так чем же мутировавшее растение хуже людей? Может, как раз и лучше такое вот сращение человека и природы? Не знаю. Я сделал все, что смог, и пусть другой сделает лучше меня».

Дни тянулись один за другим. Пыльная дорога, лес, поля, овраги, мосты, ночевки на постоянных дворах. Пьяный гомон путников, обсуждающих свои великие проблемы, чад кухонь, дым очагов, запах лошадиного пота и конского навоза, вонь отхожих мест и аромат пышных лугов, разнотравья и болота с квакливymi лягушками – все знакомое, привычное, навязшее в зубах, как жилистое мясо.

Банды, разбойники? Андрею иногда даже хотелось, чтобы кто-то из них появился и можно было бы развеять скуку путешествия. Но нет, на этой пыльной дороге не то что разбойники, даже путники попадались редко. Они окидывали Андрея сонным взглядом и продолжали свое вечное движение в неизвестное будущее.

Все-таки Андрей больше был человеком другого мира, более энергичного, суетного, быстрого, чем обитателем этого – сонного, бредущего своей дорогой, как бык, запряженный в телегу крестьянина. Куда торопиться, когда завтра будет так же, как и вчера... как и год назад... как целую жизнь назад.

Через десять дней, как и обещал Урхард, дорога вывела Андрея к стенам города Ихдира, расположившегося на скалистом берегу Ихдирской бухты, круто вдающейся в материк. На мысе располагался маяк, сложенный

из дикого камня. Наличие маяка немало удивило Андрея, полагавшего, что здешний народ не дорос до таких чудес цивилизации. А еще удивил город, чистый, ухоженный и многолюдный, похожий на столицу Балрона Анкарру, особенно в ее портовой части. Такие же трактиры, такой же пестрый народ, снующий по пристани так, будто в огромный муравейник помочился громадный бык и муравьи теперь срочно ищут источник опасности, не подозревая, что тот возвышается прямо над ними.

Андрей не любил шум больших городов, толкотню, его раздражали подозрительные личности, пристраивающиеся за каждым незнакомцем, не похожим на жителей города, в надежде поживиться содержимым его карманов или кошелька. Впрочем, при виде жесткого лица незнакомца и рассмотрев его меч, который тот придерживал с уверенностью и грацией опытного бойца, подозрительные типы тут же исчезали в толпе, так и не решившись проверить, насколько чужак обременен медью и серебром, а возможно, и золотом. И напрасно. Чего-чего, а денег у Андрея хватало, и не только денег. Он продал фургон и лошадь – не бросать же повозку и лошадь на причале, а на корабле они Андрею ни к чему. Фургон честно укрывал его от непогоды десять дней, лошадь исправно тащила повозку, так что пусть они достанутся хорошему хозяину, рассудил Андрей, когда передавал вожжи в руки перекупщика. Торгаш явно надул его на хорошую сумму, но Андрею не хотелось торговаться – деньги у него были, и много. Урхард дал ему тысячу золотых и горсть камешков в кожаном мешочке.

Андрей не очень хорошо разбирался в камнях, но по всему было видно, что это необработанные, неограненные алмазы, больше похожие на кусочки окатанного водой кварца.

Если бы не сказали, что это драгоценные камни, Андрей никогда бы не подумал, что эти мутные кусочки стекла самые настоящие алмазы. Когда Урхард показывал ему драгоценности, Андрей высказал сомнение в ценности камешков, и тогда, захохотав, купец бросил один из камешков в драгоценный хрустальный бокал с колодезной водой. Камешек пропал. Дилетантских познаний Андрея хватало, чтобы понять – это настоящий алмаз. Только алмаз, погруженный в воду, становится невидимым. Так что сейчас Андрей нес на себе целое состояние, совсем не лишнее в его положении.

Расставшись с повозкой и лошастью, Андрей отправился в гостиницу. Идти в порт прямо сейчас было глупо – вечер, солнце уже наполовину погрузилось в море, окрасив небосвод в ярко-красный цвет, тени удлиннились и будто цеплялись за ноги прохожих, ускорявших свой шаг в надежде на сытный ужин, чистую постель и покой за крепкими дверями,

уберегавшими людей от опасностей этого города.

Как везде и всегда, с наступлением темноты город становился местом опасным, гораздо опаснее леса с его дикими зверями. Портовые города в этом отношении были особенно опасны – бесшабашные, не особо задумывающиеся о завтрашнем дне мореходы, полукупцы-полуразбойники, только и делали, что искали возможности сцепиться с кем-нибудь из-за неосторожно брошенного слова и даже взгляда.

Уже входя в гостиницу, на вывеске которой красовался корабль с поднятыми парусами, Андрей натолкнулся на невысокого, крепкого мужчину лет сорока, увешанного всевозможными видами оружия – от короткого широкого меча, которым удобно орудовать на тесной палубе корабля, до метательных ножей на перевязи и небольшого стального арбалета, закрепленного на спине. Двое мужчин,двигающихся в противоположных направлениях, врезались друг в друга с такой силой, что их отбросило назад, как два бильярдных шара, и преимущество было на стороне Андрея – его костяк, невидный под слоем сухих узловатых мышц, был более крепким, широким и тяжелым, чем костяк соперника, не являющего мутантом-оборотнем.

Мореход крикнул, слегка согнулся – видимо, получил ощутимый удар в живот, распрямился и посмотрел в лицо тому, кто нарушил его размышления о том, кому бы сегодня выпустить кишки – вечер начинался довольно скучно, невесело, и надо было что-то делать с этой грустью. Или пойти к девкам, или окончательно нажраться, или же... И вот самый веселый вариант – выпустить кишки этому наглецу с противной рожей записного красавчика, осмелившегося появиться там, где собираются настоящие морские волки!

– Т-ты... наглец! – начал мореход, багровея лицом. – Как ты посмел?!

Андрей посмотрел на мужчину, оценил его вооружение, прикинул, во что это все может вылиться, и спокойно, бесстрастно, чтобы не разжигать ситуацию, спросил:

– Что тебе нужно? Я не хотел тебя задеть, так получилось. С меня кружка пива, и мы разошлись в разные стороны. Согласен?

– Из северного клана? Говор у тебя, как у лесных дикарей, – выпятил губу мореход. – Теперь понятно, почему ты такой тупой. Говорят, в лесных кланах принято жениться на своих дочерях и сестрах, потому у них рождается много ублюдков, слабых на голову.

– Не заметил такого, – пожал плечами Андрей и, обойдя мужчину сбоку, направился к стойке, за которой стоял хозяин заведения – полноватый высокий мужчина пятидесяти лет, внимательно наблюдавший

за происходящим.

Возле трактирщика отирались двое парней, по виду типичные вышибалы – с расплюснутыми ушами, свернутыми в сторону носами и шрамами по всей голове. Парни видали виды, наметанным глазом определил Андрей. Он сам когда-то работал вышибалой в подобном заведении, так что знал толк в этой работе.

Завидев, что чужак направляется прямо к ним, вышибалы насторожились и выдвинулись вперед, готовые прикрыть хозяина своими налитыми силой телами. Трактирщик сделал успокаивающий жест, вышибалы сразу расслабились, но, как заметил Андрей, далеко не ушли, встали рядом, наблюдая за полупустым залом и двумя потенциальными возмутителями спокойствия.

– Ты хозяин гостиницы? – Андрей встал вполоборота к обиженному им мореходу, следя за ним боковым зрением. – Я бы хотел снять комнату. Приличную комнату, с ванной.

– У нас есть мойня, – довольно приветливо ответил трактирщик. – Тебя она не устроит?

– Мне бы не хотелось оставлять без присмотра свои вещи, пока я моюсь. Я предпочитаю ванну в номере, – спокойно пояснил Андрей, наблюдая, как задира шагает к нему с явным намерением начать драку.

– Осторожнее! – кинул трактирщик и жестом приказал вышибалам перехватить драчуна, несущегося на Андрея с короткой, обтянутой кожей дубинкой в правой руке.

Вышибалы не успели ничего сделать – Андрей шагнул вперед, перейдя в боевой режим, перехватил руку задиры, не позволяя ударить дубинкой, а правой рукой нанес молниеносный, сокрушительный удар в солнечное сплетение супостату. И чуть не взвыл от боли – под одеждой морехода была скрыта кольчуга с нашитыми на ней стальными пластинами, одна из них как раз закрывала солнечное сплетение.

Если бы кости Андрея не были так крепки, он неминуемо сломал бы руку о стальную броню, а так всего лишь разбил костяшки до крови.

Противник, получивший удар, сравнимый с ударом молотом, отключился и рухнул на пол, закатив глаза и разбросав в стороны могучие ручищи, привыкшие без усталости работать и тяжелым мечом, и веслами на борту корабля, когда штиль лишает возможности догнать жертву, уходящую от преследования.

– Крепко приложил! – уважительно хмыкнул вышибала. – Давно Харад не получал отпора! Надоел уже – так и ходит, ищет, кому бы морду набить.

– Он так зарабатывает, – пожал плечами второй. – Ты думаешь, чего до гостя докопался? Ты видишь его меч? Отличный клинок, северной ковки, с магией! Небось и деньжата водятся. Сейчас бы вызвал на поединок да и обобрал до нитки. Или просто врезал по башке, потом бы сказал – никто не запрещал биться. А что, законное дело – получить с побежденного. Господин, ты нездешний, с севера, да? Наши законы знаешь? Ты можешь забрать с него оружие и деньги. Личные вещи трогать нельзя – штаны, сапоги и все такое прочее.

– Если только кому-нибудь понадобятся его вонючие штаны! – хохотнул первый вышибала. – Ну что, давай почисть его. Хватит ему все других чистить. Смотри-ка, до сих пор не очнулся... хорошенько вырубил. О-о-о! Да ты его через кольчугу достал?! Силен, нечего сказать!

– Надеюсь, ты приехал сюда не для того, чтобы устраивать драки? – холодно спросил хозяин заведения. – Честно сказать, я не люблю скандалов и драк. После первой же драки, в которой ты будешь зачинщиком, покинешь гостиницу. Если условия устраивают, пойдем, я покажу тебе комнату.

– А с этим-то что? С Харадом?! – закричал первый вышибала, глядя вслед уходящему Андрею.

Тот остановился, секунду подумал, залез в карман и, достав серебреник, кинул его парню:

– Посади его где-нибудь в тихое место, проследи, чтобы не обобрали. Как очнется, скажешь, что у меня к нему претензий нет, пусть проваливает. Сунется с дракой – убью.

Вышибала ловко поймал монету в воздухе, выказывая завидную скорость и грацию – не зря трактирщик держал в заведении этих двух парней, – и весело причмокнул губами:

– Как скажешь, господин! Интересно будет посмотреть на рожу Харада, когда я ему это скажу! Он еще ни разу не проигрывал. Правда, у нас он особо не бесчинствует, иначе хозяин его больше к нам не пустит, а он любит наши пироги и вино. Это сегодня что-то ему моча в голову ударила, перепил лишнего, видать. А может, наоборот, недопил!

– Много болтаешь! – оборвал строгий трактирщик и осуждающе покачал головой. – Следите за порядком. Этого посадите в угол, пока не отойдет. Потом пусть проваливает. Прошу за мной, господин.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Андрей с усмешкой подумал о том, что все гостиницы спроектировал один человек, и этот человек был полностью лишен воображения. Длинный коридор, комнаты налево и направо. Если забыть про меч на поясе и закрыть глаза на отсутствие

электричества, можно подумать, что ты находишься где-нибудь в Хрюпинске Мухосранской области. Не хватает только кадки с пальмами и пожилой дежурной по этажу, с покрашенными в голубой цвет волосами. Все остальные признаки провинциальной третьесортной гостиницы налицо. И это удручало.

Андрей прикинул – номера находились как раз над кухней, а значит, весь чад от готовки будет лезть в комнату, пропитывая одежду, обувь, волосы и все, до чего доберется. Печально. Но не привыкать. Первый раз, что ли?

На удивление, в комнате, в которую трактирщик привел Андрея, оказалось довольно уютно и даже светло – два масляных фонаря, подвешенных под копитеуловителями, освещали комнату не хуже электрических ламп. У стены стояла медная ванна – небольшая, сидячая, но глубокая, можно погрузиться по шею. Стол, широкая кровать, наводящая на мысль о любовных утехах, шкаф, стулья – ничего лишнего, но все вполне пристойно. Мебель сделана из темного полированного дерева и выглядит вполне прилично, тем более для гостиницы какого-то портового городка. Кухней вопреки ожиданиям почти не пахло – так, легкий запах съестного, как и по всему зданию.

Андрей удовлетворенно кивнул, дал трактирщику золотой в счет оплаты, чем тот был вполне удовлетворен, заказал ужин, попросил прислать служанку, чтобы забрать грязную одежду для стирки, и слуг, чтобы наполнить ванну горячей водой, – все было воспринято благосклонно, клиент состоятельный, деньги есть, все к его услугам! Пока платит...

Через час Андрей уже сидел в ванне и наслаждался ощущением чистого тела, скоро его охватила истома и захотелось спать. Он вымылся, вытерся и заснул сном младенца на огромной кровати, способной вместить человек шесть, не меньше.

Ночью ему снилась Шанти. Она была в человеческом облике, в образе рыжеволосой красотишки с мраморной кожей и высокой грудью, вздымавшейся при дыхании так, что у мужчин вокруг нее всегда перехватывало горло и возникало настоящее желание прикрыть пах. Шанти смотрела на него зелеными колдовскими глазами и молчала. Потом подошла к нему, улыбнулась и уверенно сказала: «Я тебя найду! Все равно найду! Никуда ты от меня не денешься!» Андрей хотел сказать, что никуда от нее деваться не собирается, наоборот, движется к ней со всей возможной скоростью, но драконица стала удаляться, уменьшаться, пока не превратилась в темную точку где-то на горизонте и не растворилась в

воздухе.

И в этот момент Андрей проснулся, чтобы услышать, как кто-то стучит в дверь. Монах сел на постели, потом взял вещмешок, достал чистые штаны и рубаху, оделся. Подошел к двери, отодвинул засов, ожидая, что за дверью стоит служанка с чистыми, отглаженными штанами, и был немало удивлен, увидев перед собой вчерашнего задиру Харада.

Тот был в полном вооружении, и Андрей выругал себя за то, что, как дурак, открыл не спрашивая, и где – в чужой стране, в чужом, опасном городе. Это было непростительной ошибкой, которая могла стоить ему жизни.

– Я не драться! – Харад предусмотрительно отступил назад, подняв ладони вверх. – Я просто хочу поговорить!

– О чем поговорить? – настороженно спросил Андрей, едва не сломавший шею бретеру. Тот не подозревал, что был на волосок от смерти. Если бы не привычка Андрея думать прежде, чем делать, Харад был бы уже мертв.

– Позволь, я зайду? Как-то неудобно разговаривать на пороге, тебе не кажется? Я принес нам с тобой выпить и закусить. – Харад кивнул на довольно объемистую корзину, стоящую у его ног. – Не погнушаешься завтраком со старым бойцом?

Андрей внимательно посмотрел в безмятежное лицо гостя, прощупал его чувства – нет, никакой агрессии, никакой ненависти. Харад излучал любопытство, приязнь и легкое веселье – видимо, его забавляло замешательство хозяина комнаты.

Монах отошел в сторону, жестом приглашая Харада войти, тот легко подхватил корзину и шагнул за порог. Андрей подошел к окну, распахнул створки и впустил в комнату прохладный утренний воздух, пахнувший дымком, навозом и водорослями – море здесь было не очень далеко, до порта всего минут пятнадцать небыстрым шагом.

– Ну, так зачем ты пришел ко мне? – Андрей присел на кровать, наблюдая, как бретер ловко выставляет на стол принесенное угощение. – Если не отомстить, то зачем?

– А за что мне тебе мстить? – легко откликнулся Харад, красиво расставляя деревянные блюда и раскладывая на них нарезанное копченое мясо и пироги. – Ты победил меня в честном бою и не воспользовался своим правом обчистить меня до нитки. За то тебе огромное спасибо. Я твой должник. И ты меня заинтересовал – у тебя говор северян, но ты совершенно на них не похож. Ты темноволосый, двигаешься как танцор, невероятно быстр, а силы в тебе как у десятка здоровенных мужчин – у

меня до сих пор живот побаливает. Синячина с тарелку! Это надо же, пробить голым кулаком через стальную пластину! Ты ее даже погнул! Рука-то цела? Цела. Ага. Вот мне и стало интересно, кто ты, зачем тут. Скучно, развлечений не так много – захотелось поговорить с новым человеком. Если не хочешь, можешь ничего не рассказывать. Просто посидим, выпьем, по крайней мере я хотя бы посижу с тем, кто сумел меня побить. Поверь, таких людей немного. Ну все, присаживайся к столу, будем завтракать.

Харад уселся за стол и выжидающе посмотрел на Андрея. Тому ничего не оставалось, как сесть напротив и взять кружку с темной,пряно пахнущей жидкостью.

– Ну что, будем знакомы? Я Харад!

– Я Андрей.

Кружки поднялись вверх в знак приветствия, и густое старое вино полилось в глотки, исчезая, как дождевая вода в решетках канализации.

Глава 12

– Ну и?

– И что?

– Рассказывай!

– А может, ты первый? Ты пришел ко мне, а не я к тебе. Начинай.

– Хм... ты прав. Нальем по второй?

– Нальем. Только предупреждаю – бесполезный перевод вина. Я не пьянею.

– Что, совсем? Врешь! Хм... не врешь, вижу... интересно... неужто?! Перевертыш? Не может быть! Хотя почему нет? Это объясняет, как ты смог со мной разделаться, будто муху прихлопнул.

– А почему ты так удивился? Неужели перевертышей так мало? Ты же знаешь про таких?

– Знаю? Да я за всю свою жизнь видел только одного перевертыша, и он был в охране главы клана! Такие, как вы, не бродят по миру просто так, их всегда прибирают к рукам. Или они прибирают... У тебя странный акцент. Только не говори, что это северный говор! Я знаю северный говор, но ты странно выстраиваешь фразы, окончания слов тоже немного отличаются. Незнающий человек не заметит, но я искушен в этом деле. Меня не обманешь. Откуда ты взялся, Андрей?

– Издалека, – решился Монах, – и хочу вернуться домой. Если ты мне поможешь, я тебе заплачу. Хорошо заплачу.

– Эх... жаль, что ты перевертыш! – с искренним сожалением воскликнул гость. – Так и знал, деньги у тебя водятся. Я бы тебя прибил, а потом обобрал! И сейчас бы лежал с двумя лучшими девками из «Лунного цветка», пьяный, счастливый, и голова бы не болела!

– Самому-то не стыдно – обирать несчастных горожан? – невольно ухмыльнулся Андрей. Ему чем-то нравился этот беззастенчивый бретер, говорящий то, что думает, невзирая на последствия.

– А чего стыдного? – удивился Харад. – Я что, не даю им возможности сопротивляться? Я честно вызываю на бой, они имеют право взрезать мне брюхо так же, как я им. И кто виноват в том, что они умеют драться хуже, чем я? Пусть учатся!

– А не боишься, что тебе как-нибудь всадят стрелу в затылок? Или болт в сердце? Родственники или друзья убитых тобой. Не боишься мести за ограбленных?

– Ну... есть такая опасность, – неохотно признал Харад, – два раза покушались, твари. Руку пробили болтом да глаз чуть не выбили – чиркнуло по виску. Вообще-то я собирался покинуть эту землю, и твои денежки должны были послужить мне мостом в другую жизнь. Что-то горячо здесь стало... пятки так и прижариваются. Хотел на Шинунал свалить. Там сейчас идет война, можно хорошо заработать.

– Грабить селян? Горожан? – скривился Андрей. Гость уже не казался ему симпатичным парнем.

– Кто попадется, – пожал плечами Харад. – А что, во время войны на территории противника все, что добудешь, – твое! Разве в твоих краях не так?

– Хм... вообще-то так, – неохотно признал Андрей и вздохнул. – Ничего не меняется. Ни в каких мирах. Подожди, а кто там воюет? И с кем?

– Клань – между собой. За власть. Король отправился к далеким берегам, на юг, власти нет. Как только он исчез, как только исчезла королева, тут и началось. Резня, резня и резня. Уже несколько месяцев резня. Я не хотел туда ехать, но... лучше уж там повоевать, чем получить стрелу в затылок здесь.

– Не понимаю разницы, – пожал плечами Андрей. – Там убьют и тут убьют... а что, другого занятия найти нельзя?

– В пираты? – усмехнулся Харад, поглаживая рукой глиняную кружку с рисунком ели на боку. – Пираты долго не живут. Два, три, пять походов – и тебя грохнут. Случайная стрела, камень из камнеметалки, и конец. Да и не так это дело прибыльно, как кажется. Я был в пиратах – больше не хочу. Ну что, расскажешь, что тебе понадобилось здесь, в забытой богами дыре?

– А мне показалось, приличный город, – усмехнулся Андрей. – Чего это забытый богами-то? Просто у тебя сейчас черная полоса в жизни, вот и кажется, что город плох.

– Черная полоса? Какая черная полоса? – не понял Харад.

– Ну... говорят, что жизнь похожа на... хм... в общем, представь себе дорогу, которая поперек раскрашена полосками. Это и есть наша жизнь. Полоса черная – это полоса неудач, полоса белая – это период, когда тебе везет, когда все замечательно. Вот так и живем.

– Интересно, – восхитился Харад. – Ты точно не из наших краев, я никогда не слышал такого! Но ты опять хитро увел разговор от себя! Ох ты и хитрый тип! Итак, перевертыш, который никому не подчиняется, не из наших краев, говор странный. Пришел в город-порт – зачем? Значит, хочет куда-то плыть. Точно?

– Точно. Мне нужно уплыть туда, куда отправился король Шинунала, –

решился Андрей. – Насколько это реально? Ты местный, ты должен это знать.

– Никто ни за какие деньги не поплывет в те края, – хмыкнул Харад. – Безумная королева заставила короля отправиться за море, и теперь от них нет никаких известий. Все знают, что они погибли. За морем живут чудовища, питающиеся людьми, – это знают даже младенцы.

– За морем живут такие же люди, как и вы, – усмехнулся Андрей. – Или ты не всерьез? Шутник...

– Многие так и считают – за морем чудовища, – ухмыльнулся Харад, – только я не верю. Но верю в то, что, если одинокий корабль приблизится к чужим берегам, участь его будет незавидна. Пираты, они везде пираты. И некому защитить. Отправляться в такую даль можно только в несколько судов, с толпой умелых бойцов, способных дать отпор. Потому никто и никогда не отправится в те края в одиночку. Понятно? Значит, ты из тех краев... и как ты попал сюда? Магия? В сказках умелые маги могут переносить на огромные расстояния всякие там предметы, и даже людей. Ты так тут оказался?

– Случайно, не своей волей, – неохотно подтвердил Андрей. – Перенесся сюда и теперь хочу вернуться домой. Что посоветуешь?

– Давай-ка нальем по кружечке... у меня от хорошего вина голова лучше работает. Ну, за то, чтобы наши мечты сбылись!

Харад в три больших глотка опустошил кружку и удовлетворенно вытер рот тыльной стороной ладони, откинувшись на спинку стула и поглядывая на Андрея поблескивающими глазами. Посидел, созерцая собеседника, будто диковинную зверушку, и продолжил:

– Давай рассуждать так: у кого кораблей достаточно, чтобы отправить за море целый флот или хотя бы штук пять? Меньше пяти просто глупо: пираты обычно ходят на промысел в три-четыре корабля, самое меньшее – в два корабля. Это должен быть или крупный купец, или... сам глава клана. Впрочем, есть и еще путь – купить корабль, оснастить, набрать команду и отправиться куда надо. Но... где ты найдешь таких смельчаков, чтобы отправиться неизвестно куда через все море? Ты хоть знаешь, сколько времени займет путешествие? Куда плыть?

– Если с Шинунала – месяц пути. – Андрей задумчиво покатал между пальцами шарик из хлебного мякиша, потом прицелился и ловко выстрелил им в открытую форточку.

Харад проводил «снаряд» взглядом, удивленно поднял правую бровь, будто восхищаясь способностями собеседника, и вернулся к разговору:

– Нужен хороший рулевой, способный держать курс, нужен хороший

корабль, способный выдержать шторм в открытом океане. Нужна команда, которая способна бегать по снастям и не будет ночью красться к твоей каюте, чтобы перерезать тебе горло. Видишь, как много надо, чтобы ты смог перебраться на Южный материк? Кстати, а ты уверен, что он есть, этот материк? Мало ли что придумали безумная королева и король, который, как говорят, полностью был у нее под каблуком!

– Хочешь, чтобы я рассказал о том материке? – усмехнулся Андрей. – Есть, есть материк. Месяц пути на корабле. А ваше войско, наполовину выбитое, теперь служит империи Балрон. Рыжий корпус – так оно теперь называется. То, что осталось от армии безумной королевы. Да, я их разбил. Я и мои люди. Как тут оказался, не знаю. Магия какая-то. Итак, нужен корабль – ты с этого начал? Посмотри, ты человек опытный, этого хватит, чтобы купить нужный корабль?

Андрей поднялся, сделал пару шагов к шкафу и достал с нижней полки небольшой мешочек с камнями, которые дал ему Урхард.

– Гляди! – Андрей развязал горловину кошель и высыпал на стол горсть камешков, тускло блеснувших среди крошек на столе, залитом вином. – Этого хватит на корабль?

– Это... это то, что я думаю? – вытаращил глаза Харад. Он осторожно потыкал пальцем в камешек размером с ноготь мизинца. – Это они, адаманты?

– Они, – усмехнулся Андрей. – Я не знаю, сколько стоит ваш корабль, способный пересечь море, потому ты мне должен помочь. Я оплачу твои услуги, не беспокойся.

– Оплатишь? Вот это правильно, – довольно кивнул Харад. – Я поиздержался, работа мне нужна. На корабль тут хватит. И на снаряжение, и на припасы. Проблема только в том, что все хорошие корабли, все до единого, принадлежат главе клана. Все – нужного нам размера и оснастки. И продаст ли он такой корабль – это вопрос.

– Подожди... а как же купцы, о которых ты говорил? – неприятно удивился Андрей. – Крупные купцы? У них что, нет хороших кораблей? В чем дело?

– Я тут подумал – нет, таких у них нет, – невозмутимо пожал плечами Харад. – Те, что есть, больше подходят для путешествий вдоль побережья, да могут достичь Шинунала, не более того. Ну и пограбить сойдут: низкая осадка, если что – прячутся на мелях. А тебе нужен настоящий морской корабль, с большой осадкой, крепкий, устойчивый. Такие строят только для главы клана. У него их десятка два – боевые корабли, с камнеметалками, высокими бортами, за которыми прячутся лучники. Стоят такие корабли

дорого, да. Но тебе хватит денег, вернее, камешков – если он будет согласен продать такой корабль. Теперь подумай, что ты можешь предложить главе, чтобы он согласился расстаться с боевым кораблем. Деньги? У него их куча. Власть? Он тут бог. Захочет – любого вздернет или башку отрубит. Глава делает все, что хочет. И закон ему не указ. Это самый крупный клан нашей земли, и скоро он будет главным – ходят слухи, что глава собирается подмять под себя остальные кланы. Единственное, что его может заинтересовать, это ты, перевертыш. Вот только он сразу пожелает, чтобы ты ему служил. А если не захочешь – уничтожит. Зачем ему в землях клана человек, который может пройти через охрану как раскаленный нож через брусок масла? Ты опасен, а значит, нужно тебя уничтожить. От стрелы в башку никто не застрахован, и у нас есть стрелки, сажающие стрелу в пятно размером с кулак на расстоянии триста шагов и больше. Ты не сможешь пройти по улице, не сможешь тут жить. Кроме как служа главе.

– А если попробовать найти корабль на Шинунале? – угрюмо переспросил Андрей. – Они ведь ушли на юг, и корабли для этого нашли. И, замечу, много кораблей. Что-нибудь да осталось!

– Нет. Все ушли. И больше кораблей они не строят. Смута охватила Шинунал, идет борьба за власть, я тебе уже говорил. Не до путешествий теперь им. Весь остров клокочет, булькает в крови. Забудь про Шинунал, как только твоя нога ступит на берег – тут тебе и конец. Ну хорошо, может, и не сразу, но все равно конец. Каждый островитянин постарается выпустить тебе кишки. Сотому или тысячному это удастся – как я уже говорил, от случайной стрелы никто не застрахован. Ты чужак. Тебя издалека видно – ты чужак. Парень, ты просто не видишь себя со стороны, от тебя так и веет чужаком, и твои рассказы о том, что ты с севера, из дальнего клана, никого не введут в заблуждение! Кстати, я не удивлюсь, если главе клана уже доложили о странном путешественнике, который так быстр и ловок, что за несколько ударов сердца уложил на пол некоего придурка, и выглядит не так, как здешние люди. Глава любит все странное... может, на этом сыграть? – Харад задумчиво поскреб чисто выбритый подбородок со следами пореза. Видимо, порезался, когда брился.

– погоди, ты сказал, что можно завербоваться в наемники на том же Шинунале? А как это вяжется с тем, что чужаку выпустят кишки? Любому чужаку?

– Ну не надо так буквально понимать все, что я сказал, – поморщился Харад. – И притом, когда завербуешься, ты уже не чужак, ты свой. На тебе будут цвета того клана, в котором ты воюешь. За который ты воюешь... – Харад помолчал, отпил из кружки, вытер губы и поднял взгляд на

Андрея. – Вот что я скажу: тебе одна дорога, к главе клана. Сумеешь его уговорить – он продаст корабль, поможет с командой. Не сумеешь – ничего не получится, даже если ты осыплешь порт золотом.

– Как попасть к главе? Если я правильно понимаю, к вашему главе не так просто попасть. Вряд ли кого-то с улицы приведут в его покои.

– Ну... всякое бывает, – усмехнулся Харад, – но мысль верная. Ты хочешь спросить, могу ли я провести тебя к главе? Как ни странно, могу. Я знаю начальника его охраны, знаю приближенных. Когда-то я... впрочем, это длинная история и тебе неинтересная. Ну что же, завтра я за тобой зайду... в полдень. Да, в полдень. Готовься, думай, что скажешь главе. А я пойду договариваться о встрече, не буду терять время. И вот что – ты мне будешь должен... пятьдесят золотых.

– Не жирно ли? – ухмыльнулся Андрей. – Запросы у тебя не по одежде, а?

– А что одежда? – слегка обиделся Харад. – Ну некому вычистить было, денег нет, а так-то лучшие раванские кружева, болорская шерстяная ткань, сапоги из мягкой кожи руки мастера Гулрада! Оружие – лучших мастеров... хм... ну да, да, у тебя лучше. Да у меня тоже были полосы светлые! Пришлось вот на черной полосе расстаться с хорошим оружием... я и сам не рад. Но с твоей помощью разбогатею, да. Дай в счет оплаты десять золотых? Не бойся, я не убегу с деньгами! Хочу посетить «Лунный цветок» – у меня бабы не было три седмицы! А на портовых грязных шлюх я не размениваюсь! А пошли вместе к девкам? Там есть такие штучки – потом спасибо скажешь! Пошли?

– Нет, не пойду, – снова усмехнулся Андрей, – я не хожу к шлюхам. Нет, не предпочитаю мужчин, не делай такую физиономию. Я сплю с теми женщинами, которых люблю. Или хотя бы влюблен.

– Молодой еще, – скривился в улыбке Харад. – Я тоже когда-то был романтичным идиотом. Теперь знаю цену деньгам, словам и любви. Нет ее, любви-то, есть желание... и когда ты его не можешь удовлетворить, тогда... тогда... в общем, хреново тогда. Я не люблю обслуживать сам себя, это унижительно для воина. Впрочем, менее унижительно и безопасно, чем связываться с гнилозубыми портовыми бабами, воняющими потом, черными пеньками зубов и селедкой! Брр! От них пахнет мертвечиной!

– Откуда знаешь? – не выдержал Андрей. – Раз ты с ними не связываешься?

– Ой, ну не будь таким придирчивым, – подмигнул Андрею Харад, – всякое бывало! Когда солнце палит, не думаешь, насколько грязна вода, – напиться бы! Утолить жажду! Ну что, пойдем со мной?

– Что-то разговор не туда зашел, – помотал головой Андрей. – Нет, не пойду. Денег дам – пять золотых. Выполнишь дело, получишь свои пятьдесят золотых. Но! С этого момента я тебя нанимаю. Ты будешь работать на меня, отрабатывать свои пятьдесят золотых.

– Пятьдесят золотых – без учета еды и выпивки! – вставил Харад, блестя глазами. – Кормежка за твой счет!

– Без учета выпивки и кормежки, – согласился Андрей. – Когда ты со мной. Оплачивать твои походы в публичный дом я не собираюсь. Ты делаешь все, чтобы я мог купить корабль, нанять команду. Если понадобится – дерешься вместе со мной, за меня.

– За море тоже с тобой идти?

– Это как захочешь. И вот еще что, никаких драк без моего разрешения, если только тебе не будет угрожать опасность. Или мне. Я не хочу, чтобы какой-то удачливый боец выпустил тебе кишки прежде, чем ты сделаешь все возможное по нашему контракту. Согласен?

– Так-то согласен, но замечание про драки мне не нравится! – фыркнул Харад. – Я этим только и жил последнее время! И они не смогут меня взять, болваны все! Я самый...

– Никакой ты не самый, – резко перебил Андрей, не обращая внимания на неудовольствие собеседника. – Если я смог тебя побить, значит, и еще кто-нибудь сможет. А ты мне нужен. Готов заключить контракт? На таких условиях?

– Готов, но ты обещаешь, что отомстишь за меня, если мне прострелят башку, – уныло заключил Харад. – Я теперь работаю на тебя, значит, ты должен мстить за своего наемника.

– Хорошо. Я отомщу, если только узнаю, что тебе мстят не за подлый поступок, – пожал плечами Андрей. – Вдруг ты насильничал какую-нибудь девицу, а потом ее задушил? За такое любая казнь не кажется несправедливой.

– Обижаешь! – поджал губы Харад. – Я похож на человека, насилующего девиц? Впрочем, наверное, похож, – хохотнул он. – Ладно, согласен. По рукам! Ритуал?

– Ритуал.

Андрей встал вслед за Харадом, они скрестили руки, соединив ладони, и Андрей перечислил все, что они с Харадом должны сделать. Завершили ритуал слова Харада:

– И пусть покарают меня боги, если я нарушу договор!

Андрей достал из пояса пять золотых, бросил их на стол, и не успело стихнуть эхо стука монет, как они уже исчезли под ладонью бретера,

радостно заулыбавшегося новому работодателю. Еще через пять минут Харада уже не было в комнате, он так спешил к своим девицам, что чуть не упал, споткнувшись о порог.

А может, подействовало вино, которое он выпил в одиночку – Андрей больше не пил. Что толку пить, когда не пьянеешь? Андрей всегда считал это извращением. Безалкогольному пиву – бой!

Пустой день. Андрей не любил такие дни, они в его бурной жизни случались не раз и не два. Какой-нибудь городишко, в котором и посмотреть нечего, и сходить некуда, и вообще, тоска, пыль и пустота. Нет друзей, нет знакомых, нет ничего, что бы могло занять мозг, – кроме мысли, что нужно выполнить заказ и быстро унести ноги. А до акции нужно ждать, иногда по несколько дней – цель никогда не указывали заранее, только на месте. Обычно Андрей выходил в город и бродил по улицам, отмечая для себя пути отхода, укрытия, дорожную обстановку – застрять в пробке на отходе было бы верхом глупости.

Все провинциальные городки похожи друг на друга: люди двигаются медленно, будто под водой, никуда не спешат или сидят возле забора на корточках и курят, лениво перебрасываясь ничего не значащими фразами. Куда спешить, когда все дни похожи один на другой и, если ты ускоришь движение, все равно ничего не изменится. Кафешки – почему-то всегда их владельцами были кавказцы. Скучающие таксисты на ржавых рыдванах, отмытых до блеска. Автобусы на автостанции, поглощающие жадными ртами дверей тех, кто отправляется в большой город на поиски лучшей жизни, не замечая, что городок держит их на длинных-длинных нитях и норовит притянуть назад, в душное болото провинциальности.

Вот и сейчас у Андрея было странное чувство, что-то вроде дежавю – все знакомо, все банально и навязло в зубах, как жилистая говядина. И пусть прохожие одеты по моде другого мира, все равно они не такие, как в столичных городах, более спокойные, что ли. Они так же сидят на корточках, так же курят – слабую наркоту, – закатывая глаза и лениво болтая о том, что видят. А видят они чужака, одетого, как принято в северных кланах. Видят и тут же забывают о нем. Как и он о них.

В порту такое же вялое движение – середина дня, солнце высоко, время обеда. Грузчики, которых нетерпеливый наниматель заставил работать без перерыва, посулив высокую плату, с угрюмыми физиономиями и руганью таскают мешки на небольшое судно, будто раздувшееся от поглощенного груза. Купеческий корабль видно сразу – устойчивый, вместительный, по скорости равный утюгу. Купцу незачем устанавливать рекорды, ему бы медленно и важно доплюхать до порта и

разгрузиться. Впрочем, на палубе купца стояли две камнеметалки, а возле них были сложены камни, и, как по опыту знал Андрей, где-нибудь в крепкой клети обязательно имелись сосуды с зажигательной смесью. Здешние вояки умели делать что-то вроде «греческого огня», по сути «коктейли Молотова», в больших кувшинах с фитилями. На «купце» на бухтах канатов сидели вооруженные охранники, спрятавшись в тени, зевающие, но неусыпно и зорко наблюдающие за причалом. Как только Андрей попытался подойти поближе, тут же был остановлен окриком лучника, угрожающе поднявшего лук с наложенной стрелой. Поговорить с хозяином корабля не получилось – тот отсутствовал, вместо него был помощник, и этому помощнику было совершенно некогда разговаривать со всякими там бродягами, мешающими следить за погрузкой «этой демоновой лохани» и по вине которых «эти дети больной ослицы, по недоразумению называемые грузчиками», лишатся надзора и обязательно уронят в воду какой-нибудь ящик с ценным товаром. Посему чужак был отправлен восвояси с фырканием и проклятиями. Впрочем, этот злющий человек, утирающий пот с грязного, пыльного лба, навел Андрея на правильный путь: оказывается, в городе был трактир, в котором после работы собирались корабелы. В этом же трактире заключались сделки по продаже кораблей. Туда и был отправлен покрытый пылью и руганью чужак.

В трактире «Белый парус» в этот час народу было мало, и делать тут до вечера было нечего. Но Андрей ничего не потерял, все равно трактир находился по дороге к той гостинице, где он остановился. Убедившись, что придется ждать несколько часов, пока соберутся корабелы, Андрей побрел в свою гостиницу и после более чем обильного обеда завалился на кровать, созерцая остатки утреннего завтрака, пустой кувшин из-под вина и вспоминая разговор с Харадом.

В очередной раз прокрутив беседу в памяти, пришел к выводу, что делает все правильно. А то, что он пытается найти другие варианты, так это нормально. Почему он должен верить словам Харада? Тем более что Харад, похоже, «мутный» по самую макушку.

По привычке старого солдата спать тогда, когда удастся, а не тогда, когда хочется, Андрей заставил себя заснуть и проснулся уже вечером, когда светило почти погрузилось в море, окрасив небо сочными красными мазками. Прежде чем стемнело совсем, Андрей уже шагнул в «Белый парус».

Увы, посещение «Белого паруса» не дало совершенно ничего. Его выслушивали, задавали вопросы, улыбались, как опасному сумасшедшему,

от которого неизвестно что можно ожидать, и слегка испуганно пересаживались, тихо делясь со своими собутыльниками комментариями о ненормальном, собирающемся отправиться за море. Именно тихо, потому что сумасшедший выглядел довольно грозно, и никому не хотелось получить кинжал в брюхо, случайно задев странного северянина неосторожным словом.

В общем-то все оказалось так, как ему рассказал Харад, – все крупные океанские корабли, они же военные корабли, находились под контролем главы клана, и продавать их никто не собирался. Купцам корабли такого типа были не нужны, они их не строили. А тот, кто собирался строить, должен был получить разрешение у главы. Все. Круг замкнулся.

Раздосадованный и мрачный, Андрей отправился в гостиницу дожидаться своего наемника – а что еще было делать? Время он коротал за обильным ужином.

Уже лежа в постели, обдумывая сегодняшний день, Андрей вдруг понял, что ему не давало покоя. Весь день ему казалось, что за ним кто-то наблюдает. Он оглядывался, осматривался, но не замечал никого похожего на соглядатая. Однако Андрей доверял своему чутью старого вояки, наемного убийцы, потому был уверен – кто-то и вправду за ним внимательно и пристально следит. Профессионально следит, иначе он бы уже обнаружил филера. Не новичок же, в самом деле.

– Эй, командир, подъем! – В дверь грохнул крепкий кулак, и Андрей, с рассвета мучительно ожидавший прихода своего «подчиненного», тут же отодвинул засов и впустил Харада.

– Готов? – Хрипловатый голос бретера был еще более хриплым, а на щеке красовалась ссадина, вокруг которой расплывался сине-желтый кровоподтек. – Я думал, ты дрыхнешь, а ты вон что, уже одет!

– Я же сказал тебе – не драться? – холодно осведомился Андрей. – Так какого демона?!

– Да я и не дрался! – возмущенно выдохнул Харад. – Это подлая стрела, едва успел голову убрать! Что я поделаю, если эти твари за мной охотятся? Эта семейка Меркин – злые гады, я тебе скажу. Они в родстве с главой одного из южных кланов, вот и обнаглели вконец! Думают, им все сойдет с рук! Ничего... будет еще время...

– Хватит о Меркинах, – так же холодно перебил Андрей. – Ты договорился о встрече с главой?

– Конечно! – опять оскорбился Харад. – Я же обещал! Ты встретишься с главой. Прямо сейчас. Пошли?

– Пошли, – кивнул Андрей, окинув Харада быстрым взглядом.

Тот был слегка бледен, видимо, после ночной попойки и общения с девицами, но руки у него не дрожали. Харад вышел в коридор, Андрей за ним, задержавшись, чтобы закрыть за собой дверь на ключ.

Идти было недалеко – минут пятнадцать быстрым шагом. Андрей легко успевал за Харадом, который шагал тяжело, размашисто, как ходят мореходы, только что покинувшие палубу корабля. Они как будто стараются впечатать ногу в землю, подозревая, что та сейчас вдруг закачается и сбросит их на камни мостовой.

Поместье главы, как и ожидалось, напоминало небольшую крепость – мощные каменные стены, центральная башня, в которой можно прятаться от неприятеля, захватившего остальную территорию.

Как было известно Андрею, в таких крепостях можно отсиживаться если не годами, то месяцами точно. В каждой башне были свой колодец, запасы продовольствия. Вот только всегда удивляло – ну хорошо, достать тебя не могут, а ты их? Можно же взять измором! Подкопаться, в конце концов, если приспичит. Расчет, похоже, был на то, что захватчикам надоест осаждать башню и они разбегутся на поиски более легкой добычи, а тут и делай ноги. А возможно, имелся подземный ход, по которому можно сбежать – сбежали же они с Урхардом через систему канализационных тоннелей, почему другие не могут?

Эти мысли промелькнули в голове Андрея, как пробегают по информационному табло строка новостей, и канули где-то на задворках сознания, не оставив никакого следа. Почти никакого.

Охранники у ворот – здоровенные парни, закованные в железо с головы до пят и возвышающиеся над Андреем и Харадом как осадные башни, – раздвинулись при их приближении, пропуская гостей в замок. Молча, не задав ни одного вопроса и не сделав ни одного лишнего жеста. Андрея с Харадом точно ждали, и охрана была предупреждена заранее. Гости пересекли мощный булыжником двор, сопровождаемые пристальными взглядами караульных лучников на стене.

Андрея удивило такое количество охранников с луками – неужели каждый день глава окружен столь многочисленной охраной? Сделал вывод, что столько охраны именно из-за него. Похоже, глава его опасается. Знает, что он перевертыш. Откуда узнал? От Харада, конечно.

Они миновали длинную террасу, потом небольшой ухоженный парк, площадку, которая, видимо, служила для тренировок охраны – судя по стеллажам с деревянными мечами и шестами, которые должны были изображать боевые копыя.

Убранство замка Андрея не удивило. Его дворец в Балроне был гораздо богаче, ухоженнее, цивилизованнее, если можно так выразиться. Здесь же варварская роскошь сопутствовала грубости солдафона – на задрапированных богатой тканью стенах висели мечи, щиты, сабли, дротики и много-много всяческих приспособлений для лишения человека жизни и здоровья.

Глава клана оказался вполне милым человеком, его лицо немного портил шрам, проходящий от уха к подбородку. Похоже, были повреждены нервы, управляющие мышцами щеки, и та оставалась неподвижной, отчего улыбка делалась ироничной, будто ее хозяин постоянно подтрунивал над собеседником. Впрочем, оно так и было. Глава просто-таки лучился весельем, довольством, и первые его слова были:

– Ну наконец-то! А я уже вас ждался!

Андрей был слегка обескуражен приемом, не так он представлял себе главу могущественного клана и владельца десятков боевых кораблей, но виду не подал и, слегка поклонившись, представился:

– Андрей. У меня к вам просьба...

– Подожди, подожди! – перебил глава. – Давайте-ка присядем за стол, там и поговорим. Вы все-таки гости, по крайней мере ты гость, – усмехнулся мужчина и сел в высокое кресло, украшенное резьбой и позолотой. – Харада-то я давно знаю, очень давно... сколько лет, Харад?

– Хм... сорок, господин! – усмехнулся бретер. – С самого детства!

– Уже сорок лет! Ай-ай! Как бегут годы! – сокрушенно покачал головой хозяин дома и кивнул мрачному, настороженному Андрею: – Ты наливай себе вина... а! Забыл, тебе с него проку нет. Вы, перевертыши, не можете пьянеть. Не принимает организм. Зато у вас много прекрасных свойств, которые помогают жить, не правда ли?

– Правда, – невозмутимо кивнул Андрей. – Жить и убивать.

– Да-да, конечно! – восхитился глава. – Ну тогда поешь. Я знаю, вам, перевертышам, надо много есть, иначе вы умрете. Сожжете себя. Ты худой для перевертыша, обычно они потолще. Болел? Был ранен? Скорее всего, второе. Это ты ухайдакал главу клана на севере? Точно ты. Там такая смута теперь началась, жуть! Но скоро закончится. Решил я прибрать к рукам их клан. Бестолочи они какие-то, им нужна твердая рука настоящего правителя. Как думаешь, долго они продержатся против меня?

– Не знаю, – пожал плечами Андрей, обводя глазами слуховые окна наверху. За каждым из них прятался человек. И скорее всего в руках у него был или лук, или арбалет. И в любую секунду могла вылететь стрела. Ловушка, само собой. – Завел? – хмыкнул Андрей, глядя в глаза Хараду.

– Завел! – довольно кивнул тот, подмигнув. – А ты что, поверил всему, что я тебе говорил? Я служу главе с самого детства. Он мой молочный брат. А ведь здорово вышло, правда? Ты ничего и не заподозрил! Или заподозрил? Не стесняйся, говори – тут все свои!

– Не рано ли меня в свои записывать? – усмехнулся Андрей. – А как же договор? Богов не боишься?

– Самое время, – весело усмехнулся Харад, – ты ведь теперь наш! Или ты никуда отсюда не выйдешь. Заметил, да? Слуховые окна? Ага, только рукой двинуть, и у тебя в голове дырка. Пикнуть не успеешь. Есть и еще варианты, но о них позже. Если придется. Что касается договора, я же сказал, что собираюсь исполнить договор. Но не сказал какой! В уме я держал договор с господином, и его я не нарушал. Что же касается пяти золотых – ну не будь таким жадным! У тебя и так денег хватает, хе-хе-хе...

– Мне вот интересно, вы и в самом деле думаете, что, если я дам обещание служить, моим словам можно верить? – пожал плечами Андрей. – Разве можно доверять человеку, которого силой заставили себе служить?

– А мы тебе плюшку пообещаем! – жизнерадостно похлопал в ладоши глава. – Послужишь, ну... десять лет, к примеру, я тебе корабль дам! И поплывешь, куда тебе надо! А еще у меня человек есть, который скажет, врешь ты или нет! Эй, Ангус, поди сюда, мальчик!

Человек, сидевший позади главы в тени портьеры, поднялся и подошел к хозяину замка. Андрей посмотрел на него и внутренне похолодел – это был оборотень. Только... какой-то другой. Не такой, как он, не такой, как оборотни Славии или Балрона. У него была другая аура! Он светился приглушенным зеленым светом. Массивный, огромный, на голову выше Андрея, он оставлял ощущение несокрушимой силы, мощи, перед которой не устоит никто, даже другой оборотень. Андрей впервые пожалел, что никогда не отличался большими габаритами, ведь размер Зверя зависит от размера человеческого тела. От его массы. Чем массивнее человек, тем сильнее будет оборотень, в которого тот превращается.

Но Андрея ждал еще один неприятный сюрприз.

– Мангус, и ты иди сюда!

Дверь скрипнула, и вошел еще один оборотень – точная копия первого! Оба светились зеленым, оба были громадными, как медведи, и лица почти неотличимы!

– Видишь, какие у меня мальчики? – с гордостью сказал глава. – Я нашел их в глухой рыбацкой деревушке, воспитал, научил всему, что должен знать воин. Научил быть настоящими бойцами! Они вдвоем порвут

целую армию! И всех, на кого я укажу. А еще Ангус у нас чувствует, когда врут. Вот скажи чего-нибудь, соври – он тебя сразу разоблачит! Да ладно, не хмурься, будешь служить мне – будешь богат! Хотя ты и так не беден, да? Но будешь еще богаче! Хороший дом, семья, будешь со своей женщиной жить лучше многих в клане!

– Какой такой женщиной? – вдруг насторожился Андрей.

– Женой твоей! От которой ты сбежал! Какой же еще? – хохотнул глава. – Зачем сбежал от нее? А она тебя разыскивала! Вот и соединитесь теперь. Здесь. Будете жить, детей народите – тоже будут нам служить! Может, тоже перевертышами станут! Зачем тебе какой-то мифический материк? Ты же врал Хараду, да? Хотел пиратствовать? Набеги делать? Понимаю, сам такой! Но без моего позволения никто тут набеги не делает!

– Где Беата? – мрачно спросил Андрей.

– У нас, конечно! Что, показать тебе? Не веришь? Сейчас приведут! Эй, там, девушку сюда, северянку! – Глава снова устроился на стуле, поставил локти на стол и оперся подбородком о кулаки, поглядывая на Андрея. Помолчал, потом подмигнул. – Видишь, и ты в моих руках, и твоя женщина. На одной чаше весов – смерть твоя, твоей женщины... да-да, я обязательно ее убью, если ты будешь дураком! На другой чаше – богатство, власть, сытная, веселая жизнь! Что ты выберешь? Ты ведь не дурак!

– Как к вам попала Беата? – бесстрастно спросил Андрей, лихорадочно просчитывая варианты. И по всему выходило – он в западне. Он знал, что здесь будет ловушка, но рассчитывал на свою силу, ловкость, на свои возможности. Два здоровенных оборотня не входили в его планы. Как и Беата, непонятным образом оказавшаяся в этом городе.

Андрей сразу просчитал, что Харад врет. Но, как оказалось, – не во всем. Выбраться с материка Андрей мог только с помощью главы. Значит, его дорога к главе клана. А там посмотрим, война план покажет. Вот и показала...

Дверь грохнула о стену, вошли двое стражников. Между ними шла Беата. Она была бледна, на щеке красовался здоровенный синяк. Губы припухли, похоже, ее избили. Ее глаза смотрели бессмысленно, как будто девушка находилась в полубморочном состоянии. Наркотики, сразу определил Монах.

Андрей напрягся, глава заметил это, как заметили и оборотни, тут же выдвинувшиеся вперед и закрывшие хозяина могучими телами.

– Она сильно дрыгалась, когда ее забирали, – поморщился глава, – сама себе набила шишки, никто не хотел ее бить. Мы установили за тобой слежку, и тут она случайно попала на глаза моим людям – ходила

спрашивала, не видел ли кто человека с твоими приметам. Одежда северного клана, говор северный, ищет тебя – тут все и поняли. Взяли ее, ну и поспрашивали. Нет, не били, есть методы гораздо более эффективные. Например, кое-какие настойки. Влить в глотку, и человек поет, рассказывает все, что знает. И мы знаем. Много знаем. Наверное, не все, но это дело времени. Некогда было допросить как следует. Впрочем, время у нас есть. Вы теперь с нами надолго. Может, навсегда.

Андрей почувствовал, как у него из глубины души поднимается гнев – тяжелый, черный, яростный, как ураган, сметающий все на своем пути. Как он смеет им манипулировать? Как он посмел схватить Беату, опаивать ее наркотой? И это тогда, когда она беременна его ребенком?! Тварь!

– Господин, осторожно! Он может атаковать! – Ангус шагнул вперед, напрягшись, готовый к прыжку. То же самое сделал Мангус. Оборотень почувствовал гнев Андрея.

Андрей заставил себя успокоиться, незаметно выдохнул, приводя себя в нормальное состояние, и спросил главу, снова раздумывая, что ему делать:

– Что вы от меня ожидаете? Зачем я вам нужен? Мне всего лишь нужен корабль, я уплыву... мы уплывем, и не будет никаких проблем! Зачем я вам? У вас свои перевертыши! Я заплачу за корабль, дорого заплачу! И материк, на который я хочу отправиться, совсем не миф, поверьте!

– Он не врет, господин! – кивнул Ангус.

– Не врет? – искренне удивился глава. – Но все равно это не имеет значения. Имеет значение одно – ты перевертыш. И ты мне нужен. Зачем, спрашиваешь? Затем, что я должен усилить свой клан. Пора объединять все эти стада в одно. С одним пастухом. И мне нужны все силы, что я смогу собрать. Ты мне поможешь. Я соберу армию перевертышей. Непобедимую, сильную!

– Разве ты не знаешь, что выживает один из десяти, самое большее двое из десяти людей, которых сделали перевертышами через кровь? – хмуро спросил Андрей, уже зная, что ответит ему глава. Главное – потянуть время, подумать...

– Не важно, – глава удовлетворенно откинулся на спинку кресла, – получить десять перевертышей вместо сотни бойцов – прекрасный размен! Каждый перевертыш стоит сотни бойцов! А значит, я получаю вместо сотни воинов тысячу! Понимаешь?

– Говорить, что это жестоко и подло, не стоит?

– Не стоит! – хохотнул глава. – Тем более что у нас есть способ

увеличить процент выхода перевертышей. Есть хорошие лекари.

– А почему ты не хочешь использовать своих выкормышей? – Андрей кивнул на близнецов. – Я-то вам зачем?

– От них почему-то не получается, – пожал плечами глава, –дохнут бойцы, и все тут. Вседохнут. Возможно, их кровь не годится – так мне сказал лекарь. Так бывает. Других перевертышей у меня пока нет. Ищу, но... перевертыши почему-то не желают себя показывать. Скрываются. Не очень-то у нас их любят. В общем, ты мне нужен. Что касается доверия – а никакой верности мне от тебя не надо. согласишься работать на меня – будешь свободно ходить... там, где я тебе разрешу. Если не согласишься – я прикую тебя цепью, и ты не сможешь освободиться, даже сменив облик. Кровь можно брать и у скованного. Шутки кончились. Пора переходить к делу. Что скажешь?

– А может, моя кровь не подходит? – спокойно спросил Андрей, демонстративно расслабив мышцы. – Может, так же, как у близнецов, отравленная? Тогда как?

– Тогда будешь просто служить мне, и все. Или пойдешь на корм крысам – что еще-то? Я с самого начала тебе сказал, что хочу и что будет. Чего зря спрашивать?

«Двое возле Беаты расслабились, скучают. Вырубить бойцов, ее на плечо и бежать! Куда бежать? В дверь, куда же еще. Туда, откуда они пришли. А успею? Сейчас эти два волкодава вцепятся, не осилю. Вон какие туши! Туши-то туши, но скорость у них должна быть понижена, масса большая. У меня преимущество в скорости. В силе? Не знаю. Но это и не важно. Главное, уйти из-под выстрела. Башня! Нужно бежать в башню! Пора!»

Старт – такой, что чуть жилы не порвались. Два удара – два шлема смяты, вбиты в головы стражников. Гарантированно – трупы. Под такими вмятинами не может быть живых людей. Если, конечно, мозг у них не с грецкий орех и не скрывается в толще костяной брони черепа.

Глава будто застыл на месте, не успел даже удивиться – никогда Андрей еще не работал на такой высокой скорости. Застыли и другие охранники, на входе в зал – молчаливые статуи, изображающие воинов.

Обернулся, и вовремя – Ангус летит со скоростью паровоза. Кулак огромный, как кувалда, в стальной перчатке. Попадет – голова всмятку. Вот только кто ему позволит попасть? Мангус прикрывает главу, Ангус атакует.

«Это вы зря, ребята! Вдвоем навалились бы – и мне конец! А так еще посмотрим! Ну-ка, попробуем «дракон бьет хвостом»? Ага, не нравится? Челюсть-то треснула, да? И быстро не срастется! Проверено!»

Вжик! Вжик! Бам! Бам! Удары один за другим!

«Рукопашная! Изрубить или утыкать стрелами легко, но где потом брать кровь? Да и тесно – не размахнуться. А то бы и я помахал клинком. Корову из меня дойную решили сделать, твари?! Н-на!»

Нос Ангуса вмялся как пластилиновый, брызнула кровь, и он рухнул как подрубленное дерево.

«Вряд ли убит – оборотня убить сложно, но повалиться ему придется. И пока не перекинется, рожа будет как мягкое тесто. Оп-па! Накаркал!»

Тело Ангуса стало меняться, замерцало, и через мгновение перед Андреем лежал Зверь, похожий на медведя. Если Андрей при переходе превращался во что-то подобное волку, то это был гризли – громадный, могучий и очень, очень злой.

Рывок! Тихую, расслабленную Беату на плечо и за дверь, пока медведь поднимается с пола, он еще не пришел в себя после удара, видимо, мозгу хорошо досталось.

Бегом по коридору. Куда ведет – непонятно, но куда-то бежать надо?

Коридор вывел к башне – той самой, последней надежде осажденных обитателей крепости. Высокая, мрачная, тяжелая, она походила на ободранный кулак, обращенный к небесам. Вот, мол, вам, держитесь! Когда-нибудь и до вас доберемся!

Дверь в башню открыта, возле нее скучает стражник, опершись на древко копья.

Удар! Звон, хруст кости под шлемом – не глядя на кровавое дело рук своих, вперед!

Вбежал, уперся в массивную, окованную сталью дверь, рванул – дверь захлопнулась, стальной засов на место, второй, третий... не поскупились на засовы. Тут же мощнейший удар – будто тараном врезали.

«Ангус! Добежал, бродяга! Но поздно – птички улетели! Поскреби, поскреби дверь, еще порычи, зверюга проклятая! Поздно! Теперь меня отсюда не достать!»

Облегченно опустил Беату на пол, прислонив спиной к стене, достал меч и начал подниматься по длинной лестнице, у которой почему-то часть ступеней были каменными, а часть деревянными. Вернее, целые пролеты были деревянными. Показалось странным, но выбросил из головы. Значит, так надо.

Вверху ощущалось присутствие пяти человек, вероятно охранники. Один из них уже спускался на шум у дверей и тут же попал под удар меча, разрубившего его почти пополам. Остальные тоже не смогли оказать сопротивление – полегли, как трава под косой жнеца.

Наверху несколько комнат, вполне уютных, хотя и нежилых. Это было видно сразу – комнаты не использовались. Похоже, что хозяину замка не хотелось постоянно влезать на высокую башню и жил он внизу, в многочисленных пристройках к центральной башне. Их, кстати, отсюда было хорошо видно, как и толпу охранников, беснующихся у дверей башни. Медведя среди них не было – Ангус уже принял свой нормальный облик. Впрочем, это еще вопрос, что нормальнее, образ человека или образ Зверя. Для оборотня эти два состояния совершенно нормальны.

Андрей обошел всю башню, наткнулся на глубоченный колодец. Крикнул в него пару раз и, улыбнувшись, послушал эхо – трудно удержаться и не послушать.

Осмотрел кладовые, порадовался – если и помрут в этой чертовой башне, то сытыми. Головки сыра, копченое, вяленое мясо. Соль, крупы, пшеница... Даже вино. Сидеть в осаде, так с удобствами – с этим тезисом Андрей был согласен безоговорочно.

Кухня с очагом и каменной трубой, выводящей дым на верхний этаж, в окно, зарешеченное толстыми прутьями, котлы, чашки-плошки, все как положено.

Снова поднялся наверх, выглянул за парапет башни и едва не получил стрелу в глаз. Успел уклониться, выругался, потом огляделся по сторонам. Увидел лук стражника, убитого несколько минут назад, достал из колчана покойника стрелу, наложил на тетиву, попробовал – слабоват для него! Но ничего, сойдет. Снова осторожно выглянул, прицелившись, пустил стрелу. Кто-то завопил, и Андрей очень надеялся, что вопит проклятый лучник, едва не вынесший ему мозги. Ухмыльнувшись, поставил оружие к парапету и пошел за Беатой.

Девушка уже пыталась что-то сказать, но пока получалось неразборчивое бормотание, а когда Андрей наклонился к ней, обняла за шею и заплакала, поглаживая его по щеке.

Андрей вздохнул и сосредоточился на ауре Беаты. Аура была неоднородной – кое-где, особенно в мозгу, проглядывали пятна какого-то кислотно-зеленого, гадкого цвета. Вероятно, это был наркотик, который организм девушки воспринимал как яд, чем тот в общем-то и являлся.

Андрей коснулся ауры, сосредоточился... потянул... зеленые пятна стали бледнеть, исчезать, и вскоре Беата засветилась ровным желтым цветом, чистым, как лучи солнца. Заодно излечились и ушибы, полученные ею в момент захвата.

– О боги! Я все-таки тебя нашла! – засмеялась Беата сквозь слезы. – И никуда теперь одного не отпущу! Тебе придется меня убить, если хочешь,

чтобы меня рядом с тобой не было!

– Ты как тут оказалась, чудо в перьях?! – Андрей опустился на ступеньку рядом с девушкой, обнял ее и прикрыл глаза. После пережитой перегрузки его слегка потряхивало.

– И ничего я не в перьях! – рассмеялась Беата. – Я заключила с Лесом соглашение! Он дал мне семена, я их проглотила, теперь они во мне, и, когда я умру, семена прорастут! А пока они будут храниться в моем теле! Так что не вздумай меня сжигать, когда я отправлюсь в лучшие миры, а закопай. И возможно, вырастет новый Лес. Я ему обещала это! Ты обещаешь мне?

– Обещаю, что не буду тебя сжигать, – вздохнул Андрей. – А отец что? Я же сказал ему не отпускать тебя!

– Да чего отец, он мне никогда не отказывал! – расхохоталась девушка. – Я и поехала!

– Глупая! А если бы разбойники?! А если бы попались бунтовщики? Ну как ты могла решиться на такую глупость?! Выпороть тебя надо! Да еще ведь ты беременна! Ну как тебе пришла в голову такая дурацкая затея?!

– Ты виноват, – шмыгнула носом Беата. – Взял бы меня с собой, и все. И не было бы ничего.

– Как попалась этим гадам, я уже знаю... можешь не рассказывать... – проворчал Андрей.

– Я шла по твоему следу, вот-вот догоню, вот-вот... и не успела. Прости.

Девушка прижалась головой к груди Андрея, и он почувствовал, как на душе у него потеплело. Все-таки приятно, когда рядом родная душа, даже если ты заперт в башне, а вокруг беснуются толпы врагов, надсадно колотящих в дверь.

– А я тут была! – неожиданно заявила Беата. – Помню эти ступени. Меня сюда затащили, потом влили какую-то гадость, а больше... ничего не помню. Все в тумане. Опоили, да?

– Опоили. И ты рассказала им все, что они спросили, – вздохнул Андрей. – Впрочем, это большого значения не имеет. Главное – решить, как нам отсюда выбраться. Войти они не смогут, но мы-то тут заперты. Нам что делать? Ладно, пошли наверх. Отдохнем, подумаем, придем к какому-нибудь решению. Но сначала посетим кладовые, еды прихватим – есть хочется, аж ноги трясутся.

Глава 13

– Они всех собрали, всех! Ваше величество, нужно что-то делать! – Голос Шура был хриплым, прядь волос упала на лоб и прилипла, лицо покраснело, всегда такой аккуратный, он забыл побриться, и темная с проседью щетина «украшала» впалые щеки.

– Ты чего так разволновался? – холодно спросила Шанти, широко шагая по коридору дворца. Ей самой хотелось бежать, а лучше лететь, от возбуждения ее чуть не трясло. Но нельзя же подчиненному показывать, что ты тоже в панике!

– Как чего?! – выпалил Шур, забыв о дворцовом этикете. – Стены трясутся, вы что, не чувствуете?! Еще немного, и пойдут трещины!

– Не паникуй. Лучше подумай о том, как ты допустил всю эту толпу под стены дворца! Как проморгали твои агенты?! Как ты не смог найти этих демоновых магов?!

– Виноват, да, – удрученно потупился Шур, с трудом поспевая за «императором», – но не забывайте, у них была своя организация, свои люди, они располагали огромными средствами и связями! Исчадия были гораздо более могущественными, чем органы империи! Мы были только лишь их придатком! Я не смог внедрить в их среду ни одного агента – они шпионов вычисляют сразу, и завербовать никого не смог – исчадия не поддаются вербовке, понимаете?

– Понимаю, понимаю... – хмыкнула Шанти. – И все равно ты болван! Ладно, хватит о твоей личности. Сколько их?

– Около трехсот человек. Двести восемьдесят девять, если быть точным. По крайней мере тех, кого я вижу с крыши дворца...

– Что делают?

– Колдовство творят, ваше величество. Поют, руками размахивают, жгут какие-то палки. Пытались достать их – они поставили непробиваемый купол! Стрелы отлетают! Я не знаю, что делать! Земля трясется, стены трясутся, люди в панике!

– А что требуют? Что хотят?

– Вас хотят. Чтобы вы отдались в их руки! Их главный передал бумагу с требованием выдачи, цитирую, «императора, зараженного демонами, проклятого убийцу патриарха»!

– Идиоты! Вот это хорошая новость, просто замечательная! – расхохоталась Шанти. – Хотят императора – они его получают! Открыть

ворота, я выйду к нападающим!

Тяжелая решетка медленно поползла вверх, огромные барабаны, принимающие на себя ржавую цепь, выкованную тысячу лет назад, скрипели от натуги – эту решетку не смогли бы разбить даже орудия, придуманные Андреем. Впрочем, кто знает, может, и смогли бы. Но не сразу, это точно.

Опустился окованный сталью мост, грохнув о противоположную сторону рва так, что поднялось облако пыли. Шанти даже подумала, что оборвались цепи подъемника, настолько громким был звук удара. Солдаты, закованные в сталь, расступились, пропуская императора, шедшего так, будто идет на прогулку, а не на встречу со своими заклятыми врагами, колдунами исчадий. Те скопились у противоположного конца дворцовой площади, образовав что-то вроде треугольника, один угол которого был направлен на дворец.

Действительно, земля ощутимо вздрагивала, колебалась, и с особняков, которые окружали дворцовую площадь, отлетали кусочки штукатурки и лепнина, подточенная дождями и солнцем.

Шанти присмотрелась к магам, посягнувшим на священную особу императора. По большей части это были совсем молодые парни и девушки – последних совсем мало, – в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. Были и люди постарше – процентов десять от общего состава. Они стояли в первых рядах, и, похоже, как раз взрослые маги направляли волну магии на дворец, молодые служили лишь источником магической подпитки для колдовства. Командовал всеми человек, стоявший на острие угла треугольника, – он протягивал к дворцу руки, делал пассы, и от него исходило сияние, как от фонаря. Шанти посмотрела его ауру – та светилась кроваво-красным, будто весь этот человек был сплошным нарывом.

Императора заметили не сразу: небольшая фигура, которая шла от дворца, не привлекала внимания ничем, да и кто знает императора в лицо? Монеты, на которых оно выбито, весьма отдаленно передают облик правителя Славии. Да и много ли золотых монет у народа? На серебряных и медных была надпись: «Монета империи Славия», и больше ничего. Шанти отделяло от строя колдунов шагов двадцать, когда главный маг узнал императора – он-то точно знал его в лицо, – осекся на полуслове и прекратил размахивать руками. Тут же дрожание земли прекратилось, следом замерли и остальные маги, переговариваясь, как толпа где-нибудь на базарной площади.

Шанти хотела подойти ближе, но была остановлена невидимым куполом. Уткнулась в него, как в скалу, потеряла лоб и положила руки на

купол, глядя на предводителя бунтовщиков-магов.

Ему было лет пятьдесят – худой, высокий, с глубоко запавшими черными глазами и костлявыми жилистыми руками, обнаженными до локтей, будто он собирался резать мясо и боялся запачкать рукава. Колдун вперил взгляд в ненавистное лицо и, криво усмехнувшись, сказал:

– В смелости тебе не откажешь. Ведь на верную смерть пришел! Раньше ты почему-то такой смелостью не отличался. Видимо, правду говорят, что в тебя вселились демоны!

– Я не хотел, чтобы пострадали дворец и люди, в нем находящиеся, – безмятежно пояснил «император». – Вы требовали, чтобы я к вам вышел, так? Вот, я вышел. И что? Что вы хотите? Впрочем, глупый вопрос. Наказать меня за казнь исчадий, бла-бла-бла... Послушай, ты вроде разумный человек, ты хоть понимаешь, что вы, исчадия, сделали со страной? Куда вы ее загнали? Сдайся, служи империи, служи людям, и ты будешь в почете, будешь богатым и уважаемым человеком! Зачем тебе это? Зачем ты привел этих мальчишек? На гибель? Зачем ты одурманил им головы? Ваш Саган давно мертв, и был это никакой не бог, просто артефакт, слишком много о себе возомнивший! – Шанти кривила душой, никто не знал, что такое был Артефакт, и она в том числе. – Бунт все равно будет подавлен, сдайтесь, иначе умрете! Одумайтесь!

– Я что-то не понимаю? Это ты, император, стоишь перед могущественными магами беззащитный, ничтожный и предлагаешь нам сдаться? Нет, правду говорят – если в человека вселились демоны, он теряет разум! Снимите купол – пора умирать, глупый император!

Шанти во время разговора обеими руками опиралась на невидимую преграду, и, когда кто-то из магов прокричал заклинание и преграда исчезла, драконица едва не упала, лишившись опоры. Тут же к ней подбежали несколько колдунов, схватили под руки и оттащили в толпу. Снова прозвучало заклинание – похоже было, что купол закрылся.

На Шанти обрушился град ударов. Били все – взрослые и мальчишки, захлебываясь руганью, визжа и матерясь, как рыночные грузчики. Вот только никто не замечал, что, кроме ущерба одежде, никакого вреда императору не причинили. Но где было рассмотреть, если он лежал на земле, а толпа пинала его, затаптывая насмерть, раздавливая, расплющивая, как кусок дерьма.

Это была какая-то истерия, безумие, сумасшествие – Шанти лежала на спине, покорно принимая удары, и смотрела на мучителей. Ей было интересно, скоро ли они утомятся и насколько хватит их злобы. Уже пошли в ход ножи, кинжалы – кто-то пытался отрезать руку императора, кто-то

воткнуть нож в кишки и не понимал, почему у него это не получается. Тогда драконица решила, что хватит веселья. Поразвлекались, и будет – пора умирать.

Шанти встала, не обращая внимания на впившихся в нее как пиявки дюжих магов, оторвала от себя двух «расчленителей» с ножами и, не мудрствуя по поводу каких-либо особых приемов уничтожения, шмякнула их о твердый купол защиты. Маги буквально влипли в невидимую преграду и шлепнулись вниз в виде окровавленных отбивных.

Шанти будто взорвалась, превратившись в машину убийства. Тесный купол, в который ее втащили, чтобы разорвать императора, стал ловушкой для магов. И драконица не разбирала, кто большой, кто маленький. Ты пришел убить? Пришел глумиться? Пришел попрыгать на теле человека? Получи!

И они получали, умирая – разорванные, растоптанные, – драконица перевела на свой аватар весь полуторатонный драконий вес, и одного ее пинка хватало, чтобы запустить человека в воздух, как еловую шишку. Через некоторое время Шанти обнаружила, что на ногах не осталось ни одного мага – большинство были мертвы, а те, кто пока живы, так страшно искалечены, что половина из них не проживет и пары часов, остальные умрут до вечера. Вряд ли кто выживет.

Испытывала ли она жалость к этим подросткам и парням, которым умело промыли мозги их старшие товарищи? Да. Ну и что? Это ничего не меняло. Всю жалость смывало как внешней водой, когда она вспоминала пятнадцатилетнего паренька, норовившего отрезать ей ухо маленьким кривым ножом. Или другого, лет семнадцати на вид, который бил ее каблуком в лицо и приговаривал: «Тварь! Получи! Нравится мое угощение?!» А может, она должна была пожалеть тех двух парней, которые с радостными криками скакали на ее груди, пытаясь раздробить ребра и раздавить сердце?

Как говорил Андрей, как аукнется, так и откликнется. А еще он бы отругал ее и сказал, что Шанти нарочно дала себя избивать, чтобы иметь моральное право наказать убийц. Если бы они вели себя по-другому, если бы просто арестовали и потребовали суда – как бы она отреагировала? По крайней мере не так жестоко, это точно. А сейчас она просто уничтожала заразу, как если бы давила крыс, обгрызающих ноги младенцам. Нет жалости. Нет сочувствия. Только удовлетворение от хорошо сделанной работы.

Шанти приблизилась к куполу, постучала по нему. А что, если этот проклятый барьер вечен? Что тогда? Мысль ей очень не понравилась, и

драконица, оглядевшись по сторонам, подошла к одному из живых магов, лежащему с переломанными ногами и руками за кучей тел.

– Сколько времени держится барьер? Можешь его снять?

– Пошел ты!.. – мужественно ответил маг, за что и поплатился – Шанти дернула его за сломанную ногу, и он завопил от нестерпимой боли.

Через пару минут она уже знала, что снять купол маг не может, потому что не хватает сил и умения, тот, кто мог снять, мертв, но без подпитки купол просуществует еще минут десять и исчезнет.

Так оно и случилось. Через пятнадцать минут залитая кровью, окровавленная драконица шагала к дворцу под взглядами потрясенных стражников, запрудивших площадь. Они перешептывались, поглядывая на императора, только что уничтожившего почти три сотни магов, и старались не попадаться на глаза этому страшному человеку. Да и человеку ли? Может, и вправду демон? Только какая разница, демон он или нет, главное – чтобы вовремя платили жалованье да не подставляли под стрелы и мечи врага. За то, что император сам вышел и уничтожил страшных магов, честь ему и хвала! Все бы командиры так поступали, вместо того чтобы посылать в бой своих подчиненных, а самим попивать вино где-нибудь на вершине холма...

– Ты куда? – Солдат преградил дорогу. – Полковник тебя вызывал? Назад! Может, ты шпионка?! Стрелять буду!

– Болван! – устало сказала Шанти. – Доложи полковнику, госпожа Шанти хочет с ним поговорить!

– Госпожа Шанти? – вытаращил глаза солдат. Видимо, он что-то слышал о госпоже Шанти, потому что быстро нырнул в командирскую палатку и через несколько секунд появился оттуда красный как рак. – Пожалуйста, госпожа! Полковник ждет вас! Извините, что сразу вас не узнал! Ночь, и не подумаешь...

Шанти не стала слушать, чего он там не подумает, и шагнула через порог. Полковник был одет, только рубаха слегка расстегнута – видимо, так и спал. Шанти знала его – это был один из честных, дельных гвардейцев, которых Федор назначил на высшие командные должности. Служака, один из немногих гвардейских офицеров не погрязший в пьянстве и разврате, он теперь командовал полком, направленным на помощь Шанти.

– Приветствую, Гежель! – кивнула Шанти, садясь на стул под тусклым масляным фонарем.

– Здравствуйте, госпожа, – слегка поклонился полковник и присел за стол напротив. – Наконец-то я вас дождался! Не знаю, что делать, мы тут

уже давно стоим! То ли переходить границу, то ли нет, какая цель, что нам делать – ничего не знаю! Жду – вас нет! И вот, глубокой ночью, как демоница, вы тут как тут! Рад вас видеть, госпожа!

– И я рада тебя видеть, Гежель, – усмехнулась драконица. Ей всегда нравился этот энергичный, откровенный вояка. – Задачу я тебе сейчас обрисую, а как ты будешь ее выполнять – другой вопрос. На той стороне ждут люди, которые поведут тебя по Славии. Это мои люди, но ты не должен ничего им говорить – ни моего имени, ничего из того, что ты обо мне знаешь. Ни в официальных беседах, ни в личных. Меня нет! Они выполняют распоряжение императора Славии. А вас он позвал себе на помощь. Вы будете личной гвардией императора Славии. Ваша задача – сделать так, чтобы в столице не было даже намека на бунт и никто не смог подобраться к императорскому дворцу. Никогда. Долго говорить не буду, суть в том, что скоро Славия и Балрон будут одним государством, объединятся, как было когда-то, как должно быть.

– Наконец-то! – восхищенно выдохнул полковник, и его широкое, добродушное лицо расплылось в улыбке. – Ваша работа, да? Великолепно!

– Да. Это неплохо, – улыбнулась Шанти. – Ваша задача – создать армию и не дать местным бунтовщикам помешать.

– Не помешают! – Полковник любовно похлопал по двуствольному крупнокалиберному пистолету, украшенному серебром. – Куда им, против нас, с таким-то оружием? Слава господину Монаху! Кстати, о нем ничего не слышно? Может, он все-таки жив?

– Жив! – безапелляционно заявила Шанти. – И скоро появится, возглавит объединенную империю.

– И это хорошее известие! – просиял полковник. – Ну что же, посвятите меня в тонкости нынешнего состояния славийской армии, ну и во все, что вы считаете необходимым доверить. Кстати, поесть не хотите? С вечера осталось – ребята подстрелили оленя, пожарили на костре. И вино есть.

– Не откажусь, – довольно кивнула Шанти, подумав, что дельный человек во всем дельный, вот, догадался предложить поесть! А ей после того, как она отмахала столько верст на крыльях, ужасно хотелось есть. На охоту времени не было. Да и в последнее время она с трудом ела сырое мясо – очеловечилась, и этот процесс, как говорила мама, будет заходить все дальше и дальше... Эдак скоро она начнет есть фрукты и овощи, траву всякую – как люди.

Беседа затянулась на два часа, и Шанти вышла из палатки полковника,

когда утро уже окрасило горизонт розовым цветом. Драконица поморщилась и, зайдя за палатку, перекинулась в птицу – ворона. Ворон вспорхнул над лагерем и понесся туда, откуда прилетел несколько часов назад. Отлетев на версту, Шанти снова перекинулась, уже в дракона, и заработала крыльями, ускоряя движение. Драконы летали быстрее всех существ в этом мире, а ей нужно было торопиться назад, во дворец.

Крылья размеренно взвихряли воздух, под блестящим, покрытым броней-чешуей брюхом проносились леса, деревушки, клочки полей, ручьи и речки, почему-то ставшие драконице родными и близкими. Она даже выругалась про себя – это Андрей сделал так, что эта земля стала ей родной. Для дракона нет родной земли – небо и гора, на которой он гнездится, вот его стихия.

Опять вспомнился Андрей, и Шанти привычно потянула за ниточку, чтобы убедиться, что он жив. С удовольствием обнаружила, что ниточка стала прочнее, драконице казалось, что вот еще чуть-чуть, и она сможет связаться со своим братцем, со своим... любимым. Да-да, она уже не скрывала от себя, что любит этого человека и думает о нем как о самце, с которым готова произвести потомство. Плохо это или хорошо...

Потом в голову пришла мысль: а нельзя ли каким-то образом усилить эту ниточку связи? Магией? Или еще как-то?

– Шур, похоже, на какое-то время мне придется покинуть империю. Свои дела уладить. Как у вас идут переговоры с Балроном?

– Хорошо идут, – усмехнулся Шур. – А с чего им плохо идти, ваше величество? Документы на объединение империй готовятся, пока что обсуждаем, где будет сидеть император и какова будет иерархия нового государства.

– А чего тут думать... король Славии, король Балрона – над ними император. Вот и все, – лениво заметила Шанти, разглядывая плод искуза, лохматый и похожий, с ее точки зрения, на мышь без головы и хвоста. – Вы, – она чуть не добавила «люди», – из всего делаете проблему!

– А теперь вопрос, ваше величество: кто будет императором? – вкрадчиво осведомился Шур. – Вы или император Балрона? Он еще младенец. Кроме вас, никому!

– Вначале подготовьте документы, проведем это через императорские советы, а уж потом решим. Кстати, как отнеслись к объединению члены совета? Знать?

– Честно сказать, после того как вы уложили три сотни магов, после того как спалили дома главарей оппозиции, ни один дворянин не решается вам противоречить. Может, где-то там у себя в дальних комнатах и

злопыхают, да наверняка злопыхают, но открыто никто не выступает. Остатки армии бунтовщиков разбежались после первых залпов солдат Гежеля – страшное оружие у них, надо сказать!

– Сам боюсь! – искреннее ответила Шанти. – Это хорошо, что разбежались – зачем нам губить свой народ? Это же не враги какие-нибудь. Да, все забываю спросить – вы Круг уничтожили?

– Простите, ваше величество, а надо ли? Круг – это не более чем арена, постройка. Почему бы на ней не устраивать состязания бегунов, стрелков из лука, кулачных бойцов? Народу нравятся зрелища, если вы позволите им смотреть, а пуще того – делать ставки, они на руках вас носить будут! Я бы рекомендовал ввести такие состязания в каждом крупном городе, и некрупном тоже.

– Хм... да, ты прав. Тогда распорядись, чтобы уничтожили камеры, где держали людей для арены. И знаешь что... можно было бы устраивать бои между воинами – с тренировочным оружием, на призы. Почему бы и нет? Повышает воинское умение! Если учредить хороший приз – все будут довольны. В Балроне ведь так делают – народ на руках носит победителей! И вот еще что. У нас по стране много беспризорников, сирот. Нужно создать школу, в которую набрать всех сирот и воспитывать их в преданности империи.

– Мальчиков?

– И девочек – почему и нет? – пожала плечами Шанти. – Девочки могут быть бойцами покруче, чем мужчины. А куда девочкам-сиротам деваться? В шлюхи? Попрошайки? Нищенки? Пусть лучше на империю работают. Установить им срок службы, и все. Вырастут преданными императору бойцами, уважаемыми людьми – и мальчики, и девочки!

– Великолепно, ваше величество! Я и сам подумывал об этом! Исчадия делали что-то подобное, но только с теми, кто выказывал способности к магии! А вы вон как – всех охватили! Отлично!

– Честно сказать, идея не моя. Это мне один мой... друг подсказал, – призналась Шанти. – Подготовьте документы, найдите помещения, где будут жить и учиться сироты, я подпишу. Не забудьте про магов – собирайте всех в школы, под жесткий контроль, учить, как и сирот. Всех, кто выказал способности к магии, под контроль королевства! И кстати, а что у нас с казной? На школы нужно много денег. Деньги есть?

– Есть. Деньги казненных бунтовщиков, деньги исчадий – казна лопается от денег, на все хватит! Ваше величество, вы гений!

– Ладно-ладно, – слегка смутилась Шанти. – Иди выполняй. Мне нужно немного подумать.

– Отдыхайте, ваше величество, – попятился Шур. – Ушел! Дел невпроворот! Вечером представлю вам список на ключевые должности и материалы по каждому кандидату.

– Свой интерес поимел? – ухмыльнулась Шанти.

– Ничего против интересов империи! – возмутился Шур, скосив глаза на ножку кресла. – Все дельные, будут работать!

– Небось хапнул денег. Да мне все равно – только не зарывайся, голову оторву!

– Ваше величество, я всегда за вас! – слегка побледнел Шур. – Только на ваше благо, на благо страны!

– Иди уж... заботливый, – усмехнулась Шанти.

Дверь за Шуром закрылась, и Шанти осталась одна. Ее тошнило. Нет, не от съеденного. Ела она только вкусное, свежее и не так много, чтобы наступила тошнота. Ее тошнило от государственных дел. Почему-то Шанти казалось, что императором быть очень просто – лежишь себе, ешь, пьешь, в потолок плюешь – а тут целыми днями рутина, скучная, нудная, и нельзя ошибиться! Постоянный контроль!

Тот же Шур – хороший парень, но дай ему волю, он всю империю разворует! Тут только один выход – давать немножко обогащаться и требовать, чтобы он следил за другими. Всех держать на крючке, строить интриги, зажимать, миловать и карать – нет, это ей не по душе. Некогда даже в небе полетать! И как это Андрей умудрялся всем заниматься и еще оставалось время на что-то другое? Впрочем, а на что? Ничем, кроме работы, он не занимался, если не считать отношений с женой и любовницей. Вообще-то как-то неправильно жить одной работой...

И Шанти решила, что, как только найдет Андрея, обязательно переговорит с ним на эту тему.

Найдет... как найдет? В голове шевелилась какая-то мысль, вроде бы она что-то слышала по этому поводу, вроде что-то знает... нет, никак не ухватить. И вдруг всплыло – мама! Вот кто знает! Она рассказывала что-то такое о связи на дальние расстояния! Ведь взрослые драконы могут связываться между собой через весь мир! А почему нельзя так же связаться с... оборотнем? Кто сказал, что нельзя? Просто нужен сигнал посильнее!

Шанти легла на кушетку, сложила руки на животе, закрыла глаза и расслабилась, отбрасывая все мысли, – так она всегда делала, когда связывалась на дальнее расстояние. Раньше она не могла связаться с матерью, если та была очень далеко, но сейчас Шанти стала взрослой... ну, почти взрослой, до матери ей далеко, теперь можно было попробовать связаться и подальше, тем более что Гараскарания должна была охотиться

где-то рядом с побережьем Славии, это гораздо ближе, чем связываться из Балрона.

Драконница представила себе мать, какой запомнила ее в их последнюю встречу – могучую, громадную, сияющую в лучах солнца, – протянула к ней ниточку-руку, как будто хотела дотронуться до старой драконицы. Некоторое время у нее ничего не получалось, рука-ниточка будто повисла в пустоте, но минут через пять пришел отклик:

– Наконец-то! Что, очеловечившаяся дочь решила вспомнить о старушке-матери? На досуге между человеческими развлечениями решила поболтать со старой глупой драконицей?

– Мам, ну перестань! – фыркнула Шанти. – Ты никогда не изменишься, вредная как всегда! Как поживаешь? Что у тебя нового?

– Да вот, собираемся с Ессарадоном отложить яйцо! Возможно, лет через сто у тебя появится братик или сестричка! Кстати, ты меня застала в очень неудобный момент... мы как раз занимались подготовкой к этому важному событию.

– Рада за тебя, – кисло протянула Шанти. – И мне бы хотелось заняться отложением яйца. Вот только...

– А что – только? Ты взрослая драконница, половозрелая! Красотка! Самцов осталось немного после того, как твой Андрей проредил наш народ, но найти можно. В крайнем случае Ессарадон...

– Нет! Только не это! Не хватало еще с твоим самцом... брр... Мам, ну ты и скажешь!

– А что такого? Да ты совсем очеловечилась, совсем... эдак скоро будешь с человеческими самцами откладывать яйцо! Что, уже? Ай-ай... какое падение нравов! Так наш драконий род точно исчезнет из этого мира...

– Не уже, но... в общем, драконья жизнь меня не привлекает, если ты это хочешь знать. Среди людей мне интересно, я тут живу полноценной жизнью. Летать над морем, жрать и гадить – удел безмозглых птиц!

– Это я у тебя, значит, безмозглая птица?! Спасибо, дочка, дождалась. Все, разрываю связь. Ближайшие пятьдесят лет меня не зови!

– Стой! Стой! Мамочка, прости! Я не то хотела сказать! Мне твоя помощь нужна! Мамочка! А-а-а!

Молчание. До-о-олгое. Потом снова громоподобный глас Гараскарании:

– Ладно. Говори, что хочешь? Я ради тебя отпихнула самца, которого потом месяц настраивать на откладывание яйца, а ты мне гадости говоришь!

– Прости! Я правда очеловечилась! И я... влюбилась.

– В Андрея, да? Знаю. К этому все шло. Знала я, знала. И как ты с ним будешь жить? Он ведь знает, что ты драконица! Если бы не знал – другое дело, а так... я не помню, чтобы браки драконов и людей были крепкими. Или человек опасается дракона, или дракон относится к партнеру как к маленькому ребенку. И ведь живут люди недолго... они как мотыльки: день – и нет его. Впрочем, забыла – он же оборотень, а те живут не меньше драконов...

– Подожди, так ты знаешь, что он жив? Почему же ты тогда говорила мне, что искать его бесполезно? Как это понять?

– Жив, конечно. Я знаю это. Чувствую. Да, говорила! Да! И не стыжусь этого! Я твоя мама! А еще – теперь глава Совета драконов! И я забочусь и о тебе, и о нашем драконьем роде! Что будет, если все драконы станут людьми?! Не останется ни одного дракона, род прервется! Твой Андрей и так сделал столько, чтобы нанести вред драконам, что его теперь у нас зовут драконьей погibelью!

– Мне плевать, как его зовут! Плевать на все! Я хочу, чтобы он был рядом со мной! За этим тебя и позвала!

– Только за этим? М-да... у нас, драконов, слишком слабы родственные связи, всегда об этом говорила. Другая мать бросила бы тебя умирать в пещере: зачем ей изуродованный ребенок, который не может летать? Так принято у драконов. Но я тебя кормила, защищала сто лет. Как будто знала, что ты вылечишься, станешь большой, здоровой, умной...

– Мам, ну только не надо давить на чувство благодарности! Да, я тебе благодарна на всю жизнь, в том числе и за то, что ты вообще снесла то яйцо, из которого я вылупилась. Только вот у меня своя жизнь, я выбрала свой путь! Я всегда тебе помогу, приду на помощь, если понадобится. Как и Андрей – без всякой просьбы с твоей стороны, и ты это знаешь, так что не надо говорить со мной так, будто я в чем-то виновата! Мы навсегда близки, это факт. Я хочу найти Андрея, и мне нужна твоя помощь: я чувствую его, чувствую, что он жив, но не могу определить направление, в котором его нужно искать. Он где-то далеко. Где – ты должна мне помочь определить. Я уверена, что ты знаешь способ, как усилить сигнал, как найти Андрея. Помоги мне, пожалуйста!

– Не хочу. Я не хочу, чтобы ты совсем очеловечилась и рожала человеческих детей. Чем дольше ты будешь находиться среди людей, тем меньше в тебе будет драконьего. Уже сейчас ты думаешь как человек, действуешь как человек. Одно то, что ты пошла против драконьего рода, говорит о том, как ты быстро, катастрофически очеловечилась. Ты молодая

самка, можешь родить двух-трех драконов – как я могу позволить тебе стать человеком?! Нет, дочка. Нет. Прости. Я ухожу.

Гараскарания оборвала нить связи, и Шанти едва не заплакала навзрыд, как плачут обиженные дети, как плачут женщины, разлученные со своими любимыми. Выхода не было.

Выплакавшись, она долго лежала, глядя в окно, за которым наступала ночь, заглядывавшая в комнату через неплотно задвинутые шторы глазами мерцающих звезд. Встала, пошла на балкон, выходящий в сад. Вдохнула свежий воздух, пронизанный запахами ночных цветов, и внезапно успокоилась. А чего, собственно, она так расстроилась? Все равно найдет Андрея, все равно изыщет способ, как его разыскать! Ну попозже, да – и что? У них с Андреем еще много времени! Сотни лет! Андрей ни за что не даст себя убить, Шанти была в этом уверена. А тогда чего она волнуется? Лучше сосредоточиться и придумать, как определить, в каком направлении он находится. Если Шанти подлетит поближе, тогда сможет связаться с Андреем, и он сам скажет ей, где сейчас обитает!

Следующий час драконица провела в напряженных размышлениях. Ей никто не мешал, на балконе ее нельзя было рассмотреть в темноте – Шанти запрещала зажигать фонари, зачем ей вонь от сгоревшего масла, когда она великолепно видит в темноте?

Через час мозгового штурма в голову Шанти пришла великолепная мысль! Сбросив одежду и оставив ее на балконе, она перекинулась в ворона и вспорхнула в небо, с наслаждением разминая крылья – засиделась во дворце, редко летала. Последний раз больше двух месяцев назад, когда отправлялась за полком Гежеля.

Вылетев за пределы города, перекинулась в дракона, набрала максимальную скорость и помчалась, совершая что-то вроде огромного круга вокруг Гаранака, одновременно удерживая в голове нить-связь с Андреем. Задача была – кружиться по огромной спирали, пробуя ощутить, в каком направлении ниточка становилась толще. Сложная задача и трудоемкая, но выполняемая, по крайней мере так думала Шанти.

Понадобилось несколько часов и столько энергии, что Шанти уже не чувствовала крыльев от усталости – вот что значит долго не летать! После то ли двадцатого круга, то ли пятидесятого, но Шанти заметила, что ниточка как будто бы усиливается с одной стороны – с севера. С той стороны, где находилось море. Пришлось сделать еще три круга, пока она не утвердилась в своем наблюдении – точно, с севера! Андрей там!

Сейчас сил лететь на север не было, да и рассвет приближался, солнце уже выбросило руки-лучи из-за моря, расталкивая ночную тьму, – пора

домой. Перекинувшись в ворона, Шанти, тяжело двигая крыльями, отправилась во дворец. Через полчаса она спланировала на балкон, перекинулась в человека, оделась и, добравшись до кушетки, рухнула на нее, провалившись в глубокий сон. Снился ей Андрей – почему-то он стоял на высокой башне и манил ее рукой. Рядом с Андреем девчонка – хрупкая, светловолосая, совершенно гадкая на вид. Гадкая – потому что красotka и явно равнодушна к Андрею, а все, кто претендовал на самца, принадлежавшего Шанти, были врагами и вообще гадами, не заслуживающими существования в этом мире. Потом видение пропало, и драконица наконец-то уснула тем сном, который приносит отдых и забвение.

– Он что, хотел пить из тебя кровь? – Лицо Беаты исказилось в гримасе отвращения. – Мерзость какая!

– Понимаешь, моя кровь в определенном объеме содержит вещество, подвигающее организм к мутации... хм... с кем я сейчас говорил, да? В общем, если влить мою кровь в глотку человеку, он может сделаться перевертышем. Понимаешь?

– Понимаю. Только почему – может? Что, не всегда делается?

– Нет. Десять процентов.

– А остальные?

– Остальные умирают.

– Ох!

– Да плевать на него. Нужно думать, как выбраться. Пока я не знаю как. Если тут есть подземный ход, глава точно знает о его наличии, и, значит, нас там уже ждут. Один я бы попытался уйти, но с тобой – нет. Ты повиснешь на мне как гиря. Эх, Беа, Беа...

– Что я могу тебе сказать? Чтобы ты оставил меня и уходил? Ты не оставишь, я знаю. Так что зря болтать? Лучше промолчу.

– Промолчи. Пойдем-ка поищем, где у них подземный ход. Может, все-таки что-то и получится?

Они спустились с верхней площадки башни. Беата крепко держалась за руку Андрея, ей было трудно идти в темноте и немного жутко – казалось, что в темноте прячутся враги или просто крысы, норовящие тяпнуть за палец. Она сообщила о своих страхах Андрею, он расхохотался, и Беата, не удержавшись, тоже рассмеялась – так они и пошли дальше, смеясь и держась друг за друга.

Андрей разжег очаг, фонарь, оставил Беату в кухне, сам же пошел за водой, взяв деревянную кадку, к которой был привязан большой моток

веревки. Осторожно спустил кадку в колодец, следя, чтобы веревка не вырвалась из рук, потом поднял, попробовал ледяную воду – та была вкусной, свежей, как из артезианской скважины. Отнес воду Беате, чтобы она приготовила поест, и отправился обследовать нижние помещения башни.

Через час Беата позвала его ужинать, она наварила большой котел густой похлебки с копченым мясом, сушеными кореньями и крупой. Было очень вкусно, и с полчаса Андрей наслаждался едой – сил потрачено много, нужно восстанавливать форму. Хорошо быть оборотнем, но вот эта постоянная забота о пропитании выводила его из себя: не поголодаешь, как обычный человек, вопрос жизни и смерти. Если человек может прожить без еды два месяца, то оборотень – дней десять, не больше.

После ужина снова занялся поиском тайного лаза. Проверял все – кухню, кладовые, пол, стены, даже под очагом смотрел... Нет, нигде нет. Или какой-то тайный рычаг, или... колодец. Только колодец – больше нигде.

– Ищем веревки! – скомандовал Андрей. – Возьми фонарь. Впрочем, я сам. Сиди тут.

– Да я не боюсь уже, – дрогнувшим голосом возмутилась Беата, – я просто крыс немного боюсь, а так – больше ничего!

– Сиди тут, – кивнул Андрей и начал шариться по кладовым. Результатом его поисков стала бухта пеньковой веревки. Выдержит на весу не одного человека, да и спускаться по ней легче – толстая. Закрепив за массивный железный крюк, торчащий из стены, Андрей сбросил веревку в темное жерло колодца, прислушался, как она шелестит, падая, дождался всплеска и, поплевав на руки, решительно перекинул ногу через сруб колодца. Подергал веревку, еще раз убедившись в прочности, и стал спускаться, зажав веревку ногами, как его когда-то учили. Через минуту он висел перед темным круглым отверстием в стене, из которого тянуло сквозняком – это и был потайной ход. Андрея не удивило, что тот находится в колодце – а почему бы и нет? Сверху в ход можно попасть по спущенной веревке или веревочной лестнице, по ней же забраться в башню, а вот из хода без позволения хозяев в башню попасть нельзя – стены колодца гладкие, зацепиться не за что, а глубина не позволяет забросить на край колодца «кошку».

Пока полз наверх, решил, что надо прорываться. Ну не жить же тут вечно! И не сдаваться же главе, став донором для кормления оборотней! Нет уж, кормом для «вампиров» Андрей быть не хотел.

– Нашел?! – Беата встретила его с фонарем в руках. – Ты нашел

подземный ход?

– Нашел. – Андрей взял чистую тарелку, наполнил доверху варевом из котла и уселся за стол, активно работая ложкой. Организм оборотня успел переработать часть съеденного за ужином, и Андрей решил пополнить освободившееся пространство желудка. Иногда ему казалось, что он сплошной желудок.

– И что будем делать? Ты говоришь, нас там ждут?

– Ждут. И придется сражаться. И боюсь я не за себя, а за тебя. Мне придется убить всех, кто окажется на нашем пути.

– А куда лежит наш путь?

– В порт. Туда, где стоят большие корабли, на которых можно пересечь море. Мы захватим корабль.

– Вдвоем?! Андрей, там полно народу! Как ты сможешь захватить целый корабль?! От меня там все равно мало проку, это безумие!

– Другого пути нет. Я должен заставить капитана следовать туда, куда я хочу. Буду убивать по одному, если понадобится, но заставлю их выйти в море.

– А другие корабли? Догонят!

– Пока поймут, в чем дело, пока соберут погоню, мы уже будем далеко.

– А команда?! Они же будут на нас охотиться! Пытаться убить!

– Я знаю. Мне придется месяц спать урывками, закрывшись в каюте. Ходить по палубе оглядываясь. А ты вообще не сможешь выйти из каюты до самого материка. Но другого выхода у нас нет. Только захват корабля. Я знаю, где стоят эти корабли, был в порту. Сейчас мне нужно поесть как следует, накопить сил, а позже, ближе к утру, пойдем на прорыв. Будет темно – я вижу в темноте, они нет. У меня преимущество.

– А два перевертыша? Они ведь тоже видят в темноте. И они такие большие...

– Большие не значит быстрые, скорее наоборот. У нас есть шанс.

– Надеюсь, есть...

Беата поставила локти на стол, подперла руками голову и стала смотреть, как Андрей набивает желудок. Потом грустно вздохнула, встала и пошла к очагу – за добавкой.

– Осторожнее... качнись... вот так! Отпускай руки!

– А обратно мы заберемся, если что? Вдруг ход обвалился, перекрыт? – Голос Беаты слегка дрожал. Спуститься на такую глубину с непривычки было довольно страшно. Андрей научил Беату, как спускаться по канату, но... все равно страшно.

– Назад дороги нет. Только вперед! – бодро сказал Андрей и добавил: – Не переживай. Заберемся. Было бы кому забираться...

– Очень обнадеживающе! – фыркнула девушка.

Андрей тоже усмехнулся и приказал:

– Идешь следом за мной, на расстоянии десяти шагов – не ближе! Слышишь? Не приближайся! Придется биться, и я боюсь, что случайная стрела может попасть в тебя. Не подходи ко мне, пока не позову!

– Хорошо, как скажешь, – поежилась Беата.

Из хода ощутимо тянуло холодным подземным воздухом, проникающим под одежду ледяными щупальцами.

– Замерзла? Ничего, скоро станет жарко, – вздохнул Андрей и скомандовал: – Пошли! Вперед! Мосты сожжены!

– Какие мосты? – не поняла девушка.

Андрей не ответил, погрузившись в свои мысли. Он шел в обычном режиме, не переходя в боевой – нужно экономить силы, да и толку-то, если он будет двигаться быстро, все равно Беата за ним не успеет. А как она верно сказала – Андрей ее не бросит.

Невысокий вначале, ход расширился, и в нем можно было уже стоять, а не передвигаться полусогнувшись. Стены, облицованные красным кирпичом, украшенным вязью из серого мха, расширились, теперь здесь можно было идти по трое в ряд, а не протискиваться.

На стенах крепления для факелов и фонарей – ржавые, покрытые коричневой коркой. И немудрено – было довольно сыро, почему – Андрей понял через несколько минут, когда перешагнул толстую решетку, вделанную в пол. Под ней журчал поток воды, от которой шел затхлый, неприятный запах. Видимо, это был один из канализационных каналов.

Идти пришлось довольно долго – минут двадцать, а то и больше. В конце тоннеля находился стальной люк с мощными засовами – без ведома хозяина крепости войти было нельзя. Что за люком – неизвестно. Куда он выходит – тоже непонятно.

– Помнишь, что я говорил? Садись на пол, прижмись к стене... нет, не тут, подальше, еще дальше! Вот так. Без моего сигнала не выходи!

Бледная как полотно, дрожащая Беата уселась на пол, обхватив руками колени, Андрей же вернулся к люку. Ощупал засовы, осторожно, стараясь не скрипеть, отодвинул верхний. Подождал, прислушался – тихо. Но, может, люк слишком толстый и поэтому ничего не слышно? На улице сейчас должна быть глубокая ночь, начало четвертого, не больше. Похоже, что металл экранировал и звуки, и эмоции тех, кто ждал Андрея с той стороны, – в том, что их ждали, он был уверен.

Вынул из ножен меч, левой рукой он отодвинул второй засов, напрягшись изо всех сил – засов как будто прикипел к своему месту. Снова прислушался, достал кинжал и ногой толкнул люк. Люк дрогнул, но остался на месте. Пришлось налечь плечом. Люк начал двигаться, заскрипел – в тишине скрип слышался как барабанный бой полка гренадеров, – медленно-медленно отодвинулся и вдруг отскочил в сторону, легко провернувшись на петлях.

Андрей прижался слева от проема, и не зря – высекая искры из потолка, снизу вверх, примерно на уровне пояса, в дверной проем влетели несколько стрел и болтов. Они взвизгнули по кирпичу, выбив красную пыль, и, прежде чем коснулись пола, Андрей уже выскочил наружу, готовый к бою.

Первое, что бросилось в глаза, – лес копий, нацеленных на него стальными жалами. Не менее тридцати копейщиков, стоящих полукругом. Копья на метр от наконечника сделаны из металла, так что обрубить их нереально. Наконечники мечевидные, длинные, полуметровые – хоть руби, хоть коли.

Подземный ход вывел в большую пещеру, вероятно за город. Скорее всего, для подземного хода была использована естественная пещера, промытая в известняках. Это и объясняет то, что вначале подземный ход был таким узким и только потом расширился в несколько раз. Тут Андрея и ждали.

Мозг Андрея, как и всегда в бою, работал ясно, четко, как хороший компьютер. Бросок вперед – подкатился под копья, торчащие на уровне живота.

Чак! Чак! Чак! С противным хрустом меч разрубил кости ног, и бойцы, лишившиеся опоры, начали медленно-медленно заваливаться вбок, падая на землю.

Андрей оттолкнул людей, которые еще не ощутили, что искалечены навсегда, прорвался к ним за спину и начал кромсать, резать, колоть – всех, кто попался под руку.

Позади копейщиков стояли мечники – они пытались достать верткого как ртуть Андрея, но постоянно били мимо. И немудрено: для него их движения выглядели так, будто они били понарошку, замедляя движения – вот сееейчааас яааа удаааарюуу... А вот для них все выглядело по-другому – вихрь! Вихрь смерти! Каждый, кто попал под его удар, тут же падал – искалеченный, мертвый, изрубленный на части.

Удар – труп.

Удар – отсеченная рука.

Удар – разрубленная до сердца ключица.

Удар – мозги из разрубленного черепа забрызгали солдат, ошеломленных таким безжалостным, диким, неудержимым напором.

Андрей вкладывал в эту мясорубку все силы, все умение, какое у него было, все то, чему он научился за годы войны – в своем мире и здесь. Не было сожаления, не было мыслей о том, что ему жаль тех, кого калечит и убивает. Выжить – вот единственный принцип, ради которого человек превращается в зверя. И не важно, кем он был в мирной жизни, – или ты превратишься в зверя и всех порвешь, или сдохнешь, разорванный другими зверями. Иного не дано.

Брызгала кровь, хрустели кости, хлюпало под ногами – и это была не водица...

Сколько времени продолжался бой, Андрей не знал. Остановился только тогда, когда перед ним не осталось никого, кроме двух высоченных фигур с обнаженными мечами в руках. Они стояли неподвижно, остановился и Андрей, тяжело дыша от запредельных нагрузок.

– Хозяин так и сказал, что ты выйдешь здесь и пойдешь на прорыв, – усмехнулся один из оборотней, – и что покروшишь всех, кто тут будет. На то и был расчет, братец. Пока ты их тут рубил, послали за нами, и вот мы здесь. Долго же мы ждали, а ты все не шел и не шел. Ну что же, биться будем, брат по крови, или ты все-таки сдашься и будешь работать на хозяина? Честно сказать, нам бы не хотелось тебя убивать, но по-другому не будет, если не сдашься.

– Ты пойми, дуралей, – вмешался другой оборотень, – служить хозяину выгодно! Ну что тебе, жалко немножко крови? Не всю же он у тебя возьмет! Дашь крови – и живи себе со своей женой! Рожай детей!

– А смерть бойцов вас не волнует? – устало ответил Андрей, решив немного потянуть время, чтобы собраться с силами для последнего, решительного боя.

– Время тянешь? – усмехнулся Ангус. – Ну что же, передохни немного. Ты хорошо поработал. Пусть хозяин видит, что может сделать один-единственный перевертыш. Сотни с лишним как не бывало. Умелый боец. Но не такой умелый, как мы. Быстрый, да, но нас двое...

Договорить он не успел. Андрей перекинулся в мгновение ока и стал Зверем – самой быстрой, самой сильной в этом мире машиной убийства, если не считать драконов, конечно.

Когти, стальными полукружьями высовывающиеся из лап, полоснули по спине медведя, в которого уже превратился Ангус, и распорили мясо до кости. Брызнула кровь, полетели клочья коричневой шерсти.

Меньший зверь был очень, очень быстр – огромные медведи били лапами, пытаясь его поймать, но он ловко сновал между ними, наносил болезненные рваные раны и ускользал от костедробительных ударов.

Они ревели – ревели страшно, жутко, в пустоте пещеры рев бил по ушам, отдавался эхом, и Беата, съезжившаяся у стены в подземном ходе, закрыла уши и тихо плакала, дрожа от страха, переживая за своего любимого.

А ее мужчина выкладывался на полную мощь. Теперь все зависело от силы мышц, от быстроты движений и от выносливости.

У него было преимущество перед оборотнями-медведями: Андрей довольно часто воевал в облике Зверя, имел большой опыт, а еще он был великолепным рукопашным бойцом, и эти знания, эти умения никуда не делись.

Андрей старался выбить противникам глаза, и тогда оборотни будут беззащитны. Медведи разгадали его тактику и не давали нанести удар в морду, старались подмять, зажать Зверя в угол, воспользоваться своей огромной силой и массой.

Наконец они торжествующе взревели, прижав его к стене в углу пещеры, образованном огромным сталактитом, оба бросились в атаку, но... Андрей сделал прыжок в высоту, взлетев на загривки врагов, и в долю секунды располосовал их морды, выдрав глаза своими стальными когтями. Ранения были так глубоки, что вместе с глазами выкрошилась часть глазниц, поддетых будто огромными кусачками.

Приземлившись позади искалеченных оборотней, Андрей бросился к своему мечу, перекинулся в человека, попутно устранив свои раны, и прыгнул назад, к воющим как сирена великанам. Те тоже трансформировались, но их ранения были настолько серьезны, что Ангус и Мангус не смогли сразу сориентироваться в пространстве, оценить обстановку, – этим и воспользовался Андрей.

Раз! Два! Обезглавленные могучие оборотни секунду стояли, будто не веря, что умерли, потом рухнули на землю, корчась в последних судорогах, испуская фонтаны крови из перерубленных шейных сосудов и подергивая ступнями, с тихим шорохом скребущих камень пещеры.

Андрей опустился на пол рядом с убитыми, опустошенный как никогда. Давно он не был настолько близок к гибели – с тех пор как на него бежал дракон размером с десятиэтажный дом. Руки ходили ходуном, Монаха трясло будто в лихорадке, он едва мог удерживать меч.

Посидев с минуту, Андрей заставил себя встать и осмотреться. Пещера выходила на берег моря, из нее вытекал ручеек, который, видимо, и

проложил систему подземелий. Справа виднелся забор, ограждавший причалы, у которых стояли корабли – большие, способные пересечь океан. Именно они и нужны Андрею. Слева этот участок пляжа тоже ограждал забор – видимо, для того, чтобы лишние люди тут не ходили и в пещеру не мог войти чужой.

Подойдя к ручейку, Андрей улегся в него и стал смывать с себя кровь, грязь, кусочки плоти, прилипшие к коже. Вымывшись, сделал несколько глотков ледяной воды, закашлялся и долго не мог успокоить дыхание, ругая себя – это азы разведки, нельзя пить ледяную воду и не вызвать приступа кашля. А в разведке, когда даже треск веточки может быть роковым для разведчика, кашель равносителен смерти.

Вымыл оружие, осмотрел мертвых и стонущих бойцов, телами которых, как ковром, был покрыт весь пол пещеры, выбрал покойника в относительно чистой одежде, подходящей по размеру, раздел его и оделся, наплевав на брезгливость – на войне не до брезгливости. Нашел среди остатков своей одежды, разорванной в клочья при трансформации, пояс, в котором хранились драгоценности и деньги – основную сумму он оставил в гостинице, но теперь туда возвращаться нельзя. Опасно. Пошарив среди трупов, Андрей обнаружил целехонький пояс-кошель, надел на себя, переложил туда алмазы. Потом вошел в подземный ход.

Беата так и сидела, зажав уши, и, когда Андрей дотронулся до нее, вздрогнула и закричала, схватившись за нож, висевший на поясе. Андрей перехватил ее руку:

– Тише, тише, милая, все кончилось, успокойся!

– Ты живой! – Беата вскочила, бросилась ему на шею и прижалась всем телом.

Андрей чувствовал, как она дрожит, гладил по спине и шептал на ухо что-то успокаивающее. Дождался, когда улеглась исходящая от нее волна паники и ужаса, отстранил Беату и, улыбнувшись, сказал:

– Ну все! Чего ты распереживалась? Все закончилось! Все хорошо! Теперь пробраться на корабль и...

– Я думала, тебя убьют. Их было так много, так много!

– Ну... не так-то просто меня убить. Я скользкий и вредный, – хохотнул Андрей. – Все, Беа, бери себя в руки, – нам пора. Утро скоро. Нам еще нужно захватить корабль, а это нелегко... Пойдем, пойдем, поторапливайся.

Глава 14

С моря тянуло холодом, пахло йодом, водорослями, гниющей рыбой и чем-то неуловимым, пряным, как будто ветер, совершивший кругосветное путешествие, принес сюда запах юга, ароматы неведомых берегов. Волны бились о каменный причал, о дубовый корпус корабля, бессильно падая вниз, чтобы отыгаться в открытом море, когда деревянное судно не будет укрываться за каменной броней берега.

– Вот этот.

– Почему этот?

– Не знаю. Чувствую. Загружен больше. Значит, припасы на борту, не забываяй – нам месяц плыть.

– Большой какой! И пузатый...

– Устойчивый. И борта высокие. В море огромные волны... Все, пошли!

– Стой, кто идет?! Не подходи, застрелю! Подойдешь ближе чем на десять шагов – стреляю! – Стражник на борту нацелил в грудь Андрею арбалет, и Монах остановился.

– Мне нужен капитан! Послание от главы клана!

– Какое послание?! Ты с сосны свалился?! В такое время – послание?

– В такое время! Иди получи! И поднимай капитана!

Стражник нерешительно опустил арбалет, немного подумал, снял с него стрелу, разрядил, поставил к борту. Положил руку на меч, висящий на поясе, снова подумал, достал его из ножен и, держа на отлете, ступил на трап.

– Иди сюда. Давай послание.

– Конечно, конечно! – заторопился Андрей, подошел к вахтенному и коротко ударил его в подбородок.

Стражник тихо опустился на доски трапа, обмякнув, как пустой мешок.

– За мной! Держись на пару шагов позади! – приказал Андрей Беате.

Вдоль палубы горели масляные фонари, такие же, как у трапа, – наверное, чтобы было видно, если кто-то попытается залезть на корабль с причала. Впрочем, в фонарях почти не было необходимости – скоро рассвет, до него осталось час, не больше.

По палубе прошли к носовым пристройкам – там каюты капитана и его помощников, а также командиров десантной группы, которая

обязательно должна быть на корабле. Вот что делать с ними? Всех убивать?

Во-первых, Андрею было тошно от бесконечных убийств, во-вторых, его силы не безграничны. Монаха уже трясло от усталости, от перенапряжения, и сейчас ему не драться, а денек отъедаться – вот что было бы правильно. Но если бы можно было все предугадать, предсказать, спланировать!

Двери. Какая из них ведет в каюту капитана? Можно только догадываться... вероятно, та, что побогаче, помассивнее... вот эта, с вензелем. Толкнул дверь – само собой, заперто!

Постучал. Ответа нет. Стукнул громче. Раз, два. Ага, пошла волна раздражения, гнева.

– Кто?

– Срочное донесение от главы клана! – Андрей постарался симитировать голос и интонации вахтенного.

– Чтобы его!.. – Дальше неразборчиво. – Чтоб ему!.. – Опять неразборчиво.

Дверь открылась, за ней стоял крепкий мужчина лет сорока. В правой руке короткая, широкая сабля, в левой фонарь. Увидев Андрея, успел встать в боевую стойку, но... сабля вылетела из руки, будто держал ее не взрослый человек, сильный, умелый боец, а ребенок, с трудом удерживающий тяжелый клинок.

– Беата, сюда! Заходи! – Волоча капитана как куклу, Андрей шагнул в каюту. Тот все еще держал фонарь в руке – не выпустил даже тогда, когда Андрей ухватил его за горло и придушил. Разлитое по палубе масло вкупе с горящим фитилем – дурной сон каждого моряка. Впрочем, возможно просто находился в шоке и не понимал, что делает. Вряд ли у моряков фонари так легко разливают масло по палубе – вдруг шторм? Должно быть такое устройство фонарей, чтобы можно было избежать опасности устроить пожар...

Что только не приходит в голову человеку, даже если он должен думать совсем о другом. Может, таким образом мозг защищается от перегрузки? Снижает градус напряженности? Андрей этого не знал.

Просторная каюта – тут могли разместиться человек двадцать, не меньше. Можно собрать всех командиров. Можно спать – на большой кровати у стены, застеленной хорошим бельем. За длинным столом полированного дерева можно обедать или читать карты. Вдоль стола две широкие скамьи, украшенные резьбой и намертво приделанные к полу, как и стол, – корабль есть корабль. В торце стоит кресло с высокой спинкой, напоминающее трон, – само собой, капитанское, сразу определил Андрей.

Усадил капитана (если это капитан!) в кресло, сел рядом, наблюдая, как тот натужно дышит, держась за горло.

– Беа, закрой дверь на засов, – негромко попросил он, не оборачиваясь.

Стукнул засов, заскрипела скамья – девушка устроилась с противоположной стороны стола.

– Кто вы? – наконец откашлявшись, спросил капитан. – Зачем ворвались сюда? Вы же не уйдете живыми! На борту двести бойцов и пятьдесят членов команды, вы на что надеетесь?

Обожженное солнцем лицо было спокойным, капитан не подавал виду, что боится, или волнуется, или испытывает гнев, но все эти эмоции имели место. Андрей отдавал должное моряку – тот вел себя очень достойно.

– Мое имя Андрей Монах. Я перевертыш.

Глаза капитана широко раскрылись, а лицо побледнело.

– Мне необходимо переплыть море и попасть на южный континент. Я могу вам заплатить. – Андрей полез в пояс и, достав оттуда пригоршню камешков, бросил их на стол. – Это адаманты. За такое количество камней я мог бы купить корабль, и не один. Но купить их не могу, они все принадлежат главе клана, а глава клана совершенно не хочет мне их продавать. Потому-то я и здесь. Я хочу, чтобы ты не мешкая дал команду отойти от причала и отправиться через море. Как только мы достигнем Южного материка, вы меня высадите и пойдете назад. Я гарантирую вам безопасность на Южном материке – там я важное лицо, один из правителей, если по-вашему – глава клана.

– А что будет, если я откажусь плыть туда, куда ты сказал? Если моя команда запрет тебя в каюте, возьмет измором? – хмуро осведомился капитан, глядя на сцепленные в замок руки, которые он положил на стол. – Тогда как?

– Я вначале убью тебя. Потом убью тех, кто попытается нас убить. Оставшихся в живых заставлю вести корабль туда, куда мне надо. Возможно, что они не смогут как следует управлять кораблем и я погибну, но ты этого уже не увидишь.

– А осилишь? Двести пятьдесят человек? – недоверчиво усмехнулся капитан.

– Он сегодня убил сто пятьдесят человек, а еще двух перевертышей, Ангуса и Мангуса! – неожиданно выпалила Беата, сидевшая тихо какмышь. – И вас всех убьет!

– Ангуса и Мангуса?! – еще сильнее побледнел капитан. – М-да... похоже, и вправду осилишь... если она не врет, конечно.

– Как ты смеешь?! – взвилась Беата. – Я никогда не вру! Ну почти...

– Почти, – ухмыльнулся капитан и вздохнул, глядя на алмазы. – Да, интересно, конечно... но если нас догонят...

– Если догонят – пожалеют, – сумрачно сказал Андрей. – В любом случае ты всегда можешь сказать, что я тебя заставил, а это правда. И оставить камни себе. Когда меня убьют. Да, вот еще что... сразу хочу предупредить: я чувствую, когда мне врут, а еще – каждый, кто попробует покуситься на меня или на мою жену, будет убит. Кто бы он ни был. Разорву, как лепешку!

– Припасов не хватит... Сколько времени плыть до Южного материка? Ты в курсе?

– А ты?

– Судя по тому, что мне известно, не менее месяца. У нас на борту двести пятьдесят человек. С одной стороны, хорошо – пираты не страшны. А с другой – всех их надо кормить, поить. Куда их девать?

– Спасательные шлюпки же есть – выйдем в море, высадишь их в шлюпки, и вперед, на берег. Мне тут солдаты не нужны. Останутся только члены команды.

– Ладно. Допустим, я согласился, мне нужно сейчас выйти из каюты и отдать команду на отход. Как быть?

– Выходи. Я с тобой. Скажешь, что я посланец главы с особыми полномочиями. И что куда мы идем – тайна. Я буду рядом. Если что – ты не успеешь ничего сделать.

– Ты что же, теперь все время со мной ходить будешь? – криво усмехнулся капитан. – Даже в сортир?

– Рядом постою, не беспокойся, – невозмутимо кивнул Андрей. – Все, хватит разговоров! Поторапливайся! Отходим!

– Сейчас, только оденусь... Оружие могу взять? Я без оружия никуда не выхожу, будет странно, если я буду без меча.

– Бери. Но повторяю: не надейся, если что...

– Не надеюсь, – серьезно кивнул капитан.

– Беата, останься здесь, – приказал Андрей, – закрой каюту, откроешь только на мой голос. Все будет нормально, успокойся...

– Я знаю! – Голос девушки дрогнул, но Андрей заставил себя не оглядываться. Не до сантиментов сейчас.

Светало. Серый рассеянный свет заливал палубу, горизонт окрасился багрянцем. С берега дул ровный, несильный ветер, и Андрей с удовольствием отметил, что местные боги, если они есть, пока за него.

Капитан шел быстро, Андрей за ним следом, и через несколько минут перед ними стояли заспанные помощник капитана и еще один помощник,

на земной манер, как Андрей понял, его можно было бы назвать боцманом. Боцман после команды капитана схватил висевший на груди рог, окованный потемневшим от времени и соленых брызг серебром, заревел в него, выписывая некую последовательность сигналов, и скоро по всему судну топотали ноги – заспанные, наспех одетые матросы забирались на мачты, тянули канаты, куда-то бежали... Все бурлило, жизнь кипела, и не верилось, что менее получаса назад корабль был погружен в мертвый сон.

Вздернутые сильными руками канаты влетели на корабль, отцепившись от причальных тумб, и здоровенная двухмачтовая посудина, поскрипывая, поплескивая причальной волной, медленно развернулась по ветру. Утренний бриз наполнил паруса, толкнул их прохладной ладонью, и «Морской зверь» начал путешествие к берегам Балрона.

– Согласно закону, я главный на корабле. Потому приказываю: всем бойцам команды захвата погрузиться в спасательные шлюпки и отправиться к берегу.

Капитан был мрачен, его серые глаза смотрели жестко и пристально на командира бойцов. Тот недоумевающе вытаращил глаза, оглянулся на подчиненных и, не поверив своим ушам, переспросил:

– Что, что ты сказал, капитан? Повтори!

– Приказываю команде захвата погрузиться в спасательные шлюпки и отправиться к берегу! – бесстрастно повторил капитан. – Имеется распоряжение посланника главы клана.

– Это что за посланник?! Кто таков? – Командир уперся взглядом в Андрея, стоящего чуть позади капитана, внимательно осмотрел его с ног до головы и холодно спросил: – У него есть танг, подтверждающий его полномочия? А у тебя, капитан?

– Нет, танга у него нет, – пожал плечами мореход. – У меня тоже. Повторяю: вам следует погрузиться в шлюпки и следовать к берегу, пока мы от него недалеко.

– Капитан, ты решил захватить корабль? Податься в пираты? – Командир положил ладонь на рукоять широкого, короткого меча, которым удобно сражаться на палубе, и чуть подался вперед. – Я не буду подчиняться никаким приказам этого «посланника» и твоим тоже. Поворачивай судно в порт, там мы предстанем перед судом главы. Если я не прав – отвечу. Если ты отступник – понесешь наказание. Пиратский захват судна не пройдет. У меня четкие указания, как действовать в случае, если кто-то попытается захватить корабль, даже если это будет его команда. Нас четверо больше вас, и мы подготовлены к бою, в отличие от матросов.

Беру командование над кораблем в свои руки! Сдай оружие! Команда, приготовиться к бою!

– Командир, ты совершаешь ошибку. – Андрей вышел вперед и встал перед командиром. – Если ты не исполнишь распоряжение, многие умрут. И в первую очередь ты. Сядьте в шлюпки, плывите к берегу – вы всегда сможете попытаться нас догнать, не рискуя своей жизнью. Я ценю твою верность присяге, но не стоит умирать просто так! Одумайся, выполни приказ капитана!

– Взять бунтовщика! – коротко велел командир, выдергивая из ножен меч.

Воспользоваться им он не успел – меч Андрея, коротко свистнув, снес ему голову, как если бы ее отсекли бритвой.

Не вкладывая меч в ножны, Андрей указал на тело командира, по которому прокатывались волны последних судорог, и негромко спросил:

– Кто еще хочет последовать примеру командира? Кто не желает выполнять команду капитана?

Минуту длилось молчание, прерываемое свистом ветра в корабельных снастях и плеском волн, разбивающихся о нос корабля, потом кто-то из задних рядов строя громко крикнул:

– Парни, чего мы на него смотрим?! Он один! Бей его! Задавим гадину! Он командира убил!

Капитан с помощниками бросились в сторону от места схватки, а вся толпа плотной массой навалилась на Андрея, тут же перешедшего в боевой режим. И случилось то, чего следовало ожидать и чего не ожидал Андрей, – на тесном пространстве палубы ни сила Андрея, ни его скорость не имели почти никакого значения. Толпа, уплотнившись до каменного состояния, напирала, и сколько бы он не рубил, колол, убивал нападавших, это не имело никакого значения. Трупы не могли даже упасть, прижатые к нему остальными бойцами. Он не мог достать до живых через толстый слой мертвых.

Сколько Андрей убил и покалечил, он не знал. Его прижали к двери капитанской каюты, и все, что Андрей успел сделать, – последним могучим усилием отбросил нападавших назад, заскочил в каюту и запер дверь на засовы.

Дверь, окованная железом, была надежной, и выбить ее можно было только тараном. Узкие окна должны были служить бойницами для лучника, если бы у Андрея тут был лук.

А лук был, Андрей обнаружил его, как следует осмотрев каюту. В дальнем углу ее, в нише, закрытой занавеской, обнаружился целый арсенал

– луки, арбалеты, мечи и доспехи, в основном кольчуги разной степени усиленности, от простых, надеваемых под одежду, до тяжелых, с пластинами на груди.

– Нас что, заперли? – спросила Беата, на удивление спокойно воспринимающая последние события. – Андрей, мы погибнем?

– Если корабль повернет к берегу, погибнем! – коротко ответил он, соображая, что делать.

В дверь уже чем-то колотили, видимо топорами, и при такой энергии осаждающих дверь долго не продержится, даже если она окована металлом. В конце концов, можно ведь и стену прорубить – все надстройки сделаны из дерева.

Будто подслушав его мысли, осаждающие начали долбить в стену каюты рядом с дверью. Нужно было срочно что-то придумать, но кроме того, чтобы выйти и принять бой, Андрею в голову ничего не приходило.

Тем временем корабль стал разворачиваться – это было ясно по солнцу, да и качать стало больше, когда судно подставило левый борт под ветер.

Андрей выглянул в окошко-бойницу и вдруг понял, для чего в каюте луки и арбалеты – палуба великолепно простреливалась во всех направлениях, за исключением капитанского мостика, который находился прямо над каютой капитана. Вот почему каюту превратили в «огневую точку»! Из своей каюты капитан мог контролировать корабль и не дать команде управлять парусами.

Андрей осторожно выглянул в бойницу и... едва не лишился глаза и жизни – влетевшая стрела с граненым наконечником вонзилась в стол, дрожа, будто от ярости. Монах стиснул зубы, взял один из арбалетов и снова посмотрел в окошко, вскинул арбалет... боец на палубе упал, будто его кто-то пнул в спину. Стальной болт пробил его почти навывлет, показавшись из груди.

В бойницу посыпались стрелы, но это ничего не дало осаждавшим – в каюте было темно, не видно, подошел кто-то или нет – если не приближать лицо близко к бойнице, – Андрею же было видно все, что происходит на палубе до самого носа корабля. Болтов было много, а стрельба из арбалета очень похожа на стрельбу из винтовки, вот тут Андрей и развернулся. Через двадцать минут на палубе лежало с десятков бойцов и членов команды, паруса беспомощно болтались, и корабль медленно дрейфовал по ветру. Никто не мог подойти к снастям без того, чтобы не получить арбалетный болт.

Патовая ситуация. Если не считать того, что «кроты» упорно прогрызали стену каюты.

Андрей прислушался к стуку топоров, поморщился, подошел к тому месту, где бойцы рубили стену, прижался к стене рядом с бойницей и... вдруг обнаружил, что видит вход и «лесорубов» – не полностью, но части тел видны как на ладони. Именно так и должно было быть – такую ситуацию должны были предусмотреть. Стрелять из арбалета наискосок было неудобно, но возможно, и тут же один из рубщиков упал с болтом в зад, завывая и громко постанывая от боли. Рубщики тут же прыснули от стены, как тараканы, – стук прекратился.

Довольно ухмыльнувшись, Андрей подошел к столу, схватил кусок лепешки, положил на него мясо и стал яростно жевать, заглушая невероятный голод и гоня прочь мысль о том, что месяц без еды он не выдержит. Если его запрут в каюте и не дадут выйти – умрет с голоду. Впрочем, раньше умрет от жажды. Несколько часов назад по его просьбе капитан приказал принести в каюту обед, и пообильнее, но как следует поесть не удалось. Тем более не удалось восстановить силы после перегрузки. Андрей держался усилием воли, упрямством – никто не сможет его убить! Никто не сможет победить! А еще – теперь на его попечении Беата, по своей воле попавшая в гущу опаснейших событий.

Посмотрев на Беату, сидящую напротив за столом, Андрей усмехнулся – девушка была спокойна, немного бледна, и только. От нее исходила волна решимости, холодного, сдерживаемого гнева и... любви. Любви к нему, Андрею.

– Жалеешь, что отправилась за мной? Видишь, как все обернулось...

– Не жалею. И не пожалею никогда. Если тебе суждено умереть – умрем оба. Я им не дам, покончу с собой. Я и кинжал взяла – если что, воткну в сердце. Жалко только, что споры Леса не смогут попасть в землю – в море мой труп выкинут.

– Не выкинут, – усмехнулся Андрей. – Не будет трупа. Мы им не дадимся. Ты стрелять из арбалета умеешь?

– Умею. Папка учил. Из лука тоже умею. Ты мне только задание дай, я все сделаю.

– Хорошо. Все просто – стоишь сбоку от бойницы и стреляешь по всему, что шевелится.

– Андрей, но так не может продолжаться долго, понимаешь? Ну, перестреляем мы их, а дальше что? Кто будет управлять кораблем? Сколько мы будем тут сидеть?

Вопрос, конечно, был очень, очень актуальным. И действительно, ну хорошо, перебил он из арбалета кучу людей, и что? Корабль никуда не плывет, болтается на месте. И чем дальше, тем положение будет хуже.

Время работает против него. Андрей рассчитывал, что капитан удержит команду под контролем, оказалось – бойцы команды захвата могут выйти из подчинения. Андрей забыл, что здесь немного не так, как на Земле, и в этом мире могут быть другие законы, другие нравы. Ошибка!

– Мне придется выйти. Ты останешься тут – закройся, заряди арбалет... дальше по обстоятельствам. Сейчас поем как следует и пойду наставлять их на путь истинный. Мне нужно немного передохнуть. Их слишком много.

– Ты вернешься? – Голос Беаты дрогнул.

– Вернусь. Ты же знаешь, я всегда возвращаюсь!

Андрей насыщался, как зверь пожирая все, что было на тарелках, – копченое мясо, лепешки, твердый соленый сыр, запил красным вином, разбавленным водой, и закончил есть, когда почувствовал – все, желудок полон. Потом минут десять сидел, закрыв глаза и ощущая блаженное приближение сытости. Только приближение – чтобы на самом деле быть сытым, ему нужно по крайней мере неделю не заниматься физическими упражнениями на пределе возможностей, валяться на спине и вставать, только чтобы поест и чтобы... в общем – отдыхать.

Он с усмешкой подумал, что не зря оборотни во всех легендах и сказаниях предстают ненасытными, вечно голодными тварями – пожалуй, будешь вечно голодным, когда твой обмен веществ даже в нормальном, небоевом состоянии ускорен в несколько раз по сравнению с обычным, человеческим. А уж про боевой и говорить нечего – это все равно как истребитель, постоянно работающий на форсаже. За все нужно платить – за ускоренную регенерацию, за повышенную силу и скорость. Расходом «горючего».

Андрей через силу еще немного поел, попил и с трудом заставил себя встать – идти на палубу, где его ожидали сотни клинков, стрелы и кинжалы, очень не хотелось. Хотелось забиться куда-нибудь в тихое теплое место и заснуть дня на три...

Андрей выбрал в «арсенале» один из мечей, взял в правую руку, а в левую свой старый меч. Подошел к двери и кивнул Беате:

– Сейчас открываешь засовы, распахиваешь дверь – рывком, быстро! Потом захлопываешь и запираешься. Все понятно? Только постарайся сделать это стремительно – как бы стрелу не пустили. И еще: когда будут открывать – стой за дверью, прикрывайся ею, по той же причине. Ну что же, начали!

Беата осторожно освободила засовы, встала сбоку, держа дверную ручку обеими руками, и, когда Андрей кивнул, со всей мочи дернула дверь

на себя. От отчаяния и страха у девушки будто прибавилось сил, и тяжелая дверь распахнулась, как если бы была сделана из фанеры.

Андрей рыбкой нырнул в дверной проем, упал на палубу, перекатился – и вовремя: пара стрел влетела в дверь на уровне живота, и еще несколько вонзились в палубу. Но только тогда, когда он был уже на ногах. Все, что заметили стрелявшие, – смазанную тень, выскочившую из каюты капитана. Дальше все было как обычно – Андрей помчался по палубе, на ходу срубая всех, кто стоял с оружием наготове. Он не разбирал, кто это был, матросы или солдаты. Поднял меч – умри! Здесь главенствовал закон выживания, не до раздумий. Не успеет убить – умрет сам, и умрет Беата.

В отличие от первого боестолкновения, когда его прижали к двери каюты плотной толпой, сейчас бойцы распределились по палубе, часть стояли с луками, готовые к вылазке противника, часть ожидали с клинками в руках – прятались за мачтами, за бочками с непонятным содержимым, за пирамидами камней для камнеметалок и бухтами канатов. Теперь уже они совершили ошибку, не лишив Андрея свободы перемещения. Поодиночке или группами в два-три человека бойцы были ему нестрашны.

Уклон, нырок, удар, укол – и трупы ложатся на палубу, как трава под косой косаря. Вдоль борта, на надстройку – те, кто стрелял в него при выходе из каюты, полегли все. Он не ведал жалости.

Рулевого трогать не стал – оружия у того не было, да и как плыть без рулевого? Офицеров-моряков видно не было, похоже, они предоставили заниматься укрощением перевертыша группе захвата.

Между «настоящими» моряками и «пехотой» всегда была некая напряженность. Морские волки презирали сухопутных крыс, вторые считали первых беспомощными, слабыми бойцами – и так было во всех мирах. Этот мир – не исключение. Возможно, именно поэтому капитан полностью отстранился от участия в решении проблемы. В любом случае на палубе его не было.

Минут через пятнадцать на палубе не осталось ни одного человека с оружием в руках – все были или убиты, или тяжело ранены, при смерти. Андрей старался бить наверняка, но от случайностей никто не застрахован – были и раненые.

Выйдя из боевого режима, осмотрелся – на палубе ему никто не угрожал.

На палубе – да. С досадой и отчаянием Андрей заметил в пределах видимости не менее десятка судов с узкими, хищными корпусами. Они шли по ветру прямо к «Морскому зверю». Кто это был, пираты или

посланцы главы, Андрей не знал и узнавать не собирался. Достаточно того, что эти суда неумолимо приближались, и если от них не уйти... в общем, столько народу он убить не сможет. Просто умрет от перенапряжения, сожжет себя.

– Говорил я ему – отстань, посади своих бойцов в шлюпки и плывите к берегу! Нет, не послушался, – раздался от кают офицеров голос капитана. – Андрей Монах, я запретил моим людям брать в руки оружие, так что среди убитых тобой членов команды нет. Если не считать тех, которых ты застрелил из арбалета... Видишь вон те суда? Это суда главы. Мы от них не уйдем, они более скоростные. Думай, что будешь делать.

– Уйдем, не уйдем – это как судьба решит! – рявкнул Андрей. – Гони команду, поднимайте паруса, разворачивай корабль! Иначе я всех к демонам перебью, мне терять нечего!

Андрей сел на бухту канатов, положил руки с обнаженными, залитыми кровью мечами на колени и расслабился, наблюдая за тем, как бегают матросы, выполняя команду капитана. Через несколько минут корабль развернулся по ветру и медленно набрал ход, разбивая волны крутым носом. На палубе стонали раненые, к которым так никто и не подошел, растекалась кровь, пропитывающая деревянные доски, и перекачивалась голова бойца группы захвата, на которой так и остался надетым блестящий шлем, начищенный до зеркального блеска.

«Хороший, видно, был служака! – подумал Андрей. – Содержал снаряжение в чистоте. И вот уже он труп. Судьба. Интересно, какова вероятность того, чтобы я попал в этот мир, прошел через все, что я прошел, и оказался здесь для того, чтобы убить этого парня. Как в лотерею выиграл. Только в лотерею выигрыш гораздо реальнее. Смертельная лотерея... Ну что же, или он, или я. Я не хотел его убивать. Так вышло».

К вечеру преследователи приблизились настолько, что можно было различить фигуры бойцов, сидящих и лежащих на палубе. Их было много – на каждом судне не меньше ста человек, и судов – девять штук. Капитан, с тревогой наблюдавший за приближением армады, подошел к Андрею и вполголоса сказал:

– Если они нас догонят – нам конец.

– Вам-то почему конец? – угрюмо бросил Андрей, всматриваясь в хищные очертания судов.

– Судя по тому, что я слышал, ты убил лучших бойцов главы, а самое главное – двух воспитанников, перевертышей. Он знает, что в открытом бою тебя или не осилит, или положит слишком много своих людей. Что из

этого следует? Из этого следует – он расстреляет нас в море, не жалея корабля. Из камнеметалок. Я знаю нашего главу, он не жалеет денег, если хочет что-то заиметь. Плевать ему на корабль, новый построит. Плевать на команду. Главное – ты уйдешь под воду, на корм морским чудовищам. И мы с тобой. Видишь вон те камнеметалки? Когда корабли приблизятся на расстояние броска камня, камнеметалки зарядят кувшинами с борским огнем, который сжигает все на свете и горит даже на воде. В общем, сгорим мы. Нас может спасти только шторм, которого не выдержат низкобортные суда – они будут вынуждены уйти под защиту берега, или... чудо. Но небо чисто, а чудо... ты умеешь колдовать, вызывать ураган? Нет? Печально. Тогда нам гореть вместе. Акулы сегодня попируют...

«В душе поют трубы», – так говорил Андрей, когда хотел сказать о радости, о счастье, заполнявшем душу до самого предела. Казалось бы – ну что такого, скоро Шанти увидит своего возлюбленного (кстати, еще не знающего, что он ее возлюбленный, но это поправимо!), и что изменится? Что-нибудь да изменится, это точно.

«Интересно, что ощущают люди, когда занимаются зачатием яйца? Хм... не яйца – ребенка! Надо уже переходить на язык людей. Даже – на мысли людей. Сырое мясо я теперь не ем... почти не ем, только жареное и вареное, хотя иногда очень хочется... дракон во мне бунтует, не хочет, чтобы я его засовывала в дальний угол мозга. М-да... размножение... вот дуры! Ну дуры, дуры, дуры! Эти демоновы девки! За эту неделю... пятеро, ага – пятерых выгнала из спальни! Все норовят нырнуть в постель к императору – хоть как-то да заставить меня сделать им ребенка. Шуру смешно, ага... а мне нет! И эти парни... ф-фу-у-у... хуже девок! Проклятый император развлекался и с теми и с другими! Извращенец проклятый! Тот у него жены не было. Интересно, как это будет с Андреем? Я тогда подсматривала за ним, в гостинице, – ничего не поняла. Пыхтят, стонут. Смешно. Может, надо было потренироваться с кем-нибудь из придворных? А что – появиться в виде женщины, и пусть себе пыхтит! Хм... противно как-то. Попахивает предательством. О! Вот я очеловечилась! Драконы свободно сходятся и расходятся, выбирают себе партнеров – хоть на всю жизнь, хоть на час, и никто не считает это предосудительным! А я уже начала и мыслить мерками людей! М-да... ну да ладно, найду его, потом буду разбираться, что делать, а что не делать. Андрей подскажет, он-то опытный, все-таки двух детей зачал с двумя самками... хм... женщинами. И меня научит. Не о том я сейчас думаю, от радости крыша поехала... Опять Андрея выражение! Я тогда спросила его, что это значит, он долго

смеялся. Он редко смеется, мой любимый, только улыбается. А если уж начнет смеяться, делается такой хороший, добрый, такой славный... мрр... затискала бы до смерти! Нет, не до смерти! Так, слегка бы помяла! Эгей, я к тебе лечу! Где ты, бродяга?! Надо проверить нить, да и подкормиться... акулу сожрать? А что, пора бы и пообедать, заодно отдохну и попробую связаться. Сколько я сегодня отмахала? Ох, много... крылья отваливаются...»

Шанти спикировала вниз и с разгону, подняв тучу брызг, врезалась в поверхность моря. Удар был такой силы, что на короткое мгновение она потеряла ориентацию. Выругав себя за неосторожность, драконица распласталась на волнах и расслабилась, раскинув крылья и глядя в сияющие голубые небеса.

День был тихий, спокойный, почти безветренный, и бриз лениво шевелил зелено-голубые валы волн, баюкая драконицу, как ребенка в колыбели. Через пару минут она даже задремала, наслаждаясь покоем и прохладой.

Проснулась быстро – через полчаса – от голода. А может, и не от голода – она ощутила, что какая-то тварь, полная нетерпения и злобы, приближается из глубины океана.

Шанти довольно рыкнула – акулы? Вас-то мне и не хватало! Драконица перевернулась на живот, сложила крылья, став обтекаемой, как тюлень, и только приготовилась ловить наглую акулью морду, как вдруг из воды вынырнуло громадное, со ствол небольшого дерева, щупальце и поволокло ее вниз, в глубину.

Огромные глаза не мигая смотрели на Шанти, и громадный клюв, похожий на клювы грифов, только размером в десятки раз больше, прицелившись, ухватил ее за шею, рядом с гребнем – было ужасно больно, обидно и страшно. Став взрослой драконицей, во всем мире она никого и ничего не боялась, ну... если не считать старых драконов и людей с огнестрельным оружием. Все остальные существа, морские или сухопутные, были лишь кормом для почти двухтонной драконицы, растущей не по дням, а по часам. И вот нашелся тот, для кого драконица была лакомым блюдом!

Шанти рванулась, полоснула щупальце мощными лапами, выпустив огромные, острые как бритва когти. От щупальца полетели клочья, вода окрасилась кровью, на когтях повисли лохмотья плоти чудовища. Оно дернулось, и в драконицу вцепились еще три щупальца, а движение в глубину ускорилось – огромное тело сокращалось, выбрасывая захваченную воду, и утягивало Шанти все глубже, на самое дно.

Драконы суть водные существа, некогда научившиеся приспосабливаться к любым условиям и для этого трансформироваться в любую форму. Они могут очень долго не дышать – как киты, например, но... и их возможности ограничены. Когда-то всю поверхность этой планеты занимали океаны – так говорил Андрей, а Шанти всегда ему верила, – драконы зародились в глубине океанов, и в борьбе за выживание превратились в то, чем они являлись сейчас.

Сжавшись до размеров небольшого карасика, Шанти превратилась в точную копию акулы и, проскочив между бьющимися щупальцами, рванулась вверх. Теперь, став полностью водным существом, она могла дышать в воде, чем и занялась, наслаждаясь подводным «полетом».

Чудовище, потеряв драконицу из виду, отправилось на дно – залечивать раны и размышлять о превратностях судьбы: что за жизнь пошла, уже нельзя стало съесть тюленя без того, чтобы он не покусал тебе щупальце! Куда катится мир?

Отплыв подальше, Шанти нарвалась на стаю здоровенных акул. Те спешили на запах крови, которую эти поганцы чувствуют на огромном расстоянии. Андрей тоже что-то такое рассказывал по этому поводу, но Шанти тогда слушала его объяснения недостаточно внимательно.

Задумавшись над удивительными способностями акул, Шанти едва не пропустила атаку этих тварей, набросившихся на нее всем скопом – от драконицы все еще несло кровью чудовища, и размер ее был как раз подходящим. Вернее, как не пропустила – пропустила! Здоровенная акула нормально проглотила драконицу-акулу, отправив ее в свой ненасытный желудок. Только когда сокращающийся пищевод сжал бока Шанти, та решила, что пора что-то с этим делать, и превратилась в громадную рыбину.

Получилось, что акула-проглотка, покусившаяся на сладкую драконью плоть, надета на нее, как чулок на женскую ножку. Только вот размер «ножки» был слишком велик, и несчастное создание лопнуло по всем «швам», выбросив облако крови и кишок.

Вот тут началось самое веселье – акулы кишели вокруг в мутном супе из плоти, крови и внутренностей, набрасывались на Шанти, обдирая с нее останки жадной рыбы, Шанти хватала их поперек, рвала, перекусывала, другие акулы набрасывались уже на эту свою товарку, разорванную зубами «суперакулы». Собрались, казалось, акулы со всего океана – их были сотни и сотни, вода кипела от ударов мощных хвостов, загоняющих своих хозяек в самую гущу торжества плоти и смерти.

За те полчаса, что Шанти развлекалась, перекусывая акул, она

уничтожила их несколько десятков и собрала в этом месте несколько тысяч подданных акульего короля. Наелась до отвала – акулье мясо было плотным, довольно сытным, вот только в глубине сознания толкалась мысль: лучше бы на этом мясе был сварен густой, горячий суп со специями. Шанти пристрастилась к южной кухне, в которой специи занимали одно из почетных мест.

Наконец ей надоело терроризировать акулье племя, и она, набрав скорость, понеслась прочь от темного пятна в океане, кишевшего рыбами-убийцами. За ней бросились штук пять особо злобных, голодных и тощих акул, но скоро отстали – куда им соревноваться с отдохнувшей и сытой Шанти, отрастившей себе здоровенный рыбий хвост?

Еще минуты три она мчалась, выскакивая из воды, как дельфин, играющий на волне, потом в один из выходов в воздух трансформировалась в дракона и начала набирать высоту, чувствуя себя свежей и отдохнувшей.

Набрав высоту около трех верст, распахнула крылья и начала скользить, планируя с небольшим снижением – она убрала в подпространство почти весь свой вес, насколько могла, и сейчас весила не больше крупной вороны. Теперь настало время заняться связью, она уже достаточно отлетела от своего континента, здесь могло получиться.

Шанти представила образ Андрея, протянула руку-нить... и он вдруг откликнулся!

– О господи! Ты?! Ты нашла меня?! Шантик, ты чудо!

– Ты где?! – Только и смогла сказать обрадованная и онемевшая на мгновение драконица, от неожиданности едва не потерявшая нить связи. Одно дело – ждать, что ты найдешь то, что долго-предолго искал, а другое – вот так просто – рраз! – и найти. Без всяких многократных попыток и неудач! Впрочем, кто ищет, тот и находит, так говорят люди?

– В море, сестренка! Где – не знаю! Раз ты сумела со мной связаться, ты где-то рядом. Извини, не могу долго держать нить связи, я тут немного занят... я на корабле, большой корабль с названием «Морской зверь». Нас забрасывают зажигательной смесью в надежде поджарить нам задницы. И поторопись – похоже, мне скоро конец. Меня тут крепко зажали... того и гляди поджарят. Поторопись, Шантик! Мы тебя очень ждем!

– Ты, как всегда, вляпался во что-то гадкое, и я должна тебя выручать! – бросила в пространство довольная Шанти и быстрее заработала крыльями, держа курс по нити. Андрей уже отключился, но путеводная нить осталась.

Первые признаки того, что Шанти летит в правильном направлении, появились примерно через час – с высоты трех верст она заметила черный

дым, поднимающийся в небо. Подлетев ближе, драконица увидела здоровенный корабль, с боков и сзади взятый в полукруг несколькими кораблями гораздо меньшего размера, с узким корпусом и, похоже, более скоростными. Сверху это напоминало клещи, которые кузнец вот-вот сомкнет на раскаленной детали. В качестве клещей выступал строй кораблей, забрасывающих здоровяка чем-то таким, что, ударяясь о корпус, разбивалось и вспыхивало коптящим ярким пламенем, отправляющим в небеса тот самый столб черного дыма, который и заметила Шанти.

А еще видно было, как с преследователей сыпались стрелы, густо утыкавшие и борта, и палубу корабля, так что нельзя было ни отстреливаться из камнеметалок, ни поднять голову из-за высокого борта.

Все это Шанти заметила сразу, снизившись до вершины самой высокой мачты. Она зашла со стороны солнца, как всегда делала, охотясь на дичь, и, когда появилась над судами, для всех это стало полной неожиданностью – кроме Андрея, конечно.

Шанти зашла на корабли, идущие справа, выпустила огромную струю синего огня, от которого плавилась даже камни, и паруса трех судов вспыхнули ярким пламенем, раздуваемым свежим ветром. Корабли сразу же потеряли ход и через несколько секунд беспомощно закачались на волнах, будто бесполезные куски дерева. Их команды забежали, туша пожар, закричали, засуетились, показывая пальцами на сверкающую в лучах вечернего солнца драконицу. А Шанти сделала еще заход. И еще. И еще. Пока не осталось ни одного целого, нетронутого судна.

Топить корабли драконица не стала. Зачем? Пусть себе болтаются на волнах. Если у них нет запасных парусов – участь суденышек незавидна. Будут жить до первого шторма. Андрей всегда говорил: если можно не убить – не убивай.

Сделав круг, Шанти спикировала на большой корабль, над палубой раскрыла крылья и, захлопав ими, зависла в воздухе, тут же трансформировавшись в свой человеческий аватар, в ту Шанти-девушку, в образе которой она любила находиться и собиралась прожить всю свою жизнь. Спрыгнула на палубу и бросилась вперед, в объятия к тому, кого искала долгие, долгие месяцы.

Она обхватила Андрея могучими руками и стиснула его так, что, если бы он не был оборотнем, его кости, подвергнутые этакому истязанию, треснули бы, а мышцы были бы раздавлены мощным напором драконьей плоти. Опомнившись, Шанти ослабила хватку, но так и не отпустила своего друга, свою любовь, своего мужчину...

Так они стояли минуты три. Андрей откашлялся, погладил драконицу

по огненно-рыжим волосам и, глядя в зеленые глаза, улыбнулся:

– Ты бы это... изобразила бы какую-нибудь одежонку, а? А то у моряков челюсти отвисли от твоей красоты...

Шанти недоумевающе посмотрела на себя и вдруг расхохоталась – второпях она забыла создать себе одежду и стояла перед Андреем абсолютно обнаженная, как в момент рождения. Мгновенно «накинув» на себя какое-то «платье», вернее – образ платья, Шанти снова обняла Андрея, уже легонько, и, прижавшись щекой к его щеке, тихо спросила:

– Ну как тебе было без меня?

– Плохо, – честно ответил Андрей, и глаза у него почему-то защищало. – Без тебя всегда плохо.

– То-то же, – довольно кивнула Шанти и закрыла глаза, ощущая всем телом того, кого полюбила на всю свою долгую, очень долгую жизнь.

– Ты-ы-и-и?! Я тебя разыскивала долгие месяцы, поставила на уши целую страну, а ты оплодотворял яйцо с какой-то девкой?! Подлец! Негодяй! Гадина ты звериная! У-у-у! Так бы и треснула тебя по башке!

– Не трогай его! А то я сама тебя тресну!

– Ах ты, маленькая гадина! Воспользовалась, что его законной женщины не было рядом, и соблазнила, маленькая сучка! В постель запрыгнула! Да я тебя убью! Да я тебя... я тебя... сожру!

– Сожри! Только его не трогай и не обзывай! Не позволю! Я его люблю!

– А я?! И я его люблю! Может, пополам его порвем? Тебе половина, и мне половина!

– Эй-эй, вы что? Разошлись... перестаньте! Беата меня выходила, буквально спасла – я валялся с разбитой головой, и, если бы не она, не разговаривать бы мне сейчас на этом месте. Я ничего не помнил – кто я, откуда я. Я себя вспомнил всего с месяц назад и тут же отправился к тебе. И Беа беременна от меня... я ее не оставляю.

– Беременна? Это ты можешь, это у тебя хорошо получается, знаю, – ехидно хмыкнула Шанти и внимательно посмотрела на бледную Беату, схватившуюся за кинжал. – Чего ты эту железку дергаешь? Для меня она как зубочистка! Да ладно, перестань, того и гляди обдуешься от страху – не трону я тебя! А его тем более не трону. Люблю я его, и он мой самец, хотя до сих пор не осознает своего счастья. Не осознаешь, изменник?

– Не осознаю, – удрученно кивнул Андрей. – У меня еще не было любовницы-драконицы.

– Будет, – ухмыльнулась Шанти, – не сомневайся. Ну что же, раз так

вышло, будем жить втроем. Надеюсь, у тебя нет еще какой-нибудь милашки, которую ты в беспамятстве завалил в постель?

– Нет, – коротко ответил Андрей и коротко вздохнул. – Ты не изменилась.

– Нет, не изменилась, и не надейся! – хихикнула Шанти и снова перевела взгляд на Беату. – Ну что, сестра-жена, знакомиться будем! Я Шантрагон, дочь Гараскарании. Ты кто?

– Я Беата Гирсе, дочь Урхарда и Аданы. Жена Андрея Монаха.

– И я теперь жена Андрея Монаха, – нахмурилась Шанти. – Ну что, будем драться за самца или пользоваться им сообща? По очереди? Ему не привыкать, негодяю!

– Была бы ты человеком, подралась бы, – грустно вздохнула Беата, – а так, что толку? Ты все равно сильнее. Потому будем обе женами.

– Жаль. Я-то надеялась, ты согласишься подраться, и я на законных основаниях оторву тебе голову. Увы, не вышло. Будем тогда сестрами-женами, так это называется у драконов.

– А меня кто-то спросил?! – рассердился Андрей. – Поделили, жены! А может, я не хочу вас в жены, моего согласия вы спросили, бесстыдницы?!

– Да все равно ты согласишься, ну что зря кричать-то? – снисходительно хмыкнула Шанти. – Правда же, Беата?

– Правда, – улыбнулась девушка. – А ты хорошая. Я думала, ты будешь злая, страшная. Андрей мне про тебя много рассказывал, он тебя любит... и меня любит.

– Вот такие они, самцы... мужчины, – вздохнула Шанти. – Ну что же, пусть все будет так, как есть. Будем считать, что это наше свадебное путешествие, правда? На корабле! Надеюсь, ты мне тоже сделаешь ребенка, Андрей.

– Так быстро?! – Андрей слегка опешил. – А ты уверена, что у нас...

– Получится, я знаю. Я теперь полностью соответствую человеческим самкам. Полностью. Не сомневайся, – усмехнулась Шанти и, посмотрев на Беату, попросила: – Мне нужно с тобой кое о чем поговорить... без него. Ты не против?

– О чем ты с ней будешь говорить? – насторожился Андрей, все еще опасавшийся, что непредсказуемая драконица вдруг передумает и оторвет Беате голову.

– Не бойся, я ее не трону, – заверила Шанти. – Это наши женские дела, вам, самцам, лезть в них не положено. Понял?

– Понял, – пожал плечами Андрей. – Пойду-ка посмотрю, как там команда, успокою их. А вы тут шепчитесь... женщины. Нам плыть месяц,

нужно наладить все как следует... свадебное путешествие – и выдумают же! Хм... забавно.

Андрей вышел из каюты, плотно притворив за собой дверь, и две женщины остались наедине. Испытующе глядя друг на друга, они молчали с минуту, потом Шанти тихо спросила:

– Ты мне поможешь? Я никогда не была с мужчиной... расскажи, как это все происходит, ладно? Что ты чувствуешь, как он... в общем, все, что знаешь про *это*. Я читала, подсматривала, но... этого мало. Ладно?

– Конечно, сестренка, – облегченно вздохнула Беата. – Я тебе все расскажу. Слушай...

– ...Так что, капитан, мы с тобой до самого материка. Не бойся, тебе ничто не грозит. Можешь вообще остаться у нас в Балроне, будешь возить грузы, торговать. Денег теперь тебе хватит. Камни, как обещал, я тебе отдам. Или можешь уйти назад, в клан. Только не советую это делать – могут принять не так, как ты бы хотел. В общем, думай. Курс – на юг!

– Подумаю, – кивнул капитан и, мрачный, ушел в каюту помощника, где ему предстояло обитать не менее месяца. Он шел и думал, чем же прогневил богов, что они послали ему такое испытание. Но через пять минут он уже думал по-другому: а почему бы и нет? Жены у него нет, сын живет своей жизнью, своя семья, он ему не нужен, может, на Южном материке его ждет новая, лучшая жизнь? А вернуться он всегда успеет – например, лет через двадцать, когда глава клана уже уйдет в мир иной. Вот только команда – у них есть семьи, есть жены-дети, с ними как? И решил – пусть сами выберут. Потом. Когда окажутся на другом материке. Корабль есть – всегда можно отпустить их домой... если захотят.

– Вот такие у нас в Славии дела, – закончила рассказ Шанти.

– Ты – император?! – весело рассмеялся Андрей. – Слушай, какая ты молодец! Ты сделала для Славии больше, чем я! И для Балрона тоже! Два совершенно одинаковых народа искусственно разделены границей – глупо же, правда! Теперь все будет хорошо! Ай да Шанти, ай да молодец! Умница! Теперь нужно будет аккуратно все сшить, работы – море! Но интересно, да. А кто будет императором? Чего ты смотришь? Ох, не-ет... я не хочу! Не хочу я, понимаешь!

– А придется! – слегка злорадно кивнула Шанти. – Узнаешь, каков он, императорский хлеб! Думаешь, одни развлечения?

– Да, именно так я и думал, – ухмыльнулся Андрей. – Ладно, вот встретимся с Федором, все решим. Там видно будет.

– Ну что, спать пойдём? Где кто спит? Я сегодня с тобой сплю. Ты должен сделать меня женщиной! Беата сегодня пойдёт в другую каюту.

– Кхм... может, немного погодим? Подождём? – закашлялся Андрей.

– Нечего ждать! Я и так долго ждала! Беа, сестренка, иди в свою каюту, мы тут с нашим мужем поговорим... завтра твоя ночь, не беспокойся. Я всегда держу слово. Как и наш муж.

– Спокойной ночи. – Беата вышла из каюты (капитан выделил ей каюту для гостей, таких, оказывается, было три), и Андрей с Шанти остались вдвоем.

Драконница подошла к Андрею, сидящему на скамье, и, стоя над ним, взяла его голову в ладони. Потом наклонилась и поцеловала в губы – неумело, но крепко.

– Я так долго тебя искала! Так долго! Целую жизнь! Пошли?

– Пошли, – кивнул Андрей, и они, обнявшись, пошли к огромной капитанской кровати, будто нарочно созданной для влюбленных.

Эпилог

Не все было гладко в новой империи. Вернее, в старой империи, возрожденной усилием Андрея и Шанти. Но разве может быть все ровно и гладко у живых людей? Они же люди, а не покойники, мирно лежащие в своих деревянных ящиках. Это время историки потом назвали временем собирания земель. И когда наконец эти земли были собраны воедино, настал период благоденствия, названный Золотым тысячелетием.

Беата родила мальчика, которого назвали Урхардом, Шанти родила только через пять лет, когда уже почти отчаялась родить – видимо, ее организм все-таки не до конца перестроился и стал человеческим. Но все-таки случилось – двойня, мальчик и девочка, Федор и Антана. Они родились обычными младенцами и лишь через несколько лет начали выказывать признаки своего странного происхождения – оба могли принимать любой облик, какой захотят, что очень осложняло жизнь слугам и родителям.

Впрочем, Шанти и Андрей быстро научились отличать своих детей в любой толпе по особой ауре, присущей и драконам, и оборотням одновременно.

Мальчик Беаты тоже стал оборотнем, как и его отец. На десятом году жизни, как дети Антаны и Олры.

Федор Гнатьев прожил еще пятьдесят лет и тихо скончался в своей постели – однажды лег спать и не проснулся. Все говорили: «Хорошая смерть!», что злило Андрея – как смерть может быть хорошей? До последнего дня он поддерживал своего друга, вливал в него силы, однако организм Федора все-таки угас, как свечка, исчерпав запасы жизненных сил. После него остались дети, внуки, правнуки и толпа друзей, которые искренне его любили. На похоронах Федора плакала вся Анкарра.

Марк занял трон Балрона, когда ему исполнилось двадцать лет. Это был очень хороший мальчик, и он вырос в достойного короля.

Трон Славии занял Урхард, сын Беаты и Андрея, по первенству рождения. Впрочем, Федор и Антана были не против и только посмеивались над братом, которого впрягли в ярмо управления королевством. Но не оставляли его без помощи.

Андрей стал императором Славийской империи, а его жены – Шанти и Беата – императрицами. Официальная версия выглядела так: Антагон Третий, император Славии, скоропостижно скончался от желудочной

болезни, успев передать бразды правления Андрею Монаху, жесткой рукой подавившему очаги сопротивления знати.

Беата прожила сто шестьдесят лет, детей у нее больше не было. Тихо ушла, окруженная любовью, в кругу близких и родных, успев увидеть внуков и правнуков. Похоронили императрицу Беату в очень хорошем месте, в лесу, и через год на ее могиле стояло дерево, зародыш будущего Леса.

Андрей и Шанти не реже раза в год посещают ее могилу, ухаживая за молодым деревцем, в котором осталась частичка души их любимой подруги. Деревце пока неразумно, но... все впереди! Вокруг дерева возник поселок Служителей Леса, адептов новой религии, возникшей после образования Славийской империи.

Урхард и Адана родили пятерых детей, сестер и братьев Беаты. Раз в год они приезжали к Беате в гости, а когда пришла весть о ее смерти, вся огромная семья Гирсе стояла возле ее могилы – десятки и сотни людей.

В скором времени после того, как Андрей вернулся домой, были налажены контакты между Северным материком и Славийской империей, к всеобщей выгоде.

Глава клана, некогда пытавшийся сделать из Андрея донора крови, был отравлен своим братом, и страна на некоторое время погрузилась в хаос гражданской войны, неожиданно быстро прекратившейся, возможно, потому, что Андрей прислал на помощь одному из кланов отряд тяжеловооруженных гвардейцев, железной рукой установивших закон и порядок.

Через сто лет Северное королевство вошло в состав Славийской империи. Королем Северного королевства стал Урхард, глава того самого клана, которому и помог Андрей.

Смута на Шинунале закончилась тоже не без участия Андрея и его десантников. Островное королевство стало четвертым вошедшим в Славийскую империю. Королем его стал командир Рыжего корпуса, вышедший в отставку со службы королю Балрона и императору Славийской империи.

Лес, разумный, могучий, но одновременно беспомощный, процветал и был очень доволен сотрудничеством с людьми. Андрей много раз беседовал с ним, когда навещал своего тестя, и потом, когда тестя и тещи уже не было и их место занял первый сын Урхарда и Аданы, а потом – внук.

Урхард и Адана прожили по двести лет, поддерживаемые Лесом, умерли в один день, во сне, держа друг друга за руку, как всегда и хотели.

Никто не смог сказать о них ни одного плохого слова. Правили Гирсе справедливо и разумно, как и полагается королям. Королевство после их смерти на три дня погрузилось в траур, люди плакали на похоронах и молили богов, чтобы следующий правитель был не хуже Урхарда. Так и получилось.

Капитан, доставивший Андрея в Славию, остался в ней жить, стал известным купцом, женился и, вспоминая события, приведшие к такому исходу, благодарил судьбу за встречу с императором Славийской империи. Команда частично осталась с ним, частично отправилась на родину, и судьба вернувшихся неизвестна.

Зоран, молодой парнишка, потерявший глаз во время бунта в Балроне, был ближайшим советником Андрея, женился и умер в возрасте ста лет, оставив многочисленное и не менее шустрое, чем он, потомство.

Хастер Шур до самой смерти возглавлял тайную стражу, а прожил он девяносто четыре года, и лишь на смертном одре признался, что всегда знал, что Шанти подменяла императора. Он служил верно, как служит верный пес, и хорошо помог Андрею и Шанти держать империю в руках. После него остался служить его сын – такой же умный и верный человек. Вся семья Шур посвятила себя служению империи, и их старания были замечены. Они удостоены высших наград империи, и первая из них – орден Святых Антаны и Олры.

Этот орден был учрежден вскоре после того, как Андрей укрепился на троне империи, и представляет собой золотой шестигранник, на котором изображены две молодые, красивые женщины, протягивающие невидимому императору свои сердца, сделанные из маленьких адамантов, сверкающих в лучах солнца. Этим орденом награждаются лучшие люди империи, внесшие огромный вклад в дело развития страны. Награжденных можно пересчитать по пальцам, их имена внесены в Книгу Памяти и заучиваются школьниками, как пример служения Родине.

Все, кто вместе с Андреем боролся против варварского режима, поклонявшегося демону, не были забыты. Они служили империи по мере сил и возможностей и были награждены орденами и медалями, а также поощрены денежными премиями.

Прогресс, которому Андрей дал не просто толчок, а хороший пинок, развивался бурно, взрывообразно, и через пятьдесят лет по улицам городов колесили автомобили, по морям плавали металлические корабли, а в воздухе летали первые самолеты.

Андрей постарался взять от своего мира лучшее, что он мог привнести в этот мир, ставший ему родным. Как это у него вышло – судить потомкам.

В Славийской империи первым указом императора были разрешены все религии, кроме поклонения демонам. В своде законов было определено, что каждый поклоняющийся Сагану или подобным демонам подлежит уголовной ответственности. Как известно, по этой статье закона за поклонение Сагану и демонам предусматривается в том числе и смертная казнь.

По всей империи восстановили храмы Светлому Богу, выбросив из оскверненных церквей иконы с ликами демонов.

Отношения с драконами находятся в равновесии – драконы не вмешиваются в дела людей, люди не трогают драконов, удалившихся за северное море. Там драконы облюбовали одинокий остров и живут так, как хотят.

Драконы – памятливые существа и до сих пор не простили драконью погибель, как они назвали Андрея.

Шанти и ее мать Гараскарания встречаются редко, по крайней мере официально, однако ходят слухи, что иногда люди видят громадного дракона, проплывающего по ночному небу над императорским дворцом. И в покоях императрицы Шанти видели неизвестную женщину, которая не желает общаться ни с кем и не отвечает ни на какие вопросы. Ее видели гуляющей с детьми Шанти во дворцовом парке, и охрана в этот момент никого к ней не подпускала. Кто эта женщина – можно только догадываться.

Империю покрыла сеть школ. Каждый ребенок теперь мог получить образование за счет государства, а если у него открывались способности – к магии либо инженерии, – продолжал обучение в закрытых школах для особо одаренных детей.

Попасть в эти школы считалось невероятной удачей, ведь потом ребенок будет гарантированно обеспечен и, возможно, богат.

Магия перестала быть вне закона, маги служили в армии и на флоте, а самое главное – лечили людей, ведь болезней, которых не могут победить лекарства, более чем достаточно.

На этом можно закончить повествование о судьбе бывшего солдата, бывшего наемного убийцы, человека из другого мира Андрея Монаха, ставшего императором могучей Славийской империи. Но только повествование – ведь жизнь движется дальше, нет ничего вечного и ничего застывшего.

И у Андрея, и Шанти, и у их детей было еще много приключений, но это уже другая история, другая жизнь.